

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
М.В. ЛОМОНОСОВА»**

На правах рукописи

Добычина Анастасия Сергеевна

**СТАНОВЛЕНИЕ ВТОРОГО БОЛГАРСКОГО ЦАРСТВА
(1185–1204):
ВЛАСТЬ И ЕЕ ЛЕГИТИМАЦИЯ**

Специальность 07.00.03 — Всеобщая история
(Средние века)

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук, доцент
Лукин Павел Евгеньевич

Москва — 2016

Оглавление

Введение	2
Глава 1. Проблематика становления Второго Болгарского царства в историографии	18
§ 1. Отечественная историография.....	18
§ 2. Болгарская историография.....	78
§ 3. Европейская и американская историография.....	113
Глава 2. Болгары и болгарские земли под властью Византийской империи (1018–1185)	128
§ 1. «Византийская реконкиста» Василия II Болгаробойцы.....	130
§ 2. После Василия II Болгаробойцы.....	139
§ 3. Время Комнинов.....	144
§ 4. Болгары в империи: проблема «ромеизации».....	153
Глава 3. Тырновское восстание 1185–1186 гг. и его легитимация	162
§ 1. От Тырновского восстания до Ловечского перемирия.....	167
§ 2. Святость великомученика Димитрия Солунского.....	176
§ 3. Историческая память о Первом Болгарском царстве.....	209
§ 4. Элементы народной религиозности.....	216
Глава 4. Второе Болгарское царство между Византией, Венгрией, крестоносцами и папской курией	233
§ 1. Третий крестовый поход.....	233
§ 2. Болгарский триумф 1190 г. и византийские трофеи.....	236
§ 3. Святость преподобного Иоанна Рильского.....	242
§ 4. «Римская легенда».....	249
Заключение	255
Источники и литература	260
Приложения	305

Введение

Образование в конце XII в. т.н. Второго Болгарского царства, равно как и начальный эпизод этого процесса — антивизантийское восстание в Тырново в 1185–1186 гг. под предводительством братьев Феодора-Петра и Асеня-Белгуна (Ивана Асеня I), неоднократно становилось предметом исследования в мировой исторической науке.

Актуальность темы исследования.

Неугасающий интерес к данной теме связан с ее очевидной значимостью для истории не только средневековой Болгарии, но и Византии, и Балканского региона в целом. Как следствие, историографическая трактовка темы обнаруживает зависимость не только от общественно-политической обстановки вокруг того или иного исследователя, но и от состояния соответствующих областей знания на данный момент времени — будь то собственно болгаристика, византиноведение или балканистика. Так, вплоть до 1980-х гг. историческая болгаристика испытывала сильное влияние болгарской национальной идеологии, восходившей к «национальному возрождению» второй половины XVIII — XIX в. Образование Второго Болгарского царства рассматривалось по большей части в контексте восстановления «исторической справедливости»: в категориях «освобождения» Болгарии от «непосильного» гнета Византии и триумфального «восстановления» болгарскими собственными государственности, некогда уничтоженной византийцами. В свою очередь, с 1990-х гг. в болгаристике набирают обороты процессы деидеологизации, она перестает быть «национально-ориентированной» областью знания и приобретает гораздо более академичный характер. Применительно к болгарскому Средневековью это означает стремление к отходу от какой-либо «национальной» или «страноведческой» избирательности в его изучении и введение последнего в надлежащий культурно-цивилизационный и региональный контекст — с опорой как на византиноведение и медиевистику

в целом, так и на балканистику. В целом можно констатировать, что к настоящему времени историческая болгаристика претерпела существенные перемены как в том, что касается объекта и предмета исследования, так и по общей методологии и самому исследовательскому инструментарию. В частности, это выражается в отчетливом смещении исследовательских усилий в сторону комплексного, междисциплинарного подхода к изучению той или иной проблематики в интересах широкого историко-культурного синтеза.

В этих условиях необходимость нового взгляда на события болгарской истории конца XII — начала XIII в. все явственнее ощущается и в отечественной историографии, в которой, помимо известного труда Ф.И. Успенского (1879)¹ и фундаментальной монографии Г.Г. Литаврина (1960)², интересующая нас тема представлена лишь относительно небольшим числом работ в жанре специальных статей³ или обобщающих очерков, адресованных сравнительно широкой аудитории⁴. Настоящая диссертация призвана восполнить этот недостаток исследований по начальному этапу истории Второго Болгарского царства — с учетом новейших тенденций в мировой историографии. Прежде всего, предполагается отойти от подробно изученных военно-политического и социально-экономического аспектов истории Второго Болгарского царства и обратиться к проблематике *легитимации*⁵ его власти в процессе ее утверждения, что и будет

¹ Успенский Ф.И. Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879.

² Литаврин Г.Г. Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960.

³ См, например: Каждан А.П. Освобождение Болгарии из-под византийского ига // Вопросы истории. 1973. № 11. С. 124–134.

⁴ См., например: Литаврин Г.Г. Болгарские земли под византийским владычеством (1018–1186) // Краткая история Болгарии. С древнейших времен до наших дней. М., 1987. С. 101–119; Он же. Стремительный подъем Второго Болгарского царства // Там же. С. 120–136.

⁵ Некоторые авторы отождествляют понятия «легитимация» и «легитимизация», не рассматривая «легитимацию» как отдельную категорию (см., например: Дибиров А.-Н.З. Теория политической легитимности. Курс лекций. М., 2007. С. 160–176). В то же время ряд исследователей разделяют эти понятия, трактуя «легитимацию» как «придание власти законности, наделение власти законностью», а «легитимизацию» — как «усиление законности власти». — См., например: Федоровских А.А. Политическая власть в современной России: проблемы легитимации власти и разделения властей // Вопросы политологии и социологии. 2013. № 1 (4) [доступно 25.05.2016: <http://politsocio.uapa.ru/ru/issue/2013/01/05/>].

В данной работе под понятием «легитимация» нами понимается узаконение какого-либо нового политического режима, придание ему легитимности. — См.: Сухарев А.Я., Крутских В.Е., Сухарева А.Я. и др. Большой юридический словарь. М., 2003 [доступно 25.05.2016: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/15830>].

рассматриваться как *становление*⁶ нового болгарского государства. В отличие от привычных и давно устоявшихся терминов «образование» или «формирование», понятие «становление» позволяет представить этот процесс как динамичную, постоянно трансформирующуюся реальность, в рамках которой постепенно складывался неповторимый облик Второго Болгарского царства.

Таким образом, **объектом** диссертационного исследования выступает средневековое государственное образование, сложившееся благодаря успеху Тырновского восстания 1185–1186 гг. на территории ряда прежних владений Византийской империи, обозначившее себя как «Болгарское царство» и объединившее под властью царей из новой династии Асеневцев местное славяноязычное (главным образом болгарское) и иное по своему этноязыковому облику население. Соответственно, **предметом** исследования является процесс становления и развития данного государственного образования в полноценное государство, представленный в таком аспекте общества и его культуры как *власть*⁷, постоянно инсценирующая самое себя с помощью различных средств легитимации. Комплексное исследование таких средств, задействованных первыми Асеневцами в интересах обоснования своего выступления против имперского центра, а затем утверждения и укрепления своей власти, и составляет **цель** диссертационной работы.

Для реализации этой цели потребовалось решить следующие **исследовательские задачи**:

– проанализировать отечественную и зарубежную научную литературу, относящуюся к проблематике болгаро-византийских отношений конца XII —

⁶ Под понятием «становление» нами понимается возникновение в совокупности признаков и форм, образование в процессе развития. Подробнее обо всех значениях этого термина см., например: *Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. М., 2006 [доступно 25.05.2016: <http://www.efremova.info/word/stanovlenie.html#.U95csPk0GcE>]; *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка / Отв. ред. Н. Шведова. М., 2007 [доступно 25.05.2016: <http://www.ozhegov.com/words/34342.shtml>].

⁷ Подробнее о значении, в котором понятие «власть» употребляется в современной медиевистике, а также о литературе, посвященной этому вопросу, см.: *Бойцов М.А.* Величие и смирение. Очерки политического символизма в Средневековой Европе. М., 2009. С. 12–22; *Он же.* Что такое потестарная имагология? // *Власть и образ: очерки потестарной имагологии.* СПб., 2010. С. 5–37.

начала XIII в., осветить ее новейшие веяния и тенденции и выявить ключевые вопросы, остающиеся в ее рамках дискуссионными, в интересах как можно более подробного исследования их на материале источников;

– рассмотреть общее положение болгарских земель в составе Византийской империи в период после византийского завоевания (1018), включая прежде всего взаимодействие имперской власти и местного населения и формирование к концу XII в. болгарской «новой знати», в дальнейшем инициировавшей отделение от империи ряда ее балканских владений;

– прояснить обстоятельства антивизантийского восстания в Тырново в 1185–1186 гг., с особым вниманием к средствам легитимации, использованным его предводителями для обеспечения успеха своего выступления, что, в свою очередь, предполагает установление «целевой аудитории», на которую были рассчитаны эти средства;

– выявить новые средства легитимации, привлеченные предводителями Тырновского восстания после его успеха и первых побед над имперскими войсками в условиях прогрессирующего ослабления самой империи, изменения общей военно-политической ситуации на Балканах и усиления позиций папской курии на европейской политической сцене.

Хронологические рамки диссертационного исследования определяются с учетом его задач и охватывают период с 1185 по 1204 г., т.е. время правления первых царей Второго Болгарского царства, братьев Феодора-Петра и Ивана Асеня I (1185–1196), самостоятельного правления Феодора-Петра (1196–1197) и, частично, правления царя Калояна (1197–1207). Таким образом, нижняя хронологическая граница исследования совпадает с началом антивизантийского восстания 1185–1186 гг. с центром в Тырново, успех которого и положил начало истории Второго Болгарского царства. При этом в работе не будет обойден вниманием и предшествующий период (византийского правления), начавшийся в 1018 г. (византийское завоевание Болгарии). Верхнюю же хронологическую границу исследования

целесообразно связать с заключением церковной унии и официальным признанием болгарского государства со стороны папской курии в Риме, состоявшимся в 1204 г., когда Калоян получил королевскую корону из рук папского легата, а новопоставленный Тырновский архиепископ Василий — паллиум и сан примаса независимой от Константинополя Тырновской Болгарской архиепископии.

В свою очередь, **территориально-географические рамки** диссертационного исследования определяются территорией, где происходило становление, и протекала последующая история Второго Болгарского царства. В категориях современного историко-географического деления Балканского полуострова это соответствует территории нижней (относительно течения Дуная) части области Мизия, области Добруджа, землям по южным склонам Балканских гор и в Северной Фракии, землям Северной и Средней Македонии, а также районам Белграда и Браничево (в современной Сербии) и некоторым др.

Методология исследования. Методологической основой работы являются принципы объективности и историзма, позволяющие рассматривать интересующие нас события и явления в их тесной взаимосвязи и эволюции. Метод системного подхода дал возможность изучать события не изолированно друг от друга, а в качестве составляющих пусть и многостороннего, но в целом единого, целостного процесса. На основании комплекса источниковедческих методов из общего числа источников выявляются конкретные факты средневековой болгарской действительности. Работа также опирается на метод критического (сравнительного) анализа, применение которого предполагает разделение объективной информации, скрытой в источнике, и субъективного взгляда его индивидуального или коллективного автора, сознательно или непроизвольно искажающего описываемую им реальность под влиянием собственного опыта, мировоззрения, отношения к предмету описания или литературной традиции (что особенно характерно для источников византийского происхождения).

Путем анализа характера, жанровой принадлежности и назначения источника, а также на основе привлечения дополнительной информации о личности автора и его жизненном пути, делается заключение о степени его пристрастности, а значит, достоверности сведений, содержащихся в самом источнике.

Критический метод дополняется индуктивным методом, благодаря которому на основании первоначального выявления и анализа отдельных исторических фактов делаются необходимые обобщения и выводы. В работе широко используется междисциплинарный подход, обусловленный особенностями источниковой базы, предполагающей привлечение филологических, культурологических и искусствоведческих навыков. Использование в работе весьма обширного изобразительного материала потребовало составления своего рода «серий» за счет объединения объектов, изначально не мыслившихся как находящиеся в какой-либо связи между собой.

Источниковая база, привлекаемая к исследованию в рамках диссертации, в целом, достаточно обширна и разнообразна. Речь идет, прежде всего, о письменных источниках разного происхождения и характера, значительное число которых было давно опубликовано (как в оригинале, так и в переводах на современные языки, включая русский) и подробно изучено. Сохранившиеся до нашего времени письменные памятники условно могут быть разделены на несколько групп — как по происхождению: славяноязычные материалы, византийские сочинения, латиноязычные и другие западные свидетельства, — так и по жанровой принадлежности: хроники, агиографические сочинения, риторические произведения, и т.д. Кроме того, в интересах предпринимаемого исследования может быть привлечено большое число материальных, а также художественных памятников того или иного рода.

Единственным славяноязычным письменным памятником собственно болгарского происхождения, более или менее связанным по содержанию с

интересующими нас событиями, является «Синодик царя Борила», возникший в связи с известным антибогомильским собором 1211 г., а позже неоднократно дополнявшийся и редактировавшийся в русле болгарской церковно-политической практики. Этот памятник сохранился в двух редакциях, получивших свои названия по именам ученых, включивших их в свое время в исследовательский оборот — «Палаузовской» (XIV в.) и «Дриновской» (XVI в.). Имеющиеся в тексте «Синодика» упоминания об интересующих нас событиях по времени отстают от них, как минимум, на целую четверть века и отличаются чрезвычайной краткостью. Последняя особенность объясняется тем, что в задачу составителей «Синодика» входило не столько описание действий Петра, Асеня и Калояна, сколько их прославление — причем тогда, когда существование Второго Болгарского царства уже давно было свершившимся фактом⁸. В рамках диссертационной работы были использованы как старое издание «Синодика», выполненное М.Г. Попруженко (1928)⁹, так и новейшее издание И. Божилова, А.-М. Тотомановой и И. Билярского (2010)¹⁰.

Помимо «Синодика», к исследованию привлекался также славяноязычный агиографический и гимнографический цикл, посвященный одному из наиболее почитаемых болгарских святых, прп. Иоанну Рильскому (ум. 946)¹¹, и сохранивший в своем составе сведения о перенесении его мощей в столицу Второго Болгарского царства, Тырново. Это, прежде всего, самое раннее из сохранившихся пространных житий — т.н. Анонимное, или Народное, житие, открытое еще А.Ф. Гильфердингом¹². В научной литературе его возникновение относят ко времени около 1183 г., до перенесения мощей

⁸ Об отражении восстания Петра и Асеня в «Синодике» и других источниках болгарского происхождения подробнее см.: *Божилев И., Гюзелев В.* История на средновековна България. VII–XIV век (= История на България в 3 т. Т. 1). София, 1999. С. 436–440.

⁹ *Попруженко М.Г.* Синодик царя Борила (= Български старини. Кн. 8). София, 1928.

¹⁰ *Божилев И., Тотоманова А., Билярски И.* Борилев Синодик. Издание и превод. София, 2010.

¹¹ Подробнее об агиографических текстах, посвященных св. Иоанну Рильскому, см.: *Иванова К., Чешмеджиев Д., Турилов А.А.* Иоанн Рильский // ПЭ. Т. 24. М., 2010. С. 585–598 [доступно 25.05.2016: <http://www.pravenc.ru/text/471475.html>]; *Дуйчев И.* Рилският светец и неговата обител. София, 1947 [доступно 25.05.2016: <http://www.promacedonia.org/id/index.html>].

¹² Народное житие на Иван Рилски // *Стара българска литература*. Т. 4. Житиписни творби. София, 1986. С. 123–130.

святого в Венгрию. Датировать текст более ранним временем не позволяют стилистические особенности. Хотя в самом памятнике нет упоминаний о Рильском монастыре, местом его создания обычно считается именно эта обитель, либо Средец (совр. София). Сохранилось от 6 до 10 списков жития, передающих первоначальный текст с минимальными изменениями. К этому же периоду, с 1166 по 1183 г., поскольку в самом тексте также нет упоминания о перенесении мощей прп. Иоанна в Венгрию, относится создание жития святого на греческом языке византийским автором Георгием Скилицей¹³. Хотя греческий текст памятника не сохранился, известны 26 списков его славянского перевода, выполненного, вероятно, в Средеце. Впоследствии сведения Анонимного жития и жития Г. Скилицы, сопровождаемые авторскими комментариями, были объединены в пространное житие, составленное патриархом Тырновским Евфимием после 1371 г. и дошедшее в 14 списках и 2 редакциях¹⁴. Кроме того, в работе были использованы средневековые службы св. Иоанну Рильскому, опубликованные в свое время Й. Ивановым¹⁵, а также проложные жития XIII в., опубликованные К. Ивановой¹⁶ и Ст. Кожухаровым¹⁷.

Однако ключевое значение для исследования имеют все же памятники не болгарского, а византийского происхождения. Важнейшее место среди них занимает «История» крупного византийского чиновника и видного книжника Никиты Хониата (между 1155 и 1157 — 1217) — историко-философское сочинение, призванное объяснить причины падения Византии под натиском крестоносцев (1204). Несмотря на то, что в произведении византийского писателя события болгарской истории играют существенную роль, автор

¹³ *Златарски В.* Георги Скилица и написаното от него Житие на св. Иван Рилски // *Он же*. Избрани произведения. Т. 2. София, 1984. С. 240–266.

¹⁴ Житие на св. Ивана Рилски от патриарх Евтимия Тырновски // *Иванов Й.* Български старини из Македония. София, 1970. С. 369–383.

¹⁵ Помен за успението на св. Ив. Рилски // Там же. С. 368; Служба на св. Ивана Рилски на 18 август // Там же. С. 345–358; Служба на св. Ивана Рилски на 19 октомври // Там же. С. 359–367.

¹⁶ Проложно житие на Иван Рилски от Драгановия Миней // *Стара българска литература*. Т. 4. Житиенписни творби. София, 1986. С. 130–131; Проложно житие на Иван Рилски от Норовия пролог // Там же. С. 131–132; Проложно житие на Иван Рилски от Стишния пролог // Там же. С. 132–135.

¹⁷ Проложно житие на Иван Рилски от Софийски пролог // *Българската литература и книжнина през XIII век*. София, 1987. С. 50–53.

далеко не всегда воспроизводит их в соответствии с историческими реалиями. Как в свое время заметил А.П. Каждан, «История» Хониата представляет собой «не памятник анналистического жанра, а скорее роман на историческом материале, подчиняющийся закономерностям романной прозы с ее сложностью и противоречивостью характеристик, разрывом между реальным и художественным временем, амбивалентной ироничностью речи»¹⁸. Отсюда — пристрастность и непоследовательность в изложении материала, сознательное замалчивание некоторых важных деталей, что несколько снижает значение «Истории» как источника. По сути, «История» представляет собой тот самый «многомерный текст с обертонами»¹⁹, который необходимо читать, проникая вглубь и пытаясь понять и объяснить то, что в действительности имел в виду автор²⁰.

Написанная в несколько этапов и в разные периоды жизни автора, «История» Хониата неоднократно меняла свое название и в настоящее время существует в трех версиях: т.н. *b*, *b* дополненной и финальной версии *a*, изданной (с учетом других версий) в 1975 г. Я. ван Дитеном на основе всей совокупности текстов в их многочисленных редакциях²¹. Помимо издания Я. ван Дитена, использованного в диссертационной работе, широко известен русский перевод, выполненный в 60-е гг. XIX в. профессорами Санкт-Петербургской Духовной академии В.И. Долоцким и Н.В. Чельцовым и вновь переизданный в 2003 г.²² В 1983 г. фрагменты сочинения Хониата,

¹⁸ Каждан А.П. Никита Хониат и его время. М., 2005. С. 279.

¹⁹ Эту формулировку в отношении некоторых византийских текстов предложил Я.Н. Любарский. — Любарский Я.Н. Византийские историки и писатели. СПб., 2012. С. 444.

²⁰ О специфике «Истории» как исторического источника и ее общей концепции см.: Там же. С. 439; Simpson A. Niketas Choniates. A Historiographical Study. Oxford, 2013. P. 279–294.

²¹ *Nicetas Choniata*. Historia / Rec. I.A. van Dieten (= Corpus fontium historiae byzantinae. Vol. 11/1). Berolini et Novi Eboraci, 1975.

Подробнее о самом Никите Хониате и его «Истории», включая ее версии и редакции, см.: *Dieten J.-L., van. Niketas Choniates. Erläuterungen zu den Reden und Briefen nebst einer Biographie*. Berlin; New York, 1971; *Simpson A.J. Before and after 1204: The Versions of Niketas Choniates's Historia // DOP. 2007. Vol. 60. P. 189–221; Eadem. Niketas Choniates: The Historian // Simpson A., Efthymiadis S., Magdalino P., Kaldellis A. et al. Niketas Choniates: a Historian and a Writer. Sofia, 2010. P. 16–34; Eadem. Niketas Choniates. A Historiographical Study... P. 68–77, 214–247.*

²² *Никиты Хониата История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина*. Т. 1–2 (= Византийские историки, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской Духовной академии. Т. 4–5). СПб., 1860–1862 (переиздание: *Никита Хониат. История со времени царствования Иоанна Комнина*. Т. 1–2. Рязань, 2003).

относящиеся к болгарской истории и дополненные болгарским переводом В. Тыпковой-Заимовой, были изданы в известной серии «Источники по истории Болгарии»²³. В 1984 г. был опубликован английский перевод «Истории»²⁴.

Подробно освещаются интересующие нас события и в более поздней по времени возникновении «Истории» великого логофета Георгия Акрополита (1217 — после 1282)²⁵. Занимая высокие посты при дворе Никейской империи, он был достаточно хорошо осведомлен о событиях на Балканах конца XII — начала XIII в. Произведение Акрополита делится на две части: первая охватывает период с 1203 по 1233 г., вторая — с 1234 по 1261 г. При создании первой части автор руководствовался, прежде всего, «Историей» Никиты Хониата, рассказами очевидцев и дипломатическими известиями. Несмотря на то, что представленная им информация «вторична», некоторые материалы имеют уникальное для нашего исследования значение: описание захваченных болгарами в 1190 г. императорских реликвий, сведения об апанажном владении старшего из основателей Второго Болгарского царства Петра, и др. В диссертационной работе использованы критическое издание труда Акрополита, подготовленное А. Гейзенбергом²⁶, русский перевод, выполненный П.И. Жаворонковым²⁷, а также болгарский перевод (соответствующих фрагментов) М. Войнова²⁸. Учтены также старый русский перевод, выполненный при Санкт-Петербургской Духовной академии под редакцией И. Троицкого и переизданный в 2003 г.²⁹, и английский перевод Р. Макридес³⁰.

²³ *Nicetas Choniata. Historia* // ГИБИ. Т. 11. София, 1983. Р. 8–93.

²⁴ *О City of Byzantium. Annals of Niketas Choniates*. Detroit, 1984.

²⁵ Подробнее о самом Георгии Акрополите и его «Истории» см.: *Жаворонков П.И.* Культура Никейской империи // *Культура Византии*. Т. 3 (XIII — 1 половина XV в.). М., 1991. С. 63–66; *Он же.* Личность и творчество Георгия Акрополита // *Георгий Акрополит*. История. М., 2013. С. 14–44.

²⁶ *Georgius Acropolita. Opera* / Rec. A. Heisenberg. Ed. anni 1903 (= *Bibliotheca scriptorum graecorum et romanorum Teubneriana*. Vol. 1). Stuttgartiae, 1978.

²⁷ *Георгий Акрополит*. История. СПб., 2005 (переиздание: СПб., 2013).

²⁸ *Georgius Acropolita. Historia* // ГИБИ. Т. 8. София, 1972. Р. 150–212.

²⁹ *Летопись великого логофета Георгия Акрополита* (= *Византийские историки, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской Духовной академии*. Т. 8). СПб., 1863 (переиздание: *Иоанн Киннам*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. *Георгий Акрополит*. Летопись великого логофета Георгия Акрополита. Рязань, 2003. С. 235–413).

³⁰ *Acropolites G. The History*. Oxford, 2007.

Чрезвычайно близко к историческим трудам Никиты Хониата и Георгия Акрополита компилятивное сочинение епископа Кизика Феодора Скутариота (ок. 1230 — после 1283)³¹. В своей «Обзорной хронике» он вносит в повествование некоторые новые подробности, возможно, восходящие к каким-то иным, не дошедшим до нас, текстам: дополняет описание восстания под руководством Петра и Асеня, рассматривает дальнейшую судьбу императорских реликвий, доставшихся болгарам в 1190 г., и т.д. Сочинение Скутариота было опубликовано как анонимное еще в 1894 г. под редакцией К. Сафы³², а также доступно в виде фрагментов, включенных, вместе с их болгарским переводом, в серию «Источники по истории Болгарии»³³. К сожалению, новейшее критическое издание памятника под редакцией Р. Точчи еще только готовится к выходу в свет³⁴.

Еще одну характерную группу письменных источников, использованных в работе, образуют риторические произведения рассматриваемого периода. Так, о соглашениях, заключенных с болгарам императором Исааком II Ангелом (1185–1195, 1203–1204), позволяют судить несколько памятников, в свое время проанализированных И. Дуйчевым: «Слово на Богоявление» грамматика Иоанна Сиропула³⁵, «Второе слово» протонотария Сергия Коливы³⁶ и «Речь к императору Исааку II» ритора Георгия Торника³⁷. Совершенно исключительное значение имеет для нашего исследования эпиграмма-экфрасис выдающегося византийского церковного деятеля, православного патриарха Антиохии Феодора Вальсамона (между 1130 и 1140 — после 1195). Именно она передает уникальное известие о том,

³¹ О Феодоре Скутариоте и его сочинении подробнее см.: Теодор Скутариот // ГИБИ. Т. 8. София, 1972. С. 214; Kazhdan A. Skoutariotes, Theodore // ODB. Vol. 3. P. 1912–1913.

³² Ανοθύμου Σύνοψις χρονική // Σαθα Κ.Ν. Bibliotheca graeca medii aevi. Vol. 7. Paris, 1894. Σ. 3–556.

³³ Theodorus Scutariotes. Compendium chronicum // ГИБИ. Т. 8. София, 1972. P. 214–303.

³⁴ Theodorus Scutariotes. Chronica / Rec. R. Tocci (= Corpus fontium historiae byzantinae. Series Berolinensis. Vol. 46). Berlin, 2016 (в печати).

³⁵ Дуйчев И. Сведения за въстанието на Асеневици в словото на Иоан Сиропулос // Он же. Проучвания върху българското Средновековие. София, 1945. С. 86–89.

³⁶ Он же. Сведенията за въстанието на Асеневици в словото на Сергей Колива // Там же. С. 77–80.

³⁷ Он же. Указания за въстанието на Асеневици в речта на Георги Торник // Там же. С. 62–72.

что в начале восстания в распоряжении Петра и Асеня находилась некая чтимая икона св. Димитрия Солунского³⁸.

Необходимо упомянуть и риторические сочинения Никиты Хониата, показывающие, как менялась позиция автора, а в конечном счете и всего столичного общества, по отношению к восставшим болгарам. В диссертационной работе использованы издание речей и писем Хониата под редакцией Я. ван Дитена³⁹ и публикация отдельных фрагментов, посвященных болгарской истории, с болгарским переводом М. Войнова, выполненная в рамках серии «Источники по истории Болгарии»⁴⁰.

Среди латиноязычных источников важнейшее место занимает папская корреспонденция, точнее — переписка Римского папы Иннокентия III (1198–1216) с болгарским царем Калояном и тырновским духовенством, которая позволяет проследить, как утверждался международный авторитет Болгарского царства. Письма цитируются по изданию в серии «Источники по истории Болгарии», с переводом на болгарский язык, выполненным ранее И. Дуйчевым⁴¹.

Участие Болгарского царства в событиях, связанных с прохождением крестоносцев третьего крестового похода (1189–1192) через балканские владения Византии, отражают источники, касающиеся переговоров между императором Священной Римской империи Фридрихом I Барбароссой (1155–1190) и болгарскими царями Петром и Асенем. Это, прежде всего, анонимная «История крестоносцев», дошедшая в рукописи XVII в.⁴², и «История похода императора Фридриха» конца XII — начала XIII в., написанная австрийским каноником Ансбертом⁴³.

³⁸ *Он же*. Въстанието на Асеневици и култът на свети Димитрия Солунски // Там же. С. 48–50.

³⁹ *Nicetas Choniata. Orationes et epistulae* / Rec. I.A. van Dieten (= Series Berolinensis. Vol. 3). Berolini et Novi Eboraci, 1972.

⁴⁰ *Nicetas Choniata. Orationes* // ГИБИ. Т. 11. София, 1983. Р. 94–117.

⁴¹ *Innocentius PP. III. Epistolae ad Bulgariae historiam spectantes* / Rec. et exp. Iv. Duičev (= Преписката на папа Иннокентия III с българите. Увод, текст и бележки от Ив. Дуйчев) // ГСУ ИФ. Т. 37 (3). София, 1942. Р. 3–116; *Innocentii III papae et Caloiannus regis* // ЛИБИ. Т. 3. София, 1965. Р. 308–378.

⁴² *Historia peregrinorum* // ЛИБИ. Т. 3. София, 1965. Р. 221–244.

⁴³ *Historia de expeditione Friderici imperatoris* // Ibidem. Р. 245–291.

Наконец, особое место среди источников по истории становления Второго Болгарского царства занимает «Завоевание Константинополя» французского рыцаря Робера де Клари⁴⁴. Несмотря на неточности в изложении и путаницу в именах (так, действия Петра и Асеня приписываются их младшему брату, Калояну), это сочинение передает некоторые чрезвычайно важные детали, проливающие свет на вероятный род занятий и социальный статус первых Асеневцев. В диссертационной работе были использованы критическое издание памятника под редакцией Ж. Дюфурне⁴⁵, а также его русский перевод, выполненный М.А. Заборовым⁴⁶.

Привлеченный к исследованию круг источников отнюдь не ограничивается только теми средневековыми памятниками, которые прямо и непосредственно относятся к интересующей нас теме. Не менее важны для нас и некоторые другие памятники, особенно отражающие положение болгарских земель и их населения в составе Византийской империи (после византийского завоевания начала XI в.), а также связанные с культом св. Димитрия Солунского, ставшим одним из главных средств легитимации власти мятежных Асеневцев.

В первом случае это будут грамоты византийского императора Василия II Болгаробойцы (976–1025) об образовании и правах Охридской архиепископии⁴⁷, хроники византийцев Иоанна Скилицы⁴⁸ и его неизвестного продолжателя⁴⁹, «Хронография» Михаила Пселла⁵⁰, и, что важно, источники болгарского происхождения — апокрифические произведения,

⁴⁴ О Робере де Клари и его сочинении подробнее см.: *Заборов М.А.* Робер де Клари и его хроника как памятник исторической мысли Средневековья // *Робер де Клари. Завоевание Константинополя.* М., 1986 [доступно 25.05.2016: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000131/st122.shtml>].

⁴⁵ *Clari R., de.* La Conquête de Constantinople / Publication, traduction, présentation et notes par J. Dufournet. Paris, 2004.

⁴⁶ *Робер де Клари. Завоевание Константинополя.* М., 1986.

⁴⁷ Грамоти на Василия II за правата на Охридската архиепископия // *Иванов Й.* Български старини из Македония. София, 1970. С. 547–562; *Sigillia Basilii* // ГИБИ. Т. 6. София, 1965. Р. 40–47.

⁴⁸ *Ioannes Scylitzaes.* Synopsis historiarum (= Corpus fontium historiae byzantinae. Vol. 5) / Rec. I. Thurn. Berolini et Novi Eboraci, 1973.

⁴⁹ *Τσολακη Ε.Θ.* Ἡ Συνέχεια τῆς Χρονογραφίας τοῦ Ἰωάννου Σκυλίτση (Ioannes Scylitzes Continuatus). Θεσσαλονίκη, 1968.

⁵⁰ *Michel Psellos.* Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance (976–1077) / Texte établi et traduit par E. Renauld. Vol. 1–2. Paris, 1926–1928; русский перевод: *Михаил Пселл. Хронография.* М., 1978.

зафиксировавшие компоненты болгарской исторической памяти, опубликованные В. Тыпковой-Заимовой и А. Милтеновой⁵¹.

Что же касается источников, связанных с культом св. Димитрия, то среди них необходимо выделить посвященные св. Димитрию памятники византийской (греческой) и славянской церковнобогослужебной книжности: «Мученичество» (Passio) св. Димитрия, известное в трех отдельных редакциях⁵²; «Чудеса» (Miracula) св. Димитрия, известные в виде трех основных собраний⁵³; похвальные слова (Laudatio) и речи (Oratio) в честь святого⁵⁴, а также посвященные ему богослужебные гимны как на греческом, так и на славянском языке, включая древнейший канон, атрибутируемый самому св. Мефодию⁵⁵. Общее количество этих памятников весьма велико, и в полном объеме они до сих пор не собраны и не изданы⁵⁶.

Помимо памятников церковнобогослужебной книжности, историю почитания св. Димитрия на византийско-славянской почве позволяют проследить и некоторые византийские сочинения светского характера, сохранившие сведения о тех или иных событиях, связанных с культом

⁵¹ Тыпкова-Заимова В., Милтенова А. Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България. София, 1996.

⁵² BHG. T. 1. Bruxelles, 1957. P. 152–153. № 496–498i.

⁵³ Ibidem. P. 154–159. № 499–532q; Lemerle P. Les plus anciens recueils des miracles de Saint-Démétrius et la penetration des Slaves dans les Balkans. Vol. 1. Paris, 1979.

См. также: Чудеса св. Димитрия Солунского // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2. (VII–IX вв.). М., 1995. С. 91–97; Баршић Ф. Чуда Димитрија Солунског као историски извор. Београд, 1953.

Обзор содержания «Чудес» св. Димитрия см.: Иванова О.В., Турилов А.А., Лукашевич А.А., Преображенский А.С. Димитрий Солунский // ПЭ. Т. 15. М., 2007. С. 159–165.

Русский перевод отдельных «чудес» св. Димитрия, относящихся к истории византийско-славянского противостояния на Балканах в Раннее Средневековье, см.: Чудеса св. Димитрия Солунского... С. 97–211.

⁵⁴ BHG. T. 1. P. 160–161. № 534–539.

См. также: Търкова-Заимова В. Les enkomia en l'honneur de Saint Démétrius dans la littérature byzantine et slave // Културни и литературни отношения между българи и гърци от средата на XV до средата на XIX век. София, 1984. С. 71–77.

⁵⁵ Текст канона издан Б. Ангеловым: Ангелов Б.Ст. Канон на Димитър Солунски // Он же. Из старата българска, руска и сръбска литература. Кн. 1. София, 1958. С. 19–35.

См. также: Калиганов И.И. Болгарская литература // История литератур западных и южных славян. М., 1997. Т. 1. С. 119; Темчин С.Ю. Этапы становления славянской гимнографии (863 г. — около 1097 года). Часть I // Сл. 2004. № 2. С. 34; Кожухаров С. Канон за Димитър Солунски // Кирилometодиевска енциклопедия. Т. 2. София, 1995. С. 215–217; Мирчева Б. Един акростих — криптограмма на Константин Преславски в Канон за св. Димитър Солунски // WSJ. 2004. Bd. 50. С. 71–93; Nichoritis K. Unknown Stichera to St. Demetrius by St. Methodius // The Legacy of Saints Cyril and Methodius to Kiev and Moscow. Thessaloniki, 1992. P. 79–85.

⁵⁶ Чудеса св. Димитрия Солунского... С. 91.

святого, как, например, эпическая поэма «Дигенис Акрит»⁵⁷ и следующий античным образцам сатирический диалог «Тимарион»⁵⁸.

Наконец, в интересах исследования целесообразно привлечь широкий круг архитектурных, изобразительных и других художественных памятников самого разного рода:

– храмовые здания, возведенные в честь св. Димитрия (например, храмы св. Димитрия в самой Фессалонике⁵⁹, в Тырново⁶⁰, Владимире-на-Клязьме⁶¹);

– монументальные мозаичные и фресковые изображения св. Димитрия в составе храмовых декоративных программ (например, известные вотивные мозаики из храма св. Димитрия в Фессалонике⁶²);

– отдельные иконы с изображением святого, выполненные в разных техниках (например, резная икона слоновой кости с изображением св. Димитрия второй половины X в. из Музея Метрополитэн в Нью-Йорке⁶³, резная стеатитовая икона XII в. с изображениями свв. воинов Феодора, Георгия и Димитрия из Херсонесского музея⁶⁴, живописная икона конца XI — XII в. с изображениями свв. воинов Георгия, Феодора и Димитрия из Эрмитажа⁶⁵);

⁵⁷ Digenis Akritis. The Grottaferrata and Escorial Versions / Ed. and trans. by E. Jeffreys. Cambridge, 1998; русский перевод: Дигенис Акрит. М., 1960.

⁵⁸ *Pseudo-Luciano. Timarione / Testo critico, introduzione, traduzione, commentario e lessico a cura di R. Romano. Napoli, 1974; русский перевод: Тимарион // Византийский сатирический диалог. Л., 1986. С. 24–71.*

⁵⁹ Подробнее см.: *Казарян А.Ю., Саенкова Е.М., Сусленков В.Е. Димитрия Солунского великомученика базилика в Фессалонике // ПЭ. Т. 15. М., 2007. С. 199–204.*

⁶⁰ Подробнее см.: *Николова Я., Робов М. Храмът на първите Асеневи. Църквата «Св. Димитър» във Велико Търново. Велико Търново, 2005.*

⁶¹ Подробнее см.: *Дмитриевский собор. К 800-летию памятника. М., 1997; Тимофеева Т.П., Маишафаров А.В., Пивоварова Н.П. Димитрия Солунского великомученика собор во Владимире // ПЭ. Т. 15. М., 2007. С. 207–218.*

⁶² Подробнее см.: *Бельтинг Х. Образ и культ. История образа до эпохи искусства. М., 2002. С. 105–109, 118–119; Казарян А.Ю., Саенкова Е.М., Сусленков В.Е. Димитрия Солунского великомученика базилика... С. 200–203; Лазарев В.Н. История византийской живописи. М., 1986. Табл. 38–43; Cormack R. Writing in Gold. Byzantine Society and Its Icons. London, 1985. P. 81, 82, 87–92.*

⁶³ Нью-Йорк, Музей Метрополитэн, № 1970.324.3. Подробнее см.: *The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era. A.D. 843–1261. New York, 1997. P. 135. № 81.*

⁶⁴ Херсонесский музей-заповедник, № 84/36 445. Подробнее см.: *Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки. Вып. 2. М., 1977. С. 114. № 616; The Glory of Byzantium... P. 300–301. № 203.*

⁶⁵ Государственный Эрмитаж, № 1 183. Подробнее см.: *Искусство Византии... Вып. 2. С. 28. № 471; The Glory of Byzantium... P. 122–123. № 69.*

– произведения декоративно-прикладного искусства, связанные с почитанием святого, включая прежде всего реликварии и энколпионы, предназначенные для хранения, демонстрации и почитания его реликвий (например, широко известный реликварий 1059–1067 гг. из Московского Кремля, воспроизводящий киворий над гробом святого в его фессалоникийском святилище⁶⁶);

– и даже памятники, возникшие в русле административно-политической и деловой практики (как, например, монеты и печати византийских⁶⁷ и славянских⁶⁸ правителей и должностных лиц с изображениями св. Димитрия).

⁶⁶ Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», № 15303 охр. (инв. МЗ-1148). Подробнее см.: Искусство Византии... Вып. 2. С. 85. № 547; *The Glory of Byzantium...* P. 77–78. № 36.

⁶⁷ Подробнее см.: *Sear D.R. Byzantine Coins and Their Values*. London, 1987. № 1904–1905 (Алексей I, номисма), 1908 (Алексей I, ½ милиаресия), 1955 (Иоанн II, ½ тетартерона), 1974 (Мануил I, аспр трахи).

⁶⁸ Подробнее см.: *Седова М.В.* Актовые печати князя Всеволода III // Дмитриевский собор. К 800-летию памятника. М., 1997. С. 274–279; *Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Актовые печати Древней Руси (X–XV вв.). Т. 3. Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М., 1998. С. 113. № 7-2 (и др.).

Глава 1

Проблематика становления Второго Болгарского царства в историографии

Круг исследований, посвященных образованию и первым годам существования Второго Болгарского царства, весьма широк. Это связано с тем, что проблематика болгаро-византийских отношений конца XII — начала XIII в. носит фундаментальный характер, и ее историографическая разработка имеет глубокие традиции и в нашей стране, и за рубежом.

Специфика каждой из этих традиций обусловила существенные различия как в интерпретации источников, так и в предлагаемых гипотезах, итоговых концепциях и общих выводах. Ряд дискуссионных вопросов, поставленных в прошлом, продолжает активно обсуждаться до сих пор, многие гипотезы не получили подтверждения или были прямо опровергнуты, породив новые задачи для дальнейших исследований. Таким образом, изучение процесса становления Второго Болгарского царства в рамках настоящей диссертационной работы невозможно без учета и подробного анализа всего массива историографии, существующей по данной теме, ее основных тенденций и важнейших достижений, включая новейшую литературу на русском, болгарском, английском, немецком и других языках.

§ 1. Отечественная историография

Накопление и научное осмысление основных знаний о событиях средневековой болгарской истории, включая период византийского владычества в болгарских землях и начальный этап существования Второго Болгарского царства, в отечественной исторической науке неразрывно связаны со становлением отечественного славяноведения в целом.

Как известно, начало подлинно профессионального изучения в России настоящего и прошлого зарубежных славян приходится на первые

десятилетия XIX в., ознаменованные освоением в русском обществе новейших научных веяний из Европы, где славистические исследования уже были представлены в трудах таких корифеев как Г. Добнер, Й. Добровский и др. Пока в Московском университете и Петербургском педагогическом институте готовится почва для создания самостоятельных славистических кафедр, ученые-энтузиасты, интересующиеся языками, историей, этнографией, литературой славян, объединяются вокруг Российской академии и т.н. «Румянцевского кружка» во главе с видным государственным деятелем и меценатом графом Н.П. Румянцевым. Начинаются поиски и описание памятников средневековой славянской книжности, что, среди прочего, приводит к появлению снискавшего широкую известность исследования К.Ф. Калайдовича о выдающемся болгарском книжнике конца IX — начала X в. Иоанне Экзархе⁶⁹.

Интерес к собственно болгарской тематике в России пробуждается в конце 1820-х гг. в связи с актуализацией т.н. Восточного вопроса и победоносным для России завершением русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Вышедшая в 1829 г. книга исследователя-любителя Ю.И. Венелина (Гуцы) «Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам»⁷⁰ стала первым специальным трудом, посвященным болгарам и их истории, который обращался не только к современному (на тот момент) положению болгар как одного из славянских народов в подданстве Османской империи, но и к более раннему времени. При этом основная задача книги, заметно отстававшей от уже достигнутого в отечественной науке уровня, состояла, по оценке позднейшего исследователя, в том, чтобы «возбудить внимание в русском обществе к несчастному народу,

⁶⁹ Калайдович К.Ф. Иоанн ексарх болгарский. М., 1824.

Подробнее о становлении отечественного славяноведения см.: Лантева Л.П. История славяноведения в России в XIX в. М., 2005. С. 15–83.

⁷⁰ Венелин Ю.И. Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. Т. 1. М., 1829.

который некогда был благороднейший из всех славянских племен»⁷¹. Примечательно, что последующие работы Ю.И. Венелина, как то: «Влахо-болгарские грамоты» (1840)⁷² и «Критические исследования об истории болгар от прихода болгар на Фракийский полуостров до 968 г.» (1849)⁷³, — повествовали исключительно о временах древнего (т.н. Первого) Болгарского царства (681–1018), не затрагивая при этом ни период византийского владычества, ни проблематику Второго Болгарского царства.

С введением в 1835 г. в четырех университетах России предмета «история и литература славянских наречий» и учреждением кафедр для его преподавания в Московском и Петербургском университетах изучение болгарской истории переходит в качественно новую стадию. Теперь на повестку дня встает не просто констатация и обоснование «благородства» болгар среди прочих славянских «племен», но и собственно описание их минувшего «золотого века». Характерным примером этого рода становится магистерская диссертация (1852) «Век болгарского царя Симеона» воспитанника славистических кафедр Московского и Петербургского университетов, болгарина по происхождению С.Н. Палаузова, впервые применившего понятие «Золотой век» к правлению одного из владык Первого Болгарского царства — Симеона I (893–927)⁷⁴. Формированию образа древней и некогда славной державы способствовала и публикация новооткрываемых источников болгарского происхождения. Так, именно тогда (1855) и тем же С.Н. Палаузовым был издан относящийся к XIV в. список («Палаузовский») знаменитого «Синодика царя Борила» (в авторской интерпретации — «Синодик царя Бориса»), до сих пор остающийся

⁷¹ Францев В.А. Первые русские труды по изучению славянства, преимущественно южного // Прослава на освободителната война 1877–1878 г. София, 1929. С. 45–46 (цит. по: Лантева Л.П. История славяноведения в России в XIX в. ... С. 81).

⁷² Венелин Ю.И. Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты, собранные и объясненные на иждивении императорской Российской академии Юрием Венелиным. СПб., 1840.

⁷³ Он же. Критические исследования об истории болгар. С прихода болгар на Фракийский полуостров до 968 года, или покорения Болгарии великим князем русским Святославом. М., 1849.

⁷⁴ Палаузов С.Н. Век болгарского царя Симеона. СПб., 1852.

уникальным источником сведений по истории именно Второго Болгарского царства⁷⁵.

В 1850-е гг. на фоне развития национально-освободительного движения в балканских провинциях Османской империи и начала греко-болгарского противостояния по церковному вопросу обретают актуальность новые проблемы, включая историю взаимоотношений как между Константинопольской («греческой») и болгарской церквями, так и вообще между средневековой Византийской («греческой») империей и ее болгарской «окраиной». Дополнительную остроту положению придает активное обсуждение внутри болгарского церковного движения идеи обретения искомой независимости от Константинопольского патриархата путем заключения унии с Римско-Католической церковью⁷⁶. В этой обстановке в центре внимания исследователей оказывается факт заключения болгарскими церковными унии с Римом при царе Калояне, а в целом церковная история болгар надолго становится одной из доминирующих тем в отечественной науке. Так, уже в 1858 г. появляются несколько статей С.Н. Палаузова, посвященных истории болгарской церкви, среди которых особого внимания заслуживает статья «Уния в царствование Ивана Асеня», написанная для издания «Български книжици» и переведенная на болгарский язык П.Р. Славейковым⁷⁷. Примечательно, что в своей работе исследователь экстраполирует на средневековый период истории Болгарии представления и идеи о современном ему положении в болгарских землях. В частности, характеризуя время византийского владычества как «самую темную эпоху не только в духовном, но и в политическом отношении»⁷⁸, он подчеркивает историческую справедливость антивизантийского восстания под

⁷⁵ *Он же*. Синодик царя Борила: Рукопись XIV века // Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. 1855. Кн. 21. Отд. 1. С. 1–22.

Подробнее об истории этого памятника см.: *Божилев И., Тотоманова А., Билярски И.* Борилев Синодик. Издание и перевод. София, 2010. С. 5–85.

⁷⁶ Подробнее см.: *Георгиева Ц., Генчев Н.* История на средновековна България. XV–XIX век (= История на България в три тома. Т. 2). София, 1999. С. 444–453.

⁷⁷ *Палаузов С.Н.* Уния в царуването на Йоана I Асеня // Български книжици. Ч. 1. Кн. 2. 1858. С. 51–63.

В настоящей работе используется переиздание: *Палаузов С.Н.* Уния в царуването на Йоана I Асеня // *Он же*. Избрани трудове. Т. 1. София, 1974. С. 207–215.

⁷⁸ Там же. С. 208.

предводительством Петра и Асеня, относя их род к «колену древних царей болгарских»⁷⁹ и помещая само восстание в контекст «истого протеста ради духовной независимости»⁸⁰, «религиозного движения народа, которым воспользовались первые Асеновцы в успешной борьбе с греками»⁸¹. Рассматривая вопрос о заключении унии с Римом в 1204 г., автор подчеркивает, что причины этого шага стоит искать прежде всего в политической сфере и в желании новой болгарской власти защитить страну и население: основными мотивами С.Н. Палаузов считал память об опустошительных походах крестоносцев и напряженные отношения с Латинской империей⁸². Подводя итог своим рассуждениям, историк оценивает сближение Калояна с Римской церковью исключительно как крайнюю политическую необходимость, беспрецедентный шаг, «выпадающий» из общего исторического развития болгарских земель⁸³.

В контексте церковного вопроса рассматривает историю болгаро-византийских отношений конца XII — начала XIII в. и воспитанник Московского университета, ученик О.М. Бодянского, также болгарин по происхождению М.С. Дринов, чья книга вышла на болгарском языке в Вене в 1869 г.⁸⁴ Как и С.Н. Палаузов, М.С. Дринов усматривает в принятии унии исключительно политические мотивы: «болгары остались тверды в православии, а признали только формальную унию с Римской церковью»⁸⁵. Причину установления контактов с Римом историк видит в венгерской угрозе: именно ожидание нападения со стороны венгерского короля, «желающего гибели» Болгарскому царству, должно было повлиять на выбор болгарского царя⁸⁶. При этом автор подчеркивает, что заключение унии не повлияло на повседневную религиозную жизнь болгар, так как «болгары

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. С. 214–215.

⁸³ Там же. С. 215.

⁸⁴ Дринов М.С. Исторически преглед на Българската църква от самото ѝ начало и до днес. Виена, 1869.

⁸⁵ Там же. С. 73.

⁸⁶ Там же. С. 65.

твердо стояли за веру и закон своих отцов»⁸⁷. По замечанию исследователя, они не согласились даже на то, чтобы «их патриарх назывался примат и служил в церкви без жезла по обычаю Римской церкви», так что «папа должен был им уступить и в этом»⁸⁸. Более того, сам Калоян, по утверждению М.С. Дринова, вопреки унии, борясь с Латинской империей, «защищал православное греческое духовенство»⁸⁹.

Проблематику болгаро-греческих церковных взаимоотношений и вопрос об унии 1204 г. подробно исследует и Е.Е. Голубинский⁹⁰. По мнению историка, основным мотивом принятия унии была проблема международного признания: «необходимо было, чтобы признавали их не простыми бунтовщиками против императора греческого, а действительными государями их соседи», прежде всего венгры, имевшие ряд территориальных претензий к возобновленному Болгарскому царству⁹¹. В отличие от М.С. Дринова, Е.Е. Голубинский подчеркивает, что все формальности при заключении соглашения с папой были соблюдены: «папа прислал в Болгарию своего легата, который венчал королевским венцом Калияна и возвел в звание примаса терновского архиепископа..., а болгары с своей стороны дали торжественное обещание признавать папу своим верховным главой и неизменно пребывать в его подчинении»⁹². В то же время, указывает Е.Е. Голубинский, истинного подтверждения уния действительно не получила: болгары перестали соблюдать договоренности с папой «с той самой минуты, как получили от него все, что желали получить в видах государственных»⁹³. С точки зрения исследователя, именно с этого периода болгарская церковь становится полностью самостоятельной, так как «прекратив сношения с

⁸⁷ Там же. С. 72.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же. С. 72–73.

⁹⁰ Голубинский Е.Е. Краткий очерк истории православных церквей: болгарской, сербской и румынской или молдо-валахской. М., 1871. С. 78–89.

⁹¹ Там же. С. 79.

⁹² Там же. С. 80.

⁹³ Там же.

папою, болгары, как кажется, не возобновляли и тесного общения с греками, а пребывая в православии, остались одни сами с собой»⁹⁴.

С образованием Болгарского экзархата (1870) и его окончательным обособлением от Константинопольского патриархата (1872) новую актуальность приобретают события собственно политической истории болгарских земель конца XII — начала XIII в., в особенности проблема получения ими независимости от Византии и укрепления собственной государственности. В 1872 г., по материалам лекций, прочитанных в Варшавском университете в 1871–1872 гг., профессор В.В. Макушев публикует статью «Болгария в конце XII и в первой половине XIII в.»⁹⁵, ставшую первой специальной работой, посвященной болгаро-византийским отношениям этого времени. Примечательно, что автор первым из отечественных исследователей широко привлекает для работы Боннское издание «Истории» Никиты Хониата («Никиты Хонского»), а также приводит выдержки из переписки царя Калояна и папы Иннокентия III с переводом некоторых фрагментов на русский язык, скрупулезно восстанавливая событийную канву болгаро-византийских и болгаро-европейских отношений конца XII — начала XIII в. и подробно останавливаясь на проблеме сепаратистских движений в болгарских землях (Добромира Хриза, деспота Алексея Слава и др.).

Начиная свою работу с описания падения Первого Болгарского царства, исследователь отмечает, что «византийцы оставили болгарам самоуправление гражданское и церковное и довольствовались незначительной данью», однако «с течением времени отношения победителей к побежденным изменились и отягощенные податями и поборами, болгары поголовно восстали под предводительством отважных братьев, Петра и Асеня», которых историк кратко характеризует как «потомков прежних царей»⁹⁶. Таким образом, антивизантийское восстание и дальнейшие события осмысливаются автором

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Макушев В.В. Болгария в конце XII и первой половине XIII в. // ВУИ. 1872. № 3. С. 1–66.

⁹⁶ Там же. С. 1.

в контексте восстановления исторической справедливости, а Петр и Асень рассматриваются как законные преемники царей Первого царства. При этом вне поля зрения остается вопрос об этнической разнородности населения болгарских земель, которое фигурирует в работе В.В. Макушева то как «болгарский», то как «болгаровлахийский» народ. Ссылаясь на «корыстолюбие византийцев»⁹⁷, а также «внутреннее и внешнее бессилье»⁹⁸ Византии в конце XII в., исследователь всячески подчеркивает негативный характер византийского влияния на развитие болгарских земель: по его мнению, «двухвековое иго византийское должно было расшатать все основы общественного благоустройства и заразить болгар пороками Царьграда»⁹⁹, «порча проникла в болгарский народ»¹⁰⁰. В наибольшей степени, по убеждению В.В. Макушева, «византийская порча» коснулась болгарского боярства: в качестве наглядного примера приводится царский родственник Иванко, противопоставленный образам новых болгарских царей Петра, Асения и Калояна. Так, характеризуя Калояна, которого он нарочито именует на славянский манер «Иоанном I», историк указывает, что тот был «искусный политик и храбрый воин», который «приводил в трепет как греков, так и латин, богатые и крепкие города обращал в груды развалин, нес с собой повсюду смерть и опустошение»¹⁰¹, но в то же время «заботился не об одном только войске, но и о благосостоянии народа»¹⁰².

Таким образом, работа В.В. Макушева дает самое общее представление о болгарских реалиях конца XII — начала XIII в., воспроизводя, а зачастую даже буквально пересказывая информацию, изложенную в привлекаемых им источниках. Тем не менее, статью историка можно считать первой в своем роде научно значимой работой, посвященной прямо и непосредственно образованию Второго Болгарского царства.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же. С. 6.

⁹⁹ Там же. С. 9.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же. С. 48.

¹⁰² Там же. С. 48–49.

На время т.н. Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг., включая русско-турецкую войну 1877–1878 гг. и образование автономного Болгарского княжества, приходится новый всплеск интереса отечественного научного сообщества к болгарам и их истории. К этому моменту европейская историография уже располагала общей работой К. Иречка «История болгар», вышедшей в Праге в 1876 г. и представлявшей собой первое систематическое научное изложение истории Болгарии с древнейших времен до 1875 г.¹⁰³ В 1878 г. эта книга, самым высоким образом оцененная европейскими учеными, была переведена с немецкого на русский язык¹⁰⁴, вызвав волну критики — прежде всего со стороны В.В. Макушева, с неудовольствием отметившего, что работа носит поверхностный характер, содержа в себе «много ошибок и промахов», а сам К. Иречек оказался совершенно незнаком с публикациями по болгарской истории на русском языке¹⁰⁵.

Для К. Иречка, как и для его современников, события в болгарских землях конца XII — начала XIII в. являются в первую очередь «восстановлением» потерянной государственности. В соответствии с этой концепцией, для исследователя очевидно, что родоначальники династии Асеневцев происходят от представителей древнего правящего рода: исследователь указывает, что Петр, Асень и Калоян «вели свой род от прежних царей, а именно, кажется, от преславских», что придавало предводителям восстания особый вес в глазах соплеменников¹⁰⁶.

Рассматривая процесс «восстановления царства», К. Иречек исследует причины, ход антивизантийского движения в болгарских землях, а также (в духе романтической историографии) уделяет внимание историческим портретам основателей нового Болгарского царства. При этом характерно, что, описывая события конца XII — начала XIII в., автор переносит на болгарскую почву представления о западноевропейских средневековых

¹⁰³ *Jireček K. Dějiny bulharského národa. Praha, 1876; Jireček K. Geschichte der Bulgaren. Prag, 1876.*

¹⁰⁴ *Иречек К. История болгар. Одесса, 1878.*

¹⁰⁵ *Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX в. ... С. 652.*

¹⁰⁶ *Иречек К. История болгар... С. 299.*

реалиях, обуславливая это в том числе и тем, что византийские Комнины, якобы, ввели в империи «западный феодализм», при котором «смелые и предприимчивые мужи выступали на передний план и встречали готовую почву для своего честолюбия»¹⁰⁷.

Так, по утверждению исследователя, восстание против Византии началось «в балканских *замках* (выделено мной — *А.Д.*), владельцы которых, потомки сподвижников Симеона, были почти независимы в своих неприступных притонах»¹⁰⁸. Предводители антивизантийского восстания также изображены в духе типичных феодальных рыцарей из средневековых сказаний — благородными и бесстрашными: согласно К. Иречку, «главными чертами характера Асеня были предприимчивость и неустрашимость, старший его брат является скорее с талантом дипломата, чем воина»¹⁰⁹, в то время как младший брат Калоян описывается как «непримиримый враг греков, характером похожий на Асеня, но несравненно более хитрый и жестокий»¹¹⁰.

Само восстание рассматривается автором как «переворот», представлявший собой, скорее, мирное собрание сословий, нежели вооруженное выступление: оно начинается с того, что «братья (Асень и Петр — *А.Д.*) созвали многих дворян, членов духовенства и простой народ для освящения церкви св. Димитрия в Трнове». При этом то, что в «Истории» Никиты Хониата провозглашают «бесноватые», столь зловеще описанные византийским автором (см. ниже), представлено К. Иречком совершенно в ином ключе, а их слова отнесены к архиепископу болгарской церкви Василию: «архиепископ Василий, бывший заодно с братьями, провозгласил во время церемонии освящения, что по воле Божьей болгаре должны были сложить с себя многолетнее иго и завоевать себе обратно свободу»¹¹¹. Характерным штрихом становится и пассаж о том, что Петр «с этих пор...

¹⁰⁷ Там же. С. 296.

¹⁰⁸ Там же. С. 299.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же. С. 307.

¹¹¹ Там же С. 300.

стал как царь дарить и обещать *имущества и права* (выделено мной — *А.Д.*) болярам»¹¹².

Таким образом, история средневекового Болгарского царства рассматривается К. Иречком как часть общеевропейской, в рамках которой в Болгарии, как и в странах «латинской» Европы, развиваются феодальные отношения и складываются предпосылки для формирования в дальнейшем собственного независимого национального государства, однако этот процесс прерывается османским завоеванием.

Своего рода ответом на работу К. Иречка становится выход в свет в 1879 г. докторской диссертации выдающегося отечественного византиниста Ф.И. Успенского «Образование Второго Болгарского царства»¹¹³, открывшей новый этап в научном осмыслении интересующей нас проблематики. Первоначальный интерес Ф.И. Успенского к этой теме был связан, по-видимому, с его магистерской диссертацией, посвященной византийскому историку, философу и богослову Никите Хониату¹¹⁴, в которой он переводит на русский язык целые пассажи из «Истории» Хониата, выявляет ее цели и назначение, время написания и источники и даже частично восстанавливает хронологию описываемых в «Истории» событий¹¹⁵, а также исследует малоизвестные риторические произведения византийского автора, современные событиям в болгарских землях конца XII в.¹¹⁶

В отличие от К. Иречка, Ф.И. Успенский рассматривает развитие независимой от Византии Болгарии как нечто самобытное, непохожее на историю европейских государств, но в то же время видит в Болгарском царстве если не «копию», то, по меньшей мере, «дитя» Византийской империи эпохи Комнинов. Отсюда — стремление дать этому государственному образованию совершенно иное название, нежели просто «Болгария» или «Болгарское царство». Ф.И. Успенский одним из первых

¹¹² Там же. С. 301.

¹¹³ Успенский Ф.И. Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879.

¹¹⁴ Он же. Византийский писатель Никита Акоминат из Хон. СПб., 1874.

¹¹⁵ Там же. С. 43–143.

¹¹⁶ Там же. С. 181–205.

вводит термин «Второе Болгарское царство», который прочно входит в отечественный научный обиход, а сама связанная с ним проблематика — в сферу интересов славистов и византинистов.

Книга «Образование Второго Болгарского царства» представляет собой классическое позитивистское исследование, во многом сохранившее свою научную актуальность до настоящего времени. Опираясь на широкий круг источников — включая не только византийские памятники, но и, например, болгарский «Синодик царя Борила» — автор дает полную картину средневековой действительности в болгарских землях, начиная со времени установления византийского «господства» (в отличие от предшественников, в своей книге Ф.И. Успенский почти не использует термин «иго» применительно ко времени византийского правления — *А.Д.*) и заканчивая смертью царя Калояна (1207). При этом впервые подробно рассматриваются этнодемографическая ситуация в болгарских землях, вопрос о роли половецкого фактора в борьбе восставших болгар с Византией, анализируется проблема этнического происхождения братьев Петра и Асеня, в которых автор не видит определенно ни владов, ни славян, ни половцев¹¹⁷. При исследовании предпосылок и хода восстания историк впервые использует риторическое наследие Никиты Хониата, а также его брата, митрополита Афинского Михаила. На основании этих сочинений автор выдвигает интересное предположение о том, что в ходе болгаро-византийского противостояния Византия делала попытки достичь компромисса с болгарами посредством подкупа их предводителей¹¹⁸ (что вскоре было поставлено под сомнение В.Г. Васильевским¹¹⁹, а впоследствии неоднократно опровергнуто исследователями следующих поколений).

«Признавая... за южными валахами... значительную долю участия в событиях, сопровождавшихся освобождением Болгарии от власти

¹¹⁷ Успенский Ф.И. Образование Второго Болгарского царства... С. 75, 104–105, 108.

¹¹⁸ Там же. С. 106–107.

¹¹⁹ Васильевский В.Г. Образование Второго Болгарского царства, Федора Успенского. Одесса, 1879 // ЖМНП. 1879. Ч. 204. С. 189–190.

Византии»¹²⁰, Ф.И. Успенский вступает в полемику с румынскими учеными, склонными видеть в образовании Второго Болгарского царства результат деятельности исключительно вlahов («румын»). В то же время в этом вопросе историк несколько пристрастно оценивает положение вlahов в новом государстве, замечая, что «Петр и Асень, мнимые вlahи, ни разу в период своей политической деятельности не подняли вопроса о своих соплеменниках, которые, с освобождением славянского элемента, вновь подверглись ничем не более легкому рабству болгарского преобладающего населения»¹²¹. По мнению Ф.И. Успенского, апелляция представителей новой болгарской династии к романскому происхождению была не чем иным как политическим ходом и стала актуальной лишь в период завязывания отношений с Римской курией, так что «поднятие вlahского вопроса обязано и своим происхождением папе»¹²².

В «Образовании Второго Болгарского царства» были впервые опубликованы и частично переведены автором на русский язык новые и почти не известные ранее источники: наследие архиепископов Феофилакта Охридского и Евстафия Фессалоникийского, письма Михаила Хониата, и др. Наконец, в качестве приложения Ф.И. Успенский включил в свою работу самостоятельные исследования, посвященные участию русских сил в событиях на Балканах конца XII в.¹²³

В том же 1879 г. книга Ф.И. Успенского находит отклик в виде подробнейшей рецензии В.Г. Васильевского¹²⁴, в которой была уточнена хронология восстания и дальнейших событий, связанных с болгаро-византийскими отношениями конца XII — начала XIII в., указан ряд ошибок терминологического характера, обоснован тезис об однозначно «славяно-болгарском» характере нового политического образования на Балканах при вероятном «вlahском» происхождении его первых правителей.

¹²⁰ Успенский Ф.И. Образование Второго Болгарского царства... С. 101.

¹²¹ Там же. С. 102.

¹²² Там же. С. 103.

¹²³ Там же. С. 31–39.

¹²⁴ Васильевский В.Г. Образование Второго болгарского царства... С. 144–348.

Вскоре, в обстановке т.н. Болгарского кризиса 1885–1887 гг., происходит полный разрыв отношений между Петербургом и Софией (1886), вследствие чего научные связи между обеими странами практически прекращаются, а сама «болгарская» тематика на некоторое время теряет свою актуальность. Новые публикации, затрагивающие историю болгарского Средневековья, как правило, имеют обзорный характер и опираются на положения из книги Ф.И. Успенского.

Характерным примером подобного рода можно считать изданные в 1889 г. лекции по истории южных славян профессора Московского университета П.В. Безобразова, часть из которых посвящена образованию Второго Болгарского царства¹²⁵. Для византиниста Безобразова, как и для Ф.И. Успенского, очевидно, что провозглашение независимости Болгарии от Византии — «это только часть картины общего разложения»¹²⁶ и проявление системного кризиса империи. Согласно историку, «политический организм Византийской империи, лишенный многих условий для правильного развития, не разлагался лишь вследствие того, что в разных частях империи постепенно образовались свои малые центры, дававшие жизнь этим частям»¹²⁷. Несовершенство административной системы и размежевание между местной и центральной властью, по мнению автора, привело к тому, что «знатные дворянские роды, имевшие такие же притязания на власть и значение, как и царствовавший, подготовляли из самодержавной монархии феодальное государство в провинциях, где они владели обширными землями и поместьями и где были органами соединенной иногда административной и военной власти»¹²⁸.

Следуя в целом выводам Ф.И. Успенского, особенно в фактологии и взгляде на этническую ситуацию в болгарских землях, П.В. Безобразов, тем не менее, вносит ряд собственных и весьма существенных замечаний. Так,

¹²⁵ *Безобразов П.В.* История южных славян. М., 1889. С. 52–64.

¹²⁶ Там же. С. 55.

¹²⁷ Там же. С. 54.

¹²⁸ Там же. С. 55.

историк не рассматривает предводителей антивизантийского движения как «царей» Второго Болгарского царства: первым царем в подлинном смысле этого слова исследователь считает только младшего из братьев — Иоанна (Калояна)¹²⁹. При этом, отдавая должное полководческому таланту Калояна и даже называя его «настоящим основателем Второго Болгарского царства»¹³⁰, автор самым критическим образом оценивает его политический курс, обвиняя его в чрезмерной пристрастности и непонимании современной ему геополитической ситуации: по мнению П.В. Безобразова, после взятия крестоносцами Константинополя в 1204 г., Калоян «должен был встать во главе греков и болгар и общими силами изгнать латинян»¹³¹, но «вместо того, чтобы воспользоваться симпатиями греков, [Калоян] дал волю своим страстям и тем оттолкнул от себя греков»¹³². «Другой ошибкой» болгарского царя исследователь называет заключение унии с Римом: согласно автору, для признания независимой болгарской церкви Калояну необязательно было искать помощи Константинопольской патриархии или Римской курии — он сам «мог заставить своих епископов или автокефального Охридского архиепископа короновать себя»¹³³.

Новая волна интереса к болгарскому прошлому приходится на конец 90-х гг. XIX — первое десятилетие XX в., во многом благодаря нормализации отношений между Болгарией и Россией. В 1895 г. по инициативе Ф.И. Успенского открывается Русский археологический институт в Константинополе, под эгидой которого осенью 1899 г. проводятся первые раскопки древней болгарской столицы Плиски у болгарской деревни Абоба (окрестности г. Шумен в совр. Болгарии)¹³⁴, а затем, в 1899 и 1900 гг., предпринимаются две поездки в столицу Второго Болгарского царства

¹²⁹ Там же. С. 57.

¹³⁰ Там же. С. 58.

¹³¹ Там же. С. 57.

¹³² Там же. С. 58.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Подробнее см.: Материалы для болгарских древностей. Абоба-Плиска // ИРАИК. Т. 10. София, 1905.

Тырново (совр. Велико Тырново)¹³⁵. В начале XX в. внимание русской общественности приковано к болгарскому движению в Македонии и Одринской Фракии, а с 1908 г., признав провозглашение Болгарского царства и его полной независимости от Османской империи, Россия вновь оказывается в роли защитника национальных интересов Болгарии.

Несмотря на значительный интерес к Болгарии и особенно к ее древней и средневековой истории, на протяжении десятилетий книга Ф.И. Успенского по-прежнему остается единственной специальной работой, посвященной исключительно «болгарской» теме: историки-слависты конца XIX — начала XX в. продолжают рассматривать историю болгарских земель лишь в контексте общей истории южных славян, преимущественно в формате публичных лекций в высших учебных заведениях, опубликованных впоследствии в виде отдельных изданий.

Так, в 1895–1896 гг. известный славист, профессор Московского университета П.А. Лавров читает на историко-филологическом факультете цикл лекций по истории южных славян, несколько из которых посвящены средневековому периоду истории Болгарии. В 1906 г. на их материале выходит печатная версия «Истории южных славян»¹³⁶.

Рассматривая период византийского владычества исключительно в русле взаимного неприятия болгар и византийцев, надежд византийского правительства «вполне подчинить эту страну (т.е. Болгарию — *А.Д.*) греческому господству»¹³⁷ с привлечением кочевников как потенциального «оплота господства над болгарами»¹³⁸, ученый характеризует восстание Петра и Асеня как «восстановление независимости своего государства»¹³⁹. Комментируя употребление термина «влахи», а не «болгары», по отношению к восставшему населению болгарских провинций империи, П.А. Лавров

¹³⁵ Подробнее см.: *Успенский Ф.И.* О древностях города Тырнова // Там же. Т. 7. Вып. 1. София, 1901. С. 1–24.

¹³⁶ *Лавров П.А.* История южных славян. Лекции, читанные в Московском университете в 1895/6 году. М., 1906.

¹³⁷ Там же. С. 202.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же.

следует работе Ф.И. Успенского, указывая, что «византийские писатели, называющие восстание валашским и тем косвенно приписывающие валашское происхождение и его вождям, руководствовались в этом случае тенденцией не упоминать и самое имя Болгарии и болгар»¹⁴⁰. Опираясь на этот тезис, автор, как и Ф.И. Успенский, отрицает возможность какого-либо «румынского» следа в образовании Второго Болгарского царства, ссылаясь на то, что «если бы Петр и Асень были румынского происхождения, было бы непонятно, что во все время своей политической деятельности они не подняли вопроса о своих соплеменниках»¹⁴¹.

Значение Тырновского восстания П.А. Лавров видит в развитии «общего движения славян на Балканском полуострове»¹⁴². Рассматривая заключение Калояном церковной унии с Римом в 1204 г., ученый традиционно обнаруживает за этим лишь «побуждения политические»¹⁴³, а сама уния представляется ему явлением временным: «с переменой обстоятельств легко могла произойти и перемена в отношениях к Риму»¹⁴⁴.

Таким образом, раздел по истории Второго Болгарского царства в лекциях П.А. Лаврова носит самый общий, вводный характер, преследуя цель сформировать у слушателей, а впоследствии и читателей первичное представление о средневековой Болгарии. При этом автор частично повторяет выводы Ф.И. Успенского и других своих предшественников, частично проецирует на болгарское Средневековье современные ему реалии и понятия и уделяет самое пристальное внимание положению болгар под «греческой» властью, а также «национальной» идентификации антивизантийского движения в болгарских землях и порожденного им нового государства.

В 1909 г. профессор Харьковского университета Г.А. Ильинский, в свою очередь, публикует «Краткий курс истории южных славян», подготовленный на основе комплексного изучения имеющихся классических работ историков-

¹⁴⁰ Там же. С. 204.

¹⁴¹ Там же. С. 204.

¹⁴² Там же. С. 208.

¹⁴³ Там же. С. 219.

¹⁴⁴ Там же. С. 219.

славистов и призванный сформировать самые общие представления об истории славянских народов, населяющих Балканский полуостров¹⁴⁵. В рамках «Краткого курса» в главе «Восстановление Болгарского царства братьями Асенем и Петром» в традиционном для славистики того периода «национальном» ключе рассматриваются болгаро-византийские отношения конца XII — начала XIII вв. и начальный этап истории Второго Болгарского царства¹⁴⁶.

Гораздо более самостоятельный характер имели «Лекции по истории южнославянских литератур»¹⁴⁷, опубликованные Г.А. Ильинским чуть раньше, в 1908 г., в которых ученый систематизировал и ввел в научный оборот ряд болгарских средневековых житий святых. Согласно Г.А. Ильинскому, именно жития «в эпоху всеобщих бедствий поддерживали дух народа и укрепляли его верой в лучшее будущее»¹⁴⁸. Датируя появление исследуемых им памятников XII в., ученый подробно анализирует жития свв. Иоанна Рильского¹⁴⁹, Иоакима Осоговского¹⁵⁰, Гавриила Лесновского¹⁵¹ и Прохора Пшинского¹⁵², открывающие «завесу над самым темным периодом болгарской культурной истории»¹⁵³. Наиболее внимательно автор исследует «Синодик царя Бориса» (имеется в виду «Синодик царя Борила» — *А.Д.*)¹⁵⁴, который характеризует как памятник, имеющий «громадную важность для изучения внутреннего (культурного) состояния Болгарии в XIII в. и многое объясняет в последующих событиях болгарской литературной и политической истории»¹⁵⁵.

¹⁴⁵ *Ильинский Г.А.* Краткий курс истории южных славян, читанный в 1908/9 учебном году в ХИУ. Харьков, 1909.

¹⁴⁶ К сожалению, эта работа осталась мне недоступна. С ее содержанием я смогла отчасти познакомиться благодаря монографии Л.П. Лаптевой: *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX — первой трети XX в. М., 2012. С. 691–701.

¹⁴⁷ *Ильинский Г.А.* Лекции по истории южнославянских литератур, читанные в Харьковском университете в 1907/8 учебном году. Харьков, 1908.

¹⁴⁸ Там же. С. 67.

¹⁴⁹ Там же. С. 67–68.

¹⁵⁰ Там же. С. 68–69.

¹⁵¹ Там же. С. 69.

¹⁵² Там же. С. 69–70.

¹⁵³ Там же. С. 70.

¹⁵⁴ Там же. С. 70–74.

¹⁵⁵ Там же. С. 71.

В 1910 г., спустя почти три десятилетия после публикации труда Ф.И. Успенского и, по-видимому, в связи с всплеском интереса к Болгарии после провозглашения ею царства и независимости (1908), выходит специальная работа профессора Варшавского и Харьковского университетов А.Л. Погодина «История Болгарии»¹⁵⁶.

Будучи прежде всего филологом-славистом, чьей сферой интересов была польская культура и литература, при написании болгарской истории ученый широко использует и цитирует имеющуюся на тот момент научную литературу, включая работы и болгарских ученых: С. Бобчева и В. Златарского (см. ниже). Соответственно, сама работа А.Л. Погодина носит в большей степени компилятивный и научно-публицистический характер, а ее задача сводится к систематизации и обобщению имеющихся на момент ее написания сведений о болгарской государственности в разные исторические периоды. В связи с этим через всю книгу проводится сквозная мысль о непрерывности болгарской государственности, которую автор пытается доказать, развивая тезис о преемственности болгарских династий. Так, рассматривая вопрос об этнической принадлежности родоначальников династии Асеневцев, А.Л. Погодин, принимая во внимание сведения византийских авторов, не отрицает возможности их владского происхождения. Более того, сам период образования Второго Болгарского царства, учитывая широкое присутствие в болгарских землях владхов, он именуется «владско-болгарским»¹⁵⁷. Однако, опираясь на выводы Ф.И. Успенского и В.Г. Васильевского, А.Л. Погодин охотно рассматривает и версию о происхождении первых правителей царства, Петра и Асеня, от царей Первого Болгарского царства — «из рода Самуила»¹⁵⁸. Подытоживая свои рассуждения, А.Л. Погодин отмечает, что, по его мнению, братья Асень и Петр были связаны с владхами «особенно тесными узами», но «в своем стремлении к освобождению отечества от Византии преследовали цели

¹⁵⁶ Погодин А.Л. История Болгарии. СПб., 1910. С. 67–101.

¹⁵⁷ Там же. С. 70.

¹⁵⁸ Там же.

восстановления именно болгарского царства и основывали свои права на престол происхождением от *болгарской* царской династии (выделено автором)»¹⁵⁹.

Соответственно, в качестве причин антивизантийского восстания А.Л. Погодин традиционно для отечественного славяноведения рассматривает «глубокое недовольство византийским режимом в населении, которое ждало только возможности, чтобы подняться против завоевателей»¹⁶⁰, а также «внутренние...и внешние затруднения, проистекавшие от обычных в ней дворцовых переворотов и от разнородности этнических элементов, вошедших в состав империи»¹⁶¹.

В остальном, как и П.А. Лавров, А.Л. Погодин опирается в своих выводах на работу Ф.И. Успенского, уделяя внимание роли половецкой составляющей в болгаро-византийской борьбе¹⁶², а также «событиям европейской политической жизни», в особенности третьего крестового похода под предводительством германского императора Фридриха I Барбароссы, «на время отвлекшего византийский двор от событий в болгарских землях»¹⁶³. Как и в книге Ф.И. Успенского, детальному анализу со стороны исследователя подвергается переписка между папой Иннокентием III и болгарским царем Калояном¹⁶⁴, представляющая, по словам автора, «любопытную картину сношений двух дипломатов, которые преследуют каждый свои собственные, совершенно расходящиеся цели и не доверяют друг другу», так что «за их комплиментами слышится глухая вражда»¹⁶⁵. В то же время, оценивая правление царя Калояна, который, согласно Ф.И. Успенскому, «упрочил существование Второго Болгарского царства»¹⁶⁶, А.Л. Погодин существенно расходится с ним, утверждая, что, «создав своему государству внешнее могущество, которое напоминает лучшие времена царя

¹⁵⁹ Там же. С. 70–71.

¹⁶⁰ Там же. С. 71.

¹⁶¹ Там же. С. 70.

¹⁶² Там же. С. 69–73.

¹⁶³ Там же. С. 74.

¹⁶⁴ Там же. С. 78–80.

¹⁶⁵ Там же. С. 78.

¹⁶⁶ Успенский Ф.И. Образование Второго Болгарского царства... С. 255.

Симеона, и идя по историческому пути болгарских притязаний на Македонию и Константинополь, Калоян, подобно своим великим предшественникам, не создал прочной государственной организации»¹⁶⁷.

В обстановке Балканских войн 1912–1913 гг. и в преддверии первой мировой войны работы отечественных славистов, посвященные истории Болгарии, включая средневековую, становятся все более политизированными по своему характеру. Наиболее ярким примером может служить раздел «Византийское иго и Второе Болгарское царство» из «Истории южных славян» профессора Московского университета В.Н. Щепкина, опубликованной в 1913 г. по материалам прочитанных им ранее лекций¹⁶⁸.

Как и А.Л. Погодин, будучи в первую очередь филологом, а также палеографом и лингвистом, исследователь анализирует события болгаро-византийской истории конца XII — начала XIII в., не учитывая в полной мере специфики изучаемого им времени и региона. В качестве основополагающей, исследователь проводит через все изложение «славянскую идею», значение которой для изучения истории он подробно освещает во вводной части¹⁶⁹, а потому рассматривает реалии средневековой Болгарии как часть общей для России и Сербии истории, различия в которой Щепкин считает лишь «вариантами, вызванными близкой, но не тождественной комбинацией действующих факторов»¹⁷⁰. В результате, его работа содержит анахронизмы, а на болгарскую действительность времен Второго Болгарского царства экстраполируются понятия, заимствованные из истории древнерусского Средневековья¹⁷¹.

В представлении В.Н. Щепкина период византийского владычества в болгарских землях был временем противоборства между греческой и болгарской «нациями»: так, «византийское иго принесло Болгарии

¹⁶⁷ Погодин А.Л. История Болгарии... С. 83.

¹⁶⁸ Щепкин В.Н. История южных славян. М., 1913.

¹⁶⁹ Там же. С. 21–24.

¹⁷⁰ Там же. С. 18–19.

¹⁷¹ Там же. С. 180–189.

эллинизацию церкви и централизованную византийскую бюрократию»¹⁷², а также «узко-национальное греческое отношение к болгарам»¹⁷³, что и стало причиной для «болгарских *национальных* (выделено мной — А.Д.) восстаний» XII в.¹⁷⁴, апофеозом которых стало восстание Петра и Асеня¹⁷⁵.

Поскольку основное внимание историка смещено на «национальную» борьбу греков и болгар, многие положения он по умолчанию черпает из классических работ К. Иречка и Ф.И. Успенского. Так, почти дословно повторяя пассаж из переводного издания книги К. Иречка, исследователь именуется Петра и Асеня «потомками старых болгарских бояр, которые вели теперь полунезависимую *феодалную* жизнь в своих балканских *замках* (выделено мной — А.Д.)»¹⁷⁶. Характеризуя Тырновское восстание, исследователь отмечает, что оно было отлично организовано, так как «властели и славянская часть духовенства были солидарны с вождями»¹⁷⁷, а также «эффектно инсценировано: оно сопровождалось коронацией и принятием титула “царь болгарам и грекам” пред многочисленными представителями *болгарских сословий* (выделено мной — А.Д.), собранных в Тырново под предлогом освящения церкви св. Димитрия»¹⁷⁸.

Дальнейшее развитие «возродившегося» Болгарского государства протекает по древнерусскому образцу галицко-волынского типа — в обстановке «антагонизма между государем и наследственным родовитым боярством»¹⁷⁹. Причем если сразу же после восстания «боярская крамола», согласно исследователю, «не успела помешать национальному делу»¹⁸⁰, то в дальнейшем именно боярские заговоры становятся причиной гибели первых правителей Болгарии, включая и царя Калояна¹⁸¹. В то же время не утихают и «национальные» противоречия между болгарами и греками, которым, по

¹⁷² Там же. С. 180.

¹⁷³ Там же. С. 180.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Там же. С. 182.

¹⁷⁶ Там же. С. 182.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Там же. С. 184.

¹⁸⁰ Там же. С. 183.

¹⁸¹ Там же. С. 183–184.

словам В.Н. Щепкина, «предстояла теперь стратегическая задача добывать молодое болгарское государство с черноморского берега или с запада из Софии, или через балканские проходы»¹⁸². В этом контексте символичным (в духе «славянской идеи») моментом для автора становится то, что «на западе болгарам помогал организатор сербской государственности Стефан Неманя»¹⁸³.

Та же тенденция экстраполяции современных автору «националистических» реалий на события средневековой болгарской истории характерна и для работы профессора Варшавского университета А.И. Яцимирского, также представляющей собой публикацию ранее прочитанных им в 1913–1914 гг. лекций¹⁸⁴.

Признавая условность деления истории Болгарии на «царства», «владычество» и «освобождение», в качестве основного хронологического фактора автор выдвигает пробуждение или усыпление «народного самосознания»¹⁸⁵. Согласно исследователю, в XI и XII вв. «народное самосознание еще не было усыплено окончательно, и порой оно пробуждалось»¹⁸⁶. Тем временем византийское владычество принесло болгарским землям «эллинизацию»¹⁸⁷, «всю систему угнетения масс и укрепления привилегий дворянства»¹⁸⁸, а также «греческую государственную колонизацию», вследствие чего славяне должны были либо превращаться в «крепостных», либо «переселяться в торговые пункты и усиливать ряды городского пролетариата»¹⁸⁹. В результате, естественным ответом на притеснения становится «массовое» Тырновское восстание во главе с Петром и Асенем, «по всей вероятности, румынами или половцами»¹⁹⁰.

¹⁸² Там же. С. 183.

¹⁸³ Там же. С. 182–183.

¹⁸⁴ Яцимирский А.И. История южных славян. Курс лекций, читанных в императорском Варшавском университете в 1913/1914 г. Т. 1. История Болгарии. Варшава, 1913.

¹⁸⁵ Там же. С. 298, 304.

¹⁸⁶ Там же. С. 304.

¹⁸⁷ Там же. С. 298.

¹⁸⁸ Там же. С. 299.

¹⁸⁹ Там же. С. 300.

¹⁹⁰ Там же. С. 304.

Анализируя причины успеха этого выступления, автор допускает фактологическую неточность, утверждая, что оно произошло «при содействии половцев с их прекрасной конницей»¹⁹¹, и экстраполирует на Византию известное нарицательное именование Османской империи, подчеркивая, что именно «внутреннее разложение» и «династические перевороты» породили в болгарях идею «избавиться от власти “больного человека”, каким бесспорно была в то время империя ромеев»¹⁹². В то же время исследователь дает очень глубокую характеристику политической системе нового Болгарского царства, видя в ней копирование Византии XII в. и утверждая, что «на образование Второго Болгарского царства правильнее всего смотреть, как на одно из явлений, находящих аналогии в создавшихся около того же времени полусамостоятельных и независимых деспотов на полуострове»¹⁹³.

Несмотря на достаточно подробное освещение фактической канвы истории болгарского Средневековья, свое основное внимание ученый сосредоточивает на исследовании причин и обстоятельств падения обоих болгарских царств. Для обоснования своей концепции А.И. Яцимирский вводит понятие «балканская проблема», под которой подразумевает «создание единого государства, к которому перешли бы функции империи ромеев»¹⁹⁴. По мнению исследователя, в роли именно такого государства видел свою страну царь Первого Болгарского царства Симеон, а также равнявшиеся на него правители Второго царства. В результате, автор делает вывод о том, что оба болгарских царства оказались нежизнеспособными, поскольку на протяжении всей их истории нет «ни одного явления, когда хотя бы незначительное движение характера государственного, социального, экономического, церковного, культурного и др. было бы предпринято во имя всей нации... когда автором, инициатором, исполнителем и потребителем

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Там же. С. 304–305.

¹⁹³ Там же. С. 305.

¹⁹⁴ Там же. С. 313.

результатов этого движения была бы вся нация»¹⁹⁵. В силу этого обстоятельства автор заключает, что «походы и завоевания Великого Симеона и Иоанна Асеня, стоившие стольких жертв массам и едва ли способные принести им выгоды, желание обоих царей сменить византийское господство и влияние болгарским, были не больше, как авантюрой»¹⁹⁶.

Примечательно, что, читая лекции по истории южных славян в следующем учебном году, А.И. Яцимирский принципиально меняет организацию материала, выстраивая его по определенной проблематике, которую он обозначает как «антропогеография Балканского полуострова», «население», «верховная власть» и т.п., ограничиваясь при этом предельно сжатой характеристикой и исключительно фактологией, не давая никакой оценки¹⁹⁷.

С началом первой мировой войны объявившая о своем нейтралитете Болгария становится объектом пристального внимания как центральных держав, так и государств Антанты, стремившихся перетянуть ее на свою сторону. В самой Болгарии, рассчитывавшей на поддержку России во время Балканских войн и не получившей ее, как это казалось болгарским верхам, в полной мере, нарастали русофобские настроения. В России же ожидали, что нейтральная Болгария все-таки вскоре «примкнет к славянству и даст отпор германизму»¹⁹⁸.

В этой обстановке новое звучание обретает идея славянской взаимности, а средневековые исторические параллели с современностью становятся средством воздействия как на болгарскую общественность, владеющую русским языком, так и на политически активные круги в самой России. В 1914 г. в рамках серии «Славянская библиотека» выходит

¹⁹⁵ Там же. С. 316.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Яцимирский А.И. История южных славян. Курс лекций, читанных в императорском Варшавском университете в 1914/1915 г. Варшава, 1915.

¹⁹⁸ Пичета В.И. Драма болгарского народа. Борьба за национальное объединение Болгарии (= Мир и война. Библиотека общедоступных очерков, посвященных войне 1914 г. Вып. 3). М., 1914–1915. С. 28.

«Исторический очерк славянства» В.И. Пичеты, в одной из глав которого под заголовком «Болгары» представлены и события конца XII — начала XIII в.¹⁹⁹

Как и работа В.Н. Щепкина, очерк В.И. Пичеты отражает в большей степени политические реалии современности, нежели собственно средневековую действительность как таковую, и содержит ряд историографических «клише» о византийском «иге» и даже анахронизмов. Так, в духе современной ему политической риторики включение болгарских земель в состав Византийской империи В.И. Пичета именует «аннексией», а византийскую церковную иерархию — «болгарофобской»²⁰⁰. Именуя период византийского господства византийским и даже «греческим» «игом»²⁰¹, ученый подчеркивает, что его истоки стоит искать в отсутствии у болгар «здорового государственного инстинкта» и в «стремлении во что бы то ни стало осуществить державную программу Симеона, реализация которой означала гибель Византии»²⁰².

Само существование болгарских земель в составе империи В.И. Пичета характеризует как «период очень тяжелый для страны»: сначала, как пишет ученый, «греки не особенно надавливали клавиши своей власти, очевидно из боязни народного недовольства»²⁰³, однако вскоре «началась сильная экономическая эксплуатация народа», ответом на которую стали многочисленные восстания против империи²⁰⁴.

Дальнейшее описание событий болгарской истории также построено на историографических «клише»: к 1186 г. «насилия греков в Болгарии достигли своего апогея», а вспыхнувшее восстание под руководством Петра и Асеня стало «началом болгарского возрождения»²⁰⁵. Не вдаваясь в подробности восстания, его ход и совершенно опуская фактор половецкого участия (в качестве поддерживающих болгарское движение сторон указаны лишь сербы

¹⁹⁹ *Он же*. Исторический очерк славянства // Славянская библиотека. № 1. М., 1914. С. 11–24.

²⁰⁰ Там же. С. 20, 22.

²⁰¹ Там же.

²⁰² Там же. С. 20.

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ Там же. С. 21.

²⁰⁵ Там же.

и участники третьего крестового похода²⁰⁶), В.И. Пичета приписывает успех движения исключительно организаторскому таланту его вождей: «Опираясь на духовенство, недовольное болгарофобской церковной иерархией, на народную массу, истощенную эксплуатацией греков, поддержанные землевладельцами, тоже страдавшими от эксплуатации Византии, славные вожди восстания освободили родную страну от греческого ига»²⁰⁷.

Последующее развитие Второго Болгарского царства автор характеризует как борьбу между новыми болгарскими царями и «феодалами-боярами, опиравшимися на Византию»²⁰⁸. Именно с «боярским гневом» и «боярским мщением» историк связывает активные шаги царя Калояна на внешнеполитической арене: поиск поддержки у крестоносцев и папского Рима, унию с которым исследователь оценивает как «не имевшую никакого значения для религиозной жизни болгар»²⁰⁹.

Таким образом, «болгарский очерк» В.И. Пичеты, посвященный, среди прочего, образованию Второго Болгарского царства, представляет собой работу научно-публицистического характера, в которой события болгарского Средневековья являются своего рода «предысторией» по отношению к событиям современности, информирующей читателя обо всех злоключениях окруженной враждебными соседями маленькой славянской страны, остро нуждающейся в защите и покровительстве.

Вступление Болгарии в первую мировую войну на стороне центральных держав осенью 1915 г. несколько меняет тональность работ, посвященных истории Болгарии. Идея славянского единения в борьбе с «германизмом» трансформируется в уверенность значительной части русской общественности в том, что если не «германофильское» правительство Болгарии, то, по крайней мере, болгарский народ осознает ошибочность своего выбора и рано или поздно примет сторону своих «братьев-славян» —

²⁰⁶ Там же. С. 22.

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ Там же. С. 23.

сербов и русских. В атмосфере «борьбы славянской и кельто-романской рас с расами германской и турецкой»²¹⁰, а также ожидания шагов со стороны «болгарского народа» в 1916 г. в свет выходит совместный труд профессоров Н.В. Ястребова и П.А. Лаврова «История болгарского народа», впервые подробно освещающий взаимоотношения «народа», «народных масс», с одной стороны, и высшей власти — с другой, в том числе и применительно к периоду византийского владычества и событиям конца XII — начала XIII в.²¹¹

Анализируя положение в период византийского господства в болгарских землях, ученые следуют работе Ф.И. Успенского «Образование Второго Болгарского царства», привлекая в качестве главного источника письма Охридского архиепископа Феофилакта. Так же, как и Ф.И. Успенский, избегая употребления термина «иго», исследователи все же приходят к выводу о «враждебном отношении» византийцев к «болгарской народности»²¹², «общем печальном положении болгар в эту эпоху»²¹³ и даже «греческом церковном и социально-политическом угнетении»²¹⁴, грозившем «исчезновением с лица земли болгарского народа»²¹⁵. Такое положение, по утверждению авторов, усугублялось «внутренним византийским беззаконием... уже при последних Комнинах, особенно при Ангелах», в то время как «система дворянско-властельского и правительственно-бюрократического угнетения народных масс уже безотносительно к их национальности подготовляла объединение первоначально не только чуждых, но и враждебных друг другу этнических элементов»²¹⁶. Таким образом, восстание 1185–1186 гг. против византийской власти оказывается представлено как естественное следствие «порабощения болгар»²¹⁷ и изображается исследователями как «народное собрание» в построенном

²¹⁰ Ястребов Н.В., Лавров П.А. История болгарского народа. Петроград, 1916. С. 421.

²¹¹ Там же. С. 222–231.

²¹² Там же. С. 203.

²¹³ Там же. С. 204.

²¹⁴ Там же. С. 206.

²¹⁵ Там же. С. 221.

²¹⁶ Там же. С. 222.

²¹⁷ Там же. С. 204.

Петром и Асенем храме св. Димитрия, сопровождавшееся «гневом на греков» и «одушевлением народных масс»²¹⁸.

В целом, рассматривая события болгаро-византийских отношений конца XII — начала XIII в., авторы опираются на работу Ф.И. Успенского. Вслед за Ф.И. Успенским исследователи оставляют открытым вопрос об этнической принадлежности первых Асенецев, утверждая, что они могли быть как «болгаро-валашского», так и половецкого происхождения, а также быть в родстве с потомками царя Самуила²¹⁹.

При этом, следуя общей фактологии книги Ф.И. Успенского, авторы привносят ряд терминологических изменений. Так, восстание Петра и Асеня и дальнейшие события начала XIII в. рассматриваются историками как «возрождение болгарского государства», т.е. в контексте непрерывающейся государственной традиции, а «Второе Болгарское царство» трансформируется ими во «второе болгарское государство», так что акцент смещается с изменения эпохи и характера государственности («царство») на изменение лишь очередности при сохранении основной сути (второе государство).

В то же время в русле отечественной историографии продолжают появляться и более нейтральные по тону работы, среди которых выделяется прежде всего «История южных славян» профессора Московского Университета Ю.В. Готье, опубликованная по материалам прочитанных лекций в 1916 г.²²⁰ Рассматривая историю южных славян как «частный процесс общеевропейской истории», русист Ю.В. Готье уделяет пристальное внимание связи истории сербов и болгар с историей России, а также взаимоотношениям болгар и сербов²²¹.

В целом, работа ученого носит обобщающий и компилятивный характер: исследователь оперирует такими «традиционными» для

²¹⁸ Там же. С. 224.

²¹⁹ Там же. С. 223–224.

²²⁰ Готье Ю.В. История южных славян. М., 1916.

²²¹ Там же. С. 3, 5.

отечественной историографии клише как «византийское иго», «обращение в рабство» болгарского населения, «гонения со стороны греков», «эллинизация официальной церкви»²²², «опустошенная и поработанная Болгария»²²³, «болгарское национальное движение»²²⁴, и т.д.

Тем не менее, работа Ю.В. Готье содержит ряд интересных мыслей. Так, анализируя положение болгарских земель под властью Византии, ученый замечает «постоянное соотношение между империей и Болгарией»: «надломленные вековой борьбой болгары все еще были в силах сопротивляться, пока Византия была в упадке, но когда пятидесятилетний период смут и частных смен на престоле... миновал и сменился в империи подъемом энергии, мечта болгар о свержении ига должна была исчезнуть»²²⁵. Соответственно, «восстановление болгарской независимости» автор связывает с тем, что «теснимая извне и ослабевшая от внутренних раздоров империя опять клонилась к упадку»²²⁶. Анализируя успех предприятия первых Асеневцев, Ю.В. Готье отмечает, что, помимо ослабления Византии, ему способствовали «чрезвычайное легкомыслие и бездарность императора Исаака», поход Фридриха Барбароссы и «то обстоятельство, что болгары в 80-х и 90-х гг. XII века живут в мире с сербами и действуют даже в союзе с ними»²²⁷.

В целом же, основную фактологию и объяснение явлений автор заимствует из трудов Ф.И. Успенского, В.Г. Васильевского, а также, по-видимому, других своих предшественников. Так, в вопросе о происхождении Асеневцев, он ссылается на мнение В.Г. Васильевского²²⁸, а уделяя внимание проблеме заключения унии с Римом в 1204 г., явно следует концепции Ф.И. Успенского²²⁹. Очевидно заимствованный характер носит и суждение о том, что царь Калоян «поставил на очередь политическую программу царя

²²² Там же. С. 114.

²²³ Там же. С. 119.

²²⁴ Там же. С. 123.

²²⁵ Там же. С. 112.

²²⁶ Там же. С. 120.

²²⁷ Там же. С. 124–125.

²²⁸ Там же. С. 122.

²²⁹ Там же. С. 126.

Симеона»²³⁰, которую ему не удалось реализовать, так как «его правление было слишком коротким для создания в Болгарии прочной государственности»²³¹.

Таким образом, благодаря усилиям целого ряда выдающихся славистов и византинистов своего времени, в начале XX в. в отечественной науке существовали все предпосылки для дальнейшего, более глубокого изучения интересующей нас проблематики. Однако движение в этом направлении вскоре было прервано вступлением России в период военных, а затем и революционных потрясений, повлекших за собой, среди прочего, радикальную перестройку общественно-политической жизни страны, включая организационные и иные условия и формы развития научной и образовательной деятельности.

В первые годы советской власти отечественная славистика сталкивается с серьезными трудностями. В 1920-е гг. она подвергается нападкам как «отжившая», «буржуазная» наука, а идеи славянской взаимности, ассоциируясь с идеологией панславизма, осуждаются и вытесняются идеями пролетарского интернационализма. Немаловажной причиной падения уровня исследовательского интереса к истории славянских стран и, в частности, Болгарии становятся и принципиальные различия между политическими моделями, утвердившимися в советской России и в славянских странах Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период²³².

Не лучшие годы переживает и отечественное византиноведение, хотя в его русле все же продолжают возникать выдающиеся работы, в том числе и затрагивающие тем или иным образом проблематику болгаро-византийских отношений конца XII — начала XIII в.

Так, в 1923 г. выходит в свет обобщающая работа по истории Византии в правление Комнинов (1081–1185) и Ангелов (1185–1204), написанная

²³⁰ Там же. С. 127, 131.

²³¹ Там же. С. 128.

²³² Подробнее см.: *Аксенова Е.П.* Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М., 2000.

профессором А.А. Васильевым²³³, совмещавшим в 1920-е гг. обязанности декана историко-филологического факультета Петроградского педагогического института, профессора Петроградского университета, председателя Российской академии истории материальной культуры (РАИМК) и члена-корреспондента РАН²³⁴. В этой работе, позднее дополненной в американском издании 1929 г. (после эмиграции автора в США)²³⁵, прежде всего излагаются в сжатом виде основные сведения о ситуации в болгарских землях в период византийского владычества и о событиях, связанных с возникновением Второго Болгарского царства. Примечательно, что А.А. Васильев, как и его знаменитые предшественники Ф.И. Успенский и В.Г. Васильевский, на которых он неоднократно ссылается, не абсолютизирует понятие «византийское иго»²³⁶, не упоминая ни об «эллинизации», ни об «эксплуатации» болгарского населения, констатируя лишь «недовольство болгар византийским господством и желание добиться независимости»²³⁷.

Рассматривая вопрос о происхождении предводителей Тырновского восстания, А.А. Васильев указывает, что они, «может быть, происходили из рода прежних болгарских царей, но выросли среди валашского населения и усвоили язык последнего»²³⁸. При этом автор считает в корне неверным подход болгарских историков, которые «связали происхождение Петра и Асеня с половецко-болгарскими этническими элементами в Северной Болгарии, приуменьшая концентрацию валашско-румынского элемента... и

²³³ Васильев А.А. Византия и крестоносцы. Эпоха Комнинов (1081–1185) и Ангелов (1185–1204). Петербург, 1923.

²³⁴ Грушевой А.Г. К переизданию цикла общих работ А.А. Васильева по истории Византии // Васильев А.А. История Византийской империи. Т. 1. Время от крестовых походов до 1081 г. СПб., 1998 [доступно 25.05.2016: <http://gumilevica.kulichki.net/VAA/vaa101.htm>].

²³⁵ Vasiliev A.A. History of the Byzantine Empire. Vol. 2. Madison, 1929.

²³⁶ Васильев А.А. Византия и крестоносцы... С. 62.

²³⁷ Там же. С. 63.

²³⁸ Там же.

Ср. аналогичный пассаж в американском издании: Vasiliev A.A. History of the Byzantine Empire... P. 99.

считая образование Второго Болгарского царства в Тырново *национальным делом болгар*»²³⁹ (выделено мной — А.Д.).

Примечательно, что спустя почти 20 лет во втором американском издании своей книги А.А. Васильев, развивая концепцию своего учителя В.Г. Васильевского, сделает окончательный вывод о том, что «новое Болгарское царство в этническом смысле было валашско-болгарско-половецким, а его династия, если утверждение Никиты Хониата можно принять, была валашской»²⁴⁰.

Значимым событием для всего византиноведческого сообщества становится выход в свет в 1927 г. авторского издания первой части второго тома фундаментальной «Истории Византийской империи» Ф.И. Успенского²⁴¹, появление которого было запланировано еще до первой мировой войны (вслед за первым томом, изданным в 1913 г.). Смерть автора в 1928 г. откладывает полное издание его труда еще на двадцать лет: третий том «Истории», составленный на основе сохранившихся в архиве Ленинградского отделения Академии наук рукописей ученого, увидит в свет лишь в 1948 г. (см. ниже)²⁴².

Тем не менее, очевидно, что после более чем двадцатилетней работы во взглядах Ф.И. Успенского на события в болгарских владениях империи конца XII в. произошли существенные изменения — в сторону комплексного подхода к ним и к истории Византии в целом. Восстание Петра и Асеня на северо-востоке болгарских земель и последующее распространение его на их юго-запад (согласно Ф.И. Успенскому — «возрождение болгарской народности»²⁴³), помещены в контекст общеславянского движения на

²³⁹ *Vasiliev A.A. History of the Byzantine Empire... P. 99.*

Ср. также перевод А.Г. Грушевого со второго американского издания работы (1952), где этот пассаж сохранен в неизменном виде: *Васильев А.А. История Византийской империи. Т. 2. От крестовых походов до падения Константинополя. СПб., 1998 [доступно 25.05.2016: <http://gumilevica.kulichki.net/VAA/vaa214.htm#vaa214para09>].*

²⁴⁰ *Vasiliev A.A. History of the Byzantine Empire, 324–1453. Madison, 1952 (цит. по переводу А.Г. Грушевого: Васильев А.А. История Византийской империи... Т. 2 [доступно 25.05.2016: <http://gumilevica.kulichki.net/VAA/vaa214.htm#vaa214para09>].*

²⁴¹ *Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 2. Первая половина. Л., 1927.*

²⁴² *Он же. История Византийской империи. Т. 3. М.; Л., 1948.*

²⁴³ Там же. С. 328.

Балканах, начавшегося в конце XII в. на фоне «распущенности и дегенерации высших классов византийского общества» и «утраты центростремительной силы в идее самой империи»²⁴⁴. Иначе говоря, движение в болгарских землях осмысливается исследователем как закономерный этап развития т.н. «малых центров» империи, которые, «потеряв связь со столицей и утратив доверие к центральной власти», «таили в себе зародыш политической самобытности»²⁴⁵. При этом, согласно Ф.И. Успенскому, именно в конце XII в. в славянской среде появляются корни некоей «национальной» идеи: как пишет автор, «в первый раз сербы и болгары, делящие господство на полуострове, выступили с определенными и хорошо обдумантыми целями, клонившимися не только к освобождению от политического господства Византии, но вместе с тем к государственной и церковной организации на национальных началах»²⁴⁶.

Анализируя правление первых Асеневцев: Петра, Асеня и Калояна, — ученый отмечает, что «национальная» идея отнюдь не препятствовала осуществлению личных амбиций, особенно в среде болгарской знати, которая не была единодушна в признании верховной власти братьев: «обнаружившийся в Болгарии протест боярской партии против Асений необходимо вызвал ряд строгих мер против недовольных, что повело к переходу на службу империи некоторой части боярства»²⁴⁷. Ту же тенденцию историк отмечает и применительно к заключению церковной унии между Болгарией и Римом в 1204 г., указывая, что, устанавливая отношения с папской курией, «болгары желали возможно больше получить и меньше дать», а значит, руководствуясь исключительно практическими соображениями, могли пойти и на соглашение с византийцами, которым «удалось бы предупредить унию Болгарии с Римом, если бы весь политический и церковный строй империи не был неожиданно изменен

²⁴⁴ Там же. С. 315.

²⁴⁵ Там же. С. 322.

²⁴⁶ Там же. С. 346.

²⁴⁷ Там же. С. 352.

вследствие латинского завоевания Константинополя и разделения империи в 1204 г.»²⁴⁸.

Таким образом, к исходу 1920-х гг. тема болгаро-византийских отношений конца XII — начала XIII вв. остается профессиональным «доменом» именно византинистов, постепенно теряя свою актуальность в связи с уходом из жизни либо эмиграцией действующих специалистов²⁴⁹. Собственно же славистика в университетах, прежде всего Московском, подвергается разгрому. В 1929 г. начинается реорганизация Академии наук и разворачивается открытая травля ученых-славистов в печати, славистические труды становятся не востребованными, останавливается издание славистических журналов²⁵⁰.

Похожая судьба ожидала и византиноведение. Со смертью Ф.И. Успенского в 1928 г. в связи с «неактуальностью» византийской проблематики для советской исторической науки закрывается редактировавшийся им «Византийский временник». В начале 1930-х гг. часть исследователей подвергается репрессиям, часть — эмигрирует на Запад²⁵¹.

Между тем, уже к середине 1930-х гг. возникают объективные потребности в дальнейшем развитии славяноведения, обусловленные прежде всего традиционными русско-славянскими связями и необходимостью способствовать культурному развитию славянских народов и этнических групп, проживающих на территории СССР²⁵². Поскольку возвращение исследователей, уехавших за границу в 1920-е гг., было затруднено или практически невозможно, под руководством академика Н.С. Державина в 1931 г. для решения текущих «славянских» задач создается первый Институт славяноведения в Ленинграде. Правда, вскоре, в связи с репрессиями в академических кругах по «делу славистов» (1933–1934), этот институт был

²⁴⁸ Там же. С. 359.

²⁴⁹ Робинсон М.А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004. С. 128–129, 191–228.

²⁵⁰ Там же. С. 131–134.

²⁵¹ Подробнее см.: Попов И.Н., Чичуров И.С. Византиноведение // ПЭ. Т. 8. М., 2004. С. 388–401.

²⁵² Аксенова Е.П. Очерки из истории отечественного славяноведения... С. 18.

расформирован, как был закрыт и Кабинет славяноведения Библиотеки Академии наук СССР. Однако уже к концу 30-х гг., на фоне нарастающей угрозы со стороны фашистской Германии и общего обострения международной обстановки, идея «славянской взаимности» вновь обретает свою актуальность²⁵³. В 1938 г. учреждается сектор славяноведения Института истории АН СССР, в 1939 — кафедра истории южных и западных славян на восстановленном еще в 1934 г. историческом факультете Московского университета.

В период Великой Отечественной войны (1941–1945) выходящие в рамках Академии наук работы по исторической славистике носят преимущественно политизированный и идеологизированный характер, исследований по собственно средневековой истории не ведется. Между тем, летом 1942 г. при Президиуме АН СССР учреждается Славянская комиссия, призванная объединить все отрасли славяноведения, а вскоре после окончания войны, в 1947 г., на базе сектора славяноведения и Славянской комиссии в Москве создается Институт славяноведения во главе с академиком Б.Д. Грековым.

Спустя три года решением Президиума АН СССР от 7 июня 1950 г. было организационно оформлено Ленинградское отделение Института славяноведения во главе с академиком Н.С. Державиным — видным специалистом по болгарской филологии, активным деятелем Антифашистского комитета ученых (1942–1949), Всеславянского комитета (1942–1947) и Славянского комитета СССР (1947–1953), членом редакционной коллегии журнала «Славяне» (1942–1958), а также доктором Софийского университета и почетным членом Болгарской Академии наук. Именно из-под его пера в период с 1945 по 1948 г. выходит четырехтомная «История Болгарии»²⁵⁴ (вскоре частично переведенная и на болгарский

²⁵³ Робинсон М.А. Судьбы академической элиты... С. 384–385.

²⁵⁴ Державин Н.С. История Болгарии. Т. 1–4. М.; Л., 1945–1948.

язык²⁵⁵), в рамках которой впервые в советской славистике история Болгарии, все отчетливее втягивавшейся в то время в орбиту СССР, рассматривается как отдельный предмет.

Отдельный том издания был посвящен истории Болгарии времени Первого и Второго царств (679–1393)²⁵⁶. Анализируя положение болгарских земель в конце XII — начале XIII в., Н.С. Державин, по сути, следует идеологической программе, выдвинутой для журнала «Славяне» еще в 1942 г.: освещать «славные страницы исторического прошлого славянских народов в их национально-освободительной борьбе с насильниками национальной свободы, культуры и независимости, освещать вклад славянских народов в культуру мирового человечества»²⁵⁷.

В этом контексте период византийского владычества представлен Н.С. Державиным как однозначно «черная страница» в истории болгарского народа: помимо политического и экономического господства, «завоеватель наложил свою руку и на культурную или духовную жизнь болгарского народа, с тем чтобы путем лишения грамоты и церковного культа на родном языке постепенно привести болгарский народ к полной ромеизации и сделать его безропотным и покорным объектом своей безграничной эксплуатации»²⁵⁸. Неудачу в деле «полной ромеизации» Болгарии автор связывает с упорным нежеланием болгар смириться с потерей независимости, проявлением которого он считает развитие богомильского движения, «представленного наиболее культурными и политически наиболее передовыми элементами тогдашней болгарской общественности»²⁵⁹, а также с тем, что сама Византия уже к середине XII в. «представляла собой “живой труп”, заражавший своим смрадным разложением атмосферу, в которой

²⁵⁵ В Болгарии были переведены и изданы только первые два тома «Истории»: Державин Н.С. История на България. Т. 1–2. София, 1946–1947.

²⁵⁶ Державин Н.С. История Болгарии. Т. 2. Болгария времени первого и второго царств (679–1393). М.; Л., 1946.

²⁵⁷ Документ № 380. Щербаков — Сталину. Программа журнала «Славяне». 21.04.1942 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1338. Л. 2–3 [доступно 25.05.2016: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1016019>].

²⁵⁸ Державин Н.С. История Болгарии... Т. 2. С. 108.

²⁵⁹ Там же. С. 115.

задыхался болгарский народ»²⁶⁰. Не исключая возможности того, что «болгарское национально-освободительное движение в 1185 г. было инспирировано и получило свое оформление именно в недрах национального богомильского движения»²⁶¹, автор связывает развитие Тырновского восстания с «болгарскими вождями» Петром и Асенем, избегая упоминания об их смешанном этническом происхождении²⁶².

При этом само выступление рассматривается Н.С. Державиным как «революция», совершенная под руководством братьев Асеня и Петра (причем последний, по замечанию автора, был наделен титулом «царь» самим «восставшим народом в начале революции»²⁶³), а также их «старого сотрудника по революционной работе» архиепископа Василия²⁶⁴. Сообщение Никиты Хониата о нерешительности местного населения в начале восстания интерпретировано исследователем как относящееся лишь к «колебавшимся и вероломным влахам»²⁶⁵, которых Н.С. Державин называет «скотоводческим народом»²⁶⁶, и «вероломство» которых он противопоставляет некоей исконной «сознательности» народа болгарского. Курс своих братьев продолжает «непримиримо настроенный против Византии, энергичный и решительный, поддерживаемый богомилами и наладивший дружественные отношения с жупанами, Иван Калоян»²⁶⁷. Значение его правления оценивается исследователем чрезвычайно высоко, а заключение унии с Римом — традиционно как удачный политический шаг, поскольку таким образом Калоян «смог парализовать при содействии Римского папы нажим на Болгарию со стороны мадьяр»²⁶⁸.

Между тем, в связи с возрождением в сталинском СССР некоторых традиций дореволюционной России и нормализацией отношений с Русской

²⁶⁰ Там же. С. 118.

²⁶¹ Там же. С. 115.

²⁶² Автор именует их «внуками Борила», имея в виду известного болгарского военачальника конца XI в. — Там же. С. 122.

²⁶³ Там же. С. 127.

²⁶⁴ Там же. С. 126.

²⁶⁵ Там же. С. 122.

²⁶⁶ Там же.

²⁶⁷ Там же. С. 130.

²⁶⁸ Там же.

Православной Церковью в период Великой Отечественной войны, новое развитие получает и византиноведение. Еще в 1943 г. при Институте истории АН СССР в Москве появляется византийская группа во главе с академиком Е.А. Косминским (с 1955 г. — сектор византиноведения). В 1945 г. в отделении истории и философии Академии наук СССР проходит сессия, приуроченная к столетию со дня рождения Ф.И. Успенского, в ходе которой принимается постановление об ознаменовании памяти ученого посредством издания его трехтомной «Истории Византийской империи», прежде всего — ее третьего тома.

В 1947 г. под редакцией Б.Д. Грекова и Е.А. Косминского издается первый (26-й) том обновленного «Византийского временника». Среди задач «обновленного» византиноведения важнейшее место занимает исследование истории социально-экономических отношений, аграрной истории, проблем феодализма, истории народных масс и форм классовой борьбы. В этом контексте особую актуальность приобретает проблема болгаро-византийских отношений, начиная со времени установления византийского владычества и вплоть до конца XII — начала XIII в., когда формируется независимое от империи болгарское государство.

В 1954 г. выходит в свет новая двухтомная «История Болгарии», призванная исправить «серьезные ошибки и недостатки» труда Н.С. Державина, связанные с его «марристскими взглядами»²⁶⁹. Болгаро-византийским отношениям конца XII — начала XIII в. посвящена отдельная глава новой работы «Борьба болгарского народа против византийского ига», написанная византинистом Б.Т. Горяновым²⁷⁰.

Характеризуя период пребывания болгарских земель в составе Византии, автор утверждает, что «в результате византийского завоевания болгарский народ оказался под двойным гнетом — гнетом собственных и византийских феодалов, в том числе церкви, и тяжелым гнетом

²⁶⁹ История Болгарии. Т. 1. М., 1954. С. 9.

²⁷⁰ Горянов Б.Т. Борьба болгарского народа против византийского ига // История Болгарии. Т. 1. М., 1954. С. 107–122.

византийского правительства»²⁷¹, «византийское иго способствовало усилению процесса закрепощения болгарского крестьянства»²⁷², «возродился институт рабства»²⁷³. Рассматривая состояние культуры в этот период, автор констатирует ее полный упадок: «стремясь полностью подчинить себе Болгарию, византийское правительство проводило политику *эллинизации* (выделено мной — *А.Д.*) болгарского народа, душило самобытную болгарскую культуру, стремилось эллинизировать болгарскую литературу»²⁷⁴.

В конце XII в. «усиление правительственного гнета и феодальной эксплуатации» приводит к «объединению различных этнических элементов против византийского господства»²⁷⁵. Согласно историку, византийское правительство пыталось опереться на «эллинизированных» владх, однако, по замечанию Б.Т. Горянова, «влахи приняли активное участие в восстании против византийского ига»²⁷⁶. Рассматривая восстание «масс болгарского народа» под руководством «болгарских феодалов» Петра и Асеня, исследователь подчеркивает, что его «основной движущей силой» были «трудящиеся массы деревни и города», а не стремление предводителей восстания «к полунезависимому положению в империи», как считало византийское правительство, которое «недооценивало силы восстания»²⁷⁷. В то же время, согласно Б.Т. Горянову, после «восстановления» независимого болгарского государства народ вновь оказывается в подчиненном положении, так как «примкнув к восстанию народа против византийского ига и использовав это восстание в своих целях, землевладельческая знать создала свое феодальное государство для того, чтобы держать в узде эксплуатируемое большинство»²⁷⁸.

²⁷¹ Там же. С. 107.

²⁷² Там же. С. 108.

²⁷³ Там же. С. 109.

²⁷⁴ Там же. С. 111.

²⁷⁵ Там же. С. 120.

²⁷⁶ Там же.

²⁷⁷ Там же. С. 122.

²⁷⁸ Там же. С. 124.

Борьбе болгар с «византийским игом» посвящает свою кандидатскую диссертацию и молодой тогда византинист Г.Г. Литаврин²⁷⁹, обосновывая ее актуальность событиями своего времени, «когда, освободившись с помощью советского народа от всех и всяких эксплуататоров, болгарский народ успешно строит социализм под руководством коммунистической партии»²⁸⁰.

В диссертации отмечается, что «византийское иго» стало однозначно «темным» периодом в истории болгарских земель, принеся «не прогресс в экономическом развитии», а «нищету, разорение»²⁸¹: «византийские феодалы подвергали болгарское население особенно жестокому гнету, торопясь обогатиться его трудом»²⁸². «Крупнейший феодал и злейший эксплуататор», болгарская церковь, по замечанию историка, «была проводником политики *ромеизации* (выделено мной — А.Д.) Болгарии»²⁸³. Тезис о намеренной ромеизации болгарского населения неоднократно встречается в работе исследователя и связывается им с политикой правительства по отношению и к болгарской знати, и к населению в целом²⁸⁴. Неудивительно, что, согласно Г.Г. Литаврину, на всем протяжении XI–XII вв. население непрерывно восставало, однако большинство восстаний не увенчалось успехом в силу их «локальности, крестьянского партикуляризма, доверия к царю»²⁸⁵. В свою очередь, восстание 1185 г. на северо-востоке болгарских земель стало исключением, поскольку население этих областей «жило в особенно тяжелых условиях», страдая от набегов кочевников и непомерно высоких налогов²⁸⁶. С помощью «мелких болгарских феодалов», принявших участие в движении, влахов и русских поселенцев по Дунаю²⁸⁷, «в упорной, кровопролитной

²⁷⁹ Литаврин Г.Г. Борьба болгарского народа против византийского ига (XI–XII вв.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1954.

²⁸⁰ Там же. С. 1.

²⁸¹ Там же. С. 7.

²⁸² Там же. С. 5.

²⁸³ Там же. С. 10.

²⁸⁴ Там же. С. 12–13.

²⁸⁵ Там же. С. 14.

²⁸⁶ Там же. С. 15.

²⁸⁷ Там же. С. 15–16.

борьбе», «народ сбросил иноземное иго», истощавшее «силы народа, ввергавшее его в нищету»²⁸⁸.

В 1956 г. отдельные аспекты диссертации Г.Г. Литаврина находят отражение в его же статье «Налоговая политика Византии в Болгарии в 1018–1185 гг.». В ней Г.Г. Литаврин подробно останавливается на формах налогов, видах и способах «ограбления завоеванного болгарского населения» византийским чиновничеством, делая вывод об «особенно суровой налоговой политике» имперских властей по отношению к болгарскому народу. В связи с этим, по мнению историка, борьба со стороны «завоеванного, но не покоренного народа» «усиливалась от десятилетия к десятилетию, пока не завершилась освобождением Северной и Северо-Восточной Болгарии и образованием нового болгарского государства»²⁸⁹.

В 1958 г. в рамках «Очерков истории Византии и южных славян», написанных им совместно с А.П. Кажданом²⁹⁰, Г.Г. Литаврин публикует очерк «Южнославянские народы под властью Византии», посвященный, помимо прочего, положению болгар и болгарских земель в период с 1018 по 90-е гг. XII в.²⁹¹ По сравнению с диссертацией 1954 г., тональность очерка несколько смягчена, однако период византийского владычества рисуется автором по-прежнему исключительно в черных тонах: это и «политика беспощадного угнетения населения завоеванной страны»²⁹², и «политика византинизации»²⁹³, и «фискальный гнет»²⁹⁴, и «безудержное взяточничество и произвол»²⁹⁵, а также «неисчислимы бедствия от почти непрерывных войн»²⁹⁶. В этой обстановке славянское население Болгарии ведет

²⁸⁸ Там же. С. 16.

²⁸⁹ Литаврин Г.Г. Налоговая политика Византии в Болгарии в 1018–1185 гг. // ВВ. 1956. Т. 10. С. 110.

²⁹⁰ Каждан А.П., Литаврин Г.Г. Очерки истории Византии и южных славян. М., 1958.

В данной работе используется второе издание «Очерков...» (СПб., 1998), в котором главы, написанные Г.Г. Литавриным, по его собственному признанию, не претерпели практически никаких изменений.

²⁹¹ Литаврин Г.Г. Южнославянские народы под властью Византии // Каждан А.П., Литаврин Г.Г. Очерки истории Византии и южных славян. СПб., 1998. С. 187–200.

²⁹² Там же. С. 188.

²⁹³ Там же. С. 190.

²⁹⁴ Там же. С. 191.

²⁹⁵ Там же. С. 192.

²⁹⁶ Там же.

непрерывную борьбу против «тяжелого иноземного рабства»²⁹⁷. В 40-е — 70-е гг. XI в. она выливается в ряд восстаний, не увенчавшихся успехом в силу «недостаточной организованности», «пестрого социального состава», «предательства болгарской феодальной знати»²⁹⁸. Лишь «мощное народное восстание» на северо-востоке болгарских земель, вызванное введением чрезвычайного налога и возглавленное «местными феодалами средней руки»²⁹⁹ Петром и Асенем, принесло болгарам долгожданную свободу. Проанализировав события антивизантийского движения с 1186 по 1190 г., автор приходит к выводу о том, что с этого момента болгарское государство начинает играть роль «гегемона на Балканах», и несмотря на то, что оно «в исторических условиях того времени» оставалось «феодальным» по характеру, «освобождение болгарским народом своей страны имело огромное прогрессивное значение»³⁰⁰.

Развитие взглядов Г.Г. Литаврина на болгаро-византийские отношения интересующего нас времени заявляет о себе уже в 1960 г., когда в свет выходит его монография «Болгария и Византия в XI–XII вв.»³⁰¹. Представляя собой удачный пример сочетания марксистской методологии с критическим анализом источников, работа содержит также подробнейший разбор основных положений отечественной и зарубежной историографии, включая новейшую (на тот момент), по ряду таких острых вопросов как статус болгарских земель в составе Византии, проблема этнического происхождения Петра и Асеня и идентификации главного «государствообразующего» этноса во Втором Болгарском царстве, связь антивизантийских восстаний XI в. с «народно-освободительным движением» во главе с Петром и Асенем, и т.д.

Хронологические рамки этой своей работы, как и в случае кандидатской диссертации, Г.Г. Литаврин ограничивает началом XI в.

²⁹⁷ Там же. С. 193.

²⁹⁸ Там же. С. 194.

²⁹⁹ Там же. С. 197.

³⁰⁰ Там же. С. 199.

³⁰¹ *Литаврин Г.Г.* Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960.

(завоевание болгарских земель Византией) и 1187 г. (который исследователь соотносит с освобождением Северо-Восточной Болгарии, считая освобождение южно- и западноболгарских земель «первым этапом в истории нового болгарского государства»³⁰²). Однако основное внимание Г.Г. Литаврина на этот раз сосредоточивается не на «изучении истории народных масс»³⁰³, а на «системе византийского управления завоеванной страной»³⁰⁴ и «изучении характера антифеодальной и народно-освободительной борьбы болгарского народа»³⁰⁵.

Подчеркивая, что «византийский налоговый гнет, как гнет любого другого государства в завоеванной стране, и феодальная эксплуатация сковывали производственные возможности непосредственных производителей»³⁰⁶, Г.Г. Литаврин, однако, признает, что «положительное влияние византийского ремесла и агрикультуры не могло не сказаться на Болгарии за 167 лет византийского владычества»³⁰⁷. В то же время, указывает историк, «хищное иноземное владычество»³⁰⁸, «массовое разрушение производительных сил в результате войн, мятежей знати, карательных византийских экспедиций против местного населения»³⁰⁹, «чиновный произвол, принимавший в Болгарии особенно дикие формы»³¹⁰, привели к тому, что «развитие Болгарии в XI–XII вв., хотя и не было остановлено и законсервировано, было, несомненно, замедлено»³¹¹.

Более того, исследователь отмечает, что болгарская культура переживала «в XI–XII вв. на землях, подвластных империи, упадок, и непосредственной причиной его было иноземное иго»³¹², а в византийской политике по отношению к болгарам проявлялись «ассимиляторские

³⁰² Там же. С. 465.

³⁰³ *Литаврин Г.Г.* Борьба болгарского народа против византийского ига... С. 2.

³⁰⁴ *Он же.* Болгария и Византия в XI–XII вв... С. 7.

³⁰⁵ Там же. С. 8.

³⁰⁶ Там же. С. 27.

³⁰⁷ Там же. С. 38.

³⁰⁸ Там же. С. 351.

³⁰⁹ Там же. С. 38.

³¹⁰ Там же. С. 350.

³¹¹ Там же. С. 38, 219.

³¹² Там же. С. 374.

тенденции»³¹³, «политическая и культурная дискриминация»³¹⁴. Именно поэтому, по мнению историка, «борьба против иноземцев не прекращалась в течение всего периода их господства, выливаясь неоднократно в мощные антифеодальные и народно-освободительные восстания»³¹⁵ стихийного характера и, пройдя через несколько этапов (восстание 1040–1041 гг., восстание 1072 г. и другие антивизантийские выступления), завершилась успешным восстанием Петра и Асеня в конце XII в.³¹⁶

Затрагивая проблему этнического происхождения предводителей Тырновского восстания, Г.Г. Литаврин подчеркивает, что «они должны были быть тесно связаны с местным населением и выражать... общие интересы борьбы с иноземным господством»³¹⁷. В то же время гораздо больший интерес для исследователя представляет проблема этнической составляющей восстания Петра и Асеня, изучив которую, он приходит к выводу о том, что «движение было совместным восстанием болгар и влахов», однако «подавляющее большинство восставших составляли болгары»³¹⁸.

Анализируя причины восстания, Г.Г. Литаврин, с одной стороны, подчеркивает его стихийный, «народный», характер³¹⁹, с другой — немалую роль в его развитии братьев Петра и Асеня. Их приезд в императорский лагерь в Кипселлу, послуживший прологом к выступлению болгар, исследователь рассматривает как «разведку болгарской феодальной знати, которая уже не могла оставаться в стороне от событий и должна была определить свою позицию по отношению к ним»³²⁰. Таким образом, слова Хониата о колеблющихся «владах» ученый интерпретирует в совершенно противоположном византийскому автору ключе: инициатором становится народ, а «лояльные»³²¹ императору Исааку II Ангелу Петр и Асень после

³¹³ Там же.

³¹⁴ Там же. С. 366, 369, 374.

³¹⁵ Там же. С. 375.

³¹⁶ Там же. С. 375–410.

³¹⁷ Там же. С. 433.

³¹⁸ Там же. С. 436.

³¹⁹ Там же. С. 441.

³²⁰ Там же. С. 442.

³²¹ Там же. С. 442–443.

нанесенного им оскорбления — лишь «вынужденными» участниками народного движения. Иначе говоря, предводители восстания, по логике исследователя, лишь подстраиваются под стихийное народное движение, и именно народ в дальнейшем распределяет «первые места» в зарождающейся государственной системе нового Болгарского царства. Так, благодаря соответствию народным ожиданиям, на первый план в итоге выдвигается «решительный и не боящийся опоры на народное ополчение Асень»³²². В конечном счете, по мнению Г.Г. Литаврина, к концу XII в. «народно-освободительное движение не переросло в антифеодалное», однако «широкое участие в нем угнетенных низов населения привело, в конце концов, к освобождению Болгарии от иноземного господства»³²³.

В 1960-е гг. проблематика болгаро-византийских отношений конца XII — начала XIII в. находит отражение и в ряде работ обобщающего характера. Так, в «Советской исторической энциклопедии» образование Второго Болгарского царства рассматривается как результат борьбы с «иностранным игом» с характерными для него проявлениями: «двойным» феодальным «гнетом», «закрепощением новых групп крестьян», «самопродажей и продажей детей в рабство»³²⁴. Не остались обойдены вниманием интересующие нас события и в рамках фундаментальной трехтомной «Истории Византии», увидевшей свет в 1967 г., хотя здесь их освещение носило по необходимости предельно сжатый характер, будучи встроено в изложение собственно византийской истории соответствующего периода³²⁵.

Таким образом, к концу 1960-х гг. в отечественной историографии (прежде всего византиноведении) складываются устойчивые представления о жестокости установившегося в болгарских землях «византийского ига», целенаправленной политике культурного, политического и экономического

³²² Там же. С. 456.

³²³ Там же. С. 464.

³²⁴ *Никитин С.А.* Начало 11 — конец 12 в. Болгария под властью Византии и борьба болгарского народа против византийского господства // Советская историческая энциклопедия. Т. 2. М., 1962. С. 526.

³²⁵ См., например: *Юзбашян К.Н.* Внешнеполитическое и внутреннее положение Византии в конце XII в. Четвертый крестовый поход и захват Константинополя // История Византии. В 3-х т. Т. 2. М., 1967. С. 338.

угнетения местного населения, непрерывной борьбе болгарского народа с иноземным гнетом в условиях «загнивания» самой Византии и образовании Второго Болгарского царства как последнем этапе этой борьбы.

Совершенно иное видение событий было предложено в вышедшей в 1973 г. (всего за пять лет до эмиграции автора) фундаментальной статье одного из ведущих советских византинистов того времени А.П. Каждана, приуроченной к «двойному юбилею» — 1300-летию государственного существования Болгарии и 100-летию ее освобождения от османского владычества³²⁶. Несмотря на соответствующее «духу времени» название: «Освобождение Болгарии из-под византийского ига», — работа А.П. Каждана не содержит в себе ни единого слова про собственно «иго» и его проявления. Для автора это лишь условный термин, принятый болгарским историческим сообществом³²⁷. В стороне остается и социально-экономический аспект болгаро-византийских отношений, вопросы классовой борьбы, «ромеизации» и эксплуатации местного населения. Напротив, в центре внимания историка — противоречия между византизированной болгарской знатью, игравшей, «как правило, двусмысленную, а порой предательскую роль», когда речь заходила о выступлениях против византийской власти, и новой императорской династией в конце XII в.³²⁸ Именно конфликт интересов болгарской знати и нового византийского правительства Исаака II Ангела, по заключению А.П. Каждана, и становится подлинной причиной Тырновского восстания³²⁹.

Поднимая вопрос об этнической составляющей выступления, исследователь констатирует его смешанный характер, подчеркивая, что любой категоричный вывод неправомерен, так как средневековые авторы «распоряжались используемыми этнонимами совершенно произвольно»³³⁰.

³²⁶ Каждан А.П. Освобождение Болгарии из-под византийского ига // ВИ. 1973. № 11. С. 124–134.

³²⁷ Там же. С. 125.

³²⁸ Там же.

³²⁹ Там же. С. 126.

³³⁰ Там же. С. 126.

Уточнения вносятся и в датировку самого восстания, которое А.П. Каждан, опираясь на сведения византийских авторов, относит к 1186 г.³³¹

Вслед за болгарским историком И. Дуйчевым (см. ниже) и Г.Г. Литавриным, А.П. Каждан также склоняется к версии о недолгом разрыве между братьями Петром и Асенем, во время которого старший из братьев, Петр, по неизвестным причинам и с неясными целями, подчинился императорской власти, что обусловило выдвижение младшего брата, Асеня, в качестве лидера восставших³³². Особое внимание исследователь уделяет роли в событиях русских отрядов т.н. «бродников», о которых писал еще Ф.И. Успенский³³³. Завершение освобождения Болгарии А.П. Каждан относит к 1205 г., когда заключившее церковную унию с Римом царство Калояна после триумфальной победы над крестоносцами при Адрианополе вынуждает Латинскую империю перейти от наступления на Балканах к обороне³³⁴.

Необходимо отметить, что 1970-е гг. становятся своего рода «водоразделом» в изучении интересующей нас проблематики. Во многом это было связано с преобразованием в 1968 г. самого Института славяноведения в Институт славяноведения и балканистики и появлением в 1970 г. в его составе отдельного сектора древней и средневековой истории во главе с В.Д. Королюком, в число сотрудников которого вошли не только слависты, но и специалисты иного профиля, включая византиниста Г.Г. Литаврина. С конца 1970-х гг. новый сектор начинает активную исследовательскую работу по изучению этнической истории средневековых славян, применяя сравнительно-исторический и комплексный, междисциплинарный подходы. В связи с разработкой новой методологии и расширением сферы исследований возрастает роль международного сотрудничества, осознается

³³¹ Там же. С. 127.

³³² Там же. С. 130.

³³³ Там же. С. 128, 133.

³³⁴ Там же. С. 134.

необходимость ознакомления ученых с новейшими работами зарубежных исследователей³³⁵.

Так, выход в свет в 1978 г. монографии греческого ученого Ф. Малингудиса (см. ниже)³³⁶ становится, по-видимому, одним из решающих факторов, побудивших Г.Г. Литаврина обратиться к углубленному изучению особенностей этнического самосознания болгарского населения в период византийского владычества³³⁷. Более того, парируя замечания греческого коллеги в отношении некоторых положений из книги «Болгария и Византия в XI–XII вв.», историк конкретизирует и развивает ряд своих выводов.

Опровергая тезис Ф. Малингудиса о том, что в рамках империи проводилась одинаковая для всех ее владений налоговая политика, а значит, главной причиной восстания не мог быть налоговый гнет, Г.Г. Литаврин акцентирует внимание читателя на том, что «произвол налогового чиновничества... был на болгарских землях более ощутим, чем на греческих»³³⁸. Возражая греческому ученому, Г.Г. Литаврин подчеркивает, что события в болгарских землях в конце XII в. были исторической закономерностью, а не «результатом хаотического стечения роковых случайностей»³³⁹. В отличие от Ф. Малингудиса, приписывавшего успех предприятия Петра и Асеня кризису в империи, участию половецких войск и эффективной тактике самих предводителей восстания, Г.Г. Литаврин указывал, что только «массовость движения за освобождение страны» имела решающее значение для успеха восстания³⁴⁰.

Подробно останавливаясь на вопросе об участии болгарской знати в антивизантийских восстаниях XI в., Г.Г. Литаврин настаивает на том, что их

³³⁵ Подробнее обо всех структурных и иных переменах в Институте славяноведения см.: *Аксенова Е.П.* Институт славяноведения и балканистики РАН за 50 лет (1947–1997). Краткий исторический очерк // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996. С. 33–62; *Литаврин Г.Г., Флоря Б.Н.* Изучение истории средних веков // Там же. С. 63–79.

³³⁶ *Malingoudis Ph.* Die Nachrichten des Niketas Choniates über die Entstehung des Zweiten Bulgarischen Staates // Byzantina. Т. 10. Thessaloniki, 1980. S. 49–148.

³³⁷ *Литаврин Г.Г.* Новое исследование о восстании в Паристрионе и образовании Второго Болгарского царства // ВВ. 1980. Т. 41. С. 92–112.

³³⁸ Там же. С. 94.

³³⁹ Там же. С. 110.

³⁴⁰ Там же. С. 106.

исход в самой высокой степени зависел от ее позиции, а точнее, от раскола в ее среде: «часть ее мечтала о восстановлении независимого болгарского государства и была готова к борьбе за это, а часть влилась в состав византийского господствующего класса и помышляла о карьере в имперской иерархии чинов и должностей»³⁴¹.

Неизменной остается позиция историка и по поводу т.н. «ромеизации» Болгарии, которую он не считает целенаправленной политикой империи, однако подчеркивает, что «деятельность в Болгарии византийских властей... содействовала ассимиляционным процессам»³⁴². Небольшой корректировке подвергается позиция исследователя по поводу «национального чувства» или, иными словами, этнического самосознания, которое Г.Г. Литаврин признает за населением болгарских земель и характеризует как «чувство этническое, соответствовавшее степени консолидации этнической общности того времени»³⁴³.

Более детальному изучению этнического самосознания средневековых болгар в период византийского владычества и Тырновского восстания 1185–1186 гг. в дальнейшем будет посвящен целый ряд специальных работ Г.Г. Литаврина, опубликованных в рамках серии коллективных трудов по этнической истории средневековых славян.

Так, в 1981 г. выходит статья Г.Г. Литаврина, посвященная этнополитическому развитию подвластных империи балканских народов в XI–XII вв.³⁴⁴ По мнению исследователя, этот период стал «эпохой консолидации средневековых народностей Европы» и формирования идей о «независимом государственном существовании»³⁴⁵. Анализируя особенности этнополитического сознания болгар к моменту вхождения в состав Византии, историк подчеркивает, что «самосознание болгар было к этому времени

³⁴¹ Там же. С. 97.

³⁴² Там же. С. 99.

³⁴³ Там же.

³⁴⁴ Литаврин Г.Г. Народы Балканского полуострова в составе Византийской империи в XI–XII вв. // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 170–185.

³⁴⁵ Там же. С. 182.

неразрывно связано с представлением о подданстве независимому от империи болгарскому государству и было свойственно не только светской болгарской знати и духовенству, но и широким слоям рядового населения страны»³⁴⁶. Согласно Г.Г. Литаврину, это обстоятельство затрудняло «ассимиляцию» самих болгар³⁴⁷ и вынуждало византийское правительство принимать меры по «перестройке» их самосознания, так чтобы «конфессионально-политический фактор» приобрел «решающий перевес над фактором этнокультурным»³⁴⁸. Однако, по мнению исследователя, византийская «политика подавления и репрессий»³⁴⁹, недопущение представителей болгарской знати к крупным должностям в самих болгарских землях³⁵⁰ и другие меры подобного характера, наоборот, лишь содействовали росту этнополитического самосознания болгар, что вылилось, в итоге, в восстание Петра и Асеня и «возрождение бывшего Болгарского царства»³⁵¹.

Еще несколько работ Г.Г. Литаврина, затрагивающих интересующую нас проблематику и отражающих постепенную трансформацию его взглядов на болгаро-византийские отношения с 1018 г. по конец XII в., увидели свет в 1985 г.

В статье «Два этюда о восстании Петра и Асеня» историк акцентирует внимание на широкой социальной базе движения, доказывая, что чрезвычайный налог, введенный Исааком II Ангелом в 1185 г. в связи с предстоящей свадьбой, распространялся не только на скотоводов, населявших Балканские горы, но и на крестьян и горожан других районов Болгарии³⁵².

В другой статье, посвященной именно «становлению» Второго Болгарского царства и его международному значению, автор приходит к заключению, что главную роль в событиях конца XII в. сыграл сам

³⁴⁶ Там же. С. 176.

³⁴⁷ Там же.

³⁴⁸ Там же. С. 181.

³⁴⁹ Там же.

³⁵⁰ Там же. С. 178.

³⁵¹ Там же.

³⁵² Литаврин Г.Г. Два этюда о восстании Петра и Асеня // *ЕВ*. 1985. № 4. С. 12–24 (= Литаврин Г.Г. Византия и славяне. СПб., 1999. С. 348–362).

«восставший болгарский народ, нашедший в лице Асеня талантливого организатора и полководца», а возникшее Второе царство «упрочило и развило... этнополитические и общественно-культурные традиции болгарского народа, которые обеспечили ему жизнестойкость и сохранение как особой этнокультурной общности в течение полутысячелетия владычества османов»³⁵³.

Комплексный подход к изучению болгаро-византийских отношений в интересующий нас период был реализован Г.Г. Литавриным в общем очерке истории византийского государства в VII–XII вв., в котором соответствующая проблематика подверглась рассмотрению не только с «болгарской», но и с «византийской» точки зрения³⁵⁴. Так, по замечанию Г.Г. Литаврина, завоевание земель Первого Болгарского царства стало для Византийской империи «могущественным дезинтеграционным фактором»³⁵⁵, разрушив систему обороны на севере и спровоцировав резкое расширение штата управления новыми территориями, а также коррупцию и многочисленными злоупотреблениями³⁵⁶. Не менее деструктивным для империи фактором, по мнению историка, оказалось и включение болгарской знати в состав византийской элиты: в результате, к концу XII в., «внутри господствующего класса империи возникли дополнительные рубежи борьбы — не только по вопросам внешней и внутренней политики, не только между военной аристократией и бюрократией, но и по этническому признаку»³⁵⁷. Таким образом, восстание Петра и Асеня явно переставало рассматриваться Г.Г. Литавриным как исключительно «народное» выступление против иноземного владычества: автор отдает должное позиции болгарской знати,

³⁵³ *Он же*. Становление Второго Болгарского царства и его международное значение в XIII столетии // *ЭВ*. 1985. № 3. С. 17–26 (= *Литаврин Г.Г.* Византия и славяне. СПб., 1999. С. 363–374).

³⁵⁴ *Он же*. Византийское государство в VII–XII вв. // *Раннефеодальные государства на Балканах (VI–XII вв.)*. М., 1985. С. 99–131.

³⁵⁵ Там же. С. 126.

³⁵⁶ Там же. С. 127.

³⁵⁷ Там же.

стремившейся «к безраздельному господству в своих землях» и возрождению «своей государственности»³⁵⁸.

В свою очередь, в общем очерке истории межэтнических связей и межгосударственных отношений на Балканах в VII–XII вв., написанном Г.Г. Литавриным совместно Е.П. Наумовым (в рамках того же издания), болгаро-византийские отношения XI–XII вв. были вписаны уже в общевосточный контекст³⁵⁹. В центре внимания исследователей — «проблема условий социально-политического и этнокультурного развития завоеванных народов под византийским господством»³⁶⁰. По заключению авторов, византийское владычество не привело к исчезновению болгарских государственно-политических и этнокультурных традиций, поскольку «болгарская феодальная народность» оформилась еще до завоевания. В то же время целенаправленное ослабление позиций местной знати как «носительницы государственно-политических традиций»³⁶¹ привело к сохранению и нарастанию со временем «оппозиционных настроений в среде болгарского боярства»³⁶².

Особенно примечательна в этой работе корректировка традиционных представлений относительно «ромеизации» или «эллинизации» покоренных империей народов: по мнению авторов, византийское правительство не преследовало сознательной цели искоренения и преследования болгарской культуры, хотя византийское господство все же оказалось «объективно отрицательным фактором развития средневековой культуры болгарского народа»³⁶³. Тем не менее, наличие уже вполне сформировавшейся «феодальной народности», позиция незатронутого «эллинизаторскими тенденциями»³⁶⁴ среднего и низшего боярства и части славяноязычного

³⁵⁸ Там же.

³⁵⁹ Литаврин Г.Г., Наумов Е.П. Межэтнические связи и межгосударственные отношения на Балканах в VII–XII вв. // Раннефеодальные государства на Балканах (VI–XII вв.). М., 1985. С. 285–313.

³⁶⁰ Там же. С. 299.

³⁶¹ Там же. С. 300.

³⁶² Там же. С. 301.

³⁶³ Там же.

³⁶⁴ Там же. С. 309.

духовенства, а также «общественно-политическая ситуация» в завоеванных империей землях, исключавшая возможность их «органичной интеграции с прочими провинциями империи в единый государственно-политический организм»³⁶⁵, становятся объективными предпосылками для успешного восстания в 1185–1186 гг., положившего начало существованию независимого государства, «обозначаемого в науке как Второе Болгарское царство, но трактуемого как возрожденное старое, некогда уничтоженное Василием II Болгаробойцей»³⁶⁶.

Подведением итогов всей предшествующей работы Г.Г. Литаврина в данной области становится серия очерков по средневековой истории болгарских земель в рамках изданной в 1987 г. «Краткой истории Болгарии»³⁶⁷, появление которой совпало по времени с началом нового цикла масштабных общественно-политических перемен в нашей стране.

Примечательно, что уже в рамках этих очерков, рассматривая период пребывания болгарских земель в составе Византии, исследователь отказывается от термина «византийское иго», заменяя его на «иноземное господство». Значительную часть работы автор уделяет положению местной болгарской знати в империи и ее роли в восстаниях XI в. Так, отмечая, что с включением земель Первого Болгарского царства в состав Византии, знатные болгары подверглись «репрессиям»³⁶⁸, Г.Г. Литаврин также констатирует, что со временем «часть крепнувшей болгарской знати втягивалась в имперскую правящую верхушку», постепенно формируя слой лояльных империи вельмож, т.н. «заботящихся о делах ромеев»³⁶⁹. Более того, автор утверждает, что «стихийно совершавшийся процесс ассимиляции имел место, охватив часть болгарской знати, стремившейся в целях личной

³⁶⁵ Там же. С. 310.

³⁶⁶ Там же. С. 311.

³⁶⁷ См., например: *Литаврин Г.Г.* Болгарские земли под византийским владычеством (1018–1186) // Краткая история Болгарии. С древнейших времен до наших дней. М., 1987. С. 101–119; *Он же.* Стремительный подъем Второго Болгарского царства // Там же. С. 120–136.

³⁶⁸ Там же. С. 101.

³⁶⁹ Там же. С. 108.

карьеры к слиянию с имперской аристократией и восприятию греческой культуры»³⁷⁰.

По традиции рассматривая восстания в болгарских землях XI в. как «сопротивление народных масс»³⁷¹, автор, тем не менее, подчеркивает, что значительную роль в их подавлении сыграло не только то, что «масса народа еще не была готова к решительной борьбе против византийского господства»³⁷², но и позиция «местной болгарской знати», которая вплоть до конца XII в. была «недостаточно сплоченной»³⁷³. Более того, именно знать в дальнейшем определит судьбу молодого Болгарского царства и династии Асеневцев, первые представители которой, Петр и Асень, падут жертвой заговоров, так как «часть влиятельного боярства была недовольна политикой централизации и упрочения царской власти»³⁷⁴.

Корректировке подвергается и позиция Г.Г. Литаврина по поводу участия в антивизантийском движении владарей. Так, историк констатирует «повышение социальной и политической активности владарей»³⁷⁵ к концу XII в. В то же время, по утверждению исследователя, они «не ставили особых политических целей, поддерживая восстание болгар»³⁷⁶.

Тем временем, по мере падения идеологических «табу», беспрецедентного расширения контактов с зарубежными коллегами и доступа к их работам, освоения новых подходов к изучению источникового материала и обновления соответствующего понятийного аппарата, для разработки проблематики болгаро-византийских отношений конца XII — начала XIII в. открываются новые перспективы. Ведущую роль в этом процессе продолжают играть специалисты, так или иначе связанные с Институтом славяноведения советской, а затем Российской Академии наук.

³⁷⁰ Там же. С. 116.

³⁷¹ Там же. С. 111.

³⁷² Там же. С. 112.

³⁷³ Там же. С. 112.

³⁷⁴ Там же. С. 128.

³⁷⁵ Там же. С. 118.

³⁷⁶ Там же.

Так, в работах византиниста С.А. Иванова, опубликованных в конце 1980-х гг. и посвященных этнополитическому и этническому самосознанию болгар в период византийского господства, был в совершенно ином, нежели ранее, ракурсе рассмотрен вопрос об их предполагаемой «ромеизации»³⁷⁷. Основываясь прежде всего на свидетельствах т.н. «Болгарской апокрифической летописи», в противовес понятиям «ромеизация» и тем более «эллинизация», автор выдвинул идею «интериоризации» византийских ценностей болгарским культурно-политическим сознанием, связанной с присутствием в нем «ойкуменистической идеи», лишенной какой бы то ни было «этнической окрашенности»³⁷⁸. При этом, по замечанию исследователя, «интеграционные тенденции находились в сложном переплетении с сепаратистскими»: являясь подданными империи, болгары сохраняли «черты народностного патриотизма», побудившего их, в конечном счете, к «возрождению государственности в XII в.»³⁷⁹. И это при том, что помимо «ойкуменистической идеи» интеграционным процессам среди болгар и византийцев способствовала и идея «эсхатологизма», в свете которой «различия болгар и греков отступают перед лицом грядущего конца света»³⁸⁰.

Не оставался в это время в стороне от интересующей нас проблематики и Г.Г. Литаврин. Так, исследуя этническое самосознание населения пограничной зоны между Византией и Болгарией в X–XIV вв., ученый считал возможным допустить, что славяне, жившие в пределах Византийской империи, сохраняли определенные «этнополитические симпатии» к болгарам и Болгарскому царству еще и в конце XII в. Более того, Г.Г. Литаврин даже выдвинул гипотезу о том, что «между славянами Фессалоники и руководителями восстания болгар существовала конспиративная связь»,

³⁷⁷ Иванов С.А. «Болгарская апокрифическая летопись» как памятник этнического самосознания болгар // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 70–77; *Он же*. К проблеме этнополитического самосознания болгар в эпоху византийского господства // Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1988. С. 22–27.

³⁷⁸ *Он же*. К проблеме этнополитического самосознания болгар в эпоху византийского господства... С. 26.

³⁷⁹ Там же.

³⁸⁰ Иванов С.А. «Болгарская апокрифическая летопись» как памятник этнического самосознания болгар... С. 76.

результатом которой стала доставка в Тырново из разгромленной норманнами Фессалоники иконы св. Димитрия Солунского (см. ниже)³⁸¹.

В другой своей работе того же времени, посвященной особенностям развития самосознания болгарской народности со второй четверти X до конца XIV в., Г.Г. Литаврин отмечает различия между этнополитическими симпатиями «масс народа» и «болгарской знати», ощущавшей в период византийского владычества «свою принадлежность также к господствующему классу империи в целом, а не только ее болгарских провинций»³⁸². Автор также подробно останавливается на внутренней иерархии самосознания той части болгар, которая самими византийцами именовалась «заботящимися о делах ромеев», которая признавала себя «верноподданными» императора и участвовала в подавлении антивизантийского выступления своих земляков³⁸³. По мнению историка, в этой обстановке именно «болгарскому народу», «массовому участию в борьбе болгар» принадлежала заслуга «возрождения болгарской государственности», а провинциальные боляре Петр и Асень лишь организовали «бывшее ранее стихийное движение в вооруженное восстание»³⁸⁴.

Несколько позже, уже в начале 1990-х гг., проблема этнического самосознания болгарской знати в XI–XII вв. и его эволюции в этот период вновь была подробно разработана Г.Г. Литавриным в специальной статье³⁸⁵. Анализируя поведение болгарской знати во время антивизантийских восстаний XI в., Г.Г. Литаврин констатирует «эрозию этнического самосознания» у части болгарской знати, которая «превратностям и трудностям борьбы за государственную независимость предпочла

³⁸¹ Литаврин Г.Г. Этническое самосознание населения пограничной зоны между Византией и Болгарией в X–XIV вв. // Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1988. С. 78.

³⁸² Он же. Особенности развития самосознания болгарской народности со второй четверти X до конца XIV в. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 48.

³⁸³ Там же. С. 51.

³⁸⁴ Там же. С. 56–57.

³⁸⁵ Литаврин Г.Г. Эволюция этнического самосознания болгарской знати в эпоху византийского господства // Элита и этнос Средневековья. М., 1995. С. 170–177.

вознагражденную врагом измену своим соотечественникам»³⁸⁶. В то же время успех восстания Петра и Асеня, по мнению историка, во многом был связан именно с т.н. «новой болгарской знатью», сложившейся к концу XII в. «вдали от крупных имперских центров»³⁸⁷.

Уже на рубеже XX–XXI вв. новый вектор в изучении проблематики становления Второго Болгарского царства был задан в работах Д.И. Польшанного, в которых системному анализу подверглись не только (и даже не столько) факты политической или социально-экономической истории средневековой Болгарии, но византийские религиозно-политические практики, взятые болгарами на вооружение, а также духовное содержание и специфический язык средневековой болгарской культуры³⁸⁸. В результате, был опровергнут целый ряд «аксиом», ранее казавшихся в историографии незыблемыми, в частности — относительно упадка болгарской культуры в период византийского владычества. Так, проанализировав деятельность иерархов Охридской архиепископии и болгарское рукописное наследие, относящееся к XII в., историк убедительно показал, что «в интегрированных в имперскую территорию болгарских землях на протяжении двух столетий византийской власти не прекращалась... духовная жизнь, не только продолжавшая традиции Золотого века, но и подготовившая обновление средневековой болгарской культуры в правление первых Асенов»³⁸⁹.

Что же касается непосредственно образования Второго Болгарского царства, то оно рассматривается Д.И. Польшанным как «становление новой культурной идентичности»³⁹⁰, или как «трансформация культурной модели, основами которой стали идея «*translatio imperii*» и династическая идеология,

³⁸⁶ Там же. С. 174.

³⁸⁷ Там же. С. 176.

³⁸⁸ *Польшанный Д.И.* Культурное своеобразие средневековой Болгарии в контексте византийско-славянской общности IX–XV веков. Иваново, 2000; *Polviannnyi D.I.* The Cults of Saints in the Political Ideology of the Bulgarian Empire // *Fonctions sociales et politiques du culte des saints dans les sociétés de rite grec et latin au Moyen Âge et à l'époque Moderne. Approche comparative.* Wrocław, 1999. P. 401–416.

³⁸⁹ *Он же.* Культурное своеобразие средневековой Болгарии ... С. 105.

³⁹⁰ Там же. С. 12.

а конкретным выражением — новая болгарская столица Тырново, увенчанная атрибутами царского и патриаршеского достоинства»³⁹¹.

В столь же широком историко-культурном контексте, охватывающем на этот раз прежде всего проблематику легитимации верховной власти и общественной мысли в целом, события, ознаменовавшие собой становление Второго Болгарского царства, рассматривает в последние годы и С.А. Иванов. По его мнению, «политическое сознание болгарского населения в XI в. в начальный период византийского господства характеризовалось легитимизмом»³⁹². Позже, уже в 70-е гг. XI в., отсутствие «собственной, внутренней легитимации власти» стало «прологом “лояльного столетия”, в течение которого болгары воспринимали византийскую власть как свою собственную»³⁹³. В дальнейшем же, по заключению С.А. Иванова, родоначальники новой болгарской династии Асеневцев, вырабатывая собственную легитимность, опирались как на византийские инструменты легитимации (так как «все византийское, парадоксальным образом, оставалось в глазах болгар престижным»³⁹⁴), так и на «идею преемственности с Первым Болгарским царством»³⁹⁵. Однако, помимо перечисленных инструментов, во время восстания Петра и Асеня был использован и «другой путь легитимации» — «персональный шаманский контакт» с местными святыми, что, по мнению С.А. Иванова, «свидетельствует, возможно, о размежевании с византийским образцом для легитимации»³⁹⁶.

Подобную разнородность в легитимационной практике первых Асеневцев С.А. Иванов констатирует и в другой своей недавней работе, посвященной общественной мысли в Болгарии в XI–XIII вв.³⁹⁷ С одной стороны, начало восстания Петра и Асеня, «сама идея борьбы против

³⁹¹ Там же. С. 234.

³⁹² *Иванов С.А.* Формы легитимации верховной власти в Болгарии XI–XII вв. // *Славяне и их соседи.* Вып. 12. Анфологон: власть, общество, культура в славянском мире в средние века. М., 2008. С. 66.

³⁹³ Там же. С. 67.

³⁹⁴ Там же.

³⁹⁵ Там же. С. 68.

³⁹⁶ Там же. С. 69.

³⁹⁷ *Иванов С.А.* Общественная мысль в Болгарии в XI–XIII вв. // *Власть и общество в литературных текстах Древней Руси и других славянских стран (XII–XIII вв.).* М., 2012. С. 111–112.

христианской Византии требовали христианского же благословения»³⁹⁸, почему некоторые инструменты легитимации и были взяты восставшими болгарами из византийского «арсенала», как то: культ св. Димитрия Солунского и «важный палладиум византийского могущества» — содержащий в себе частицы Честного Креста императорский крест-реликварий³⁹⁹. С другой же стороны, «своеобразный ритуал», описанный Хониатом в рассказе о начале восстания Петра и Асеня, «не имеет имперских прототипов»⁴⁰⁰ и, возможно, обнаруживает в себе параллели с совершенно другими реалиями средневековой (и не только) болгарской истории и культуры.

Итак, отечественная традиция изучения становления Второго Болгарского царства являет собой весьма сложную и неоднозначную картину. Объединяя в своем русле не только исследователей-болгаристов и вообще славистов, но и византинистов, она чрезвычайно богата как по сосредоточенному в ней фактическому материалу, так и по методологическому и концептуальному содержанию. Более того, «основная линия» этой традиции, берущая начало в классических трудах Ф.И. Успенского и В.Г. Васильевского и продолженная в работах Г.Г. Литаврина, А.П. Каждана и сформировавшихся в общении с ними ученых более молодых поколений, в самой высокой степени определяет характер современного научного знания в данной области.

Вместе с тем, не менее внимательного отношения к себе при разработке интересующей нас проблематики требует и зарубежная историография — в первую очередь болгарская, а также европейская и американская.

³⁹⁸ Там же. С. 111.

³⁹⁹ Там же. С. 112–113.

⁴⁰⁰ Там же. С. 112.

§ 2. Болгарская историография

Становление болгарской исторической науки (в современном значении этого понятия) совпадает по времени с периодом т.н. «национального возрождения», когда в условиях все еще продолжающегося пребывания болгарских земель и их населения в составе Османской империи начинается формирование современной болгарской нации, ее идеологии и культуры. При этом первые появившиеся в XVIII — начале XIX в. сочинения болгарских авторов на историческую тематику все еще балансировали на грани собственно научного и средневекового историописания.

В полной мере это относится к «Истории славяноболгарской» (1762), созданной монахом Хилендарского и Зографского монастырей на Св. Горе Афон Паисием Хилендарским⁴⁰¹ на материалах афонских книгохранилищ, средневековых болгарских агиографических и иных сочинений, а также работ далматинского историка Мавро Орбини⁴⁰² и итальянского автора Цезаря Барония⁴⁰³. В произведении Паисия многие из перечисленных им «болгарских королей и царей» предстают перед читателем в качестве неких легендарных героев, подчас сочетая в себе черты сразу нескольких реально существовавших и действовавших исторических лиц. Так, образ «царя Асеня» объединяет в себе черты братьев Петра и Калояна, а его правление оценивается в нарочито провиденциалистском духе: «Сам Бог его избрал, помазал и утвердил на болгарском престоле..., под его рукой обновил болгарский скипетр и царство и ему подчинил греческих царей и кесарей»⁴⁰⁴. Образование в конце XII в. независимого от Византии Болгарского царства связывается Паисием с фигурой некоего полулегендарного «патриарха св.

⁴⁰¹ Паисий Хилендарски. Славянобългарска история. София, 1960.

Подробнее о месте и роли Паисия Хилендарского в изучении истории Болгарии см.: Георгиева Ц., Генчев Н. История на средновековна България. XV–XIX век... С. 362; Христов Хр. Паисий Хилендарски. София, 1972.

⁴⁰² Orbini M. Il regno de gli Slavi, hoggi corrottamente detti schiavoni. Pesaro, 1601.

См. также русский перевод: Орбини М. Книга историография початия имене, славы и разширения народа славянского. СПб., 1722.

⁴⁰³ Baronio C. Annales ecclesiastici a Christo nato ad annum 1198, 12 vol. Roma, 1588–1607.

См. также русский перевод: Бароний Ц. Деяния церковные и гражданские от Р.Х. до XIII столетия. М., 1719.

⁴⁰⁴ Паисий Хилендарски. Славянобългарска история... С. 87.

Иоанна», который «видел плохое отношение греков к болгарам и плакал и молил Бога со слезами избавить их от греческого рабства». Тогда, согласно Паисию, патриарху явился св. великомученик Димитрий, который повелел Иоанну поставить на царство некоего Асеня «из царского рода, внуков Гавриила, сына Самуила, изгнанного во Влахию»⁴⁰⁵. Описывая Болгарию при «царе Асене», Паисий превращает его правление в своеобразный «концентрат» имен и событий болгарской истории: так, Асень мстит «грекам за обиду и угнетение», которое, по Паисию, Болгария переживала в течение 70 лет, обращает вместе со «святым патриархом Феофилактом» влахов в православие, побеждает «греческого царя» Иоанна Кантакузина, покоряет сербов, и т.д.⁴⁰⁶ Таким образом, «История» Паисия демонстрирует очевидный интерес болгарского общества к прецеденту образования независимого от Византии Болгарского царства, на примере которого доказывается «историчность» болгарского народа, а также необходимость независимого существования болгарских земель.

В 60-е — 70-е годы XIX в. в болгарской среде набирает обороты т.н. «революционно-демократическое» направление исторической мысли во главе с Г. Раковским, видным публицистом и политическим деятелем, активным участником болгарского «национального возрождения»⁴⁰⁷. В работе «Несколько слов об Асене Первом, великом царе болгарском, и сыне его Асене Втором» (1860)⁴⁰⁸ Г. Раковский первым использует оригинальный текст «Истории» Никиты Хониата. Сам Иван Асень и его сын Иван Асень II характеризуются Г. Раковским как «христоролюбивые, благочестивые и благоговейные люди»⁴⁰⁹, представляя, как и в труде Паисия, скорее, легендарными персонажами, нежели историческими личностями.

⁴⁰⁵ Там же. С. 60.

⁴⁰⁶ Там же. С. 61–65.

⁴⁰⁷ Подробнее о взглядах и жизненном пути Г. Раковского см.: *Георгиева Ц., Генчев Н.* История на средновековна България... С. 485–491.

⁴⁰⁸ *Раковски Г.С.* Неколко речи о Асеню първому, великому царю българскому и сыну му Асеню второму. Белград, 1860.

⁴⁰⁹ Там же. С. 3.

Отдельным сюжетом в работе Г. Раковского проходит проблема заключения при царе Калояне церковной унии с Римом (1204), приобретшая особую актуальность в связи с обострением болгаро-греческой церковного вопроса в 1860-е гг. Привлекая в качестве источников «Синодик царя Борила» и некий «народный памятник Царственник», Г. Раковский утверждает, что Болгария еще со времен царя Симеона имела независимого патриарха, а значит, в рукоположении патриарха в правление Ивана I Асеня не было никакой особой необходимости⁴¹⁰, и рассказ об унии является плодом «папской пропаганды»⁴¹¹.

С образованием (1878) и укреплением болгарского национального государства Нового времени (первоначально автономного княжества, с 1908 г. — независимого государства и царства) складываются все необходимые институциональные и иные условия для окончательного приобщения болгарского историописания к европейской философии и методологии научного исторического знания и создания подлинно научных исследований болгарского прошлого. Так, уже в 1879 г. в Софии, ставшей столицей новой Болгарии, основывается Болгарская народная библиотека (в настоящее время — Национальная библиотека имени свв. Кирилла и Мефодия). В 1888 г. здесь же, в Софии, учреждается первое высшее учебное заведение — Высшая школа, в 1904 г. преобразованная в Софийский университет. К 1911 г. организационно оформляется Болгарская академия наук (БАН). И именно в это время начинает работу по созданию первой всеобъемлющей версии национального прошлого своего народа воспитанник Петербургского университета, заведующий кафедрой болгарской истории Софийского университета, секретарь БАН, профессор В. Златарский. В рамках его фундаментальной «Истории Болгарского государства в Средние века», отдельные части и тома которой выходили в свет с 1918 по 1940 г., история средневековой Болгарии систематизируется, уточняется хронология

⁴¹⁰ Там же. С. 7.

⁴¹¹ Там же. С. 17.

важнейших событий, верифицируются достижения как болгарских, так и зарубежных исследователей.

События 1185–1204 гг. рассматриваются В. Златарским во втором томе его труда: «Болгария под византийским владычеством (1018–1187)»⁴¹², — и в третьем томе: «Второе Болгарское царство. Болгария при Асеневцах (1187–1280)»⁴¹³. Таким образом, восстание Петра и Асеня, а также последующее болгаро-византийское противостояние (вплоть до заключения Ловечского перемирия с империей в 1187 г.) остаются в рамках второго тома, а все дальнейшие события, включая окончательное становление Болгарского государства, рассматриваются ученым как самостоятельное явление.

Движение в северо-восточных болгарских землях, положившее начало Второму Болгарскому царству, характеризуется В. Златарским как «пробуждение национального самосознания», типичное не только для болгар, но и вообще для южных славян в конце XII в.⁴¹⁴ Во главе его становятся предводители, «происходившие от болгаро-половецкого знатного рода, члены которого играли в прошлом большую политическую роль в Византии»⁴¹⁵. Дальнейшее развитие Второго Болгарского царства, согласно В. Златарскому, определялось его искусным лавированием между Византией и западноевропейскими державами, с одной стороны, и соперничеством между двумя политическими партиями, «болгарской» и «половецкой» — с другой⁴¹⁶.

Во второй половине 1930-х гг., с установлением режима личной власти царя Бориса III (1918–1943) и усилением националистических настроений в

⁴¹² Златарски В. История на българската държава през Средните векове. Т. 2. България под византийско владичество (1018–1187). София, 1934.

В настоящей работе используется переиздание: Златарски В. История на българската държава през Средните векове. Т. 2. България под византийско владичество (1018–1187). Фототипно издание. София, 1972.

⁴¹³ *Он же*. История на българската държава през Средните векове. Т. 3. Второ българско царство. България при Асеневци (1187–1280). София, 1940.

В настоящей работе используется переиздание: Златарски В. История на българската държава през Средните векове. Т. 3. Второ българско царство. България при Асеневци (1187–1280). Фототипно издание. София, 1972.

⁴¹⁴ *Он же*. История на българската държава... Т. 2. С. 424.

⁴¹⁵ Там же. С. 427.

⁴¹⁶ Там же. Т. 3. С. 98–106.

болгарском обществе, тональность работ, затрагивающих интересующую нас проблематику, меняется. Так, в книге выдающегося болгарского медиевиста, профессора Софийского университета П. Никова «Второе Болгарское царство» (1937)⁴¹⁷ история средневековой Болгарии рассматривается в контексте развития «болгарской идеи». При этом исследователь отказывается от нейтрального термина «владычество», которым оперировал В. Златарский, и оценивает пребывание болгарских земель в составе Византии как «рабство»⁴¹⁸, а восстание Петра и Асеня — как «освободительную акцию», «национальное болгарское движение»⁴¹⁹, в котором болгарская знать выступает как «носительница болгарской идеи»⁴²⁰. Таким образом, само становление Второго Болгарского царства в период правления первых Асеневцев предстает в работе П. Никова как реализация некоей болгарской «национальной программы»⁴²¹.

Трансформацию переживают и взгляды ученика В. Златарского, профессора П. Мутафчиева, признанного главы болгарских историков после смерти своего учителя (1935). Так, в статье 1928 г. «Происхождение Асеневцев»⁴²² П. Мутафчиев вступает в полемику с румынскими учеными по вопросу об этнической принадлежности предводителей восстания (см. ниже) и вырабатывает собственную концепцию южнорусско-половецких корней Феодора-Петра и Асеня-Белгуна⁴²³. В то же время, по мнению самого П. Мутафчиева, это обстоятельство не могло оказать никакого влияния на ход событий, так как при организации восстания Петр и Асень руководствовались в большей степени личными интересами⁴²⁴. Согласно автору, движение, которое возглавили братья, не носило стихийный характер, оно имело «предварительно намеченные цели», а значит,

⁴¹⁷ Ников П. Второ българско царство (1186–1396). София, 1937.

⁴¹⁸ Там же. С. 6.

⁴¹⁹ Там же. С. 21.

⁴²⁰ Там же. С. 22.

⁴²¹ Там же. С. 40.

⁴²² Мутафчиев П. Произходът на Асеновци // МПр. 1928. № 4. С. 1–42.

В настоящей работе используется переиздание: Мутафчиев П. Произходът на Асеновци // Он же. Избрани произведения. Т. 2. София, 1973. С. 150–194.

⁴²³ Там же. С. 168–191.

⁴²⁴ Там же. С. 190.

нуждалось в подготовке и воздействии на массовое сознание⁴²⁵. Имея первоначальной целью защиту интересов конкретных лиц (т.е. самих Петра и Асеня), восстание постепенно приобретает задачи «восстановления болгарского царства и народной независимости»⁴²⁶.

В 1940-е гг. в своей незавершенной «Истории болгарского народа»⁴²⁷ П. Мутафчиев объясняет действия предводителей восстания уже иными причинами. По его утверждению, сами Петр и Асень настолько «влились в болгарскую среду», «прониклись ее воспоминаниями и государственными традициями, жили ее болью», что стали «самыми яркими выразителями стремлений к независимости» болгарского народа⁴²⁸. В отличие от статьи 1928 г., историк неоднократно оперирует понятием «византийское иго»⁴²⁹, а весь период становления нового болгарского государства проходит под знаменем освободительной борьбы болгарского народа⁴³⁰. Завершение борьбы и становление нового государства исследователь относит к периоду правления царя Калояна, которое он характеризует как «одну из блистательных эпох в истории Болгарии»⁴³¹.

Отдельный этап в изучении становления Второго Болгарского царства связан с именем крупнейшего болгарского исследователя славяно-византийских связей И. Дуйчева. Ученик В. Златарского, П. Никова и П. Мутафчиева, по своим взглядам и методам работы И. Дуйчев представляет собой интереснейшее явление в болгарской историографии.

Во второй половине 1940-х гг. воспитанник «старой» школы болгарской медиевистики, подопечный префекта Ватиканской библиотеки кардинала Дж. Меркати, а во время второй мировой войны представитель болгарского населения на оккупированных итальянцами македонских территориях, И. Дуйчев почти на 20 лет оказался персоной нон грата в

⁴²⁵ Там же. С. 156, 158.

⁴²⁶ Там же. С. 159.

⁴²⁷ *Мутафчиев П.* История на българския народ. Т. II. Второ българско царство. София, 1943.

⁴²⁸ Там же. С. 42.

⁴²⁹ Там же. С. 1, 36.

⁴³⁰ Там же. С. 49–86.

⁴³¹ Там же. С. 84.

просоветской Болгарии⁴³². В то время как сам исследователь был лишен возможности полноценно заниматься научной деятельностью, его работы, опубликованные еще в военные годы, получают широкую мировую известность. Среди них — критическое издание (с переводом на болгарский язык) переписки между царем Калояном и папой Иннокентием III, ставшей прологом к заключению церковной унии с Римом и коронации болгарского правителя папским легатом (1204)⁴³³, а также переводы некоторых малоизвестных произведений византийских авторов, проливающих свет на подробности болгаро-византийских отношений в конце XII в., включая прежде всего эпиграмму-экфрасис Феодора Вальсамона⁴³⁴.

В своих «Исследованиях по болгарскому Средневековью» (1945) И. Дуйчев вносит существенные коррективы в выводы предшественников, основываясь на информации, извлеченной из введенных им в научный оборот новых источников. Согласно И. Дуйчеву, «освободительное движение» болгар в 1185 г. обладало «чертами религиозного движения», причем это «религиозное воодушевление народа» возникло в народной среде «самостоятельно и естественным образом», так что его появление нельзя считать делом рук предводителей восстания⁴³⁵. Напротив, они были вынуждены своевременно реагировать на эту «вспышку мессианских верований», распространяя слух о покровительстве болгарам со стороны св. Димитрия Солунского и приступив к строительству храма в его честь⁴³⁶.

На основании анализа эпиграммы-экфрасиса Феодора Вальсамона ученый делает вывод о том, что слух о покровительстве св. Димитрия болгарам имел осязаемое подкрепление в виде иконы, предъявленной в качестве доказательства этого покровительства и хранившейся затем где-то в

⁴³² Подробнее о научной деятельности И. Дуйчева см.: *Полывянный Д.И., Темелски Х. Дуйчев* // ПЭ. Т. 16. М., 2008. С. 325–326.

⁴³³ Innocentii PP. III Epistolae ad Bulgariae historiam spectantes / Rec. et explicavit Iv. Duičev. София, 1942.

⁴³⁴ *Теодор Валсамон. Към свети Димитрия, намерен от царя в жилището на встанника Славопетра* // *Дуйчев И. Проучвания върху българско Средновековие*. София, 1945. С. 49–50.

⁴³⁵ *Дуйчев И. Проучвания върху българско Средновековие*. София, 1945. С. 46.

⁴³⁶ Там же. С. 46–47.

покоях болгарских правителей⁴³⁷. Привлекая к изучению восстания риторические произведения Георгия Торника, Сергия Коливы и Иоанна Сиропула, исследователь опровергает устоявшийся в литературе тезис об идейном единстве предводителей восстания.

Согласно И. Дуйчеву, первый поход Исаака II Ангела на Тырново в 1186 г. увенчался успехом именно потому, что старший из братьев, Петр, пошел на компромисс⁴³⁸. Этим же обстоятельством исследователь объясняет и непонятое нарушение «субординации» между младшим Асенем и старшим Петром, который, несмотря на достоинство коронованного царя, не играет какой-либо существенной роли в политике вплоть до гибели Асеня в 1195 г. Согласно концепции И. Дуйчева, Иван Асень выдвигается на передний план, когда он, вопреки всем болгаро-византийским договоренностям, призвав на помощь половецкие отряды, вновь развязывает войну с Византией, оттеснив старшего брата, дискредитировавшего себя соглашением с империей⁴³⁹.

После окончания второй мировой войны, ознаменованного началом радикальных перемен во внешнем и внутреннем положении Болгарии, изучение истории болгарского Средневековья в самой болгарской историографии на многие годы ставится под призму марксистской методологии. Образцом для новых работ, затрагивающих интересующую нас проблематику, становится прежде всего «История Болгарии» Н.С. Державина (см. выше), переведенная в 1947 г. на болгарский язык⁴⁴⁰. Широкое распространение получает и жанр «краткой истории», в рамках которой история Болгарии последовательно излагалась на всем ее протяжении, начиная с древнейших времен, включая Средневековье и заканчивая современностью.

⁴³⁷ Там же. С. 51.

⁴³⁸ Там же. С. 61, 65, 72, 75, 80–81.

И. Дуйчев также не исключал и того, что компромисс с Исааком II Ангелом был обманым маневром болгарской стороны, ожидавшей половецкого подкрепления. — Там же. С. 76.

⁴³⁹ Там же. С. 90.

⁴⁴⁰ *Державин Н.С.* История на България. Т. 2. България през времето на Първото и Второто царства (681–1393). София, 1947.

Так, уже в 1947 г. выходит «Краткая болгарская история» профессора и заведующего кафедрой болгарской истории Софийского университета Хр. Гандева⁴⁴¹, полностью соответствующая направлению, заданному советской историографией. Не особенно вдаваясь в детали болгаро-византийских отношений конца XII — начала XIII в., Хр. Гандев дает им самую общую характеристику. Обозначая пребывание болгарских земель в составе Византии термином «византийское рабство», историк констатирует, что этот период «принес болгарскому народу сильное ухудшение его социального и хозяйственного положения»⁴⁴²: византийское чиновничество злоупотребляло своим положением до такой степени, что из их «хищных рук не могли вырваться даже греческие архиепископы»⁴⁴³.

Таким образом, по мнению ученого, «неудивительно, что по всем болгарским землям поднялся глухой ропот недовольства и ненависти против византийцев и их государства»⁴⁴⁴. Результатом становится «военное сопротивление болгарского народа» в XI в., которое выливается впоследствии в восстание Петра и Асеня, «боляр русско-половецкого происхождения»⁴⁴⁵. Согласно автору, братья сыграли роль организаторов освобождения страны, сумев «мастерски подготовить настроения населения своей области к восстанию»⁴⁴⁶. Высокую оценку Хр. Гандев дает царю Калояну, «вернувшему многое из земель Симеоновой державы» и использовавшему соперничество между Константинопольской патриархией и Римской курией, чтобы «получить европейское признание»⁴⁴⁷. При этом исследователь допускает вопиющую фактическую ошибку, приписывая переписку с болгарским царем не Иннокентию III, а Григорию VII⁴⁴⁸.

⁴⁴¹ Гандев Хр. Кратка българска история. София, 1947.

⁴⁴² Там же. С. 57.

⁴⁴³ Там же. С. 58.

⁴⁴⁴ Там же. С. 59.

⁴⁴⁵ Там же. С. 61.

⁴⁴⁶ Там же.

⁴⁴⁷ Там же. С. 61.

⁴⁴⁸ Там же. С. 62.

В том же ключе была написана и «Краткая история болгарского народа» Й. Митева⁴⁴⁹. Как и Хр. Гандев, будучи историком Нового времени и специализируясь на военной истории, при описании событий болгарского Средневековья Й. Митев опирается на работу Н.С. Державина. Так же оперируя понятием «византийское иго» по отношению к периоду византийского господства в болгарских землях, ученый характеризует его как «одну из самых мрачных эпох для болгарского народа», акцентируя внимание на «хищническом» поведении византийских чиновников и сборщиков податей, «грабивших беззащитный народ»⁴⁵⁰. Однако, в отличие от Хр. Гандева, Й. Митев считает «освобождение болгарского народа от византийского ига» в 1185 г. результатом «народного восстания», «движущей силой» которого было болгарское население⁴⁵¹. «Болярам» Петру и Асеню автор отводит второстепенную роль, подчеркивая, что «только благодаря широкой поддержке и участию народных масс оно (восстание — *А.Д.*) могло завершиться полным успехом»⁴⁵². Правление же царя Калояна вообще не получает в работе сколько-нибудь подробного освещения⁴⁵³.

Тем временем, после смерти П. Мутафчиева (1943) и отстранения И. Дуйчева от преподавания в Софийском университете (1945), во главе болгарской медиевистики становится молодой тогда византинист Д. Ангелов, воспитанник Софийского и Мюнхенского университетов. В 1949–1950 гг. выходит первая часть его «Истории Византии»⁴⁵⁴, в которой автор пытается сочетать исследовательские методы своих предшественников и учителей с принципами исторического материализма.

Затрагивая проблематику болгаро-византийских отношений конца XII — начала XIII в., историк избегает употребления понятия «византийское иго». В то же время он констатирует ухудшение положения болгарского

⁴⁴⁹ Митев Й. Кратка история на българския народ. София, 1951.

⁴⁵⁰ Там же. С. 51.

⁴⁵¹ Там же. С. 60–61.

⁴⁵² Там же. С. 61.

⁴⁵³ «Дальновидный» царь Калоян фигурирует лишь в пассаже, затрагивающем проблематику богомилства в Болгарии. — Там же. С. 52.

⁴⁵⁴ Ангелов Д. История на Византия. Ч. 1 (395–1204 г.). София, 1949–1950.

народа и усиление «революционного брожения в болгарских землях», которое рано или поздно должно было привести к бунту⁴⁵⁵. Таким «бунтом» становится восстание под руководством Петра и Асеня, представителей «местной аристократии, отчасти болгарской, отчасти половецкой», состоявшей на службе византийского правительства и имевшей «материальные и организационные возможности» для подготовки и реализации восстания⁴⁵⁶. Отдельную роль в описании восстания Д. Ангелов уделяет и «влашскому вопросу», утверждая, что среди восставшего населения «вероятно, были не только болгары, но и известное число влахов, которые также приняли участие в бунте»⁴⁵⁷.

Анализируя болгаро-византийские отношения при царе Калояне, историк отмечает, что в его лице «империя нашла самого страшного своего врага»⁴⁵⁸. При этом Д. Ангелов избегает упоминания о заключении церковной унии с Римом, ограничиваясь замечанием о коронации Калояна «кардиналом Львом по поручению папы Иннокентия», что привело к выходу Болгарии из «сферы византийского церковного и политического влияния»⁴⁵⁹.

Болгаро-византийские отношения конца XII — начала XIII в. рассматриваются и в рамках новой «Краткой истории Болгарии» (1958)⁴⁶⁰, ставшей своеобразным ответом болгарского исторического сообщества на вышедшую в 1954–1955 гг. советскую «Историю Болгарии» в двух томах (см. выше). В очерках на интересующую нас тематику, написанных Д. Ангеловым, помимо расхожего положения о «тяжести» «византийского ига» для болгарского народа, присутствует утверждение о том, что «одним из главнейших притеснителей болгарского населения была византийская церковь»⁴⁶¹. Более того, указывается, что, «как идеолог византийского

⁴⁵⁵ Там же. С. 478.

⁴⁵⁶ Там же.

⁴⁵⁷ Там же. С. 479.

⁴⁵⁸ Там же. С. 489.

⁴⁵⁹ Там же. С. 489.

⁴⁶⁰ Кратка история на България. София, 1958.

⁴⁶¹ Ангелов Д. Отслабване на Българската държава и падане на България под византийска власт (X–XII в.) // Кратка история на България. София, 1958. С. 48.

самодержавия и связанного с ним феодального класса, церковь поставила себе цель обезличить болгарский народ, чтобы заставить его забыть свою народность»⁴⁶². По замечанию исследователя, «борьба за освобождение началась еще в первые годы после установления византийской власти», в дальнейшем «сопротивление усиливалось, острое брожение нарастало»⁴⁶³, однако лишь восстание Асеневцев завершилось «благополучно», из-за того, что «имело массовый характер, в нем участвовало все население страны», и оно было «лучше организовано»⁴⁶⁴. Отмечая, что «удачным ходом Асеневцев» было привлечение половецких войск, историк умалчивает об участии в событиях влашского населения.

После апрельского (1956) пленума ЦК БКП Болгария, как и СССР, вступает в период «оттепели», что самым непосредственным образом отражается на развитии болгарской исторической науки. Так, в «Известиях института болгарской истории» появляется статья И. Дуйчева (на тот момент старшего научного сотрудника института) «Восстание в 1185 г. и его хронология»⁴⁶⁵. В рамках своего исследования историк оперирует уже устоявшимися в болгарской историографии клише о болгаро-византийских отношениях в XI–XII вв.: «византийское владычество», «многолетнее рабство», «византийское рабство», «иго»⁴⁶⁶. Автор подчеркивает «спонтанность», «неорганизованность» антивизантийского движения болгарского народа, его «народно-сельский» характер⁴⁶⁷. В свою очередь, «осознанность», «организованность», «целенаправленность» этому движению придают лишь его предводители — Феодор-Петр и Асень⁴⁶⁸. Основной целью восстания историк считает «возобновление болгарского

⁴⁶² Там же. С. 49.

⁴⁶³ Там же.

⁴⁶⁴ Ангелов Д. Втора българска държава (1185–1396) // Кратка история на България. София, 1958. С. 51.

⁴⁶⁵ Дуйчев И. Въстанието в 1185 г. и неговата хронология // ИИБИ. 1956. № 6. С. 327–358.

В настоящей работе используется переиздание: Дуйчев И. Въстанието в 1185 г. и неговата хронология // *Он же*. Проучвания върху средновековната българска история и култура. София, 1981. С. 38–67.

См. также краткий вариант статьи на французском языке: Дуйчев И. La date de la révolte des Asénides // BSI. 1952–1953. № 2. P. 227–232.

⁴⁶⁶ Дуйчев И. Въстанието в 1185 г. и неговата хронология... С. 42–43.

⁴⁶⁷ Там же. С. 38, 46, 52.

⁴⁶⁸ Там же. С. 52.

государства»⁴⁶⁹, «стремление к континуитету с Первым Болгарским царством»: по мнению И. Дуйчева, «несомненно, воспоминание о некогда существовавшем болгарском государстве занимало важное место в сознании участников восстания и народа»⁴⁷⁰.

С конца 1950-х гг. Д. Ангелов также пересматривает ряд положений о восстании Петра и Асеня и становлении Второго Болгарского царства, изложенных им в «Краткой истории Болгарии». В новых очерках, написанных историком для трехтомной «Истории Болгарии» (1961)⁴⁷¹, прослеживается возвращение к концепции, изложенной им еще в «Истории Византии» 1949–1950 гг. Согласно этой концепции, на исходе восстания 1185–1186 гг. сказалась позиция «влиятельной местной аристократии, отчасти болгарской, отчасти смешанной (болгаро-печенежского или болгаро-половецкого происхождения)», располагавшей «хорошо защищенными крепостями, способными служить не только для обороны, но и при удобном моменте превратиться в исходную базу для нападения»⁴⁷². В то же время автор подчеркивает, что «движущей массовой силой» в этом восстании были не феодалы, а народ, «стонавший от гнета константинопольской администрации и давно стремившийся сбросить чужеземную власть»⁴⁷³. В понятие «народ» Д. Ангелов теперь, в отличие от соответствующего изложения в «Краткой истории», включает не только болгар, но и «известное число владов, которые также приняли участие в бунте»⁴⁷⁴.

В 1960-е гг. И. Дуйчев развивает свою концепцию о «стихийности» восстания Петра и Асеня и «возобновлении» ими Болгарского царства. В статье «Идея о преемственности в средневековом болгарском государстве»⁴⁷⁵

⁴⁶⁹ Там же. С. 38.

⁴⁷⁰ Там же. С. 56.

⁴⁷¹ История на България. Т. 1. София, 1961.

⁴⁷² Ангелов Д. Освобождаване на българския народ от византийско иго // История на България. Т. 1. София, 1961. С. 167.

⁴⁷³ Там же. С. 169–170.

⁴⁷⁴ Там же. С. 168.

⁴⁷⁵ Дуйчев И. Идеята за преемствеността в средновековната българска държава // ИБИД. 1969. № 27. С. 5–19.

В настоящей работе используется переиздание: Дуйчев И. Идеята за преемствеността в средновековната българска държава // Он же. Проучвания върху средновековната българска история и култура. София, 1981. С. 68–81.

автор именует Петра и Асеня «обновителями» болгарского государства⁴⁷⁶, «восстановившими государственный организм»⁴⁷⁷. При этом, по замечанию исследователя, «очень малое значение имело то обстоятельство, что в жилах предводителей восстания, братьев Асеня и Петра, сливалась кровь болгарской и половецкой верхушки»: как подчеркивает сам И. Дуйчев, «в разгар ожесточенной борьбы против византийских войск болгарская народная стихия быстро и непреложно переплавилась все в нечто единое, связанное с идеей болгарского государства и болгарской земли»⁴⁷⁸. Также «идея преемственности болгарской государственной жизни», по мнению историка, находит свое отражение и в переписке между царем Калояном и папой Иннокентием III, в которой болгарский царь продемонстрировал «знание родной истории», почерпнутое из «существовавших тогда болгарских летописей, впоследствии утраченных»⁴⁷⁹. По утверждению И. Дуйчева, именно как «продолжателя некогда существовавшего болгарского государства» воспринимали основанное Петром и Асенем Болгарское царство сам папа, его преемники и «политические силы в Западной Европе»⁴⁸⁰.

Тезис о «стихийности» восстания Петра и Асеня и «возобновлении» ими Первого Болгарского царства становится общим местом работ периода «реального социализма». Так, в 1974 г. в свет выходит обобщающая работа заведующего кафедрой теории и истории государства и права Софийского университета М. Андреева «Болгарское государство в Средневековье»⁴⁸¹, в которой, среди прочего, анализируется и период становления Второго Болгарского царства.

Исследуя период пребывания болгарских земель в составе Византии, М. Андреев заявляет, с одной стороны, о «номинальности» власти империи

⁴⁷⁶ Там же. С. 73.

⁴⁷⁷ Там же. С. 74.

⁴⁷⁸ Там же.

⁴⁷⁹ Там же. С. 74–75.

⁴⁸⁰ Там же. С. 77.

⁴⁸¹ Андреев М. Българската държава през Средновековието. София, 1974.

— так что, по его словам, местное население даже вынуждено было самостоятельно противостоять вторжениям кочевников⁴⁸² — а с другой стороны, употребляет применительно к болгарам такие выражения как «порабощенное население» и «чувство беспощадной мести к поработителям»⁴⁸³. Восстание Петра и Асеня М. Андреев характеризует как «стихийное недовольство болгар», в котором «народ был главным действующим лицом»⁴⁸⁴. Рассматривая дальнейшее развитие болгарского государства, автор видит в нем исключительно «возобновление» Первого Болгарского царства и именно в таком смысле истолковывает притязания на прямое преемство между ними, провозглашаемые в переписке царя Калояна с папой Иннокентием III⁴⁸⁵.

Примерно в том же ключе написана и работа видной болгарской исследовательницы Г. Цанковой-Петковой «Болгария при Асеневцах»⁴⁸⁶, посвященная истории Болгарии в период с 1186 по 1396 г., когда, согласно автору, Болгария «достигла апогея своего исторического развития, стала первостепенной силой среди соседних балканских государств и заняла свое достойное и заслуженное место в европейской средневековой истории»⁴⁸⁷.

Рассматривая процесс становления независимого от Византии Болгарского царства, Г. Цанкова-Петкова констатирует нарастание кризисных явлений в империи в конце XII в., сопровождавшееся обезземеливанием крестьянства, усилением феодализации, стремлением проиаров оформить свой феодальный статус на фоне ослабления центральной власти⁴⁸⁸. Кризис в империи способствовал «пробуждению надежд балканских народов сбросить византийское владычество»⁴⁸⁹. Однако только благодаря «видным боярам» Петру и Асеню (которым историк

⁴⁸² Там же. С. 97.

⁴⁸³ Там же. С. 99.

⁴⁸⁴ Там же. С. 100.

⁴⁸⁵ Там же. С. 106.

⁴⁸⁶ *Цанкова-Петкова Г.* България при Асеневци. София, 1978.

⁴⁸⁷ Там же. С. 9.

⁴⁸⁸ Там же. С. 21.

⁴⁸⁹ Там же.

приписывает исключительно болгарское происхождение⁴⁹⁰) «брожение» болгарского народа превращается в бунт, а бунт — в «организованное восстание», «обретает плоть и кровь в лице их предводителей», которых автор именует «носителями и выразителями болгарской народной идеи и болгарской государственной традиции»⁴⁹¹. При этом, как и в трудах ее коллег, в работе исследовательницы присутствует тезис о «стихийности» восстания Петра и Асеня, сравниваемого с «буйным потоком»⁴⁹², и о реализуемой в нем идее преемственности нового государства с Первым Болгарским царством⁴⁹³.

Описывая дальнейшее развитие Болгарского царства, Г. Цанкова-Петкова уделяет внимание прежде всего борьбе его первых правителей с «центробежными силами» в лице местных феодалов⁴⁹⁴, которая прекращается лишь с приходом к власти царя Калояна. Его личность и правление всячески идеализируются автором: «одаренный дальновидным умом, необузданной энергией, смелостью и упорством»⁴⁹⁵, Калоян «своими заслугами в возвышении болгарского государства и героическими военными подвигами... завоевал достойное место между самыми известными болгарскими правителями»⁴⁹⁶, ему «удалось избрать правильный путь для дальнейшего развития и укрепления страны»⁴⁹⁷.

1980-е гг., в интересующем нас отношении, оказались ознаменованы прежде всего выходом в свет многотомной «Истории Болгарии», работа над которой началась еще в предшествующее десятилетие. Согласно специальному постановлению Политбюро ЦК БКП (1968), новая многотомная «История» была призвана «раскрыть целостно и полно трудный, но героический путь болгарского народа от древности до наших дней, его непрестанную борьбу против иноземного рабства и угнетения, за

⁴⁹⁰ Там же. С. 23.

⁴⁹¹ Там же. С. 27–28.

⁴⁹² Там же. С. 28.

⁴⁹³ Там же. С. 41.

⁴⁹⁴ Там же. С. 41–50.

⁴⁹⁵ Там же. С. 78.

⁴⁹⁶ Там же. С. 76.

⁴⁹⁷ Там же. С. 79.

свободу и независимость, за социальный прогресс, вклад... страны в сокровищницу мировой культуры»⁴⁹⁸.

Изложение истории Второго Болгарского царства вошло в рамки третьего тома издания, появившегося в 1982 г. Включенные в него разделы, написанные ведущими болгарскими историками-медиевистами того времени Д. Ангеловым («Восстание под предводительством Асеновцев»)⁴⁹⁹ и Б. Примовым («Утверждение и территориальное расширение Второго Болгарского царства в конце XII — начале XIII в.»)⁵⁰⁰ и освещающие ход событий в 1185–1204 гг., носят самый общий характер и, по сути, суммируют все то, что было написано относительно этого периода в болгарской историографии послевоенных лет.

Характеризуя основные причины восстания Петра и Асеня, Д. Ангелов указывает прежде всего на «налоговые злоупотребления» и «произвол» византийских чиновников, «усиление позиций крупной земельной аристократии», «тяжелую эксплуатацию населения»⁵⁰¹. При этом социальный протест сочетается в сознании болгар с патриотическим негодованием и стремлением к немедленному свержению власти иноземцев: согласно историку, восстание Петра и Асеня «свидетельствует о неудержимом всплеске патриотических чувств, таившихся в течение многих лет и выразившихся в судьбоносный период предстоящей борьбы за освобождение поработанного отечества»⁵⁰². Согласно Д. Ангелову, успех «освободительного дела болгарского народа» кроется в его «массовом и народном характере», однако своей организацией оно обязано прежде всего болгарским боярам во главе с Асеновцами, чьи интересы «совпали с

⁴⁹⁸ Протокол «А» № 200 на заседании на Политбюро на ЦК на БКП от 21 май 1968 г. // Протоколи на Политбюро и на ЦК на БКП (1944–1989) [доступно 25.05.2016: <http://politburo.archives.bg/en/2013-04-24-11-12-48/dokumenti/1960-1969/1286---200--21--1968-->].

⁴⁹⁹ Ангелов Д. Въстанието начело с Асеновци // История на България в 14 т. Т. 3. Втора българска държава. София, 1982. С. 117–125.

⁵⁰⁰ Примов Б. Утвърждаване и териториално разширение на Втората българска държава в края на XII и началото на XIII в. // Там же. С. 125–162.

⁵⁰¹ Ангелов Д. Въстанието начело с Асеновци... С. 117.

⁵⁰² Там же. С. 119.

мыслями и настроениями восставшего населения из разных концов страны», так что в движении «приняли участие все слои болгарского общества»⁵⁰³.

Дальнейшее развитие Второго Болгарского царства рассматривается другим автором, Б. Примовым, в традиционном для болгарской историографии ключе: как продолжение традиций Первого Болгарского царства и борьба Асеневцев с сепаратизмом местных боляр.

Существенные сдвиги в развитии болгарской историографии применительно к интересующей нас проблематике намечаются в середине 1980-х гг., когда в Болгарии торжественно празднуется 800-летие восстания Петра и Асеня (1985). В связи с «юбилейными» торжествами работы, посвященные возобновлению средневекового болгарского государства, занимают в болгарской медиевистике, без преувеличения, центральное место. Главная задача исторических работ на «юбилейную» тему сводится к тому, чтобы подчеркнуть не только «национальный» характер династии Асеневцев, но и целостность, «монолитность» болгарского народа еще в эпоху Средневековья.

Наиболее показательна в этом отношении работа одного из ведущих и наиболее влиятельных в то время болгарских историков П. Петрова «Восстановление болгарского государства (1185–1197 гг.)»⁵⁰⁴, в которой рассматривается как восстание под руководством Петра и Асеня, так и последующее «укрепление болгарского государства»⁵⁰⁵. Анализируя предпосылки восстания, П. Петров подбирает традиционные формулировки для изображения «загнивающей» Византии, «угнетающей» завоеванные народы. Он констатирует «жестокий феодальный гнет», политическое бесправие болгар, лишенных самостоятельной церкви и постоянно подвергающихся угрозе ромеизации⁵⁰⁶, в то время как «сидевшие на шее у провинций динаты и сборщики податей не проявляли никакого беспокойства

⁵⁰³ Там же. С. 125.

⁵⁰⁴ *Петров П.* Възстановяване на българската държава (1185–1197 г.). София, 1985.

⁵⁰⁵ Там же. С. 180.

⁵⁰⁶ Там же С. 59.

о тех, кто одевал и кормил их своим трудом»⁵⁰⁷. Все это, а также грубое отношение императора к «крупным феодалам болгарского происхождения» Петру и Асеню, стремившимся получить под управление все Подунавье⁵⁰⁸, приводит к Тырновскому восстанию 1185–1186 гг.

Описывая ход самого восстания, П. Петров делит его на три этапа, употребляя стандартные формулы, характерные для марксистской историографии. Первый этап он связывает с формированием сил восставших после «предварительной агитации и подготовки восстания»⁵⁰⁹. Второй — с «освобождением от византийской духовной власти и восстановлением самостоятельной болгарской церкви»⁵¹⁰. Третий — с «официальным объявлением восстания», а точнее, с коронацией Петра болгарским царем⁵¹¹. Некое действие «бесноватых», описанное Никитой Хониатом, П. Петров интерпретирует как «вспышку неопишуемой народной радости и желания довести борьбу против поработителей до конца»⁵¹². Анализируя проблематику легитимации восстания, П. Петров подчеркивает наличие преемственности между новым политическим образованием Асеневцев и Первым Болгарским царством, некогда могущественной балканской державой⁵¹³.

Констатируя, что «благодаря [восстанию] пришел конец двухвековому византийскому игу, и болгарский народ снова стал творцом своей собственной исторической судьбы», П. Петров делает вполне ожидаемый вывод о том, что события конца XII в. вернули Болгарию в ранг «великих держав», так что она «вновь взяла на себя функции передового оплота славянских народов против Византии, крестоносцев и обрушивающихся из Азии нашествий и завоевателей»⁵¹⁴.

⁵⁰⁷ Там же. С. 61.

⁵⁰⁸ Там же. С. 80.

⁵⁰⁹ Там же. С. 100.

⁵¹⁰ Там же. С. 101.

⁵¹¹ Там же.

⁵¹² Там же.

⁵¹³ Там же. С. 272.

⁵¹⁴ Там же. С. 275.

В той же тональности была написана и статья А. Данчевой-Василевой «Возобновление и укрепление болгарского государства (1186–1197 гг.)»⁵¹⁵. Как и ее предшественники, исследовательница оценивает восстание как антифеодальное и «народно-освободительное»⁵¹⁶. По мнению А. Данчевой-Василевой, «у восставшего народа не было своей ясной идеологии и программы, кроме первичного и спонтанного чувства социальной справедливости», однако предводители восстания «предложили ему политическую программу, в которой была отражена великая идея возобновления болгарской державы, чтобы установить болгарский социально-правовой порядок взамен ликвидации византийского политического и экономического господства»⁵¹⁷. В целом, исследование А. Данчевой-Василевой повторяет выводы П. Петрова о «загнивающей» Византии, патриотической борьбе угнетенного болгарского народа, сохранившего, несмотря ни на что, свое болгарское самосознание, и превращении Болгарии в конце XII в. в могущественную балканскую державу, «непреодолимый барьер против экспансии крестоносцев на полуострове»⁵¹⁸.

Наряду с работами типично «юбилейного» характера в болгарской историографии 1980-х гг. появляются и исследования, заметно отличающиеся от них по способу подачи материала: несмотря на обращение к конкретной тематике, главным предметом интереса их авторов становятся концептуальные проблемы истории возобновления средневекового болгарского государства. Среди наиболее значимых работ этого рода — «Восстановление Болгарии Асеневцами (проблема власти)» В. Тыпковой-Заимовой⁵¹⁹ и «Династия Асеневцев (1186–1460)» И. Божилова⁵²⁰.

⁵¹⁵ Данчева-Василева А. Възобновяване и укрепване на българската държава (1186–1197 г.) // ИПр. 1985. № 9–10. С. 37–53.

⁵¹⁶ Там же. С. 42.

⁵¹⁷ Там же. С. 46.

⁵¹⁸ Там же. С. 53.

⁵¹⁹ Търкова-Заимова В. Restauration de la Bulgarie par les Assenides (Problèmes du pouvoir) // ЁВ. 1985. № 3. Р. 27–36.

⁵²⁰ Божилов И. Фамилията на Асеневци (1186–1460). Генеалогия и просопография. София, 1985.

Статья В. Тыпковой-Заимовой представляет собой комплексное исследование в духе западноевропейской историографии. В центре внимания автора оказываются закономерности формирования таких масштабных политических образований как «империя», «царство», «королевство» в эпоху Средневековья, отличия между восточным и западным «сценариями» развития и место державы Асеневцев в ряду более или менее современных ей политических образований.

Анализируя условия развития будущего Второго Болгарского царства, исследовательница обращается к изучению положения болгарских земель под византийской властью и, избегая каких-либо однозначных выводов, констатирует, что «политической ассимиляции в современном значении слова не проводилось», но позиция центральной власти состояла в том, чтобы размыть культурные особенности болгар и отодвинуть на задний план их собственное «национальное» самосознание⁵²¹.

Рассматривая проблему происхождения Асеневцев, исследовательница также избегает определенных формулировок, подробно анализируя источники и контекст понятий, которые в них встречаются. Сопоставляя утвердившиеся в современной ей историографии мнения, В. Тыпкова-Заимова утверждает, что Петр и Асень, скорее всего, не были представителями старой болгарской аристократии, и возвышение их рода соотносится по времени с утверждением власти Византии на землях Болгарии⁵²². Затрагивая проблему главной этнической составляющей нового царства и допуская активное участие влашских этнических групп в событиях конца XII в., исследовательница категорически опровергает утвердившуюся в западной историографии (см. ниже) концепцию о «болгаро-влашском» царстве, аргументируя свою позицию отсутствием у владх XII в. собственной государственной традиции⁵²³.

⁵²¹ *Tăpkova-Zaimova V. Restauration de la Bulgarie par les Assenides...* P. 31.

⁵²² *Ibidem.* P. 33.

⁵²³ *Ibidem.* C. 34.

Делая вывод относительно места державы, основанной Петром и Асенем, среди других крупных средневековых политических образований, исследовательница констатирует, что Болгария 1185–1204 гг. представляла собой «типичное балканское средневековое государство», имевшее «западные и византийские черты» в сочетании со специфической «болгарской идеей», которая и была реализована Петром и Асенем в процессе становления Второго Болгарского царства⁵²⁴.

Проблемы идеологии Второго Болгарского царства анализируются и в фундаментальной работе И. Божилова, написанной в жанре просопографического исследования и рассматривающей события конца XII в. через биографии первых правителей Второго Болгарского царства: Ивана (I) Асеня-Белгуна, Феодора-Петра и Калояна. В силу специфики выбранной им темы, И. Божилов подробно останавливается на вопросах происхождения Асеновцев и этнического состава восставших⁵²⁵. Рассматривая эти вопросы как «искусственную проблему, тормозящую до известной степени развитие медиевистики»⁵²⁶, И. Божилов категорично заявляет, что в большинстве случаев византийские и западноевропейские авторы конца XII и самого начала XIII в. использовали термин «влахи» для обозначения болгар центральных, северных и северо-восточных территорий Болгарии⁵²⁷.

Затрагивая проблему происхождения самих Петра и Асеня, И. Божилов констатирует, что они происходили из той болгарской аристократии, которая сформировалась в Паристрионе в XII в. и стала выразителем стремлений болгарского народа к свержению византийской власти⁵²⁸. В традиционном для болгарской историографии ключе исследователь осмысливает роли Петра и Асеня в событиях конца XII в.: поскольку «все источники выдвигают на передний план младшего брата», Асеня, И. Божилов делает вывод о том, что именно он руководил восстанием, и все важные идеи исходили именно от

⁵²⁴ Ibidem. С. 36.

⁵²⁵ Божилов И. Фамилията на Асеновци... С. 12–19.

⁵²⁶ Там же. С. 12.

⁵²⁷ Там же. С. 17.

⁵²⁸ Там же. С. 19.

него. Что же касается старшего брата, Петра, коронованного, по мнению исследователя, в Преславе, то его роль сводилась исключительно к олицетворению исторической традиции и преемственности между государством Асенеvцев и Первым Болгарским царством⁵²⁹. К возможным причинам пассивной роли Петра в политике возобновленного Болгарского царства И. Божилов, следуя концепции И. Дуйчева, относит временный разрыв между братьями, когда Петр пошел на соглашение с императором Исааком II Ангелом, в то время как Асень остался непримиримым противником Византии. Согласно историку, в результате последующего урегулирования отношений между ними, Петр получил апанажное владение с центром в Преславе, сохранив свои формальные властные полномочия, и в стране сложилась особая форма государственного управления — двоевластие Петра и Асеня, существовавшее на протяжении всего первого десятилетия истории Второго Болгарского царства⁵³⁰.

Освещая наиболее значимые события конца XII в., И. Божилов замечает, что поворотным моментом в развитии движения, возглавляемого Асенеvцами, следует считать не заключение Ловечского перемирия 1187 г., а переговоры Петра и Асеня с императором Фридрихом Барбароссой. Именно тогда, согласно исследователю, впервые раскрывается внешнеполитическая программа возобновленного болгарского государства, восходящая к «Рах Сymeonica» и связанная с процессом «Renovatio Imperii» — могущественного Болгарского царства, способного конкурировать с Византией на Балканском полуострове. Согласно И. Божилову, из этого следует, что, организуя походы против болгар, византийский император Исаак II Ангел боролся не с мятежниками-сепаратистами, а пытался уничтожить «возобновленное» Болгарское царство как государственное образование, претендующее на доминирование на Балканах⁵³¹.

⁵²⁹ Там же. С. 28.

⁵³⁰ Там же. С. 35.

⁵³¹ Там же. С. 31.

Резкие перемены, произошедшие во внешнем и внутреннем положении Болгарии в конце 1980-х — начале 1990-х гг. (начало масштабных политических и экономических преобразований, крах «Советского блока» и необходимость скорейшего поиска своего места в изменившемся мире, и т. д.), не могли не отразиться на положении и состоянии исторической науки в стране. Падение прежних цензурных ограничений и идеологических «табу» сопровождалось появлением множества самых разнообразных материалов и публикаций на темы национальной истории. Характерной особенностью работ, написанных в это время, становится частичный отказ от «аксиом», закрепившихся в историографии предшествующих десятилетий, стремление рассмотреть ставшие уже «классическими» сюжеты и события с иной точки зрения и в ином ракурсе.

Так, в 1992 г. в свет выходит подготовленная тремя годами ранее работа П. Павлова «Средневековая Болгария и половцы», в которой процесс восстановления Болгарского царства вписывается в контекст болгаро-половецких военно-политических отношений⁵³². В работе П. Павлова впервые затрагивается и такой сюжет как инструменты укрепления союзнических болгаро-половецких связей: формирование образа общего врага в лице византийцев как «изнеженных», «льстивых, коварных» и «женоподобных», апелляция к этническому родству протоболгар и половцев, повышение авторитета половецких вождей среди болгар⁵³³. В разрез с укоренившимся к 1985 г. клише о «загнивающей» Византии, П. Павлов пишет о «все еще чувствовавшейся мощи империи», для противостояния которой потребовалось не только привлечение половцев, но и активная деятельность по возведению фортификационных сооружений⁵³⁴.

В 1995 г. выходит в свет монография И. Божилова «Семь этюдов по средневековой истории»⁵³⁵, написанная явно под влиянием классика

⁵³² Павлов П. Средновековна България и куманите. Военнополитически отношения (1186–1241 г.) // ТВУ ИФ. Т. 27. Кн. 3. 1989. Велико Търново, 1992. С. 9–61.

⁵³³ Там же. С. 17.

⁵³⁴ Там же. С. 27.

⁵³⁵ Божилов И. Седем етюда по средновековна история. София, 1995.

французской историографии П. Лемерля⁵³⁶, в жанре собрания небольших, но емких по содержанию отдельных исследований.

В рамках «этюда» «Асенеvцы: *Renovatio Imperii Bulgarorum et Graecorum*» И. Божилов вновь обращается к своей оригинальной концепции, изложенной им ранее в работе «Династия Асенеvцев», оперируя терминами «*Renovatio Imperii Bulgarorum et Graecorum*» и «*Paх Symeonica*»⁵³⁷. Он отвергает понятие «восстание» применительно к выступлению Петра и Асеня и после детального анализа источников, как указывает сам, на «семантическом, идеологическом, фактологическом уровнях» приходит к выводу о том, что речь идет о некоем «отделении», «государственном перевороте» и даже «узурпации»⁵³⁸, причем не в целях «освобождения» как такового, а для «восстановления некогда существовавшего единства болгарского народа в его исконных этнических и политических границах».

Характеризуя развитие Болгарии в начале XIII в., И. Божилов критикует сложившееся в болгарской историографии представление о том, что в поисках легитимации своей власти Петр, Асень и Калоян искали международного признания как со стороны императора Священной Римской империи Фридриха Барбароссы, так и со стороны папской курии. По мнению историка, «возобновленной» Болгарии незачем было искать подтверждения своего суверенитета, поскольку к этому времени она уже располагала всеми признаками суверенного государства, а именно: независимой церковью и собственным коронованным правителем. Переговоры с крестоносцами, а затем и с Римом велись исключительно в целях создания союза против Византии в рамках реализации все того же проекта «*Renovatio Imperii Bulgarorum et Graecorum*»⁵³⁹. Соответственно, и в физическом устранении первых Асенеvцев стоит искать не «внутриболгарский» след в лице недовольных половцев или местных боляр с их склонностью к сепаратизму,

⁵³⁶ *Lemerle P. Cinq études sur le XI siècle Byzantin. Paris, 1977.*

⁵³⁷ *Божилoв И. Седем етюда... С. 162.*

⁵³⁸ Там же. С. 137–141.

⁵³⁹ Там же. С. 164–165.

но происки Византии, встревоженной стремительным ростом влияния опасного соседа.

Свое оригинальное видение событий конца XII в. представил и известный тырновский историк Й. Андреев — в рамках обобщающего труда, посвященного истории Второго Болгарского царства и увидевшего свет в 1996 г.⁵⁴⁰ Несмотря на то, что восстание Петра и Асеня рассматривается исследователем в традиционных для болгарской историографии предшествующего периода категориях «освободительной борьбы» против византийского «рабства», Й. Андреев подробно анализирует причины восстания, уделяя особое внимание воздействию климатических факторов, трактованных средневековым человеком как предзнаменования будущих перемен, «идеологическому воздействию», к которому прибегли Петр и Асень, чтобы поднять своих соплеменников на восстание⁵⁴¹, и дальнейшей «реализации политической и национальной доктрины»⁵⁴² в 90-е гг. XII в.

Ряд корректив в историю болгаро-византийских отношений конца XII — начала XIII в. вносит новый коллективный труд по истории Болгарии, опубликованный в трех томах в 1999 г. Соответствующий раздел написан И. Божиловым и озаглавлен как «Возобновление Болгарского царства»⁵⁴³. Помещая «возобновление» Болгарского царства в хронологический интервал между 1186 и 1197 гг., исследователь полностью следует своей концепции, изложенной им в «Семи этюдах», характеризуя этот период как «полное восстановление той государственной и политической модели, которая была создана в эпоху царя Симеона»⁵⁴⁴.

С началом нового века, в 2000-е годы, интерес к отдельным вопросам образования и укрепления Второго Болгарского царства переходит на «второй круг»: привлекаются новые исторические источники, в

⁵⁴⁰ Андреев Й. История на Второто българско царство. Велико Търново, 1996. С. 20–42.

⁵⁴¹ Там же. С. 22, 25.

⁵⁴² Там же. С. 42.

⁵⁴³ Божилов И., Гюзелев В. История на средновековна България. VII–XIV век (= История на България в три тома. Т. 1). София, 1999. С. 421–526.

⁵⁴⁴ Там же. С. 421.

исследовательский инструментарий вводится новая методология, наряду с заслуженными учеными в научной дискуссии звучат голоса молодых исследователей.

Положению болгарских земель в составе Византии посвящена статья И. Петковой «Некоторые моменты в развитии взаимоотношений между Византией и болгарскими землями в XI–XII вв.»⁵⁴⁵. В работе опровергается давно утвердившееся в болгарской историографии мнение о якобы проводившейся империей жесткой политике по отношению к завоеванному населению: о широком и принудительном употреблении греческого языка в подвластных Византии болгарских землях как важной части целенаправленной «ромеизации» болгар⁵⁴⁶, о некой «ромеизации» вообще и высокомерном отношении ромеев к новым подданным их империи⁵⁴⁷.

Это направление было успешно продолжено в диссертационной работе и статьях молодой исследовательницы Л. Илиевой. Помимо статуса болгар и их языка в рамках Византийской империи, автор подробно рассматривает особенности социально-экономического положения болгарских земель, развития болгарских городов и религиозно-культурной жизни в болгарских землях в XI–XII вв.⁵⁴⁸ Так, Л. Илиева приводит археологические данные, связанные с периодом пребывания болгарских земель в составе Византии, которые свидетельствуют об экономическом росте, а отнюдь не об упадке и кризисе, любимом клише болгарской историографии. Более того, именно с экономической стабильностью в болгарских землях Л. Илиева связывает временное затишье в политической активности болгар и отсутствие выступлений против Византии в конце XI — начале XII в.⁵⁴⁹ Тем не менее,

⁵⁴⁵ Петкова И. Някои моменти от развитието на взаимоотношенията на Византия и българските земи през XI–XII век // Средновековните Балкани: политика, религия, култура. София, 1999. С. 89–94.

⁵⁴⁶ Там же. С. 89–91.

⁵⁴⁷ Там же. С. 91–94.

⁵⁴⁸ Илиева Л. Българските земи под византийска власт в края на XI — XII век. Автореферат. София, 2007; *Она же*. Градското стопанство в земите между Дунав и Стара Планина през периода на византийското владичество в българските земи (XI–XII в.) // Тангра. Сборник в чест на 70-годишнината на акад. Васил Гюзелев. София, 2006. С. 560–577; *Она же*. Икономическо развитие на югозападните български земи от края на XI — началото на XII век // Средновековният българин и «другите». София, 2013. С. 187–195.

⁵⁴⁹ *Она же*. Българските земи под византийска власт... С. 11.

кризисный период конца XII в., возобновление печальной практики добровольной продажи в рабство среди местного населения, по мнению исследовательницы, обеспечивает успех «делу» Петра и Асеня⁵⁵⁰.

Новый подход к истории событий 1185–1204 гг. демонстрирует известный болгарский медиевист Х. Матанов. В своей работе «Средневековые Балканы»⁵⁵¹ он отказывается от формата собственно национальной истории и рассматривает историю Болгарии в контексте развития всего Балканского региона. В его интерпретации восстание Петра и Асеня — это не что иное, как проявление местного сепаратизма, которым были охвачены Балканы, Кипр и ряд малоазийских провинций Византии. Основные причины усиления центробежных тенденций на Балканах в конце XII — начале XIII в. Х. Матанов видит в политике императоров из династии Комнинов, взявших курс на поощрение провинциальной военной аристократии, крупных земельных собственников⁵⁵². Новая династия Ангелов, пришедшая к власти в 1185 г., лишь ускорила развитие процесса своей недальновидной и негибкой политикой. В свою очередь, балканские мятежные провинции, провозгласившие свою независимость, прежде всего Сербия и Болгария, быстро втянулись в европейскую дипломатическую игру и стали искусно лавировать между Византией и Западом, создавая тем самым на Балканах «специфическую геополитическую обстановку»⁵⁵³. По Х. Матанову, дальнейшая жизнеспособность новых образований определялась наличием местной политической традиции, однородностью этнического состава населения и действием географического фактора⁵⁵⁴.

Структуралистский подход к изучению проблематики становления Второго Болгарского царства предложил И. Лазаров. В центре внимания исследователя оказывается такая «иррациональная» категория как массовое сознание средневековых болгар, а также те инструменты, с помощью

⁵⁵⁰ Там же. С. 13.

⁵⁵¹ Матанов Х. Средневековните Балкани. Исторически очерци. София, 2002.

⁵⁵² Там же. С. 162–166.

⁵⁵³ Там же. С. 214.

⁵⁵⁴ Там же. С. 215.

которых светской власти удавалось «манипулировать» сознанием своих соплеменников — т.е. «политическая идеология»⁵⁵⁵. Период становления Второго Болгарского царства становится для И. Лазарова наглядным примером такой «манипуляции». В рамки идеологии исследователь включает, например, религиозную празднично-обрядовую систему, которая оказывала исключительное психологическое воздействие на средневековых болгар, процессы сакрализации и «харизматизации» царской власти, в которых использовались «трофейные» византийские регалии императорской власти, употребление определенных царских имен, фигурировавших в апокрифических сказаниях и народных легендах, и, наконец, культы святых.

И. Лазаров отмечает, что в условиях постоянной борьбы между представителями болгарской знати за влияние в болгарском государстве Петру, Асеню и Калояну было необходимо «выделиться», чего они и достигали посредством своей харизмы успешных лидеров, «воинской доблести» в сражениях с Византией, однако эта «воинская доблесть» не решала противоречий внутри их семейного клана. Урегулировать эти противоречия, по мнению И. Лазарова, должен был институт «соправительства» — т.е. наличия одновременно двух правителей, при ведущей роли одного и вспомогательной роли другого⁵⁵⁶. Этим исследователь объясняет «двоевластие» Петра и Асеня, когда при решении внешне- и внутривполитических вопросов в качестве главы государства выступал то один, то другой правитель.

Наиболее яркой тенденцией в болгарской историографии последних лет становится широкое применение при интерпретации событий конца XII — начала XIII в. комплексного подхода. Среди работ этого направления стоит отметить обобщающие труды Г. Николова: «Болгары и Византийская империя»⁵⁵⁷, «Внутривполитическое развитие возобновленного Болгарского

⁵⁵⁵ Лазаров И. Политическа идеология на Второто българско царство XII–XIII в. Генезис. В. Търново, 2003.

⁵⁵⁶ Там же. С. 30–49.

⁵⁵⁷ Николов Г. Българите и Византийската империя (август — ноември 1185 г.) // Тангра. Сборник в чест на 70-годишнината на акад. Васил Гюзелев. София, 2006. С. 597–617.

царства (конец XII — конец XIII вв.): факторы и проблемы»⁵⁵⁸ и «Самостоятельные и полусамостоятельные владения в возобновленном Болгарском царстве (конец XII — начало XIII в.)»⁵⁵⁹.

Опираясь на новейшие археологические данные, исследователь опровергает представление о том, что в XI–XII вв. болгарские провинции Византии находились в состоянии экономического упадка, вследствие чего введенный в 1185 г. чрезвычайный налог должен был переполнить чашу терпения местного населения. Увеличение денежного оборота на болгарских территориях во второй половине XII в. позволяет сделать вывод о том, что определенная часть этого населения в имущественном отношении была достаточно состоятельной. Не менее значимы и факты финансирования строительства и украшения новых храмов, учащающихся заказов церковнобогослужебных книг на славянском языке, активного участия в военных кампаниях Византии представителей выделившейся среди болгар «новой» знати — людей, «приобщенных к византийской армии, держателей проний»⁵⁶⁰. Все это представляет положение болгарских провинций империи в существенно ином свете, нежели традиционная картина «порабощения» болгарского народа «иноземными захватчиками», или противостояния «угнетенных» болгар «византийскому игу». Именно «растущая экономическая мощь» болгарских земель вместе с «желанием возвращения им политической свободы и возобновления раннесредневекового Болгарского царства»⁵⁶¹ и стали главными причинами восстания Петра и Асеня 1185–1186 гг.

В целом, Г. Николов следует классическому университетскому направлению, заложенному еще историками-позитивистами начала XX в. Так, продолжая линию В. Златарского, исследователь утверждает, что

⁵⁵⁸ *Он же.* Вътрешнополитическото развитие на възобновеното Българско царство (края на XII — края на XIII в.): фактори и проблеми // ЗРВИ. 2009. Т. 36. С. 167–177.

⁵⁵⁹ *Он же.* Самостоятелни и полусамостоятелни владения във възобновеното Българско царство (края на XII — средата на XIII в.). София, 2011.

⁵⁶⁰ *Николов Г.* Българите и Византийската империя... С. 598.

⁵⁶¹ Там же. С. 606.

«Асенеvцы были потомками болгарина Борила, который в конце XI в. занимал высокое положение в Константинополе», однако не отрицает и того, что «впоследствии, вероятно, кто-то из наследников рода Борила был связан с половцами»⁵⁶². В отличие от И. Божилова, отрицающего заключение перемирия между Византией и Болгарией в 1187 г. и считающего Ловечский договор плодом фантазии В. Златарского⁵⁶³, Г. Николов убежден, что «заключение мира между Болгарским царством и Византийской империей в крепости Ловеч ознаменовало собой признание возобновленного Болгарского царства со стороны другого государства»⁵⁶⁴. При этом, рассматривая период с 1185 по 1204 г., историк стремится совместить «балканистический», «болгаристический» и «византиноведческий» ракурсы исследования, учитывая и общую ситуацию на Балканах, и особенности внутреннего развития болгарских земель, и кризисные явления в рамках Византийской империи как целого.

Несмотря на то, что Г. Николов однозначно оценивает становление Второго Болгарского царства как «возобновление» Болгарии и видит в действиях Петра и Асеня стремление обосновать преемственность нового политического образования по отношению к Первому царству, он не отрицает, что немаловажное воздействие на развитие болгарской государственности оказывало многолетнее пребывание болгарских земель в составе Византии. По мнению исследователя, первые цари Второго Болгарского царства позаимствовали у византийцев не только какие-то внешние атрибуты (будь то титулатура правителей, их инсигнии, наименования должностных лиц и т.д.) — само политическое устройство возобновленной Болгарии копировало (хотя и не целиком) государственную структуру Византии времени последних Комнинов и Ангелов⁵⁶⁵. Это же, в свою очередь, предопределило существование в Болгарском царстве и тех

⁵⁶² Там же. С. 599.

⁵⁶³ Божилов И. Седем етjуда... С. 159–162.

⁵⁶⁴ Николов Г. Българите и Византийската империя... С. 614.

⁵⁶⁵ Он же. Вътрешнополитическото развитие... С. 168.

самых центробежных тенденций, практики заговоров и дворцовых переворотов, которые были присущи Византии XI–XII вв. Наглядные проявления этих тенденций — появление в болгарских землях нескольких самостоятельных политических образований: «Петровой» земли («апанажа» старшего из первых Асенецев), владений Добромира Хриза, Иванко и Иоанна Спиридонаки. Будучи «серьезным симптомом долгого процесса политической децентрализации и дезинтеграции Болгарии», эти недолговечные владения, по замечанию Г. Николова, сыграли, тем не менее, положительную роль в становлении государственности болгар⁵⁶⁶. Осуществляя совместные действия против Византии, полусамостоятельные владения выступали как своего рода «сателлиты» Болгарского царства⁵⁶⁷. По заключению Г. Николова, их появление и развитие демонстрируют специфику болгарской государственности и ее структуры с конца XII по середину XIII в.⁵⁶⁸

Новые тенденции обозначились и в работах Д. Чешмеджиева⁵⁶⁹ и И. Билярского⁵⁷⁰. Характеризуя средневековую Болгарию в духе предложенной в свое время Н. Йоргой формулы «Византия после Византии»⁵⁷¹, исследователи рассматривают события 1185–1204 гг. как воспроизведение болгарами религиозно-политической практики Византийской империи, в рамках которой первые цари Второго Болгарского царства, опираясь на культы тех или иных святых, искали свою «квазирелигиозную идентичность»⁵⁷².

Если статья Д. Чешмеджиева посвящена исключительно развитию и роли культа царя Петра в истории средневековой Болгарии, включая и Второе Болгарское царство⁵⁷³, то в центре внимания И. Билярского

⁵⁶⁶ *Он же*. Самостоятелни и полусамостоятелни владения... С. 228.

⁵⁶⁷ Там же. С. 226.

⁵⁶⁸ Там же. С. 225.

⁵⁶⁹ *Чешмеджиев Д.* Няколко бележки за култа към цар Петър I (927–965) // Християнската традиция и царската институция в българската култура. Шумен, 2003. С. 23–37.

⁵⁷⁰ *Билярски И.* Покровители на Царството. Св. цар Петър и св. Параскева-Петка. София, 2004.

⁵⁷¹ *Jorga N.* Byzance après Byzance. Bucarest, 1935.

⁵⁷² *Билярски И.* Покровители на Царството... С. 9.

⁵⁷³ *Чешмеджиев Д.* Няколко бележки... С. 36–37.

оказывается не только пантеон святых «покровителей царства», но и деятельность болгарских правителей по перенесению и собиранию священных реликвий. И. Билярский условно подразделяет средневековые культы на две основных категории: «царские», которые предполагали почитание праведных правителей, и «градозащитные», связанные с покровительственным отношением святого к определенному городу. В качестве главного «царского» культа в Болгарии автор рассматривает почитание праведного царя Петра, который превратил Болгарию в настоящую христианскую державу «византийского типа»⁵⁷⁴. В качестве же «градозащитных» исследователь выделяет прежде всего культ Богородицы, покровительницы «царствующего града» Константинополя, почитание которой было сопряжено в Болгарии с культом св. Параскевы-Петки⁵⁷⁵, и культ св. Димитрия Солунского, использованный Петром и Асенем для легитимации своего восстания⁵⁷⁶. Период с 1185 по 1204 г. интересует автора в первую очередь как переломный момент в религиозно-политической практике средневековой Болгарии. Согласно исследователю, именно в это время достигает своего апогея культ праведного царя Петра, что выражается в принятии имени «Петр» старшим из мятежных братьев-Асеневцев, после чего «царские культы» перестают играть первостепенную роль, а новая власть, окрепнув, переходит к использованию «градозащитных» культов. Это фактически означает смену «религиозной идентичности» Первого Болгарского царства (которую оно вместе с принятием христианства позаимствовало у Византии IX века) на иную идентичность, связанную с Византией Комниновского периода (1081–1185), где превалировала концепция «богоспасаемого града» как источника «божественной благодати» для всего царства⁵⁷⁷.

⁵⁷⁴ Билярски И. Покровители на Царството... С. 33.

⁵⁷⁵ Там же. С. 41.

⁵⁷⁶ Там же. С. 40.

⁵⁷⁷ Там же. С. 29.

В атмосфере возросшего интереса к роли реликвий и культов святых в укреплении политической власти к этой теме обращаются и современные классики болгарской историографии В. Гюзелев и К. Паскалева в работах 2006 г. «Чудотворная икона св. Димитрия Солунского в Тырново в 1185–1186 гг.»⁵⁷⁸ и, соответственно, «Что обнаружил в Тырново Исаак II Ангел»⁵⁷⁹.

Для В. Гюзелева чудотворный образ св. Димитрия, использованный в интересах легитимации Тырновского восстания — это прежде всего символ, «одна из основ болгарской религиозности и веры в существование возобновленного царства»⁵⁸⁰. В свою очередь, К. Паскалеву этот образ интересует именно как материальный, реально существовавший художественный объект — его внешний облик и конкретный характер, был ли он «иконой» в современном понимании этого слова или же шитым тканым покровом.

Оба исследователя рассматривают обстоятельства появления святыни в Тырново, развитие культа св. Димитрия на болгарской почве, анализируют связь между перенесением реликвии и строительством храма в честь св. Димитрия, воздействие чудотворного образа на религиозно-политическое сознание населения болгарских земель. Несмотря на разницу в профессиональных подходах, и В. Гюзелев, и К. Паскалева независимо друг от друга приходят к выводу о том, что решающую роль в восстании 1185–1186 гг. сыграла «мистическая идея»⁵⁸¹, связанная с культом св. Димитрия. И что именно внешний облик чудотворного образа и его специфические свойства (мироточение) должны были убедить восставших в реальности самого главного и желаемого для них «чуда»: перемещения в

⁵⁷⁸ Гюзелев В. Чудотворна икона на св. Димитър Солунски в Тырново през 1185–1186 г. // Любен Прашков реставратор и изкуствовед. София, 2006. С. 36–39.

⁵⁷⁹ Паскалева К. Какво е открил Исаак II Ангел в Тырново (една хипотеза) // Studia Balcanica. Т. 25. Византия — Балканите — Европа. София, 2006. С. 634–647.

⁵⁸⁰ Гюзелев, В. Чудотворна икона... С. 38.

⁵⁸¹ Там же. С. 38.

Тырново вместе с этим образом (иконой или шитым покровом) чудотворного потенциала и покровительства св. Димитрия.

Отдельного внимания в свете тенденций последних лет заслуживает монография М. Каймакамовой «Власть и история в средневековой Болгарии (VII–XIV в.)»⁵⁸². Опираясь такими категориями как «историческая пропаганда», «историческая память», «историческая традиция», автор обращается к исследованию средневековой исторической культуры и проблеме использования исторических знаний в политических интересах. Так, обращаясь к периоду возобновления Болгарского царства, М. Каймакамова утверждает, что, эксплуатируя идею преемственности между своей, «возобновленной», Болгарией и Первым Болгарским царством, Петр и Асень руководствовались чувством «историчности»⁵⁸³. На следовании болгарской традиции основывалась и их «фамильная стратегия», направленная на превращение своего рода в династию: принятие старшим братом Феодором символического для болгар (в связи с образом одного из последних царей Первого царства) имени «Петр», формирование культа «фамильного» святого — великомученика Димитрия Солунского⁵⁸⁴. По мнению М. Каймакамовой, знания о «древних царях» Петре, Самуиле и других, которыми оперировал царь Калоян в переписке с Римской курией, было почерпнуто им из болгарских царских летописей. Наличие собственной библиотеки и собрания исторических сочинений обуславливалось не столько любознательностью, сколько прагматическими соображениями и утвердившейся еще в Первом Болгарском царстве традицией, согласно которой правитель был обязан контролировать историческое знание и его употребление⁵⁸⁵.

Итак, изучение интересующей нас проблематики становления Второго Болгарского царства в русле болгарской историографии проходило в

⁵⁸² Каймакамова М. Власть и история в средневековна България (VII–XIV век). София, 2011.

⁵⁸³ Там же. С. 221.

⁵⁸⁴ Там же. С. 223–224.

⁵⁸⁵ Там же. С. 230.

сложных внутри- и внешнеполитических условиях. Вплоть до начала 1990-х гг. главная задача исторических работ о событиях конца XII — начала XIII в. сводилась к тому, чтобы подчеркнуть целостность, «монолитность» болгарского народа еще в Средневековье и непрерывность его исторического развития. В связи с падением коммунистического режима и «железного занавеса» начинается постепенная интеграция болгарской медиевистики в мировую науку. В 2000-е годы интерес к отдельным нюансам восстановления Болгарского царства переходит в новую стадию: впервые за достаточно длительное время представители болгарской историографии пытаются выйти за рамки собственной, национальной истории и применить к событиям, ознаменовавшим собой восстановление Болгарского царства, иной формат. Раздвигаются и тематические рамки исследований: все больше внимания уделяется проблематике сакрального, роли культов святых и их реликвий в политике средневековой Болгарии — теме, давно ставшей «классической» для западной историографии.

Что же касается других, нежели болгарские, европейских, а также американских исследователей, то с их стороны внимание к проблематике становления Второго Болгарского царства было и остается связано почти исключительно с их византиноведческими и балканистическими интересами.

§ 3. Европейская и американская историография

Некоторые аспекты болгаро-византийских отношений конца XII — начала XIII в. находили свое отражение еще в первых обзорных работах по истории Византии, начиная с Ш. Дюканжа⁵⁸⁶ и вплоть до Г.Ф. Герцберга⁵⁸⁷. В духе эрудитской католической историографии восстание Петра и Асеня и последующая история независимого Болгарского царства были описаны настоятелем болгарской францисканской провинции города Алвинц в

⁵⁸⁶ *Du Cange Ch.D. Historia byzantina duplici commentario illustrate. Lutetia Parisiorum, 1680.*

⁵⁸⁷ *Hertzberg G.F. Geschichte der Byzantiner und des Osmanischen Reiches bis gegen Ende des sechszehnten Jahrhunderts. Berlin, 1883.*

См. также русский перевод, выполненный П.В. Безобразовым: *Герцберг Г.Ф. История Византии. М., 1896.*

Трансильвании (совр. Румыния), немцем по происхождению, Бл. Клайнером в специальной работе «Архив провинции Болгарии в трех частях» (1761–1775)⁵⁸⁸. В рамках истории всех южных славян болгаро-византийские отношения конца XII — начала XIII в. присутствовали и в поле зрения сербского просветителя Й. Раича⁵⁸⁹. Однако важнейшее, с интересующей нас точки зрения, значение для европейской как византистики, так и славистики и балканистики имело все же издание в 1876 г. уже упоминавшейся (в связи с ее русским переводом) «Истории болгар» К. Иречка (см. выше).

Вскоре история становления Второго Болгарского царства становится предметом острой полемики между представителями молодых румынской и болгарской исторических школ. В 1879 г. выходят в свет «Сочинения» по славянской истории немецкого ученого К.Р. фон Хёфлера, в которых впервые фигурирует утверждение о «валахах как создателях Второго Болгарского царства»⁵⁹⁰. Эта идея тотчас же подхватывается основоположником румынской исторической науки А.Д. Ксенополом, заявившим о «влахо-болгарском» характере Тырновского восстания 1185–1186 гг. и нового болгарского государства, а также об исключительно «влашском» происхождении братьев Петра и Асеня⁵⁹¹.

В 1930-е — 1940-е гг. в связи с национальным подъемом в обеих странах полемика достигает особой остроты: в ней активно участвуют такие «корифеи» болгарской медиевистики как П. Мутафчиев⁵⁹² и В. Златарский⁵⁹³

⁵⁸⁸ Работа осталась неопубликована при жизни автора и была введена в научный оборот лишь в конце XIX в.

Подробнее о самом Бл. Клайнере и его сочинении см.: *Чвырь Н.В.* В поисках своего прошлого: исторические представления болгар-католиков XVIII в. // Сл. 2007. № 5. С. 74–86; *Гюзелев В.* Апология на Средновековието. София, 2004. С. 88.

См. также современные издания сочинения Бл. Клайнера: История на България от Блазиус Клайнер, съставена в 1761 г. Архив в три част на преславната провинция България. София, 1977; *Galvez F.J.* Blasii Kleiner archivium tripartitum inclutae provinciae Bulgariae. Madrid, 1997.

⁵⁸⁹ *Раич Й.* История разных славенских народов, наипаче болгар, хорватов и сербов, из тьмы забвения изъятая и во свет исторически произведенная Иоанном Раичем, архимандритом во Свято-Архангельском монастыре Ковиле. Ч. 1. Вена, 1794. Кн. 2. О народе болгарском. С. 439–447.

⁵⁹⁰ *Höfler K.R., von.* Abhandlungen aus dem Gebiete der slavischen Geschichte. Bd. 1. Die Walachen als Begründer des zweiten bulgarischen Reiches der Asaniden, 1186–1257. Wien, 1879. S. 229.

⁵⁹¹ *Xenopol A.D.* Une énigme historique; les Roumains au Moyen-Âge, par A.D. Xénopol. Paris, 1885. P. 40–55.

⁵⁹² *Мутафчиев П.* Произходът на Асеновци... С. 1–42.

(см. выше). В конце 1930-х гг. широкое внимание научной общественности привлекает вышедшая в 1937 г. «История румын и восточнороманского мира» византиниста Н. Йорги, утверждавшего, на основании преимущественно латинских источников, «румынское» происхождение династии Асенецев и преимущественно «влашский» этнический состав их подданных⁵⁹⁴. На «влашском» происхождении предводителей и «влашском» (по основной этнической составляющей) характере самого восстания Петра и Асеня настаивал и румынский историк Н. Бэнеску⁵⁹⁵. В 1944 г. его оппонентом выступил болгарский историк Вс. Николаев⁵⁹⁶, доказывавший «болгарское» происхождение Асенецев⁵⁹⁷.

Полемика между болгарскими и румынскими исследователями привлекла интерес к вопросу об этнической принадлежности Петра и Асеня и «этническом» характере Второго Болгарского царства в целом со стороны не только европейского, но и американского научного сообщества. Так, в 1949 г. выходит хрестоматийная работа американского историка Р.Л. Вольфа, посвященная непосредственно образованию Второго Болгарского царства и подробно рассматривающая развитие болгаро-румынской дискуссии⁵⁹⁸. Помимо событийной канвы, ученый знакомит читателя с основными точками зрения на этническое происхождение «родоначальников» Второго Болгарского царства⁵⁹⁹. Апеллируя к византийским и латинским источникам, в которых «влахи — это влахи, а болгары — это болгары»⁶⁰⁰, Р.Л. Вольф склоняется к отстаиваемой румынскими учеными версии о влашском

⁵⁹³ *Златарски В.* Потеклото на Петър и Асен, водачите на въстанието в 1185 г. // СпБАН. 1933. Кн. 45. С. 7–48.

⁵⁹⁴ *Iorga N.* Histoire des roumains et de la romanite orientale. Vol. 3. Paris, 1937. P. 104–121.

⁵⁹⁵ *Bănescu N.* Un problème d'histoire médiévale: création et caractère du Second Empire Bulgare, 1185. Bucarest, 1943.

К сожалению, эта работа осталась мне недоступна. С ее основными положениями я смогла познакомиться благодаря рецензии: *Nasturel P. Banescu (Nicolas).* Un problème d'histoire médiévale. Création et caractère du second empire bulgare (1185). Institut romain d'études byzantines. Nouvelle série: 2. Bucarest, 1943. Petit in-8 de 93 p. // REB. 1946. Vol. 4. № 4. P. 280–281.

⁵⁹⁶ *Николаев Вс.* Потеклото на Асеневици и етническият характер на основаната от тях държава. София, 1944.

⁵⁹⁷ Подробнее о развитии болгаро-румынской дискуссии см.: *Daskalov R.* Feud over the Middle Ages: Bulgarian-Romanian Historiographical Debates // *Entangled Histories of the Balkans*. Vol. 3. Leiden, 2015. P. 274–354.

⁵⁹⁸ *Wolff R.L.* The Second Bulgarian Empire // *Speculum*. 1949. Vol. 24. P. 35–206.

⁵⁹⁹ *Ibidem*. P. 174–180, 203–206.

⁶⁰⁰ *Ibidem*. P. 190.

происхождении Петра и Асеня. В качестве доказательства американский автор приводит корреспонденцию между «влахом» Калояном и Римской курией, обмен которой, по мнению Р.Л. Вольфа, был возможен исключительно в силу «романского», т.е. «римского», происхождения Асенеvцев⁶⁰¹.

Пристальное внимание «этническому» характеру Второго Болгарского царства уделил и основоположник югославской византистики Г. Острогорский. В своей ставшей вскоре классической «Истории Византийского государства»⁶⁰² автор, демонстрируя знакомство с работами П. Мутафчиева, В. Златарского, Вс. Николаева, Р.Л. Вольфа и других исследователей, замечает, что «безусловно, не существует справедливых оснований сомневаться, что царство Асений было болгарским, однако это не оправдывает отрицание той роли, которую играли в его основании вlahи, а также половцы»⁶⁰³. Ученый считает, что «два века византийского правления ослабили славянский элемент как в Болгарии, так и в Македонии, и на этих территориях проводилась серьезная эллинизация, а также происходило усиление чужеродных элементов в ущерб славянскому», что позволяет говорить о «заметной роли» вlahов и половцев в восстании Петра и Асеня⁶⁰⁴.

К сходным выводам приходит в 1950-е гг. и А.А. Васильев, на тот момент заслуженный профессор американского византиноведческого центра Дамбартон-Оукс, во втором (расширенном) издании «Истории Византийской империи»⁶⁰⁵. Автор подчеркивает, что именно «вlahи инициировали движение за освобождение», хотя при этом и «болгары, без сомнения, играли активную роль наряду с ними и, возможно, в значительной степени способствовали внутренней организации нового царства»⁶⁰⁶. Исходя из этого обстоятельства, исследователь делает вывод о том, что «новое Болгарское

⁶⁰¹ Ibidem. P. 192.

⁶⁰² Ostrogorsky G. History of the Byzantine State. New Brunswick (New Jersey), 1957.

⁶⁰³ Ibidem. P. 359.

⁶⁰⁴ Ibidem. P. 358.

⁶⁰⁵ Vasiliev A.A. History of the Byzantine Empire, 324–1453. Second English edition, revised. Madison, 1952.

⁶⁰⁶ Ibidem. P. 442 (ср. перевод А.Г. Грушевого: Васильев А.А. История Византийской империи...).

царство с этнологической точки зрения было влашско-болгарско-половецким государством, его династия, если согласиться с утверждением Никиты Хониата, была влашской»⁶⁰⁷.

В 1960-е гг. интерес зарубежных византинистов смещается с «этнического» на «политический» аспект образования Второго Болгарского царства. Анализируя основные события византийской истории конца XII в., исследователи задаются вопросом о том, почему именно в конце XII в. некогда могущественная империя начинает «трещать по швам», и какую роль в этом процессе сыграла политика императора Исаака II Ангела.

В 1964 г. в связи с проведением XII Международного конгресса византинистов в Белграде интерес к «балканской» стороне византийской политики демонстрирует ученик Ш. Диля, французский византинист Р. Гийан⁶⁰⁸. В центре внимания ученого оказывается византийско-венгерский союз, заключенный между императором Исааком II Ангелом и венгерским королем Белой III (1172–1196), а также действия Византии в связи с развитием сепаратистских движений в сербских и болгарских владениях империи. Примечательно, что для французского историка восстание Петра и Асеня — это, без сомнения, движение «болгарского народа», «национальная борьба за независимость», а новое, созданное ими государство — болгарское⁶⁰⁹. Не меньший интерес для Р. Гийана представляют «сербский» фактор, связанный с политикой великого жупана Стефана Немани (1168–1196), усиление немецко-сицилийского альянса, крестовый поход Фридриха Барбароссы и другие сюжеты.

В итоге, исследователь приходит к заключению, что лишь дворцовые интриги и смещение в результате переворота 1195 г. Исаака II помешали последнему использовать военную помощь своего тестя, венгерского короля, в борьбе с болгарами. Эта помощь, несомненно, могла оказать влияние на

⁶⁰⁷ Ibidem (ср. перевод А.Г. Грушевого: *Васильев А.А.* История Византийской империи...).

⁶⁰⁸ *Guilland R.* Byzance et les Balkans, sous le Regne d'Isaac II Ange (1185–1195) // Actes du XII Congrès International d'Études byzantines. T. 2. Beograd, 1964. P. 125–137.

⁶⁰⁹ Ibidem. P. 128–129.

ход событий, так как к тому моменту империи уже удалось достигнуть компромисса с сербами и тем самым лишить болгар своего балканского союзника⁶¹⁰. В то же время и этот компромисс, и неспособность Византии справиться с разрастающимся болгарским движением, по мнению Р. Гийана, представляли собой не что иное, как симптомы, говорящие о «конце византийской гегемонии на Балканском полуострове», совпавшем с завершением правления Исаака II Ангела⁶¹¹.

Вскоре после Р. Гийана, общий обзор событий в болгарских землях в конце XII в. был представлен американским историком Ч.М. Брандом в известной монографии «Византия противостоит Западу» (1968), отдельная глава которой была посвящена правлению Исаака II. Остановившись на его политических способностях, ученый оценивает его правление как успешное вплоть до «влахо-болгарского» восстания под руководством Петра и Асеня, превратившегося в «главную императорскую заботу — кошмарный сон, из которого он не мог сбежать»⁶¹². Анализируя события восстания, Ч.М. Бранд подробно рассматривает использованные Петром и Асенем средства легитимации своей власти, задачу которых он видит в том, чтобы «сплотить движение традицией прошлого болгарского величия», так как «союзу славяно- и романоязычных народов был нужен успех»⁶¹³.

В 1974 г. болгаро-византийские отношения конца XII в. исследует греческий ученый Т. Вламос, в статье которого о восстаниях и заговорах при Исааке II Ангеле⁶¹⁴ анализируется правление Исаака II с точки зрения византийских авторов — прежде всего Никиты Хониата. Рассматривая развитие «влахо-болгарского» восстания, Т. Вламос заключает, что, наряду с другими движениями (Феодора Манкафы и Псевдо-Алексея), оно явственно

⁶¹⁰ Ibidem. P. 136–137.

Подробнее о сербско-византийских отношениях этого периода см. также: *Чиркович С.* История сербов. М., 2009. С. 40–43.

⁶¹¹ *Guilland R.* Byzance et les Balkans... P. 137.

⁶¹² *Brand Ch.M.* Byzantium Confronts the West, 1180–1204. Cambridge (Mass.), 1968. P. 88.

⁶¹³ Ibidem. P. 89.

⁶¹⁴ *Vlachos T.* Aufstände und Verschwörungen während der Kaiserzeit Isaakios' II Angelos (1185–1195) // Byzantina. T. 6. Thessaloniki, 1974. S. 157–167.

обозначило слабость центральной власти, достигшую своей критической точки при Исааке II⁶¹⁵.

Широкий резонанс в научном сообществе, в т.ч. и в отечественном (см. выше), вызвала опубликованная в 1980 г. монография⁶¹⁶ греческого историка Ф. Малингудиса «Сообщения Никиты Хониата о возникновении Второго Болгарского царства»⁶¹⁷. В центре внимания исследователя — три основных вопроса: во-первых, причины и характер восстания Петра и Асеня, во-вторых, роль в ходе восстания и степень участия в нем болгарского и владшского этнических компонентов, в-третьих, хронология основных событий, связанных с возникновением независимой Болгарии, начиная с осени 1185 г. (введение чрезвычайных налогов и первая волна недовольства византийской властью) и заканчивая летом 1190 г. (когда византийское войско было разгромлено в Тревненской битве).

Примечательно, что рассмотрение событий в болгарских землях в конце XII в. исследователь начинает с анализа положения болгар под властью Византии, считая это время «прологом» к дальнейшим событиям⁶¹⁸. Среди причин восстания Петра и Асеня Ф. Малингудис выделяет прежде всего экономические, связанные с имперским натуральным налогом, собираемым, по мнению автора, только с пастухов Балканских гор⁶¹⁹. Отсюда — не нашедшая пока своего подтверждения гипотеза Ф. Малингудиса, согласно которой восстание началось не в будущей столице царства Тырново, а в самих Балканских горах, охватив первоначально лишь немногочисленные пастушеские поселения⁶²⁰. Отдельную часть работы автор посвящает хронологии событий: в частности, отвергая существующие в научном сообществе датировки восстания осенью 1185 г., Ф. Малингудис

⁶¹⁵ Ibidem. S. 162–167.

⁶¹⁶ Именно как «монографию» характеризует работу греческого ученого Г.Г. Литаврин. — *Литаврин Г.Г.* Новое исследование о восстании в Паристрионе... С. 92.

⁶¹⁷ *Malingoudis Ph.* Die Nachrichten des Niketas Choniates... S. 49–148.

См. также рецензию Г.Г. Литаврина: *Литаврин Г.Г.* Новое исследование о восстании в Паристрионе... С. 92–112.

⁶¹⁸ *Malingoudis Ph.* Die Nachrichten des Niketas Choniates... S. 53–58.

⁶¹⁹ Ibidem. S. 73–77.

⁶²⁰ Ibidem. S. 56–58.

относит его (а вместе с ним и начало болгаро-византийской борьбы) к весне 1186 г.⁶²¹

Затрагивая проблему этнического происхождения Петра и Асеня, Ф. Малингудис предполагает, что братья принадлежали к богатой верхушке местного общества, однако сама эта верхушка, по мнению исследователя, была в значительной степени затронута половецким влиянием, так как в XII в. этот народ, живший в пределах империи, уже постепенно переходил к оседлому образу жизни⁶²². Утверждая, таким образом, «болгаро-половецкую» гипотезу о происхождении братьев, греческий автор выдвигает оригинальное предположение о том, что старший из братьев все же имел чисто славянское происхождение⁶²³. Касаясь «влашской» проблемы, Ф. Малингудис считает неразрешимым вопрос о большей или меньшей степени участия болгар и влахов в восстании⁶²⁴. В то же время у исследователя нет никаких сомнений в том, что решающую роль в военном успехе Петра и Асеня сыграли половецкие отряды⁶²⁵.

Однако главным достоинством работы Ф. Малингудиса следует считать исследование вопроса о «бесноватых»-прорицателях, которые, согласно Никите Хониату, убедили колеблющихся соплеменников Петра и Асеня в необходимости участвовать в восстании. Согласно Ф. Малингудису, «собрание» бесноватых — плод творческого воображения Хониата, который, пытаясь придать событию зловещий оттенок, использовал свои личные впечатления от экстатических танцев, увиденных им во время службы в Филиппополе⁶²⁶. Гипотеза Ф. Малингудиса, основанная также на сведениях автора XIII в. Феодора Скутариота, употребившего в описании этих «бесноватых» слово Ἀσθενάρια, истолкованное Малингудисом как

⁶²¹ Ibidem. S. 76.

⁶²² Ibidem. S. 83–88.

⁶²³ Ibidem. S. 88–89.

⁶²⁴ Ibidem. S. 93–100.

⁶²⁵ Ibidem. S. 101–105.

⁶²⁶ Ibidem. S. 110–112.

«анастенария», или «нестинария», сохраняет свою актуальность и в настоящее время.

«Основание Второго Болгарского царства» в контексте «провала Комниновской системы» тщательно анализирует в своей фундаментальной работе по истории Византии в 1025–1204 гг. английский византинист М. Энголд⁶²⁷. Историк оценивает начало восстания в болгарских землях как еще одно проявление местного сепаратизма, охватившего окраины империи в правление династии Ангелов. Рассматривая болгарское движение, исследователь отмечает в качестве причин его успехов серьезную военную помощь, оказанную половцами, недовольство местных скотоводов византийской властью и воспоминания о временах царя Симеона Великого и Первом Болгарском царстве, к которым апеллировали восставшие⁶²⁸. В то же время, как и для Р.Л. Вольфа, Петр и Асень для автора — это прежде всего «влахи», поскольку именно это наименование употребляется византийскими писателями применительно к участникам восстания, положившего начало Второму Болгарскому царству⁶²⁹. Более того, именно влашский компонент в восстании исследователь считает наиболее значимым, «просто потому, что восстание концентрировалось в горной местности, где влахи доминировали»⁶³⁰.

Византиноведческой по своему характеру является и работа греческого исследователя Л. Мавроматиса «Образование Второго Болгарского царства с точки зрения византийских интеллектуалов»⁶³¹. Как и Р. Гийан, Л. Мавроматис обходит «влашскую» проблему, говоря исключительно о «болгарах» и «Болгарском» царстве. Анализируя сведения Никиты Хониата и Георгия Акрополита о причинах восстания Петра и Асеня и дальнейшем развитии болгаро-византийских отношений, исследователь проводит границу

⁶²⁷ *Angold M.* The Byzantine Empire (1025–1204): a Political History. New York, 1984. P. 272–282.

⁶²⁸ *Ibidem.* P. 275.

⁶²⁹ *Ibidem.* P. 272–275.

⁶³⁰ *Ibidem.* P. 273.

⁶³¹ *Mavrommatis L.* La formation du Deuxième Royaume Bulgare vue par les intellectuels byzantins // *ÉB.* 1985. № 4. P. 30–38.

между «авторским» видением проблемы со стороны византийских писателей и объективными предпосылками общественно-политического характера. Не пытаясь буквально трактовать сведения Хониата и Акрополита, но обобщая отдельные их утверждения, автор приходит к выводу, что антивизантийское движение в болгарских землях было неразрывно связано с развитием этнического самосознания в рядах болгарской знати, что, в свою очередь, было обусловлено усилением контактов между восточной и западной христианскими цивилизациями в XII в. и проникновением духа «национализма» в круг славянской элиты Византии⁶³². Не менее важным фактором, согласно Л. Мавроматису, выступило и стремление болгарской знати обладать теми же привилегиями, что и ромейская аристократия, которое, не найдя отклика в высших византийских кругах, вылилось в восстание с последующим созданием независимого государства⁶³³.

В то время как византилисты переходят ко все более скрупулезному анализу внутреннего положения Византии в XI–XII вв., включая интересующую нас проблематику в этот контекст, американский историк Дж. Файн рассматривает относящиеся к ней сюжеты в рамках общебалканской истории⁶³⁴. Освещая события в болгарских землях конца XII в., исследователь также затрагивает вопрос о том, какой этнический элемент играл определяющую роль в образовании Второго Болгарского царства, и приходит к выводу о том, что как восстание 1185–1186 гг., так и независимое от Византии новое болгарское государство было «болгаро-влахо-половецким», т.е. в этом процессе в равной степени участвовали все три народа⁶³⁵.

«Этническая» сторона проблематики образования Второго Болгарского царства деликатно обходится авторами соответствующих статей «Оксфордского словаря [по истории] Византии», изданного в 1991 г. под

⁶³² Ibidem. P. 32–33.

⁶³³ Ibidem. P. 35.

⁶³⁴ Fine J.V.A. The Late Medieval Balkans. A Critical Survey from the Late Twelfth Century to the Ottoman Conquest. Ann Arbor, 1987. P. 1–59.

⁶³⁵ Ibidem. P. 13.

эгидой византиноведческого центра Дамбартон-Оукс. Так, эта тема совершенно не находит освещения в общем очерке Р. Браунинга, посвященном истории средневековой Болгарии, в котором автор оперирует такими устоявшимися в историографии понятиями как «византийское иго» и «эллинизация», но заключает их в кавычки и подчеркивает условность даже самого термина «Второе Болгарское царство»⁶³⁶. В статье, посвященной Асеню I, Ч. Бранд и А.П. Каждан приводят основные версии, существующие относительно его этнической принадлежности, не останавливаясь подробно ни на одной из них. Совершенно обходится стороной вопрос об этническом происхождении старшего из братьев, Петра, и младшего — Калояна. Сами же братья фигурируют лишь как «основатели Второго Болгарского царства» или как «правители Болгарии»⁶³⁷.

Спустя десятилетие, вопросам хронологии восстания была посвящена специальная работа немецкого ученого Г. Принцинга⁶³⁸, который подробнейшим образом исследовал сведения источников и существующие в научной традиции версии относительно последовательности событий. Упорядочив фрагменты «Истории» Никиты Хониата и сделав поправки на возможные ошибки переписчиков, исследователь пришел к заключению, что наиболее вероятной датой восстания под руководством Петра и Асеня должен считаться день св. Димитрия, 26 октября 1185 г., а местом события — будущая столица царства, Тырново.

Проблема идентификации «государствообразующего» этноса Второго Болгарского царства была затронута и английским историком П. Стивенсоном в его известной монографии о балканских рубежах Византии⁶³⁹, в которой восстание Петра и Асеня по-прежнему фигурирует как «болгаро-влашское»: лишь «традиции независимости», связанные с болгарской

⁶³⁶ *Browning R. Bulgaria // ODB. Vol. 1. P. 332–334.*

⁶³⁷ *Brand Ch.M., Kazhdan A.P. Asen I // Ibidem. P. 204; Brand Ch.M., Kazhdan A.P. Kalojan // Ibidem. Vol. 2. P. 1095–1096; Brand Ch.M., Kazhdan A.P. Peter of Bulgaria // Ibidem. Vol. 3. P. 1639–1640.*

⁶³⁸ *Prinzling G. Demetrios-Kirche und Aseniden-Aufstand. Zur chronologischen Präzisierung der Frühphase des Aseniden-Aufstandes // ЗРВИ. 1999–2000. Т. 38. С. 257–265.*

⁶³⁹ *Stephenson P. Byzantium's Balkan Frontiers. A Political Study of the Northern Balkans, 900–1204. Cambridge, 2004. P. 275–315.*

историей и использованные братьями-влахами, сделали новое государство «болгарским»⁶⁴⁰. Воспроизводя событийную канву, автор, вслед за М. Энголдом, также ставит явления, имевшие место в болгарских землях, в тесную зависимость от нарастающего кризиса в Византии конца XII в. Как и его предшественники, П. Стивенсон фокусирует внимание читателя на беспрецедентной роли половецких отрядов в болгаро-византийской борьбе⁶⁴¹. Однако, уделяя должное внимание вопросу об использовании первыми Асенецами культа св. Димитрия и трактуя его как компонент, напрямую заимствованный из византийского арсенала, исследователь в то же время полностью опускает присутствующий у Никиты Хониата сюжет с «бесноватыми»⁶⁴².

Свои взгляды на интересующие нас события П. Стивенсон излагает и в кратком очерке, посвященном «отделению сербов, влашскому и болгарскому восстанию» в рамках фундаментальной «Кэмбриджской истории Византийской империи» (2008)⁶⁴³. Автор по умолчанию рассматривает выступление Петра и Асеня как восстание «болгар и влахов»⁶⁴⁴ и приводит все основные факты, связанные с его развитием. Исследователь анализирует события в болгарских землях в рамках общего движения балканских народов, сравнивая их с далматинскими и сербскими реалиями середины — конца XII в.⁶⁴⁵ Основную причину этого движения П. Стивенсон усматривает в том, что после смерти в 1180 г. Мануила I Комнина «империя осталась без императора, способного поддержать хрупкий баланс и склонного направить основные ресурсы на периферию»⁶⁴⁶.

Некоторые важные аспекты болгаро-византийских отношений конца XII — начала XIII в. нашли отражение и в недавних работах польского историка К. Маринова. Так, в статье, посвященной действиям византийского

⁶⁴⁰ Ibidem. P. 293–294.

⁶⁴¹ Ibidem. P. 293.

⁶⁴² Ibidem. P. 290, 293.

⁶⁴³ *Stephenson P. Balkan Borderlands (1018–1204) // The Cambridge History of the Byzantine Empire. Cambridge, 2008. P. 686–690.*

⁶⁴⁴ Ibidem. P. 687.

⁶⁴⁵ Ibidem. P. 690–691.

⁶⁴⁶ Ibidem. P. 691.

флота в войнах с Болгарией в XII–XIV вв., анализируются соответствующие сюжеты, относящиеся к событиям болгаро-византийского противостояния интересующего нас времени⁶⁴⁷. В другой своей работе исследователь обращается к актуальной теме воспроизведения болгарами идеи сакральной столицы в интересах построения собственной политической и культурной идентичности⁶⁴⁸.

Более подробно вопросы становления Второго Болгарского царства освещаются в работах итальянского медиевиста Ф. Даль-Альо. В монографии «Иннокентий III и Балканы» (2003) автор, среди прочего, анализирует международную ситуацию, сложившуюся на Балканах на рубеже XII–XIII вв., в реалиях которой молодое Болгарское царство, столкнувшись сразу с двумя могущественными врагами: Византией и Венгрией, — обратилось за поддержкой к папской курии⁶⁴⁹. Спустя 10 лет в отдельной статье исследователь еще более подробно рассматривает обстоятельства, в которых оказались болгарский царь Калоян и папа Иннокентий III в первые годы XIII в.⁶⁵⁰ Примечательно, что параллельно с этим Ф. Даль-Альо в специальных статьях детально рассматривает и проблематику болгаро-половецких отношений этого времени, включая роль половецкого фактора не только в военном противостоянии болгар и византийцев, но и в политической жизни молодого Болгарского царства⁶⁵¹. В свою очередь, более общий характер носят еще две недавние работы Ф. Даль-Альо, одна из которых посвящена непосредственно образованию Второго Болгарского царства⁶⁵², а другая — исторической преемственности между средневековыми болгарскими

⁶⁴⁷ *Marinow K.* Działania floty cesarza bizantyńskich oraz okrętów ich sprzymierzeńców w wojnach z Bułgarią (XII–XIV w.) // PNH. 2007. R. VI. № 1–2. S. 119–141.

⁶⁴⁸ *Idem.* Inny Konstantynopol. Tyrnowo jako stołeczny ośrodek późnośredniowiecznej Bułgarii // AUL. Folia Historica. 2011. T. 87. S. 343–371.

⁶⁴⁹ *Dall'Aglio F.* Innocenzo III e i Balcani: fede e politica nei Regesta pontifici. Napoli, 2003.

⁶⁵⁰ *Idem.* Propter multos nostros contrarios: le disavventure dei legati bulgari e pontifici nei primi anni del tredicesimo secolo // MÉFR — Moyen Âge. 2013. № 125-1 [доступно 25.05.2016: <http://mefrm.revues.org/1007#text>].

⁶⁵¹ *Idem.* The Interaction between Nomadic and Sedentary Peoples on the Lower Danube: the Cumans and the «Second Bulgarian Empire» // The Steppe Lands and the World Beyond them. Studies in Honor of Victor Spinei on his 70th Birthday / Ed. by Florin Curta and Bogdan-Petru Maleon. Iași, 2013. P. 299–312; *Idem.* The Military Alliance between the Cumans and Bulgaria from the Establishment of the Second Bulgarian Kingdom to the Mongol Invasion // AEMA. 2008/2009. № 16. P. 29–54.

⁶⁵² *Idem.* Qualche considerazione sulla fondazione del «Secondo regno Bulgaro» // RS. 2011. № 9 (55). P. 55–64.

столицами⁶⁵³. В обеих работах ученый подчеркивает важность апелляции к памяти о некогда существовавшем Первом Болгарском царстве, полагая, что именно она стала наиболее эффективным средством, побудившим население болгарских земель к восстанию против империи.

Наконец, в самое последнее время болгаро-византийские отношения в конце XII в. были подробно рассмотрены в обстоятельной статье немецкого исследователя М. Риттера «Влахо-болгарское восстание и попытки его подавления императором Исааком II (1185–1195)»⁶⁵⁴. Написанная на основе широкой источниковой базы и обширной литературы, в т.ч. и на болгарском и сербском языках, эта работа носит классический византиноведческий характер. Анализируя предпосылки и ход «влахо-болгарского» восстания под предводительством Петра и Асеня, автор приходит к выводу, что оно было вызвано скорее экономическими причинами, нежели личным конфликтом между предводителями мятежа и императором, хотя именно последнее обстоятельство превратило недовольство налоговыми нововведениями в мощное движение во главе с местной аристократией⁶⁵⁵. В качестве основного фактора военных успехов «болгаро-влахов» М. Риттер рассматривает участие половецких отрядов, выступавших на болгарской стороне⁶⁵⁶. В целом же, анализируя действия Исаака II по подавлению восстания и, особенно, военную кампанию 1190 г., автор ставит под сомнение сложившееся в историографии представление о «провальности» правления этого императора, видя в качестве причин его неудач исключительно дворцовые интриги и неэффективность структуры власти и управления на местах, сложившейся при императорах из Комниновской династии⁶⁵⁷.

Таким образом, работы европейских и американских исследователей, затрагивающие тем или иным образом проблематику становления Второго

⁶⁵³ *Idem.* Shifting Capitals and Shifting Identities: Pliska, Preslav, Tǎrnovo and the Self-Perception of a Medieval Nation // *BM.* 2011. № 2. P. 587–601.

⁶⁵⁴ *Ritter M.* Die vlacho-bulgarische Rebellion und die Versuche ihrer Niederschlagung durch Kaiser Isaakios II. (1185–1195) // *BSI.* 2013. № 71 (1–2). S. 162–210.

⁶⁵⁵ *Ibidem.* S. 169–177.

⁶⁵⁶ *Ibidem.* S. 182–191.

⁶⁵⁷ *Ibidem.* S. 208–210.

Болгарского царства, рассматривают ее преимущественно в контексте византийской и, в меньшей степени, балканской истории. В центре внимания ученых остается прежде всего общий кризис многовековой империи и ее структуры власти, тогда как события собственно болгарской истории (наряду с другими сепаратистскими движениями на окраинах Византии) рассматриваются как его конкретные проявления. Другим характерным отличием европейских и американских работ, касающихся интересующей нас проблематики, представляется повышенное внимание к выяснению подлинных причин восстания в Тырново, проблеме идентификации «государствообразующего» этноса Второго Болгарского царства (в качестве которого называется, чаще всего, либо «влашский», либо «болгаро-влашский»), значению половецкой помощи восставшим и хронологии событий. В большинстве случаев эти работы носят общий, обзорный характер и призваны, скорее, «просветить» свою аудиторию относительно средневековой истории Болгарии, нежели внести сколько-нибудь весомый вклад в изучение соответствующей проблематики. Исключением в этом отношении могут считаться разве что фундаментальная работа Ф. Малингудиса, во многом сохранившая свою актуальность до настоящего времени, а также исследования Г. Принцинга и М. Риттера, связанные с уточнением хронологии, последовательности и деталей событий.

Глава 2

Болгары и болгарские земли под властью Византийской империи (1018–1185)

Период почти двухсотлетнего пребывания болгарских земель в составе Византийской империи до сих пор остается предметом дискуссий. Интерес к «византийскому прошлому» Болгарии в современной историографии подпитывается не только традиционным интересом к месту и роли средневекового болгарского государства во всемирной истории, но и возможностью иного взгляда на проблему за счет привлечения новых археологических данных или источников, которые ранее не рассматривались исследователями как сколько-нибудь значимые и информативные⁶⁵⁸.

Очевидно, что представления о «византийском иге», «эллинизации», «ромеизации» и даже ассимиляции населения болгарских земель византийцами⁶⁵⁹ давно не выдерживают критики. Существенной корректировке подверглись и положения марксистской историографии, сконцентрировавшейся прежде всего на социально-экономических аспектах болгаро-византийских отношений XI–XII вв.⁶⁶⁰ С середины 1980-х гг. и до сегодняшнего дня исследования, посвященные этому периоду болгарской истории все больше и больше тяготеют к использованию не только

⁶⁵⁸ Подробнее о проблемах изучения средневековой болгарской истории см.: *Полывянный Д.И.* К изучению средневекового болгарского историописания // *Българско Средновековие: общество, власт, история*. Сборник в чест на проф., д-р Милияна Каймакамова. София, 2013. С. 252–261.

⁶⁵⁹ См., например: *Иречек К.* История болгар. Одесса, 1878. С. 280–281; *Успенский Ф.И.* Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879. С. 16, 58; *Дринов М.* Исторически преглед на Българската църква от самото ѝ начало и до днес. Виена, 1869. С. 55–56; *Мутафчиев П.* История на българския народ Т. 2. Второ българско царство. София, 1943. С. 253; *Ников П.* Второ българско царство (1186–1396). София, 1937.

Эпохой ромеизации назван целый раздел в соответствующем томе известного труда В. Златарского: *Златарски В.* История на българската държава през Средните векове. Т. 2. България под византийско владичество (1018–1187). София, 1934. С. 167–409.

⁶⁶⁰ См., например: *Каждан А.П.* Освобождение Болгарии из-под византийского ига // *ВИ*. 1973. № 11. С. 124–134; *Литаврин Г.Г.* Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960; *Цанкова-Петкова Г.* Социальный состав населения болгарских земель в период византийского господства // *ВВ*. 1963. Т. 23. С. 3–22; *Тивчев П.* За участието на българи във византийската войска през периода на византийското иго (1018–1185) // *ИПр*. 1963. № 1. С. 79–93.

нарративных текстов, но и всей совокупности «исторического метатекста»⁶⁶¹, вводятся в научный оборот и широко используются болгарские средневековые пророчества и эсхатологические сочинения⁶⁶², происходит смещение объекта исследования в область этнопсихологии, этнолингвистики и культурологии⁶⁶³.

К настоящему времени в исследованиях, посвященных периоду византийского владычества в болгарских землях, можно условно выделить два направления. Первое — своего рода «традиционное» — связано с частичной переоценкой или уточнением трактовки «классических» для этого периода сюжетов, как то: политика императора Василия II Болгаробойцы по отношению к болгарским землям в составе империи, их административно-территориальное деление и именование, реорганизация в них церковного управления, степень военного и экономического присутствия в них Византии при самом Василии II и его преемниках, развитие болгарских сел и городов под властью империи, и т.д.⁶⁶⁴ Второе направление, следуя междисциплинарному подходу, нацеливается на разработку комплексных проблем: межкультурного болгаро-византийского взаимодействия в XI–XII вв., развития болгарской исторической памяти, феномена власти и общественной мысли, и т.д.⁶⁶⁵ Однако необходимо отметить, что в рамках и

⁶⁶¹ Термин взят из работы Д.И. Польшанного, который понимает под ним «совокупность языковых и художественных образцов, универсально применяемых для описания событий прошлого и настоящего». Подробнее см.: *Польшанный Д.И.* К изучению средневекового болгарского историописания... С. 256.

⁶⁶² См., например: *Каймакамова М.* Значението на «Български Апокрифен летопис» (XI в.) като извор за ранносредновековната българска култура // SAUS. 2010. № 5. С. 593–612; *Тъпкова-Заимова В., Милтенова А.* Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България. София, 1996.

⁶⁶³ См., например: *Польшанный Д.И.* Культурное своеобразие средневековой Болгарии в контексте византийско-славянской общности IX–XV веков. Иваново, 2000; *Билярски И.* Избраният народ и обетованата земя (географски черти на религиозната идентичност) // Старобългарска литература. Кн. 41–42. Юбилеен сборник в чест на 60-годишнината на К. Станчев и А. Наумов. София, 2009. С. 121–132; *Степанов Цв.* *Arosalurtica Bulgariae Medii Aevi* (един йеротопен фрагмент) // Българско Средновековие: общество, власт, история. Сборник в чест на проф. д-р М. Каймакамова. София, 2013. С. 272–283.

⁶⁶⁴ См., например: *Илиева Л.* Икономическо развитие на югозападните български земи от края на XI — началото на XII век // Средновековният българин и «другите». Сборник в чест на 60-годишнината на проф. д.и.н Петър Ангелов. София, 2013. С. 187–195; *Коматина П.* Појам «Бугарске» у XI и XII веку и територија Охридске архиепископије // Византијски свет на Балкану. Београд, 2012. С. 41–55; *Prinzing G.* The Autocephalous Byzantine Ecclesiastical Province of Bulgaria/Ohrid. How Independent Were Its Archbishops? // *BM. Sofia*, 2012. Vol. 3. P. 355–383; *Scholz C.* Probleme bei der Erforschung der Integration Bulgariens in das Byzantinische Reich, 1018–1186 // *Zwischen Polis, Provinz und Peripherie*. Wiesbaden, 2005. S. 337–347; *Stephenson P.* The Legend of Basil the Bulgar-Slayer. Cambridge, 2003. P. 32–48.

⁶⁶⁵ См., например: *Иванов С.А.* Обществена мисъл в Болгарии в XI–XIII вв. // Власт и общество в литературных текстах Древней Руси и других славянских стран (XII–XIII вв.). М., 2012. С. 95–123;

того, и другого направления общей и ключевой по-прежнему остается проблема т.н. «византийских образцов», сопряженная с осмыслением роли «византийского» компонента в развитии болгарской культурно-политической парадигмы.

В соответствии с темой и задачами данного исследования эта проблема будет затронута в связи с рассмотрением представлений о власти и ее легитимации в среде болгарской знати, осуществившей антивизантийское восстание 1185–1186 гг. и положившей начало новому независимому болгарскому государству. В свою очередь, анализ этих представлений невозможен без освещения процессов политического, социально-экономического и даже этнодемографического характера, на фоне и в русле которых действовало население византийской Болгарии, включая ту самую «новую» болгарскую знать, которой и предстояло сыграть важнейшую роль в событиях конца XII в.

§ 1. «Византийская реконкиста» Василия II Болгаробойцы⁶⁶⁶

Падение царства. Итак, в 971 г. Первое Болгарское царство (681–1018), вступив в очередное противостояние с Византийской империей, пожинает горькие плоды амбиций своих правителей предшествующего времени: император Иоанн I Цимисхий (969–976) с боем берет болгарскую столицу Преслав, и сам болгарский царь Борис II (969–971) оказывается в византийском плену. За триумфальным возвращением Цимисхия в Константинополь, сопровождавшимся демонстрацией захваченной у болгар их главной святыни — Преславской иконы Богородицы, следует символическое лишение Бориса II знаков царской власти. В результате завоеваний Цимисхия вся территория Северо-Восточной Болгарии входит в

Каймакамова М. Власт и история в Средновековна България (VII–XIV в.) София, 2011. С. 157–216; *Чеимеджиев Д.* Българската държавна традиция в апокрифите: цар Петър в Българския Апокрифен летопис от XI–XII в. // Българско Средновековие: общество, власт, история. Сборник в чест на проф. д-р Милияна Каймакамова. София, 2013. С. 262–271.

⁶⁶⁶ По отношению к политике Василия II на Балканах этот термин употребляют болгарские историки Х. Димитров и Х. Матанов. — *Димитров Х.* Василий II // *Божилев И., Билярски И., Димитров Х., Илиев И.* Византийските василевси. София, 1997. С. 269; *Матанов Х.* Средновековните Балкани. Исторически очерци. София, 2002. С. 91.

состав империи, автокефальная болгарская церковь здесь ликвидируется, ее епархии передаются под юрисдикцию Константинополя, а болгарский патриарх вынужден бежать в юго-западные земли прежнего царства.

Именно там, благодаря усилиям братьев-комитопулов: Давида, Моисея, Аарона и Самуила (царь в 997–1014), — продолжает поддерживаться очаг независимой болгарской государственности, в то время как война с Византией набирает новые обороты. Тем не менее, уже в 1018 г. охваченное дворцовыми интригами и внутривластическим кризисом западноболгарское царство также ждет поражение⁶⁶⁷. В одном из сражений погибает последний болгарский царь Иван Владислав (1015–1018), и болгарская высшая знать, включая представителей царской династии и патриарха, вступает в переговоры с императором Василием II Болгаробойцей. В результате достигнутого соглашения, вдова Ивана Владислава царица Мария сдается на милость победителя, и византийские войска с триумфом вступают в болгарскую столицу Охрид. Так с балканской политической сцены исчезает легитимное Болгарское царство, а новая византийская власть приступает к закреплению и легитимации своего присутствия в прежних болгарских владениях.

Территория. Первым шагом в этом направлении становится официальное провозглашение Василием II «присоединения Болгарской державы к Ромейской под одним ярмом»⁶⁶⁸, осуществленного на практике посредством включения завоеванной территории в рамки византийской фемной системы⁶⁶⁹.

Отныне само понятие «Болгария» (или «Болгарская земля») перемещается в область географии, обозначая чаще всего либо одноименную административную единицу, либо территорию, находящуюся под

⁶⁶⁷ Подробнее о западноболгарском царстве, включая развивавшиеся в его рамках процессы децентрализации, см.: *Николов Г.Н.* Централизм и регионализм в раннесредневековна България. София, 2005. С. 123–206; *Пириватрић С.* Самуилова држава. Обим и карактер (= Посебна издања Византолошког института САНУ. № 21). Београд 1997.

⁶⁶⁸ *Иванов Й.* Български старини из Македонија. София, 1931 (фототипно издание: София, 1970). С. 550.

⁶⁶⁹ *Литаврин Г.Г.* Болгария и Византия в XI–XII вв. ... С. 272.

юрисдикцией Охридской (или Болгарской) архиепископии (см. ниже), и лишь в последнюю очередь некогда существовавшее и действовавшее здесь государство, в котором проживали болгары⁶⁷⁰. Северо-восточные болгарские земли, между Дунаем и Балканскими горами, охватила фема Паристрион (или Парадунавон), т.е. буквально «Подунавье» (иначе «фема Дунайских городов»), с центром в Дристре (совр. Силистра). Юго-западные земли с городами Охрид и Скопье вошли в состав обширного катепаната, сохранившего старое наименование «Болгария». Наконец, сопротивлявшиеся дольше других северо-западные окраины прежней Болгарии составили фему Сирмий (или Сирмия)⁶⁷¹.

Церковь. Перекроив административно-территориальное «тело» бывшего Болгарского царства, Василий II учреждает на территории недавних Самуиловых владений автокефальную Охридскую (или Болгарскую) архиепископию, в ведении которой остается большая часть прежних болгарских епархий⁶⁷².

Демонстрируя уважение к достойному противнику, которого он, по собственному признанию, сломил «многолетним терпением и Божией помощью», Василий II издает три сигиллия (1018–1019, 1020 и 1020–1025), деклариовавшие сохранение за епископами новообразованной

⁶⁷⁰ Ангелов Д. Образуване на българската народност. Второ преработено и допълнено издание. София, 1981. С. 343–350; Койчева Е. Българите върху етническата карта на Балканите през XI–XII век според латинските извори // Щрихи към балканското средновековие. Изследвания в памет на проф. Николай Кочев (= Studia balcanica, 27). София, 2009. С. 154; Коматина П. Појам «Бугарске» у XI и XII веку... С. 41–55; Stephenson P. Byzantium's Balkan Frontier. A Political Study on the Northern Balkans (900–1204). Cambridge, 2004. P. 78.

⁶⁷¹ Подробное об административном устройстве болгарских земель в период византийского владычества см.: Литаврин Г.Г. Болгария и Византия в XI–XII вв. ... С. 249–288; Божилев И., Гюзелев В. История на средновековна България. VII–XIV век (= История на България в три тома. Т. 1). София, 1999. С. 343–359; Матанов Х. Средновековните Балкани... С. 93–94; Николов Г.Н. Централизъм и регионализъм в ранносредновековна България... С. 150; Božilov I. L'administration Byzantine en Bulgarie (1018–1186): le cas de Paristrion-Paradounavis (Paradounavis) // Byzantio kai Bulgaroi (1018–1185). Athena, 2008. P. 91–97; Maksimović L., Krstanović B. The Byzantine Administration in the Northern Balkans and Tsar Samuil // Европейският Югоизток през втората половина на X — началото на XI век. История и култура. София, 2015. P. 191–197; Petrovski B. Central-Southern Europe under the Restored Byzantine Administration after the Fall of Samuel State // Там же. P. 266–275.

⁶⁷² Подробное об истории Охридской архиепископии и посвященной ей литературе см. новейшие исследования: Крсмановић Б. О односу управне и црквене организације на подручју Охридске архиепископије // Византијски свет на Балкану. Београд, 2012. С. 17–39; Delikari A. Die Situation in Nord-West Makedonien Während der Regierung des Basileios II., die Sogennante Kirche des Zaren Samuel und die Gründung des Erzbistums von Ochrid // Европейският Югоизток през втората половина на X — началото на XI век. История и култура. София, 2015. С. 236–243; Prinzing G. The Autocephalous Byzantine Ecclesiastical Province of Bulgaria/Ohrid... P. 355–383.

архиепископии всех тех привилегий, которыми они обладали при прежних болгарских царях, включая хозяйственную самостоятельность, право на земельные угодья и владение определенным числом зависимых крестьян-париков. По замыслу императора, изданные им грамоты должны были также ограждать церковных иерархов от чрезмерного вмешательства в их дела имперских чиновников. Всего в составе Охридской архиепископии при Василии II находилось 32 епископских кафедры, среди которых выделялись Охрид, Кастория, Главиница, Моглен, Битоля (Пелагония), Струмица, Моровизд, Вельбужд, Триадица (Средец), Ниш, Браничево, и др.⁶⁷³ В свою очередь, епархии в завоеванных Иоанном Цимисхием северо-восточных болгарских землях к моменту издания грамот Василием II уже находились под юрисдикцией Константинопольской патриархии, поэтому действие этих грамот на них не распространялось.

Создавая максимально «благоприятный режим» для Охридской архиепископии, Василий II, несомненно, руководствовался несколькими обстоятельствами: во-первых, фактом влияния болгарского духовенства на местное население, в силу которого автокефальная, но лояльная к империи болгарская церковь могла стать «лучшей опорой» имперской власти⁶⁷⁴, во-вторых — нежеланием включать завоеванные земли в сферу прямого влияния Константинопольской патриархии ввиду обострения отношений между ней и императорской властью⁶⁷⁵. Отныне Охридская архиепископия подлежала

⁶⁷³ Полный перечень болгарских епископств, как и предоставленных им прав и привилегий, содержится в тексте самих грамот Василия II. См.: *Иванов Й.* Български старини... С. 550–562; *Sigillia Basilii* // ГИБИ. Т. 6. София, 1965. Р. 40–47.

Исследованию вопроса посвящена обширная литература. См., например: *Божилев И., Гюзелев В.* История на средновековна България... С. 367–369; *Николова Б.* Устройство и управление на Българската православна църква (IX–XIV век). София, 1997. С. 52–120; *Prinzing G.* The Autocephalous Byzantine Ecclesiastical Province of Bulgaria/Ohrid... Р. 364–366, 374–378.

⁶⁷⁴ См., например: *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия в XI–XII вв. ... С. 351–355; *Успенский Ф.И.* Образование Второго Болгарского царства... С. 19; *Ангелов Д.* Военно-административно и църковно устройство // История на България. Т. 3. София, 1982. С. 26–27; *Снегаров И.* История на Охридската архиепископия (от основаването ѝ до завладяването на Балканския полуостров от турците). Т. 1. София, 1924. С. 60.

⁶⁷⁵ *Tărkova-Zaimova V.* L'archevêché autocéphale d'Ohrid: ses relations avec le patriarcat de Constantinople et les autres Églises dans les Balkans // BF. 2007. № 29. Р. 422.

личному контролю со стороны императора и исполняла специфические административные и даже военные функции⁶⁷⁶.

Не менее удачным тактическим ходом императора-завоевателя следует считать и поставление в 1019 г. на кафедру Охридской архиепископии некоего Иоанна Дебарского (1019–1037) — согласно более поздним источникам, «игумена монастыря Пресвятой Богородицы»⁶⁷⁷. Долгое время поставление главой болгарской церкви под византийской властью лица славянского происхождения⁶⁷⁸ было в историографии поводом для романтической героизации «преблагочестивого монаха Иоанна», представавшего едва ли не последним защитником болгарских интересов, носителем «священной миссии собрать весь болгарский народ в родную церковь и утвердить его духовное единство и культурную самобытность»⁶⁷⁹. В свою очередь, прежний болгарский патриарх Давид представлялся как «дискредитировавший» себя в глазах паствы активным участием в дворцовых интригах и в переговорах с Василием II о добровольной сдаче и потому не годящийся для новой исторической роли⁶⁸⁰. В то же время ряд исследователей, обращая внимание на приписку Михаила Девольского к «Обозрению истории» Иоанна Скилицы, отождествившую последнего патриарха Болгарии Давида с архиепископом Иоанном Дебарским, а также на отсутствие имени Давида в т.н. «Дюканжевом» списке болгарских первоиерархов, вообще ставят под вопрос сам факт смены главы болгарской церкви⁶⁸¹.

⁶⁷⁶ *Крсмановић Б.* О односу управне и црквене организације на подручју Охридске архиепископије... С. 22–23; *Матанов Х.* Средновековните Балкани... С. 115.

⁶⁷⁷ *Иванов Й.* Български старини... С. 566.

⁶⁷⁸ В научной литературе его чаще всего принято считать болгариним. В новейшей македонской историографии ему приписывается македонское происхождение. См., например: *Трајановски А.* История на Македонија. Скопје, 2008. С. 157.

⁶⁷⁹ *Снегаров И.* История на Охридската архиепископия... Т. 1. С. 55; *Цухлев Д.* История на Българската църква. Т. 1. София, 1911. С. 849–850.

⁶⁸⁰ *Събев Т.* Самостояна народностна църква в средновековна България. София, 1987. С. 262.

⁶⁸¹ Добавки на епископ Михаил Деволски от 1118 г. към «Исторически свод» на Йоан Скилица (XI в.) // *Гюзелев В.* Извори за средновековната история на България (VII–XV в.) в австрийските ръкописни сбирки и архиви. София, 1994. С. 48; *Иванов Й.* Български старини... С. 566.

Подробнее см.: *Илчевски Ст.* Давид // ПЭ. Т. 13. М., 2006. С. 561; *Литаврин Г.Г.* Болгарские земли под византийским владычеством (1018–1186) // Краткая история Болгарии. С древнейших времен до наших

Как бы то ни было, необходимо отметить, что в процессе адаптации болгарских земель и их населения к новым условиям лояльность болгарских церковных иерархов имела большое значение для византийской власти, коль скоро именно по «Божьей воле», согласно грамотам Василия II, и произошло «соединение под одним ярмом» Болгарии и Византии⁶⁸². Таким образом, в качестве обоснования со стороны империи легитимности включения болгарских земель в ее состав выступали именно «божественная справедливость» и идея «соединения разделенного»⁶⁸³.

В этом ключе важнейшей задачей византийской власти становится формирование у болгарского населения нового, имперского сознания, что на первых порах потребовало достаточно радикальных действий по отношению к уцелевшим представителям исконной местной знати, возвысившейся еще во времена Первого Болгарского царства.

Население. Взаимодействие византийской власти со знатью Первого Болгарского царства и дальнейшая судьба последней неоднократно попадали в поле зрения исследователей⁶⁸⁴.

Широко известно, что Василий II не только не подверг болгарских вельмож гонениям, но и, согласно Михаилу Пселлу, поставил их в равное положение с ромейскими⁶⁸⁵. На первый взгляд, кажется справедливым замечание болгарского историка В. Златарского о том, что с завоеванием Болгарии «боляре, зараженные и пропитанные тенденциями византизма, были готовы служить так же верно византийскому императору, как еще недавно служили и своему царю, лишь бы он, император, пожаловал им

дней. М., 1987. С. 113; *Николов Г.Н.* Централизм и регионализм в раннесредневековна България... С. 155–156.

⁶⁸² *Иванов Й.* Български старини... С. 556.

⁶⁸³ *Полывинный Д.И.* Культурное своеобразие средневековой Болгарии... С. 97–105.

⁶⁸⁴ См., например: *Литаурин Г. Г.* Болгария и Византия... С. 249–309; *Божилев И.* Българите във Византийската империя. София, 1995. С. 74–80; *Божилев И., Гюзелев В.* История на средновековна България... С. 341–364, 383–385; *Койчева Е.* Българските принцеси във византийския двор през XI–XII век // Българско средновековие: общество, власт, история. Сборник в чест на проф. д-р Милияна Каймакамова. София, 2013. С. 284–303.

⁶⁸⁵ *Michel Psellos.* Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance (976–1077) / Texte établit et traduit par E. Renauld. Vol. 1. Paris, 1926–1928. P. 18–19.

мантию магистра или патрикия и дал бы место в рядах армии или в византийской бюрократической иерархии»⁶⁸⁶.

Однако на деле далеко не все представители болгарской знати вели себя подобным образом. Так, на первых порах серьезное сопротивление императору оказали сыновья последнего царя Ивана Владислава во главе с Прусианом. Некий болгарин Николица (по-видимому, знатного рода) также долгое время отказывался капитулировать, скрываясь со своими отрядами в горах. Имели место и более любопытные случаи. Таков, например, инцидент с болгарским вельможей Элемагом, наместником Белграда, который после добровольной капитуляции получил от Василия II титул патрикия, а примерно через год предпринял попытку «восстановить» болгарское государство, но, не достигнув желаемого, вновь сдался на милость императора, вернув себе прежнее положение⁶⁸⁷. В то же время, в отличие от «дважды-предателя» Элемага, столь легко добившегося снисхождения от Василия II, «мантию патрикия» не получил уже упоминавшийся Николица, также, по-видимому, не единожды сдававшийся императору. По замечанию И. Скилицы, его император «не хотел видеть, а отправил в Фессалонику и повелел заключить под стражу»⁶⁸⁸. Очевидно, «мантия магистра или патрикия» не прельщала и некоего Иваца, отказавшегося подчиниться империи, скрывавшегося с довольно значительным числом соратников «в непроходимых горах именем Врохот» и намеревавшегося восстановить независимость болгарских земель⁶⁸⁹.

Итак, на первых порах «соединение» болгарской знати с ромейской требовало особого подхода, что проявилось в искусно осуществленном слиянии обеих, когда «вступили в брак дочери болгар с сыновьями греков и дочери греков с сыновьями болгар, и смешал он (Василий II — *А.Д.*) одних с

⁶⁸⁶ *Златарски В.* История на българската държава през Средните векове. Т. 1. Първо българско царство. Ч. 2. От славянизацията на държавата до падането на Първото царство (852–1018). София, 1927. С. 602.

⁶⁸⁷ *Ioannes Scylitzaes.* Synopsis historiarum (= Corpus fontium historiae byzantinae. Vol. 5) / Rec. I. Thurn. Berolini et Novi Eboraci, 1973. P. 364; *Божилев И.* Българите във Византийската империя... С. 115–116, 307–308.

⁶⁸⁸ *Ioannes Scylitzaes.* Synopsis historiarum... P. 363.

⁶⁸⁹ *Ibidem.* P. 360–361.

другими и тем уничтожил старую вражду, которая была между ними»⁶⁹⁰. Так, последняя царица Болгарии Мария заняла почетное место в византийской придворной элите, ее дочь Екатерина впоследствии стала супругой будущего императора Исаака I Комнина (1057–1059)⁶⁹¹, а братья последней, вместе с другими наиболее влиятельными болгарскими сановниками, были назначены на высокие посты, хотя и вне Балкан: в Италии, Армении или Малой Азии⁶⁹².

В то время как проблема «соединения под одним ярмом» «цвета» болгарской и византийской аристократии решалась обеспечением для первой возможности блестящей карьеры и переселением в другие владения империи, для гарантии поддержки со стороны средней и мелкой местной знати, чиновничества и основной массы населения требовались иные средства. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют с полной уверенностью судить о восприятии византийской власти со стороны рядового населения болгарских земель: оказывало ли оно серьезное сопротивление при установлении новых порядков; было ли, напротив, политически инертно, желая как можно скорее вернуться к мирной жизни; симпатизировало ли новой власти, видя в ней залог стабильного будущего. В связи с этим довольно любопытной представляется реакция сподвижников еще долго оказывавшего сопротивление византийским властям Иваца, лелеявшего планы восстановления Болгарского царства и укрепившегося в крепости Врохот. Вняв угрозам наместника Охрида Евстафия Дафномила, захватившего и ослепившего Иваца, его сподвижники «рассеиваются в разные стороны», «охваченные страхом перед императором», в то время как «люди постарше и поблагоразумнее» переходят на сторону врага, «прославляя императора»⁶⁹³.

⁶⁹⁰ Розен В.Р. Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883 [доступно 25.05.2016: <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Yahya/text2.phtml?id=1997>].

⁶⁹¹ *Ioannes Scylitzaes*. *Synopsis historiarum*... P. 492; *Psellos Michel*. *Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance*... Vol. 2. P. 131.

⁶⁹² Подробнее об этом см.: *Божилев И.* Българите във Византийската империя... С. 74–80.

⁶⁹³ *Ioannes Scylitzaes*. *Synopsis historiarum*... P. 360–363.

Как бы то ни было, «ручьи и потоки крови»⁶⁹⁴, пролитые Василием II во время болгаро-византийской войны, не могли и в дальнейшем служить аргументом для покоренного населения. Очевидно, прекрасно понимая, что, по выражению Х. Димитрова, «завладеть страной и народом гораздо легче, чем впоследствии держать ее в подчинении»⁶⁹⁵, и опасаясь возможных всплесков недовольства со стороны болгарского населения⁶⁹⁶, Василий II обращается к наследию Первого Болгарского царства, «позиционируя себя неким странным образом как преемник самого Самуила»⁶⁹⁷. Демонстрируя уважение к царям Петру и Самуилу, он сохраняет прежние повинности, в основном, натурального характера, не облагает завоеванную территорию имперскими налогами и защищает интересы свободных сельских общин⁶⁹⁸. Наконец, отказывается Василий II и от резких кадровых изменений на местном уровне, оставляя на родине в качестве «посредников между болгарским населением и иноземной властью» мелких землевладельцев и представителей болгарской администрации низшего звена⁶⁹⁹.

Гибкая политика императора-«болгаробойцы» по отношению к завоеванному народу породила в свое время немало самых разнообразных толкований в историографии: от версии о «реформаторских» настроениях императора и даже об «издании» им некоей утерянной «конституции» Болгарии, содержащей «политические права, дарованные нации или некоторым в ней сословиям»⁷⁰⁰, до рассуждений о традиционной «насильственно-завоевательной» тактике Василия II и даже отрицания подлинности изданных им в пользу Охридской архиепископии грамот, якобы

⁶⁹⁴ *Georgius Monachus Continuatus. Chronicon* // ГИБИ. Т. 6. София, 1965. Р. 155.

⁶⁹⁵ *Димитров Х.* Василий II... С. 269.

⁶⁹⁶ Некоторые болгарские исследователи склонны полагать, что именно боязнь возобновления военных действий заставила Василия II предоставить болгарским землям столь «щадящий» режим. См., например: *Ангелов Д.* Военно-административно и църковно устройство... С. 28; *Дринов М.* Исторически преглед на Българската църква... С. 55–56; *Мутафчиев П.* История на българския народ... С. 240; *Петров П.* Възстановяване на българската държава: 1185–1197. София, 1985. С. 29; *Цухлев Д.* История на Българската църква... С. 845–857.

⁶⁹⁷ *Търкова-Займова В.* L'archevêché autocéphale d'Ochrid... Р. 422.

⁶⁹⁸ *Иванов Й.* Български старини... С. 556; *Sigillia Basilii*... Р. 44.

⁶⁹⁹ *Мутафчиев П.* История на българския народ... С. 240; *Fine J.V.A.* The Early Medieval Balkans. A Critical Survey from the Sixth to the Late Twelfth Century. Ann Arbor, 1983. Р. 199.

⁷⁰⁰ *Успенский Ф.И.* Образование Второго Болгарского царства... С. 17–19.

сфаальсифицированных в XIII в.⁷⁰¹ Однако, не отрицая личного вклада императора в дело умиротворения новозавоеванных болгарских земель, стоит отметить, что Василий II все же следовал незыблемым, утвердившимся задолго до него, основам византийской политики по отношению к новым подданным. Широко известно, что наделение новой этнической группы особым статусом в рамках византийского подданства, как это имело место в случае с болгарами, было обычной практикой и составляло промежуточный этап на пути к ее окончательной интеграции, причем для каждого этноса создавалась своя модель, поскольку изначальные условия для интеграции также были различными⁷⁰². Неизвестно, как сам Василий II и его окружение оценивали длительность этого «промежуточного этапа» в отношении болгар, но тот факт, что завоевание далось империи «не без крови, труда и пота»⁷⁰³, явно не располагал к быстрому и легкому решению вопроса. Выработывая «болгарскую модель», византийская власть привлекала все возможные средства, способствующие ее утверждению в болгарских землях. Ими стали апелляция к «Божественной воле» и провидению, идея о «соединении разделенного под одним ярмом» и следование принципам предшественников — царей Первого Болгарского царства, Петра и Самуила, чьи имена неоднократно фигурируют в грамотах Василия II. После смерти императора (1025) положение болгарских земель в рамках империи существенно изменится, а идеи, положенные в основу политики Василия II по отношению к ним, обретут иное звучание.

§ 2. После Василия II Болгаробойцы

Как в свое время заметил В.Г. Васильевский, после смерти Василия II Болгаробойцы, «как это уже не раз бывало в византийской истории, за

⁷⁰¹ См., например: *Антолјак С.* Средновековна Македонија. Т. 1. Скопје, 1985. С. 698–708.

⁷⁰² См., например: *Иванова О.В.* О путях интеграции иноплеменников в Византийской империи в VII–X вв. (преимущественно на примере славян) // *Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики.* СПб., 1999. С. 48–80.

⁷⁰³ *Иванов Й.* Български старини... С. 556.

эпохой могущества и блеска последовало с удивительной быстротой самое глубокое падение»⁷⁰⁴.

Хотя в свете современных знаний о Византии этого периода подобная оценка может показаться черезчур резкой, это не отменяет того бесспорного факта, что смерть Василия II действительно ознаменовала собой один из важнейших рубежей в истории империи, после прохождения которого в последней резко ускорился распад отстаиваемых императором-«болгаробойцей» традиционных порядков. В империи фактически устанавливалась параллельная система власти, основанная на личных связях и дублирующая административную и судебную системы. На смену вертикальной мобильности приходила «аристократизация» всех сфер жизни. Резко падал авторитет императора. В условиях борьбы за влияние обострялись отношения между провинциальными землевладельцами и столичным чиновничеством. Глубокие перемены нарастали и в военной организации государства, и в социально-экономической сфере⁷⁰⁵.

Не остались в стороне от всего этого и подвластные империи болгарские земли, в отношении к которым со стороны имперского центра уже на исходе 1030-х гг. произошел переход к новой модели. Речь идет прежде всего о приведении в соответствие с общеимперской практикой взимания налоговых платежей и повинностей с местного населения, осуществленном под руководством Иоанна Орфанотрофа, брата императора Михаила IV Пафлагона (1034–1041)⁷⁰⁶, что в 1072 г. было дополнено новой налоговой реформой, предпринятой Никифором, логофетом Михаила VII Дуки (1071–1078)⁷⁰⁷. Немногочисленность сведений об этом периоде у самих византийских авторов с присутствующей в их сочинениях обличительной

⁷⁰⁴ Васильевский В.Г. Византия и печенеги // Труды В.Г. Васильевского. Т. 1. СПб, 1908. С. 2.

⁷⁰⁵ Подробнее о переменах, произошедших во внутреннем и внешнем положении Византии при преемниках Василия II Болгаробойцы см.: Хвостова К.В. Византийская цивилизация как историческая парадигма. СПб., 2009. С. 46–64; Матанов Х. Средневековнито Балкани... С. 94–98; Angold M. Belle Époque or Crisis? (1025–1118) // The Cambridge History of the Byzantine Empire. Cambridge, 2008. P. 583–626; *Idem*. The Byzantine Empire (1025–1204). A Political History. New York, 1984. P. 3–11, 65–75; Gregory T.A. A History of Byzantium. Oxford, 2005. P. 246–256; Ostrogorsky G. History of the Byzantine State. New Brunswick, 1957. P. 283–310.

⁷⁰⁶ Ioannes Scylitzaes. Synopsis historiarum... P. 412.

⁷⁰⁷ Michael Attaleiata. Historia // ГИБИ. Т. 6. София, 1965. P. 180.

риторикой относительно коррупции имперского чиновничества и волнений среди местного населения, а также влияние литературы болгарского «национального возрождения» обусловили формирование в историографической традиции, особенно болгарской, однозначно негативного отношения к роли Византии в социально-экономическом развитии болгарских земель.

В. Златарский и П. Мутафчиев акцентировали внимание на многочисленности и разнообразии поборов, которым подвергались жители болгарских провинций, и их восстаниях как выражении народного недовольства жесткой политикой Византии, чуждой болгарским интересам⁷⁰⁸. В свою очередь, внимание историков-марксистов было сосредоточено, в основном, на «феодализации» болгарских земель, влиянии византийского «феодализма» на развитие производительных сил в регионе⁷⁰⁹ и классовой борьбе⁷¹⁰. Сам процесс «феодализации» традиционно характеризовался как насильственный, фискальная политика Византии — как «организованный грабеж» болгарского населения и «страшный бич для крестьянства»⁷¹¹, в результате чего крестьянин подвергался «полному произволу со стороны разных мошенников и спекулянтов, которые очень часто принуждали его продать товар за бесценок»⁷¹². По утверждению Г.Г. Литаврина, «состояние страны (Болгарии — А.Д.) накануне войны таило, несомненно, в условиях самостоятельного развития возможности более быстрого прогресса, чем в обстановке иноземного владычества». То, что

⁷⁰⁸ Златарски В. История на българската държава... Т. 2. С. 32–36, 42–82; Мутафчиев П. История на българския народ... С. 240–247.

⁷⁰⁹ Вопрос о феодализме в Византии и средневековой Болгарии до сих пор остается дискуссионным. Подробнее см., например: Комсалова Р. Социално-икономически проблеми на средновековна България в българската медиевистика след втората световна война. Пловдив, 2000. С. 5–50.

⁷¹⁰ См., например: Литаврин Г.Г. Болгария и Византия...; Натан Ж. История экономического развития Болгарии. М., 1961. С. 50–75; Цанкова-Петкова Г. Социальный состав населения болгарских земель в период византийского господства // ВВ. 1963. Т. 23. С. 3–22; Беров Л. Икономическото развитие на България през вековете. София, 1974. С. 31–37; Петров П. Българските историци за социално-икономическите отношения и класовите борби през Средновековието // Проблеми на българската историография след втората световна война. София, 1973. С. 175–191; Тивчев П. Българските земи в системата на византийския феодализъм // История на България в 14 т. Т. 3. София, 1982. С. 34–54.

⁷¹¹ Петров П. Възстановяване на българската държава... С. 31, 34.

⁷¹² Там же. С. 31.

Характерный пример подобной практики описан у византийского историка Михаила Атталиата: Michael Attaleiata. Historia... P. 181–182.

«завоеватели подвергли Болгарию более тяжелым формам экономического и социального угнетения, существенно повысив едва через 10–15 лет размеры изымаемого в виде налогов с непосредственных производителей прибавочного продукта», послужило, по мнению исследователя, одним из важнейших факторов замедления прогресса в болгарских землях⁷¹³. В свою очередь, для П. Тивчева принципиальное значение имело то, что привнесенные Византией новые социально-экономические реалии не были результатом естественного развития болгарских земель, а навязывались исключительно сверху⁷¹⁴. Согласно С. Лишеву, «уничтожение части производительных сил в результате войн и вражеских нападений, византийский гнет и эксплуатация нарушали нормальный процесс развития некоторых городов независимо от того обстоятельства, что болгарские земли были включены в пределы такой страны как Византия, которая находилась на значительно более высоком производственном и экономическом уровне»⁷¹⁵.

Болгарские юго-запад и северо-восток. Между тем, в свете данных археологических исследований последнего времени ранее не вызывавшие сомнений положения о неблагоприятной экономической ситуации в болгарских землях под византийской властью подверглись если не полному пересмотру, то, по меньшей мере, существенной корректировке⁷¹⁶.

Так, по заключению болгарской исследовательницы А. Милановой, в XI–XII вв. южные и юго-западные болгарские земли в полной мере испытали на себе воздействие т.н. «малого климатического оптимума», что привело к значительному улучшению здесь условий для хозяйственной деятельности. На фоне относительно стабильных урожаев фискальные нововведения, как, в

⁷¹³ *Литаврин Г.Г.* Темпы и специфика социально-экономического развития средневековой Болгарии в сравнении с Византией (конец VII — конец XII в.) // *Он же.* Византия и славяне. СПб, 1999. С. 391–392.

⁷¹⁴ *Тивчев П.* Българските земи в системата на византийския феодализъм... С. 54.

⁷¹⁵ *Лишев С.* Стопански живот // История на България в 14 т. Т. 3. София, 1982. С. 56.

⁷¹⁶ См., например: *Гюзелев В.* Бележки върху историята на българските земи и българите половин столетие преди въстанието на Асеновци (1186–1188) // Проф. д.и.н. Станчо Ваклинов и средновековната българска култура. Велико Търново, 2005. С. 33–44; *Илиева Л.* Икономическо развитие на югозападните български земи от края на XI — началото на XII век // Средновековният българин и «другите». София, 2013. С. 187–195; *Миланова А.* Динамика на селото в България под византийска власт (XI–XII век): между разорението и просперитета // ГСУ. НЦСВП. Т. 97 (16). София, 2011. С. 67–75.

частности, коммутация налогов, не только не приводят к разорению местных крестьянских хозяйств, но и стимулируют их вхождение в русло активно растущего тогда едва ли не по всей империи товарного обмена и денежного обращения, трансформируя саму природу местного аграрного производства, часть которого отныне нацеливается на рынок⁷¹⁷.

Другой характерной чертой положения юго-запада болгарских земель под властью Византии становится быстрый рост крупного землевладения, включая церковное⁷¹⁸. На протяжении всего времени византийского владычества Охридская архиепископия остается крупнейшим собственником земли даже по общеимперским масштабам, тогда как другим важным фактором местной хозяйственной жизни выступают местные монастыри. Сосредоточение вокруг них большого числа поселений, длительность их существования и богатство археологического материала свидетельствуют не просто об устойчивости, но о несомненном поступательном развитии и ни в коем случае не об упадке⁷¹⁹.

В отличие от юга и юго-запада, север и северо-восток болгарских земель вплоть до конца XI в. остаются в состоянии затяжного кризиса. Колебания климата, истощение почв, обусловленное хозяйственной деятельностью предшествующего периода (Первого Болгарского царства)⁷²⁰, а также регулярные набеги воинственных кочевников из-за Дуная приводят к массовой миграции местного земледельческого населения на юг⁷²¹. Некогда

⁷¹⁷ Миланова А. Динамика на селото в България под византийска власт... С. 74–75.

О положительном влиянии коммутации налогов на развитие товарного обмена и денежного обращения писал также С. Лишев, но только применительно к болгарскому городу: Лишев С. Болгарският средновековен град. Обществено-икономически облик. София, 1970. С. 43.

⁷¹⁸ Подробнее см.: Литаврин Г.Г. Темпы и специфика социально-экономического развития... С. 236–240; Свердлов М. Б. Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997. С. 190–194; Илиева Л. Болгарски земи под византийска власт в края на XI — XII век. Автореферат. София, 2007. С. 17–18.

⁷¹⁹ Подробнее о развитии крупного светского и церковного землевладения в болгарских землях в период византийского владычества см.: Илиева Л. Икономическо развитие на югозападните български земи... С. 190–191; Миланова А. Динамика на селото в България под византийска власт... С. 67–69; Тивчев П. Болгарските земи в системата на византийския феодализъм... С. 40–43.

⁷²⁰ Миланова А. Динамика на селото в България под византийска власт... С. 67–69.

⁷²¹ Борисов Б. Демографските промени през XI–XII век в днешните български земи (археологически свидетелства) // Тангра. Сборник в чест на 70-годишнината на акад. Васил Гюзелев. София, 2006. С. 395–403; Станев К. Миграцията от Тракия към Северна България в края на XII — началото на XIII в. и нейните последици // Средновековният българин и «другите». София, 2013. С. 208–211; Božilov I. Les Bulgares dans l'Empire Byzantin // ГСУ ИФ. Т. 69. София, 1980. Р. 159.

мощные городские центры северо-восточной Болгарии резко меняют свой облик: неоднократно разоренная печенегами Плиска в конце концов превращается в рядовое провинциальное поселение, бывшая столица Преслав — в локальный административный центр, а новые городские поселения представляют собой небольшие крепости, исполняющие преимущественно военно-административные функции⁷²². Все это тем более примечательно, что имеет место на фоне настоящего урбанистического подъема на юге и юго-западе, где местные центры быстро включаются в систему торгово-экономических связей империи⁷²³.

§ 3. Время Комнинов

Становление «Комниновской» Византии (1081–1185) с ее огромными военными расходами, требующими новых налоговых поступлений, существенным образом отражается на положении болгарских земель и их населения⁷²⁴. При Алексее I Комнине (1081–1118) увеличение налогов на фоне злоупотреблений местных властей приводит к такому взрыву недовольства среди населения, что сам архиепископ Охридский Феофилакт (1088/9–1126), опасаясь за жизнь, в письме к великому доместику Адриану (брату императора) от 1105 г. просит как можно скорее решить эту проблему⁷²⁵.

Тем не менее, именно Комнинам, судя по всему, удастся несколько «выровнять показатели» социально-экономического развития болгарского юго-запада и северо-востока и начать реальное воплощение идеи «соединения под одним ярмом» по отношению к придунайским землям. Урегулирование отношений империи с кочевниками и относительная

⁷²² *Литаврин Г.Г.* Болгария и Византия... С. 37–38; *Илиева Л.* Градското стопанство в земите между Дунав и Стара Планина през периода на византийското владичество в българските земи (XI–XII в.) // Тангра. Сборник в чест на 70-годишнината на акад. Васил Гюзелев. София, 2006. С. 560–570, 576–577; *Миланова А.* Градът във византийска България: приемственост и промяна // Средновековен урбанизъм: памет — сакралност — традиции (= *Medievalia Christiana*. Vol. 2). София, 2007. С. 17–20.

⁷²³ *Лишев С.* Българският средновековен град... С. 65–66.

⁷²⁴ Подробнее о характере внутреннего развития Византии при императорах из Комниновской династии см.: *Magdalino P.* The Empire of Comnenoi (1118–1204) // *The Cambridge History of the Byzantine Empire*. Cambridge, 2008. 627–663.

⁷²⁵ *Оболенский Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 440.

стабилизация обстановки на Дунайской границе при Иоанне II Комнине (1118–1143) и его сыне Мануиле I (1143–1180) стимулируют обратный приток населения на болгарский север и северо-восток и общее оживление не только здесь, но и в болгарских землях в целом⁷²⁶.

В середине XII в. арабский путешественник Аль-Идриси, посетивший византийскую Болгарию, отмечает значительное благосостояние болгарских городов с многолюдными кварталами и многочисленными зданиями, вереницы полей, изобилие виноградников и хозяйств⁷²⁷. Сходную картину дает и монах Одон Дельский, сопровождавший короля Людовика VII (1137–1180) во время второго крестового похода (1147–1149). Описывая болгарские земли у Браничево, хронист отмечает обширные луга и пастбища, а местность между городами Средец (совр. София) и Филиппополь (совр. Пловдив), по его словам, «изобилует селами, крепостями и всякими благами», особенно съестными припасами, которые крестоносцы то покупают, то похищают у местных жителей⁷²⁸. Изобилие продуктов сельского хозяйства, крупного и мелкого рогатого скота в болгарских землях фиксируют и византийские авторы: Михаил Италик и Феодор Продром⁷²⁹, а также Григорий Антиох⁷³⁰.

Существенное влияние на развитие болгарских земель оказывает политика Мануила I Комнина, снизившая напряжение на окраинах империи за счет пресечения практики закабаления свободных крестьян. Именно при Мануиле, как показывают археологические данные, в болгарских землях интенсифицируется денежное обращение, появляются новые поселения и монастыри, активизируется храмовое строительство, растет общая численность населения, развиваются ремесло и торговля⁷³¹.

⁷²⁶ Станев К. Миграцията от Тракия към Северна България... С. 208–226.

⁷²⁷ Абу Абдаллах Мохамед ибн Мохамед Ал-Идриси. Книга за развлечения на копнееция да преброди страните // Недков Б. България и съседните ѝ земи през XII век според Идриси. София, 1960. С. 36–43.

⁷²⁸ Odo de Deogilo. Liber de Via Sancti Sepulchri // ЛИБИ. Т. 3. София, 1965. Р. 120–122.

⁷²⁹ Browning R. Unpublished Correspondence between Michael Italicus, Archbishop of Philippopolis, and Theodore Prodromos // ВВг. 1962. № 1. Р. 279–297.

⁷³⁰ Gregorius Antiochus. Opuscula // ГИБИ. Т. 7. София, 1968. Р. 264–272.

⁷³¹ Гюзелев В. Бележки върху историята на българските земи... С. 33–36.

Таким образом, к концу XII в. положение болгарских земель в составе Византийской империи характеризуется значительным оживлением экономической жизни. Тем не менее, необходимо отметить, что, несмотря на предпринятые Комнинами меры, различия между болгарским юго-западом и северо-востоком (фема Паристрион) остаются довольно существенными. Южные и юго-западные болгарские земли, пережив ряд потрясений в XI в., к концу века в полной мере «соединяются под одним ярмом» с Византией и интегрируются в «тело» империи. В то же время северо-восточные и особенно придунайские болгарские земли, несмотря на заметное оживление, по-прежнему остаются «очагом нестабильности» — во многом, по причине своей отдаленности от имперского центра, слабости его реального контроля за местной ситуацией, сильных позиций местной знати и близости кочевников за Дунаем. Все это создает предпосылки для своего рода «разделения» болгарских земель на зоны с разной степенью «единства» с империей. Дополнительным фактором такого «разделения» становится и чрезвычайно пестрый этнический состав населения болгарского северо-востока, включая значительную долю «не-болгар», имеющих разный опыт проживания в империи, в контексте которого ни византийская идея «соединения под одним ярмом», ни апелляция к «Божьей воле», ни даже проявленное на первых порах византийской властью уважение к памяти о Первом Болгарском царстве не могли иметь сколько-нибудь решающего значения.

Этнодемографическая ситуация. В течение периода византийского господства на пространствах бывшего Болгарского царства имеет место весьма непростая этнодемографическая ситуация.

Как известно, еще при Василии II Болгаробойце начинается массовое переселение болгар в военных и хозяйственных целях в Малую Азию. Одновременно с этим в болгарские земли, особенно в пределах бывшей Самуиловой Болгарии, прибывают ромейские военные контингенты и грекоязычная администрация. Тем не менее, несмотря на последнее

обстоятельство, местное славяноязычное население на юго-западе болгарских земель по-прежнему составляет бесспорное большинство. Иная ситуация складывается на северо-востоке, который в силу целого ряда причин переживает несколько волн миграции местного населения на юг и обратно, а также становится местом расселения нескольких новых или, по крайней мере, ярко проявивших себя именно в это время, этнических групп.

Тюркоязычные кочевники. На протяжении почти всего XI в. подвластные империи придунайские территории подвергаются «кровавым посещениям варварского кочевого народа печенегов»⁷³². Начиная с 1027, 1032–1036, а затем 1048–1049 гг., когда печенеги обосновываются на правом берегу Дуная, и вплоть до их окончательного разгрома в 1091 г., они регулярно опустошают фему Паристрион, грабя села и угоняя в плен местное население⁷³³. Около 1064–1065 гг. эта территория подвергается набегам другого кочевого тюркского объединения — узов, а с 1070-х гг. в Подунавье вторгаются куманы, иначе половцы. В условиях постоянной угрозы со стороны кочевников местное славянское население массово переселяется из Паристриона в более безопасные районы империи, а покинутая им территория становится местом заселения тюркоязычных племен, которые постепенно обосновываются на правом берегу Дуная, в Добрудже, одновременно с этим проникая в пределы соседней Венгрии и Трансильвании⁷³⁴. За нескольких десятилетий приток печенегов, узов и половцев настолько меняет этнический облик населения болгарского северо-востока, что византийские авторы, упоминая Подунавье, именуют местных жителей не иначе, как «миксоварвары»⁷³⁵.

⁷³² Иречек К. История болгар. Одесса, 1878. С. 267.

⁷³³ Подробнее см., например: Васильевский В.Г. Византия и печенеги... С. 1–117; Божилев И., Гюзелев В. История на средновековна България... С. 385–387; Тивчев П. Нашествия, етнически промени, въстания // История на България в 14 т. Т. 3. София, 1982. С. 63–68.

⁷³⁴ Подробнее о миграциях половцев см.: Инков А.А. Древняя Русь и кочевники южнорусских степей в X–XIII вв. М., 2007. С. 3–5; Князький И.О. Византия и кочевники южнорусских степей. СПб., 2003. С. 81–115; Мургулия М.П., Шушарин В.П. Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII–XIII вв. М., 1998. С. 58–72.

⁷³⁵ Подробнее см.: Търкова-Займова В. La population du Bas-Danube et le pouvoir byzantine (XIe–XIIIe s.) // XV congrès des études byzantines. Athènes, 1976. Actes IV (Histoire). Communications. Athènes, 1980. P. 331–339.

Пытаясь снизить напряженность на Дунайской границе, империя прибегает к проверенному способу решения проблемы, предлагая «варварам» возможность поселиться на своей территории на правах подданства, увеличивая тем самым имперский военный и демографический потенциал⁷³⁶. С 1048–1049 гг. целенаправленная переселенческая политика распространяется на печенегов, позже на узов, а затем и на половцев, обосновавшихся в феме Македония и в районе Меглена⁷³⁷. Тем не менее, несмотря на определенные положительные результаты в урегулировании отношений с кочевниками, империя вынуждена периодически предпринимать походы против них — в основном, в ответ на совершаемые ими набеги. По меткому замечанию Ф.И. Успенского, «половцы являлись везде, где представлялся случай к наживе», а «мир, заключенный с одним ханом, не обеспечивал спокойствия со стороны другого»⁷³⁸, так что обстановка в Подунавье продолжала оставаться нестабильной вплоть до самого конца XI в. В то же время разрушительный потенциал половцев и их военное искусство все чаще привлекаются в качестве наемной силы: уже с конца XI в. половецкие группы фигурируют как наемники с византийской и венгерской стороны для борьбы с другими противниками, зачастую теми же кочевниками⁷³⁹.

Между тем, для большинства половцев Подунавья и Прикарпатья основным занятием по-прежнему остается сезонное скотоводство без каких-либо элементов оседлости и земледелия: осеннее, зимнее и весеннее время они проводят в степях, летом — отходят в предгорья Южных и Восточных

⁷³⁶ Подробнее см.: *Тыпкова-Заимова В.* Тюркские кочевники, византийская администрация и местное население на Нижнем Дунае (XI–XII вв.) // *Восточная Европа в древности и средневековье.* М., 1978. С. 67–73; *Ангелов Д.* Образуване на българската народност... С. 350–362; *Божилков И., Гюзелев В.* История на средновековна България... С. 383–387; *Търкова-Займова В.* La population du Bas-Danube et le pouvoir byzantine (XIe–XIIe s.)... P. 331–339.

Об этой практике в более раннее время см.: *Иванова О.В.* О путях интеграции иноплеменников в Византийской империи... С. 65.

⁷³⁷ *Божилков И., Гюзелев В.* История на средновековна България... С. 386–387.

⁷³⁸ *Успенский Ф.И.* Образование Второго Болгарского царства... С. 77–78.

⁷³⁹ Там же. С. 75–88; *Андрејић Ж.* Кумани на Балкану и њихова асимилација у Средњем веку // ИРИМ — ВТ. 2009–2010. № 24–25. С. 8–11.

Карпат⁷⁴⁰. По свидетельству Робера де Клари, именно зимой половцы предпочитали совершать свои вооруженные набеги⁷⁴¹. В свою очередь, это обстоятельство принималось в расчет Византией, Венгрией, русскими князьями, а в дальнейшем и болгарами при договоренности с кочевниками о совместных походах.

В 70-е гг. XI в. — начале 30-х гг. XII в. набирает обороты процесс аккультурации половцев: в это время усиливается проникновение половецкой знати в империю, ее представители активно привлекаются на византийскую службу, получая за это пронии и возможность распоряжаться зависимыми крестьянами. Однако, несмотря на найденные империей пути взаимодействия с кочевыми соседями, было вполне очевидно, что такое взаимодействие скрепляется лишь благосостоянием самой империи, авторитетом и престижем ее императоров, а значит, в случае ослабления империи и малейшего изменения в ее материальном положении эти «союзники» могут с легкостью перейти на сторону того, кто обеспечит им славу и наживу⁷⁴².

Период с 1159 по 1185 г. становится временем продвижения половецких кочевий в степи Нижнего Подунавья и тесного взаимодействия половецкой знати со знатью северо-восточных болгарских земель⁷⁴³. К концу XII в. их представители оказываются тесно связаны не только территориальным соседством, но и кровным родством, о чем свидетельствуют, например, имена одного из предводителей Тырновского восстания 1185–1186 гг.: *Асень* и *Белгун* (выделено мной — *А.Д.*), — первое

⁷⁴⁰ Князький И.О. Византия и кочевники южнорусских степей... С. 120.

⁷⁴¹ Clari R. de. La Conquête de Constantinople / Publication, traduction, presentation et notes par J. Dufournet. Paris, 2004. P. 144–145.

Подробнее о причинах и характере половецких набегов на примере древнерусского материала см.: Инков А.А. Древняя Русь и кочевники южнорусских степей... С. 8–20.

⁷⁴² Подробнее см.: Йотов Й. Болгарските земи и нашествията на късните номади в края на XI — XII в. Автореферат. София, 2015.

⁷⁴³ Подробнее см.: Бибииков М.В. Болгария, Русь, Византия, половцы в системе международных отношений в Юго-Восточной Европе XII — первой половины XIII в. // Руско-български връзки през вековете. София, 1986. С. 91–106; Павлов П. Средновековна България и куманите. Военнополитически отношения (1186–1241) // ТВУ ИФ. Т. 17. Кн. 3. 1989. Велико Търново, 1992. С. 9–29.

из которых имеет однозначно тюркское, а второе — непосредственно половецкое происхождение⁷⁴⁴.

Влахи. Не менее проблемной составляющей имперского организма становятся и романоязычные влахи. Начиная с X–XI вв. византийские источники фиксируют пребывание влашских общин в самых разных районах Балкан, прежде всего в области Фессалия, где упоминается т.н. «Влахия», или «Великая Влахия», а также в пределах фем Болгария, Меглен и Паристрион⁷⁴⁵. В XI–XII вв. влахи постепенно привлекаются к исполнению государственных повинностей, несению военной службы и уплате налогов. В силу специфики традиционных занятий влахов — горного скотоводства, подчиненного ритму природных сезонов — им поручались, как правило, охрана императорских стад, сопровождение посольств, пленных, чиновных лиц, охрана казенных складов вдоль важнейших путей сообщения. Возможно, именно этих «путников» имел в виду Иоанн Скилица, согласно которому в 976 г. старший из братьев-комитопулов, Давид, был убит между Касторией и Преспой именно некими влахами-путниками⁷⁴⁶. Самые подробные сведения о влахах передает византийский автор XI в. Кекавмен, который не просто упоминает этот термин в связи с назначением своего деда Никулицы начальником влахов в феме Эллада, но и посвящает им и их образу жизни пространные рассуждения, наделяя их при этом типично «варварскими» чертами. Так, согласно Кекавмену, «племя влахов отличается крайней неверностью и развращено, не хранит подлинной верности ни Богу,

⁷⁴⁴ Оба имени фигурируют в широко известном «Синодике царя Борила»: *Божилев И., Тотоманова А., Билярски И.* Борилев Синодик. Издание и перевод. София, 2010. С. 150. 202а.

Подробнее о происхождении обоих имен см.: *Димитров Д.* За произхода на името Асен: по следите на една именна традиция // *Studia protobulgaria et medievalia europensia.* В чест на професор Веселин Бешевлиев. София, 2003. С. 499–501.

⁷⁴⁵ Подробнее см.: *Литаврин Г.Г.* Влахи византийских источников X–XIII вв. // *Он же.* Византия и славяне. СПб., 1999. С. 136–137, 142–146; *Матанов Х.* Средновековните Балкани... С. 103–109; *Winnifrith T.J.* The Vlachs: the History of a Balkan People. New York, 1987. P. 110–119.

По мнению Е.П. Наумова, хотя сам термин «Влахия» «не имел строгой последовательности и определенности значения», речь идет не о современной области Фессалия, а скорее всего о части болгарских земель к югу и юго-западу от пути София — Пловдив. — *Наумов Е.П.* К вопросу о значении термина «Влахия» в хронике так называемого Ансберта // *Этническая история восточных романцев. Древность и средние века.* М., 1979. С. 197–202.

⁷⁴⁶ *Ioannes Scylitzaes.* Synopsis historiarum... P. 329; *Литаврин Г.Г.* Влахи византийских источников X–XIII вв. ... С. 148.

ни василевсу, ни родственнику или другу, но стремится всех перехитрить, часто лжет, еще больше ворует, ежедневно клянется страшными клятвами своим друзьям и с легкостью нарушает клятвы, устраивает побратимства и вступает в кумовство, помышляя таким образом обмануть простоватых, никогда не соблюдало верности никому, в том числе и древним римским императорам»⁷⁴⁷. Примечательно, что влахи фигурируют и в грамотах Василия II Болгаробойцы (см. выше), что свидетельствует о том, что к тому времени они были уже христианизированы⁷⁴⁸.

К концу XI — началу XII в. интерес к влахам со стороны византийских авторов значительно усиливается, что было связано, по-видимому, с многочисленностью и активностью этой группы⁷⁴⁹. Не вдаваясь в подробности более чем столетней дискуссии вокруг значения самого византийского термина «влахи»⁷⁵⁰, которая могла бы стать предметом отдельной работы, необходимо отметить, что сам этот термин, несомненно, относится к определенной этнической группе, восточнороманской по своему языковому облику. В большинстве византийских источников конца XII — начала XIII в. это наименование употребляется по отношению уже ко всему населению забалканской Болгарии, что объясняется особенностями политического мышления византийцев и преобладанием в Балканских горах именно влашского населения⁷⁵¹.

Как и в случае с половцами, влахи также представляли собой достаточно неустойчивую в плане приверженности имперским идеалам и ценностям группу. Будучи замкнутым сообществом с собственным языком,

⁷⁴⁷ Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI века. М., 1972. С. 268–269.

⁷⁴⁸ *Иванов Й.* Български старини... С. 555–561; *Литаврин Г.Г.* Влахи византийских источников X–XIII вв. ... С. 163; *Матанов Х.* Средновековните Балкани... С. 109.

⁷⁴⁹ *Charanis P.* Observations on the Demography of the Byzantine Empire // XIIIth International Congress of Byzantine Studies. Main Papers. London, 1966 (= Studies on the Demography of the Byzantine Empire. Variorum Reprints. London, 1972). P. 17.

Опираясь на исследования венгерского ученого М. Дьони, Г.Г. Литаврин пишет о неизбежных конфликтах между влахами и местным населением, так как маршруты перегона скота практически всегда проходили через густонаселенные земледельческие районы. — *Литаврин Г.Г.* Влахи византийских источников X–XIII вв. ... С. 154–155.

⁷⁵⁰ Подробнее об этом см., например: *Успенский Ф.И.* Образование Второго Болгарского царства... С. 88–101; *Трпкоски-Трпку В.Ј.* Власите на Балканот. Скопје, 1986. С. 9–21.

⁷⁵¹ Подробнее об этом см., например: *Литаврин Г.Г.* Влахи византийских источников X–XIII вв. ... С. 136–137, 142–146; *Матанов Х.* Средновековните Балкани... С. 106; *Winnifrith T.J.* The Vlachs... P. 110–119.

хозяйственным и культурным укладом и даже к концу XII в. достаточно слабо христианизированными, влахи, очевидно, должны были обладать «локальным самосознанием» и ценить скорее соседские связи и бытовое взаимодействие с местным болгарским населением, от чего напрямую зависело их материальное благополучие, нежели лояльность перед империей. Иными словами, приверженность византийской или какой-либо иной власти должна была расцениваться влахами как обстоятельство второго плана, имеющее значение только в том случае, если оно непосредственно затрагивало их интересы.

Выходцы из южнорусских земель. Помимо вышперечисленных этнических групп, новым, хотя и довольно незначительным по численности элементом в придунайских болгарских землях становятся выходцы из южнорусских княжеств.

К сожалению, информация о русских поселенцах настолько скудна, что из сообщений византийских авторов можно сделать лишь вывод о том, что их миграция проходила в несколько этапов и была связана, по-видимому, с междоусобными войнами в Галицко-Волынской Руси, в результате которых князья со своими отрядами и ближайшим окружением нередко вынуждены были искать убежища в Византии⁷⁵². К концу XII в., по причине своей немногочисленности и общей непрочности своего положения, эта группа так же, как и влахи, должна была учитывать прежде всего настроения своих ближайших соседей и подстраиваться под общую ситуацию в регионе. Кроме того, в силу своего происхождения и рода занятий, выходцы из южнорусских земель не выступали в событиях конца XII в. как убежденные приверженцы той или иной стороны, особенно если речь шла о т.н. «бродниках» и

⁷⁵² См., например: *Ioannes Cinnamus. Historia* // ГИБИ. Т. 7. Р. 252.

Подробнее о русском присутствии на Дунае в XII в. см.: *Мутафчиев П.* Етнографски промени по Долни Дунав през XII в. // *Он же.* Добруджа. Сборник от студии. Т. 4. София, 1947. С. 101–102; *Павлов П.* Древнеруските бродници в българската история (XII–XIII в.) // *Българо-украински връзки през вековете* София, 1983. С. 119–137; *Он же.* За руското присъствие на Долни Дунав и българо-руските връзки през XI–XII в. // *Добруджа.* Сб. 3. 1986. С. 11–20.

«берладниках», традиционно связанных с половцами и зачастую действующих заодно с ними.

Таким образом, на северо-востоке болгарских земель под властью Византии к концу XII в. три, по меньшей мере, этнические группы оказываются связаны с судьбами империи не более чем формально, представляя собой потенциально «ненадежную» в политическом плане часть местного населения. В то же время отчетливое большинство здесь становится представлено именно болгарами, для которых идея «соединения под одним ярмом» и апелляция к «Божественной воле», связавшей болгарские земли с империей, по-видимому, все еще продолжают иметь вес, что было вызвано рядом причин и обстоятельств.

§ 4. Болгары в империи: проблема «ромеизации»

В XII в. Балканы становятся наиболее населенной частью Византийской империи⁷⁵³, а к этому времени в ней уже давно сложился определенный механизм взаимодействия с новыми группами, вовлеченными (или еще только вовлекаемыми) в имперское подданство.

Как известно, военно-административные, судебно-правовые и налоговые порядки Византии базировались на принципах римского права, что предполагало равенство прав и обязанностей перед властями для всех подданных империи независимо от этноязыковых различий между ними. В случае с болгарами немаловажным фактором в отношениях между ними и «исконными» византийцами была еще и их общая религиозно-конфессиональная принадлежность: к моменту завоевания болгары имели уже достаточно долгий и продуктивный опыт церковной жизни по византийскому образцу. А это значит, что с точки зрения официальной доктрины, в качестве подданных одного и того же государства и последователей той же веры, болгары формально никак не отделялись от преимущественно грекоязычного православного населения империи. В той

⁷⁵³ Charanis P. Observations on the Demography of the Byzantine Empire... P. 16.

или иной степени, такое положение вещей сохранялось примерно до середины XI в., когда среди грекоязычных «ромеев» набирает обороты процесс формирования уже собственно греческого этнического самосознания⁷⁵⁴. По меньшей мере, некоторые из них, особенно те, кто получили столичное образование и заняли высокое социальное положение, все чаще начинают стремиться противопоставить себя новым подданным империи⁷⁵⁵. Разнообразные проявления этого процесса зафиксированы в целом ряде византийских источников и становятся своего рода «правилом хорошего тона».

Это обстоятельство, наряду с веяниями романтизма, характерными для литературных и исторических сочинений периода болгарского «национального возрождения», породило в историографии конца XIX — первой половины XX в. (прежде всего болгарской) представление о целенаправленной «ромеизации» или даже «эллинизации» болгарского населения: насильственном навязывании ему специфически византийских ценностей, чуждого ему греческого языка на официальном уровне и в богослужебной практике, засилье греческого духовенства и «ромейского» чиновничества, ущемлении славянской письменности и культуры, стирании сознания принадлежности к болгарской народности⁷⁵⁶. Не были чужды идее «угнетения и ассимиляции» болгар и представители марксистской историографии⁷⁵⁷, чью позицию целиком отражает высказывание Г.Г. Литаврина о том, что «с точки зрения завоевателей притеснение местной

⁷⁵⁴ По мнению Р.М. Шукурова, этот процесс начинается лишь с XIII в. — Шукуров Р.М. Конфессия, этничность и византийская идентичность // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. М., 2008. С. 252.

⁷⁵⁵ Литаврин Г.Г. Феофилакт Болгарский между Охридом и Константинополем // Florilegium: К 60-летию Б. Н. Флори. М., 2000. С. 184.

Подробнее об отношении византийцев к иноплеменным подданным империи и изменении этого отношения в XI в. см.: Литаврин Г.Г. Византийское общество и государство. Проблемы истории одного столетия: 976—1081 гг. М., 1977. С. 157—175; Он же. Народы Балканского полуострова в составе Византийской империи в XI—XII вв. // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 182; Page G. Being Byzantine. Greek Identity before the Ottomans. Cambridge, 2008. P. 48—51.

⁷⁵⁶ См., например: Иречек К. История болгар... С. 280—281; Успенский Ф.И. Образование Второго Болгарского царства... С. 16, 58; Мутафчиев П. История на българския народ... С. 253.

Эпохой ромеизации назван целый раздел в работе В. Златарского: Златарски В. История на българската държава... Т. 2. С. 167—409.

⁷⁵⁷ См., например: Ангелов Д. Образование и книжнина // История на България в 14 т. Т. 3. София, 1982. С. 92—105; Петров П. Възстановяване на българската държава... С. 31.

культуры и обычаев всегда было наиболее рациональной политикой, и Византия... не могла при этом составлять исключения»⁷⁵⁸. Однако такая «рациональная политика» характерна, скорее, для национальных государств Нового времени, каковым средневековая Византия никогда не была: полиэтничная империя имела в качестве цементирующего начала конфессионально-этатистские, но никак не национальные принципы⁷⁵⁹.

Как заметил в свое время П. Шрайнер, «одна из самых привлекательных и одновременно трудных задач культурной истории — проследить отношение к какому-то народу в литературных традициях других народов»⁷⁶⁰, и это утверждение вполне можно соотнести с традиционной риторикой византийских авторов по отношению к болгарам: чаще всего — ироничной, в лучшем случае — нейтральной. В связи с этим чрезвычайно показательным представляется пример архиепископа Охридского Феофилакта, чье эпистолярное наследие не раз попадало в поле зрения византинистов и болгаристов, порождая самые разнообразные версии относительно того, каким же было истинное отношение византийца-архиепископа к своей болгарской пастве. Утверждения Феофилакта о том, что «болгарская природа — кормилица всякого зла», а сами болгары — издевающиеся над византийцами «иноплеменники», превосходящие всех «богатством злонравия и бедностью жизни»⁷⁶¹, давно стали хрестоматийными. Как следствие, в работах самых разных лет и направлений Феофилакт предстает то типичным византийским «снобом», недолголюбивающим свою недалекую «варварскую» паству⁷⁶², то честолюбивым церковником, заботящимся исключительно о собственной

⁷⁵⁸ *Литаврин Г.Г.* Болгария и Византия... С. 374.

⁷⁵⁹ *Иванов С.А.* К проблеме этнополитического самосознания болгар в эпоху византийского господства // Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1988. С. 22; *Литаврин Г.Г.* Этнические и политические симпатии населения пограничных областей между Византией и Болгарией в первой половине XIV столетия // Славяне и их соседи. Славянский мир между Римом и Константинополем. Вып. 11. М., 2004. С. 164.

⁷⁶⁰ *Шрайнер П.* Многообразие и соперничество. София, 2004. С. 200.

⁷⁶¹ *Литаврин Г.Г.* Феофилакт Болгарский между Охридом и Константинополем... С. 180; *Оболенский Д.* Византийское содружество... С. 436.

⁷⁶² *Успенский Ф.И.* Образование Второго Болгарского царства... С. 15–57; *Петров П.* Възстановяване на българската държава... С. 32–33; *Снегаров И.* История на Охридската архиепископия... С. 198–204; *Събев Т.* Самостояйна народностна църква в средновековна България... С. 286–287.

выгоде и не стесняющимся в выборе средств⁷⁶³. Наконец, некоторые исследователи, рассматривая жалобы архиепископа как типичные для столичного интеллектуала, волей судьбы попавшего в глухую провинцию, где царят дикие нравы и «убийственное зловоние»⁷⁶⁴, склонны рассматривать его как в первую очередь выдающегося книжника, способствовавшего развитию болгаро-византийского культурного синтеза⁷⁶⁵.

Не менее сложным является и вопрос об отношении болгарского населения к своему архипастырю. Так, даже в работах последних лет присутствует ни на чем не основанное утверждение о том, что «вероятно, болгары ненавидели все греческое после полутора веков иноземного владычества, но эта тенденция присутствовала преимущественно на низовом уровне и в бытовом плане»⁷⁶⁶. Широко известен и тот факт, что прибытие того же архиепископа Теофилакта в конце 80-х гг. XI в. жители Охрида встречают пением «победной песни», прославляя былую славу независимой Болгарии. Впоследствии недовольные «тиранией епископа» болгары во главе с неким крестьянином Лазарем даже подадут на него жалобу имперским властям⁷⁶⁷. Однако выражают ли эти действия общее отношение болгар к византийцам и византийской власти? Или же речь идет об отдельных, «частных» вспышках недовольства, связанных с повышением налогов и конфликтами с местной администрацией, с которой новые подданные зачастую ассоциировали и грекоязычное духовенство? И можно ли говорить о некоем определенном отношении болгар (даже не «любви» и «ненависти»),

⁷⁶³ Петкова И. Българите и архиепископ Теофилакт Охридски // Средновековният българин и «другите». Сборник в чест на 60-годишнината на проф. д.и.н Петър Ангелов. София, 2013. С. 170–173.

⁷⁶⁴ Литаврин Г.Г. Теофилакт Болгарский между Охридом и Константинополем... С. 180; Оболенский Д. Византийское содружество... С. 436.

Ср. также: Browning R. Unpublished Correspondence between Michael Italicus, Archbishop of Philippopolis, and Theodore Prodromos... P. 279–297.

⁷⁶⁵ См., например: Польшванний Д.И. Культурное своеобразие средневековой Болгарии... С. 98–101; Илиева Л. Пространното житие на Климент Охридски и проблемът за българо-византийския културен синтез // Византия в собствените ѝ очи и в очите на другите. София, 2007. С. 160–176.

Подробнее о дискуссии вокруг личности Теофилакта Охридского см. также: Лешка М. Борис I-Михаил, владетелят на България в творчеството на Теофилакт, архиепископ Охридски // Българско средновековие: общество, власт, история. Сборник в чест на проф., д-р Милияна Каймакамова. София, 2013. С. 229–237.

⁷⁶⁶ Илиева Л. Пространното житие на Климент Охридски... С. 174.

⁷⁶⁷ Литаврин Г.Г. Болгария и Византия... С. 369; Оболенский Д. Византийское содружество... С. 440, 436, 458.

а, по крайней мере, приятии или неприятии), тогда как, по утверждению Г.Г. Литаврина, «этническое чувство само по себе довольно редко находило проявление в повседневной жизни людей и оказывало заметное влияние на их поведение в обществе»⁷⁶⁸?

Дискуссионным остается и вопрос о том, насколько полно отражают отношения между имперской властью и ее болгарскими подданными составленные в период византийского владычества памятники книжности — как болгарские, так и византийские по происхождению. Если в отношении византийских творений картина более-менее ясна: включая жития болгарских святых и даже правителей в сферу своего интереса, византийские авторы утверждают единство болгарской и «ромейской» христианской традиции, на которой строится и политическое единство, — то куда более запутанной выглядит ситуация с болгарскими апокрифическими памятниками. В настоящее время никаких сомнений не вызывает тот факт, что в сознании автора (или авторов) «Болгарской апокрифической летописи» конца XI в. и «аудитории», которой она предназначалась, идея единства болгарского народа сосуществовала с убеждением в правомерности византийской власти, а гордость за отечественную, именно болгарскую историю уживалась с уверенностью в превосходстве религиозного над этническим, в единстве судьбы Болгарского и «Ромейского», точнее «Греческого», царств, когда конец мира должен стать общим и для «греков», и для болгар⁷⁶⁹. Однако в какой степени «Болгарская апокрифическая летопись» действительно была памятником «массовой» литературы? И можно ли судить о том, насколько широко отобразившиеся в ней идеи разделялись болгарским населением конца XI — начала XII в.?

Очевидно, что поколения, не заставшие независимой государственности и выросшие в новых, имперских реалиях, должны были

⁷⁶⁸ Литаврин Г.Г. Этнические и политические симпатии... С. 164.

⁷⁶⁹ Подробнее см.: Иванов С.А. «Болгарская апокрифическая летопись» как памятник этнического самосознания болгар // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 70–77; Каймакова М. Власть и история в Средновековна България (VII–XIV в.) София, 2011. С. 183–216.

воспринимать византийскую власть как легитимную изначально. Показательно, что уже в 1072 г., во время антивизантийского восстания под предводительством Георгия Войтеха, значительная часть болгарского населения выступила против своих же соотечественников⁷⁷⁰. В глазах болгар «лояльного столетия» служение Византии уже не выглядело предательством — скорее, оно расценивалось как средство достижения жизненного успеха: богатства, власти и авторитета. Как известно, «средневековая аристократия вообще и византийская в частности не тревожила себя проблемой чистоты крови»⁷⁷¹, а значит, теоретически любой византийский подданный мог подняться по социальной лестнице. Для этого ему, безусловно, было необходимо знание основного языка империи — греческого. Однако этот билингвизм, а иногда (например, в условиях такого крупного города как Константинополь) и «элементарный полилингвизм», не отражался на этническом самосознании. Скорее, имела место некая «иерархизация», когда болгары, наряду с грузинами, армянами и иными этноязыковыми группами, чувствовали свою принадлежность к византийскому миру, его основным ценностям и возможностям⁷⁷².

Достичь высокого социального статуса новому подданному империи позволяла прежде всего военная служба. На протяжении почти полутора веков болгары (как в числе постоянных военных отрядов — т.н. «тагмных войск», формировавшихся из местных уроженцев и иностранных наемников⁷⁷³, так и в качестве рядовых стратиотов фемного ополчения) участвуют во всех важнейших военных кампаниях Византии — вплоть до обороны Фессалоники от сицилийских норманнов в августе 1185 г.⁷⁷⁴, где, по данным Евстафия Солунского, погибло более 7 тысяч болгарских

⁷⁷⁰ *Литаврин Г.Г.* Эволюция этнического самосознания болгарской знати... С. 175..

⁷⁷¹ *Каждан А.П.* Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван, 1975. С. 142.

⁷⁷² *Матанов Х.* Средновековните Балкани... С. 99–101.

⁷⁷³ См.: *Божилев И.* Българите във Византийската империя... С. 112; *Charanis P.* Observations on the Demography of the Byzantine Empire... P. 19.

⁷⁷⁴ О болгарях в составе византийских войск подробнее см.: *Тивчев П.* За участието на българите във византийската войска... С. 79–93.

пехотинцев⁷⁷⁵. Примером жизненного успеха на поприще военной службы империи для ее новых болгарских подданных становится судьба их собратьев, перешедших на сторону ромеев еще в годы византийского завоевания начала XI в. Показателен пример некоего Вулгароса (т.е. «Болгарина») Христофора, который еще в 1020-е гг. становится катепаном фем Фессалоника и Болгария, а впоследствии — фемы Лангобардия (в Южной Италии)⁷⁷⁶, что говорит об особом доверии, которое питала к нему центральная власть, назначая на столь ответственные посты.

Нередко, впрочем, выходцы из болгарских земель достигали успеха и на придворной службе. Так, болгарин Роман Воила к началу 1050-х гг. становится первым телохранителем и советником императора и даже возглавляет заговор против Константина IX Мономаха (1042–1055)⁷⁷⁷. Командиры болгарских наемников Борил, «сам мечтавший о троне»⁷⁷⁸, и Герман⁷⁷⁹ помогают узурпировать верховную власть Никифору III Вотаниату (1078–1081). Наконец, в 1107 г. братья Аарон и Феодор (возможно, из рода Ἀαρώνιοι, т.е. потомков Аарона, брата царя Самуила), приближенные императора, организовывают заговор против Алексея I Комнина (1081–1118)⁷⁸⁰.

В целом, применительно ко времени византийского правления в болгарских землях известно 13 случаев, когда лица болгарского происхождения занимали относительно высокие и ответственные посты на византийской службе⁷⁸¹, хотя, по большей части, и вдалеке от балканских провинций⁷⁸².

⁷⁷⁵ Успенский Ф.И. Образование Второго Болгарского царства... С. 71.

⁷⁷⁶ Божилев И. Българите във Византийската империя... С. 273–275.

⁷⁷⁷ Там же. С. 261.

⁷⁷⁸ *Anna Comnena*. Alexias / Rec. D.R. Reinsch et A. Kambylis (= *Corpus fontium historiae byzantinae*. Vol. 40/1). Berolini et Novi Eboraci, 2001. P. 63.

⁷⁷⁹ *Ibidem*. P. 51–52.

О Бориле и Германе подробнее см.: Божилев И. Българите във Византийската империя... С. 230–232.

⁷⁸⁰ Там же. С. 247–248.

См. также: Kazhdan A. Aarionios // ODB. Vol. 1. P. 1–2.

⁷⁸¹ Это число представляется достаточно внушительным, особенно с учетом того, что после заговора братьев Аарона и Феодора Алексей I Комнин проводил своего рода «антиболгарскую» политику, не допуская этнических болгар в ряды высокопоставленных должностных лиц.

Болгарская «новая знать». В конце XI — XII в. в провинциальном, с точки зрения столичного Константинополя, болгарском обществе формируется новая социально-имущественная группа, которую условно можно назвать «новой знатью»⁷⁸³. Она активно включается в хозяйственно-экономическую и общественно-политическую жизнь болгарских владений империи и располагает достаточными средствами, чтобы финансировать восстановление старых и строительство новых храмов и монастырей и, среди прочего, заказывать рукописи церковнобогослужебного содержания на славянском языке⁷⁸⁴. В отличие от давно сошедшей со сцены болгарской знати периода Первого Болгарского царства, или утратившей свое высокое социально-имущественное положение, или влившейся в ряды византийской служилой знати и византизированной по образу жизни, языку и самосознанию⁷⁸⁵, эта «новая знать» еще только стремится получить свою долю политического влияния в стране. Кроме того, ее представители активно поддерживают контакты и заключают браки с выходцами из среды романоязычных скотоводов-влахов, проживавших в горных районах, и кочевавших на левобережье Нижнего Дуная половцев.

Таким образом, к концу XII в. в рядах болгар, несущих в качестве имперских подданных налоговое бремя и обязанных поставлять стратиотов в состав фемного ополчения⁷⁸⁶, выделяется новая группа относительно обеспеченных и, вместе с тем, весьма амбициозных лиц. С одной стороны, в силу своего относительно высокого социально-имущественного положения,

О выходцах из болгарских земель, добившихся успеха на императорской службе, подробнее см.: *Божилев И.* Българите във Византийската империя... С. 123–124; *Божилев И., Гюзелев В.* История на средновековна България... С. 389–391.

⁷⁸² *Литаврин Г.Г.* Эволюция этнического самосознания болгарской знати ... С. 172.

⁷⁸³ Там же. С. 175–176; *Гюзелев В.* Бележки върху историята на българските земи... С. 35.

⁷⁸⁴ *Литаврин Г.Г.* Эволюция этнического самосознания болгарской знати ... С. 176; *Турилов А.А.* После Климента и Наума (славянская письменность на территории Охридской архиепископии в X первой половине XIII в.) // *Флоря Б.Н., Турилов А.А., Иванов С.А.* Судьбы Кирилло-Мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб., 2000. С. 121–122; *Гюзелев В.* Бележки върху историята на българските земи... С. 36.

⁷⁸⁵ *Литаврин Г.Г.* Эволюция этнического самосознания болгарской знати... С. 172.

⁷⁸⁶ О настроениях, царивших среди этой части болгарского населения к концу XII в., подробнее см.: *Литаврин Г.Г.* Становление Второго Болгарского царства и его международное значение в XIII столетии // *Он же.* Византия и славяне. СПб., 1999. С. 368–369; *Гюзелев В.* Бележки върху историята на българските земи... С. 37, 39; *Николов Г.* Българите и Византийската империя // Тангра. Сборник в чест на 70-годишнината на акад. Васил Гюзелев. София, 2006. С. 597–598, 606.

они уже обладают каким-то авторитетом среди своих соплеменников. С другой стороны, материальное состояние и статус «ромея» позволяют им претендовать на более или менее успешную карьеру на императорской службе в расчете на вхождение в ряды византийской элиты, как это некогда произошло с частью знати Первого Болгарского царства. Как известно, в истории византийской элиты имели место периоды, когда она бывала открыта для иноземцев, и, наоборот, периоды, когда она для них закрывалась. Если в середине XII в. заметно резкое снижение значимости представителей местной славянской провинциальной знати на императорской службе, то с конца XII в. доля степняков и южнославянских фамилий в армии и гражданской администрации вновь возрастает⁷⁸⁷.

В 1185 г. этой болгарской «новой знати», по всей видимости, и выпадает шанс удовлетворить свои амбиции, включившись в военные приготовления имперских властей, связанные прежде всего с угрозой со стороны сицилийских норманнов.

⁷⁸⁷ Бибиков М.В. К вопросу об иноземцах в византийской государственной элите // Элита и этнос Средневековья. М., 1995. С. 137, 140.

Глава 3

Тырновское восстание 1185–1186 гг. и его легитимация

К началу 1185 г. Византийская империя буквально «трещала по швам»: в Малой Азии хозяйничали сельджуки, войска венгерского короля Белы III, вступившего в союз с мятежным сербским великим жупаном Стефаном Неманей, продвигались вглубь страны, захватив стратегически важные Белград, Браничево, Ниш. Набирал обороты и областной сепаратизм императорских наместников, громко заявивший о себе, в частности, в 1184 г. при отпадении от империи Кипра.

В такой обстановке 24 августа 1185 г., в день св. Варфоломея, после почти месячной осады, Фессалоника, второй по значимости город империи, оказывается захвачена войсками норманнского сицилийского короля Вильгельма II (1166–1189)⁷⁸⁸. Несмотря на все усилия имперских воинских контингентов, брошенных против норманнов, остановить продвижение захватчиков не удастся. Такое положение дел вызывает недовольство в Константинополе, до которого стремительно доходят слухи о приближении «сицилийцев» и «варфоломеевской ночи», устроенной ими в Фессалонике. Волна возмущения неэффективностью действий императора Андроника I Комнина (1183–1185) играет на руку его политическому сопернику Исааку Ангелу⁷⁸⁹, и 12 сентября 1185 г. в результате очередного дворцового переворота он сменяет своего неудачливого предшественника⁷⁹⁰.

Стремясь оправдать ожидания своих подданных, император Исаак II сосредоточивает все свое внимание на внешней политике. Буквально в самом

⁷⁸⁸ *Annales Seccanenses* // ЛИБИ. Т. 4. София, 1981. Р. 139–140.

Подробнее о походе норманнов на византийские земли см.: *Норвич Дж.* Расцвет и закат Сицилийского королевства. Нормандцы в Сицилии (1130–1194). М., 2005. С. 332–333; *Paragiannopoulos A.* History of Thessaloniki. Thessaloniki, 1982. Р. 83–86.

⁷⁸⁹ Подробнее о роде Ангелов и самом Исааке см.: *Илиев И.* Исаак II Ангел (1185–1195) // *Божилев И., Билярски И., Димитров Х., Илиев И.* Византийские василевсы. София, 1997. С. 336–345; *Kazhdan A.* Angelos // ODB. Vol. 1. Р. 97–98.

⁷⁹⁰ Подробнее о приходе к власти Исаака Ангела см.: *Каждан А.П.* Два дня из жизни Константинополя. СПб., 2002. С. 17, 49–52.

начале своего правления ему удастся решить проблему возврата захваченных венграми территорий, договорившись с королем Белой III о заключении брака с венгерской принцессой Маргаритой⁷⁹¹. Единственным камнем преткновения становится плачевное финансовое положение империи, которое в условиях роста военных расходов не позволяло организовать в полной мере подобающее императорскому достоинству свадебное торжество. Необходимость в дополнительных средствах на проведение свадьбы вынуждает императора ввести чрезвычайный налог, основная тяжесть которого ложится именно на болгарские земли⁷⁹². Объясняя этот факт, Георгий Акрополит пишет: «Поскольку он [император] пожелал устроить свадьбу, — а она была царской, — то счел нужным сделать и достойные ее расходы. Поэтому со всей империи ромеев собирались овцы, свиньи и быки. А так как больше других выращивает их земля болгар, то от них и потребовали больше всего»⁷⁹³.

Очевидно, очередные фискальные нововведения вызвали ропот среди болгарского населения, и так истощенного военными мероприятиями Андроника I Комнина и ожидавшего грядущий кровопролитный реванш над норманнами. Во всяком случае, Никита Хониат и вслед за ним Георгий Акрополит неоднократно акцентируют внимание своих читателей на том, что введение чрезвычайного налога еще больше усилило враждебность болгарских «варваров» к императорской власти⁷⁹⁴. Впрочем, не исключено, что византийские историки сознательно сгущают краски, подчеркивая именно материальную сторону вопроса: сами по себе фискальные нововведения едва ли могли сыграть определяющую роль в будущем

⁷⁹¹ Подробнее см.: *Златарски В.* История на българската държава през средните векове. Т. 2. България под византийското владичество (1018–1187). София, 1994. С. 28.

⁷⁹² *Nicetas Choniata. Historia / Rec. I.A. van Dieten (= Corpus fontium historiae byzantinae. Vol. 11/1). Berolini et Novi Eboraci, 1975. P. 368; Georgius Acropolita. Opera / Rec. A. Heisenberg. Ed. anni 1903 (= Bibliotheca scriptorum graecorum et romanorum Teubneriana. Vol. 1). Stutgardiae, 1978. P. 18.*

По-видимому, налог выражался не только в реквизиции скота, но и во взыскании с населения денежных сумм. См.: *Литаврин Г.Г.* Два этюда о восстании Петра и Асеня // *Он же.* Византия и славяне. СПб., 1999. С. 349.

⁷⁹³ *Georgius Acropolita. Opera...* P. 18; русский перевод: *Георгий Акрополит.* История. СПб., 2013. С. 55.

Подробнее об этом чрезвычайном налоге и реакции на него со стороны болгарского населения см.: *Литаврин Г.Г.* Два этюда о восстании Петра и Асеня... С. 349–351.

⁷⁹⁴ *Nicetas Choniata. Historia...* P. 368; *Georgius Acropolita. Opera...* P. 18.

восстании болгар. Как уже было замечено выше, размер налоговых обязательств в болгарских землях увеличивался достаточно часто, и это вызывало лишь отдельные вспышки недовольства, со временем затухавшие. Тем не менее, нельзя отрицать: в 1185 г. обстоятельства сложились таким образом, что стремительная смена политической власти, военные поражения империи, введение чрезвычайного налога и недостаточная гибкость нового императора в отношениях с местной «новой знатью» привели к образованию в болгарских землях очага напряженности с далеко идущими последствиями.

Инцидент в Кипселлах. Между тем, по словам Никиты Хониата, «видя в воцарении Исаака как бы перемену зимы на весну, или бури на совершенную тишину, римляне со всех сторон потекли в Константинополь; шли не только бывшие прежде в военной службе, но и никогда не знавшие ее, даже вовсе юноши, — одни, чтобы только взглянуть на нового Моисея-освободителя, или Зоровавеля, возвратившего пленников сионских, другие, чтобы получать следующее служащим в войске содержание, а некоторые и затем, чтобы записаться в войско и действительно отправиться на войну с сицилийцами»⁷⁹⁵. В середине сентября — октябре 1185 г., в самом начале норманнской кампании, к императору Исааку II, обосновавшемуся станом в Кипселлах (совр. Ипсала, на Мраморном море)⁷⁹⁶, прибывают братья Феодор и Асень-Белгун — по всей видимости, представители той самой болгарской «новой знати», о которой шла речь выше⁷⁹⁷. О том, каким был их социальный статус и род занятий, точно неизвестно. По косвенным данным,

⁷⁹⁵ *Nicetas Choniata*. Historia... P. 356; русский перевод: *Никиты Хониата* История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. 2. (= Византийские историки, переведенные с греческого при С.-Петербургской Духовной академии. Т. 7). СПб., 1862. С. 2–3.

⁷⁹⁶ *Ibidem*. P. 369.

Подробнее об этом см.: *Дуйчев И.* Въстанието в 1185 г. и неговата хронология // *Он же.* Проучвания върху средновековната българска история и култура. София, 1981. С. 57.

Правомерность такой датировки событий убедительно доказал Г. Принцинг. — *Prinzing G.* Demetrios-Kirche und Aseniden-Aufstand. Zur chronologischen Präzisierung der Frühphase des Aseniden-Aufstandes // ЗРВИ. 1999–2000. Т. 38. S. 257–265.

⁷⁹⁷ Личности и происхождению братьев посвящена обширная литература. См., например: *Андреев Й.* Иван Асен I // *Андреев Й., Лазаров И., Павлов П.* Кой кой е в средновековна България. Исторически справочник. София, 1994. С. 134–139; *Божилев И.* Фамилията на Асеновци. Генеалогия и просопография. София, 1985. С. 27; *Мутафчиев П.* Произходът на Асеновци // *Он же.* Избрани произведения. Т. 2. София, 1973. С. 152–178; *Vásáry I.* Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans (1185–1365). Cambridge, 2005. P. 33–42.

происходящим из сочинения Робера де Клари, братья поставляли императору табуны от 60 до 100 коней и ежегодно являлись ко двору⁷⁹⁸.

По всей вероятности, Феодор и Асень отличились еще при обороне Фессалоники (в ней, судя по числу погибших пехотинцев, участвовал большой болгарский контингент⁷⁹⁹) и теперь, надеясь на дальнейшее продвижение по карьерной лестнице, явились к Исааку II с просьбой назначить их на подобающие их заслугам должности в византийской армии и пожаловать им императорской грамотой некую горную крепость в Хеме (Балканских горах) с окрестностями⁸⁰⁰.

Современники событий 1185 г.: Никита Хониат и Григорий Антиох, — всячески подчеркивают «варварство» болгар, дерзость притязаний и необузданность этих «разъяренных вепрей»⁸⁰¹. Однако то, что братьев допустили в стан императора и дали возможность говорить с ним лично, свидетельствует, по меньшей мере, о том, что они не были случайными людьми, дерзкими «варварами», спустившимися с гор лишь для того, чтобы, по словам Никиты Хониата, отмстить «за угон своих стад и некоторые другие притеснения»⁸⁰². Георгий Акрополит, описывая ход событий, перед тем изложенный Хониатом, вообще обходит молчанием прибытие Петра и Асеня в Кипселлы и их беседу с императором. Все последующие «большие неприятности» со стороны болгар он списывает на их природную враждебность и чрезвычайный налог, введенный Исааком II Ангелом: «Племя... болгар с самого начала бывшее враждебным ромеям... вплоть до императора Исаака... платил[о] подать ромеям, но в связи с таким налогом поднял[о] мятеж»⁸⁰³.

⁷⁹⁸ Все, что происходило с Петром и Асеном, Робер де Клари ошибочно приписывает их младшему брату Калояну. — *Clari R., de. La Conquête de Constantinople / Trad., pres. et notes par J. Dufournet. Paris, 2004. P. 142–143; русский перевод: Робер де Клари. Завоевание Константинополя. М., 1986 [доступно 25.05.2016: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000131/st122.shtml>].*

⁷⁹⁹ *Николов Г. Българите и Византийската империя (август — ноември 1185 г.) // Тангра. Сборник в чест на 70-годишнината на акад. Васил Гюзелев. София, 2006. С. 600, 607.*

⁸⁰⁰ *Nicetas Choniata. Historia... P. 369.*

⁸⁰¹ *Gregorius Antiochus. Opuscula // ГИБИ. Т. 7. София, 1967. P. 272.*

⁸⁰² *Nicetas Choniata. Historia... P. 368; Никиты Хониата История... Т. 2. С. 19.*

⁸⁰³ *Georgius Acropolita. Historia... P. 153; Георгий Акрополит. История... С. 55.*

По всей видимости, прибыв в лагерь Исаака II Ангела, Феодор и Асень преследовали исключительно личные, карьерные интересы, ведь, судя по всему, они имели достаточно оснований рассчитывать на благоприятный ответ со стороны императора, которому в начинавшейся военной кампании, несомненно, требовались опытные и искушенные в военном деле люди. Однако Исаак II, взявший курс на сознательное отстранение лиц, связанных с Андроником I Комнином⁸⁰⁴, не удовлетворил их просьбу, что вызвало резкое негодование со стороны братьев. По словам Никиты Хониата, «они стали высказывать жалобы на то, что их будто бы презирают, и, напрасно настаивая на своей просьбе, промолвили... горячие и резкие слова, намекавшие на отделение от римского государства и на то, что они в состоянии будут сделать, возвратившись домой»⁸⁰⁵. Как пишет Хониат, в ответ на их возмущение севастократор Иоанн нанес младшему Асеню пощечину. Это стало последней каплей для «разобиженных» братьев, решивших воспользоваться тем, что внимание Константинополя сосредоточено на грядущей свадьбе и норманнском походе, и начать собственную политическую игру. В то время как недовольство простых обывателей и так подогревалось налоговыми нововведениями, для убеждения более влиятельной «новой знати» братьями был использован инцидент в Кипселлах. Как заметил Г.Г. Литаврин, «отказ Исаака послужил для Петра и Асеня крупным пропагандистским козырем, позволив продемонстрировать большинству представителей болгарской знати пренебрежение к ее интересам со стороны императора и склонить ее к участию в восстании»⁸⁰⁶.

⁸⁰⁴ См.: *Каждан А.П.* Два дня из жизни Константинополя... С. 197–198.

⁸⁰⁵ *Nicetas Choniata. Historia...* Р. 369; *Никиты Хониата История...* Т. 2. С. 19.

По понятиям того времени нежелание императора зачислить видное лицо на государственную службу, действительно, было знаком пренебрежения или немилости. Подробнее см.: *Литаврин Г.Г.* Эволюция этнического самосознания болгарской знати в эпоху византийского господства // *Элита и этнос средневековья.* М., 1995. С. 172.

⁸⁰⁶ *Литаврин Г.Г.* Становление Второго Болгарского царства и его международное значение // *Он же.* Византия и славяне. СПб., 1999. С. 368.

§ 1. От Търновского восстания до Ловечского перемирия

Восстание. Реконструкция и датировка последующих событий, кульминацией которых стало открытое антивизантийское выступление под руководством Петра и Асеня с центром в горной крепости Търново⁸⁰⁷, до сих пор остаются предметом научной дискуссии.

Целый ряд авторитетных исследователей (как, в частности, Г. Цанкова-Петкова⁸⁰⁸, Д. Ангелов⁸⁰⁹, В. Гюзелев⁸¹⁰ и Д.И. Польшанский⁸¹¹) датируют начало восстания 1186 г. Однако И. Дуйчев⁸¹², а вслед за ним Г.Г. Литаврин⁸¹³ и П. Петров⁸¹⁴ отвергли эту датировку, отнеся первые антивизантийские действия Петра и Асеня еще к 1185 г. В последнее время хронология событий была вновь пересмотрена Г. Принцингом, который, на наш взгляд, весьма убедительно показал, что начало восстания следует датировать 26 октября 1185 г.⁸¹⁵ Именно это мнение и будет принято нами за основу для реконструкции дальнейшего хода событий.

О том, что последовало за конфликтом в Кипселлах, мы можем судить лишь исходя из отрывочной информации, содержащейся в «Истории» Никиты Хониата. Итак, согласно Хониату, болгары «сначала медлили и не решались на восстание, к которому подстрекали их Петр и Асан (Асень — *А.Д.*), опасаясь неверности такого важного предприятия». Тогда, не без иронии замечает византийский историк, «желая излечить своих земляков от трусости, братья построили церковь во имя мученика Димитрия, в которой собрали бесноватых из обоих родов (болгар и влахов? — *А.Д.*) с налитыми

⁸⁰⁷ Подробнее об истории самой крепости и выборе ее в качестве центра будущего восстания см.: Дуйчев И. Търново като политически и духовен център през късното средновековие // Археология. 1966. № 3. С. 1–8.

⁸⁰⁸ Цанкова-Петкова Г. България при Асеневци. София, 1978. С. 22.

⁸⁰⁹ Ангелов Д. Византия. Възход и залез на една империя. София, 1991. С. 278–282.

⁸¹⁰ Гюзелев В. Бележки върху историята на българските земи и българите половин столетие преди въстанието на Асеневци (1186–1188) // Проф. д.и.н. Станчо Ваклинов и средновековната българска култура. Велико Търново, 2005. С. 33–44; *Он же*. Чудотворна икона на св. Димитър Солунски в Търново през 1185–1186 г. // Любен Прашков — реставратор и изкуствовед. София, 2006. С. 36–39.

⁸¹¹ Польшанский Д.И. Культурное своеобразие средневековой Болгарии в контексте византийско-славянской общности IX–XV веков. Иваново, 2000. С. 132.

⁸¹² Дуйчев И. Въстанието в 1185 г. и неговата хронология // *Он же*. Проучвания върху средновековната българска история и култура. София, 1981. С. 38–67.

⁸¹³ Литаврин Г.Г. Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960. С. 437.

⁸¹⁴ Петров П. Възстановяване на българската държава: 1185–1197. София, 1985. С. 155–179.

⁸¹⁵ Prinzing G. Demetrios-Kirche und Aseniden-Aufstand... S. 257–265.

кровью, косящими глазами, с распущенными волосами и вообще точно изображавших все то, что делают люди, одержимые бесами. Асени внушили им говорить в исступлении, будто Бог благоволил даровать свободу болгарам и влахам, будто соизволил снять с их шеи временное ярмо и будто с этой целью Христов мученик Димитрий оставил Фессалонику, покинул тамошний храм, не захотел более жить с ромеями и перешел к ним, чтобы быть им помощником и сотрудником в их деле»⁸¹⁶. Видя, что народ все еще колеблется, эти «бесноватые», «давши себе после того небольшой отдых и вдруг еще более собравшись с духом... как бы в новом припадке падучей болезни, начали потом опять возбуждать народ, провозглашая вдохновенным и пронзительным голосом, что не время теперь сидеть, что наступила решительная минута взять в руки оружие», а пленных «ни под каким условием не должно оставлять ... в живых, но губить и разить беспощадно, не освобождать за выкуп, не склоняться на мольбы, не внимать коленопреклонным прошениям, не смягчаться ничем, подобно несокрушимо-твердому алмазу, но убивать решительно всех пленных без исключения». В ответ на этот призыв «весь народ вооружился поголовно, и так как с самого начала дела мятежников пошли успешно, то они еще более уверились, что Бог посылает им свободу»⁸¹⁷.

Рассказывая о дальнейших событиях, Хониат упоминает и о том, что один из братьев, Феодор, принял имя Петра, возложил на голову золотой венец и надел красные сандалии⁸¹⁸. Вероятно, торжественное провозглашение Феодора царем болгар должно было означать возобновление независимого Болгарского царства, а значит, выступление во главе с Петром

⁸¹⁶ Так передает этот рассказ С.А. Иванов: *Иванов С.А.* Общественная мысль в Болгарии в XI–XIII вв. ... С. 111–112; другой русский перевод (под редакцией Н.В. Чельцова): *Никиты Хониата* История... Т. 2. С. 22–23; греческий текст см.: *Nicetas Choniata. Historia...* Р. 371.

⁸¹⁷ *Nicetas Choniata. Historia...* Р. 371; *Никиты Хониата* История... Т. 2. С. 23.

Подробный анализ событий 1185 г. см.: *Златарски В.* История на българската държава... Т. 2. С. 410–441.

⁸¹⁸ *Nicetas Choniata. Historia...* Р. 372.

Никита Хониат отзывается об этом событии в ироническом тоне, намеренно употребляя устаревшие термины, чтобы подчеркнуть нелепость события. Подробнее об этом см.: *Атанасов Г.* Инсигниите на средновековните български владетели. Корони, скиптри, сфери, оръжия, костюми, накити. Плевен, 1999. С. 122–129.

и Асеном превращалось в глазах болгар в движение за освобождение от византийского владычества. Однако, согласно представлениям, укоренившимся в средневековой христианской Европе, помимо коронованного правителя, независимое государство должно было обладать и собственной церковью⁸¹⁹. Для этого братья предприняли обманный маневр, призвав в Тырново под благовидным предлогом Видинского митрополита и двух других епископов и заставив их рукоположить в архиереи некоего священника Василия⁸²⁰, который и стал новым Тырновским архиепископом, а впоследствии — признанным Римом примасом Болгарской церкви⁸²¹.

Вскоре после провозглашения Петра царем Болгарии вооруженные отряды болгар выступают с походом на старую столицу Первого Болгарского царства, Преслав, предполагая сделать его столицей возобновленной державы⁸²². Однако, согласно сообщению Никиты Хониата, осада этого «старинного города, выстроенного целиком из кирпича», оканчивается неудачей, и статус столицы получает именно «колыбель восстания» Тырново⁸²³.

Попытки подавления восстания. Тем временем, слухи о восстании в далеком Тырново доходят до столичного Константинополя, и на подавление

⁸¹⁹ Бакалов Г. Средневековният български владетел (титулатура и инсигнии). София, 1985. С. 147.

⁸²⁰ Димитър Хоматиан. Послание до Корфуския митрополит Василий Педиадит за положението на българските епископи и ръкоположените от тях духовници, както и дали е позволено едно и също лице да се ожени за две втори братовчедки. — Ников П. Принос към историческото изворознание на България и към историята на българската църква // СпБАН. 1921. Т. 10. С. 43–51 [доступно 25.05.2016: <http://ald-bg.narod.ru/biblioteka/DimHom1.htm>]; Димитър Хоматиан. Синодален акт на Охридската архиепископия от времето на Димитър Хоматиан във връзка с поставените в диоцеза ѝ по времето на цар Калоян български епископи. — Там же. С. 51–59 [доступно 25.05.2016: <http://ald-bg.narod.ru/biblioteka/DimHom2.htm>].

Г. Николов счита, че рукоположение Василия и коронация Феодора произошли 26 октября 1185 г. — Николов Г. Българите и Византийската империя... С. 611–612.

Однако не исключено, что это событие произошло чуть позже. Подробнее об этом см.: Златарски В. История на българската държава... Т. 2. С. 472–477.

⁸²¹ Писмо на архиепископ Василия до папа Иннокентия III от ноемврий 1204 г. // Дуйчев И. Из старата българска книжнина. София, 1944. Т. 2. С. 26.

⁸²² Масштабность этого похода подтверждают найденные на пути из Тырново в Преслав монетные клады конца XII в. См.: Жекова Ж. Събитията от 1186 г. според данните от колективните монетни находки от България // ИРИМ — ВТ. 2007. № 22. С. 219–226.

⁸²³ *Nicetas Choniata*. Historia... P. 372; *Никиты Хониата* История... Т. 2. С. 23.

Подробнее о значении Преслава и Тырново в формировании Второго Болгарского царства см.: *Dall’Aglia F.* Shifting Capitals and Shifting Identities: Pliska, Preslav, Tǎrnovo and the Self-Perception of a Medieval Nation // ВМ. 2011. № 2. P. 600–601.

По предположению В. Златарского, гарнизон Преслава все же выступал на стороне восставших. — Златарски В. История на българската държава... Т. 2. С. 443–444.

восстания направляются византийские войска. Успешным действиям имперских сил на первых порах мешают, по-видимому, какие-то личные разногласия между их командованием и придворной группировкой. Во всяком случае, севастократор Иоанн, назначенный командующим военными отрядами, направленными в болгарские земли, вскоре устраняется, будучи заподозрен в заговоре против императора, и заменяется вполне благонадежным, но неспособным управлять войсками слепым Иоанном Кантакузином. После ряда сокрушительных поражений Кантакузина сменяет прославленный в борьбе с норманнами полководец Алексей Врана. Однако весной 1186 г. сам этот «второй Авессалом»⁸²⁴ поднимает военный мятеж в Адрианополе. На деле это означает фактический паралич имперских сил во Фракии и Македонии, и, вероятно, вооруженные действия против болгар в этот период не ведутся. Провозгласив себя императором, Врана движется к Константинополю, где и погибает при попытке завладеть городом⁸²⁵. Карательные акции императора в отношении жителей столичных пригородов, поддержавших мятежного полководца, приводят к возмущению и в самом Константинополе⁸²⁶.

Таким образом, на первых порах восставшие болгары получают значительное преимущество во времени. Пока Константинополь празднует императорскую свадьбу, отражает наступление войск Враны, а затем занимается «умиротворением» мятежных столичных пригородов, восстание болгар набирает силу, и на сторону Петра и Асеня переходят крепости в Северной Фракии и области Загорье⁸²⁷.

⁸²⁴ *Michael Choniata*. Panegyricus Isaacio Angelo dictus // ГИБИ. Т. 11. София, 1983. Р. 119.

⁸²⁵ Выбор центра выступления был неслучаен — как известно, род Враны принадлежал к крупнейшим фракийским землевладельцам, возможно, болгарского происхождения. Подробнее об этом см.: *Успенский Ф.И.* Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879. С. 127; *Божилев И.* България във Византийската империя... С. 90–92.

⁸²⁶ «Наказание», исполненное латинскими рыцарями Конрада Монферратского, выглядело вдвойне возмутительно, если учесть традиционные антилатинские настроения в империи на протяжении второй половины XII в. Подробнее об этом см.: *Сюзюмов М.Я.* Внутренняя политика Андроника Комнина и разгром пригородов Константинополя в 1187 г. // ВВ. Т. 12. С. 58–74.

⁸²⁷ *Nicetas Choniata*. Historia... Р. 374–389.

Более подробный анализ событий см.: *Литаврин Г.Г.* Стремительный подъем Второго Болгарского царства // Краткая история Болгарии. С древнейших времен до наших дней. М., 1987. С. 120–121; *Златарски В.* История на българската държава... Т. 2. С. 448.

Первый поход императора против болгар. Наконец, не позднее лета 1186 г. сам император Исаак II Ангел во главе мощной армии выступает в поход против мятежников.

Согласно сообщениям Никиты Хониата и его брата Михаила, болгары, неспособные открыто принять бой с многочисленными византийскими войсками, укрылись в ущельях, где их окружили императорские отряды, совершившие обманный маневр и явившиеся с тыла. В итоге, болгары были вынуждены сдаться на милость победителей⁸²⁸. Согласно сообщениям Феодора Вальсамона, Никиты Хониата и Сергия Коливы, Исаак с триумфом вошел в Тырново, где, по всей видимости, были заключены какие-то соглашения с восставшими, поскольку довольно скоро император, убежденный в дальнейшей лояльности болгар, возвратился в Константинополь⁸²⁹.

Поход императора в болгарские земли, по-видимому, вызвал в столичном обществе широкий резонанс. В своем панегирике в честь Исаака II известный придворный ритор Михаил Хониат даже сравнивает его с «божественным Давидом», которого сам император по своему милосердию к мятежникам превзошел, покорив их «скорее любовью, нежели страхом»⁸³⁰.

Участие обоих братьев в событиях лета 1186 г., а также роль и статус Асеня, младшего брата Петра, остаются предметом дискуссии. По мнению Г.Г. Литаврина, после того, как Петр, поддержанный группой болгар, стремящейся извлечь новые выгоды из примирения с византийской властью, идет на соглашение с Исааком II, Асень становится во главе восстания⁸³¹. И. Лазаров исключает такую возможность, выдвигая идею о полном единстве действий Асеня и Петра, которые, по его мнению, правили вместе в духе ранневизантийской традиции⁸³². Вполне возможно и то, что братья, оставаясь

⁸²⁸ *Michael Choniata*. Panegyricus Isaacio Angelo dictus... P. 120–121.

⁸²⁹ Дуйчев И. Сведения за въстанието на Асеневи в Словото на Сергей Колива // *Он же*. Проучвания върху българското Средновековие. София, 1945. С. 77–81.

⁸³⁰ *Michael Choniata*. Panegyricus Isaacio Angelo dictus... P. 120–121.

⁸³¹ Литаврин Г.Г. Болгария и Византия... С. 450–456.

⁸³² Лазаров И. Политическа идеология на Второто Българско царство. Велико Търново, 2003. С. 32–49.

заодно, просто перераспределили между собой властные полномочия. В частности, не исключено, что пока Петр заверял императора в своей лояльности, Асень мог совершить поездку к половцам⁸³³ в целях пополнения сил мятежников⁸³⁴. Судя по всему, эта предполагаемая миссия увенчалась успехом: примерно в конце лета — осенью 1186 г. половцы действительно примкнули к восставшим⁸³⁵.

Второй поход императора против болгар. В ответ на активное продвижение болгаро-половецких отрядов в Северо-Восточную Фракию Исаак II отправляется в новый поход против болгар.

Проиграв при Лардее (совр. Хисарлык) и взяв реванш при Верое (совр. Стара Загора), император оставляет войска на зимних квартирах в Триадице (совр. София). В 1187 г. война возобновляется, однако, несмотря на успешный выход императорских войск в Северную Болгарию, трехмесячная осада стратегически важного Ловеча оканчивается неудачей⁸³⁶. В это же время⁸³⁷ в родной для Исаака II Ангела Филадельфии (совр. Алашехир), в Малой Азии, вспыхивает восстание во главе с Феодором Манкафой⁸³⁸, до Константинополя доходят слухи о начале нового крестового похода и грядущем вторжении «латинян», вновь активизируются сербы. Вынужденный вновь переключить свое внимание с болгарских земель, император спешно направляется в столицу⁸³⁹.

⁸³³ Подробнее о роли половцев в становлении Второго Болгарского царства см.: *Павлов П.* За ролята на куманите в българската военна история (1186–1241) // ВИС. 1990. Год. 59. № 6. С. 14–23; *Dall’Aglio F.* The Interaction between Nomadic and Sedentary Peoples on the Lower Danube: the Cumans and the «Second Bulgarian Empire» // *The Steppe Lands and the World beyond Them. Studies in Honor of Victor Spinei on his 70th Birthday / Ed. by Florin Curta and Bogdan-Petru Maleon.* Iași, 2013. P. 299–312; *Idem.* The Military Alliance between the Cumans and Bulgaria from the Establishment of the Second Bulgarian Kingdom to the Mongol Invasion // АЕМА. 2008/2009. № 16. P. 29–54; *Vásáry I.* Cumans and Tatars... P. 42–47, 54–56.

⁸³⁴ Однако Никита Хониат пишет, что за Дунай, за половецкой помощью, отправились оба брата: и Петр, и Асень. — *Nicetas Choniata. Historia...* P. 372–373.

⁸³⁵ *Литаврин Г.Г.* Болгария и Византия... С. 450–456.

Ф. Даль-Альо считает, что Петр и Асень заключили с половцами военный союз на определенных, оговоренных обеими сторонами условиях. — *Dall’Aglio F.* The Military Alliance between the Cumans and Bulgaria... P. 34.

⁸³⁶ *Nicetas Choniata. Historia...* P. 399.

⁸³⁷ Р. Радич датирует осаду Ловеча 1188 г., а поход Исаака II против Феодора Манкафы — поздней весной 1189 г. — *Радић Р.* Обласни господари у Византији крајем XII и у првим деценијама XIII века // ЗРВИ. Београд, 1986. Т. 24–25. С. 266–267.

⁸³⁸ О личности Феодора Манкафы и его восстании подробнее см.: Там же. С. 265–272.

⁸³⁹ *Nicetas Choniata. Historia...* P. 399.

Перемирие. Вопрос о мире или, скорее, о перемирии, возможно, заключенном в Ловече в 1187 г., остается открытым⁸⁴⁰. Едва ли после целого года борьбы, шедшей с переменным успехом, Исаак II был готов так скоро признать Болгарию в качестве самостоятельного государства — первое известное нам официальное предложение о перемирии поступит болгарам лишь в 1195 г. от Алексея III⁸⁴¹. Никита Хониат ничего не сообщает ни о перемирии, ни о каких-либо соглашениях, заключенных между болгарами и Византией в 1187 г. Он пишет лишь, что «царь захватил тогда в плен жену Асана (Асеня — *А.Д.*) и взял в заложники брата его Иоанна (имеется в виду будущий царь Калоян — *А.Д.*); но, несмотря на то, дела пошли еще хуже»⁸⁴².

Упоминание о пленении жены Асеня и его брата едва ли может свидетельствовать об однозначном успехе, достигнутом мятежными болгарами. Между тем, оговорка Хониата о том, что «дела пошли еще хуже», исключает возможность предполагать подобный успех и за имперским центром. Скорее всего, военные действия между обеими сторонами просто прекратились на какое-то время ввиду общей для них необходимости урегулировать отношения с крестоносцами третьего крестового похода под предводительством Фридриха I Барбароссы.

«Областной сепаратизм» или возобновление былой государственности? Итак, на исходе XII в. на Балканах возникает целый ряд независимых славянских государств и отдельных политических образований: фактическую самостоятельность от пришедшей в полный упадок империи обретает Сербия великого жупана Стефана Немани, укрепляется Боснийская

Более подробный анализ событий 1186–1187 гг. см.: *Златарски В.* История на българската държава... Т. 2. С. 441–483.

⁸⁴⁰ В историографии представлены разные точки зрения по этому вопросу. Как таковая, гипотеза о Ловечском перемирии в свое время была тщательно разработана В. Златарским (*Златарски В.* История на българската държава... Т. 2. С. 468–469). В наши дни ее поддерживает, в частности, Г. Николов (*Николов Г.* Българите и византийската империя... С. 613–614), тогда как убежденным ее противником выступил И. Божилов (*Божилов И.* Седем етюда по средновековна история. София, 1995. С. 159–162).

⁸⁴¹ *Nicetas Choniata.* Historia... Р. 465.

⁸⁴² *Ibidem.* Р. 399.

держава бана Кулина (1180–1204), на юго-востоке Македонии, с центром в Просеке, оформляется княжество Добромира Хриза (1180-е — после 1201)⁸⁴³.

Казалось бы, с точки зрения Византии, события, развернувшиеся в болгарских землях в 1185–1186 гг. и в последующие годы органично вписываются в один ряд с сепаратистскими движениями на периферии имперских владений конца XII в. Тем не менее, в отличие от других случаев, процесс отделения от империи Болгарии имел принципиальную особенность. Она состояла в том, что болгары едва ли не единственные из всех подвластных Византии балканских народов могли опираться на прецедент существования в прошлом их собственной, независимой и при этом официально признанной со стороны Константинополя государственности (Первое Болгарское царство) и эксплуатировать в своих интересах историческую память о ней. С другой стороны, по сравнению с другими славянскими народами и группами на Балканах, именно болгары были дольше и глубже всего вовлечены в жизнь имперской государственности и полиэтничного византийского общества. Еще до завоевания начала XI в. Болгария в какой-то мере была «репродукцией византийской модели»⁸⁴⁴. Естественно, что в результате более чем полуторавекового единства с империей болгары не могли не быть затронуты византийским влиянием в самых разных областях своей жизни, включая представления о престижных и авторитетных, а потому эффективных формах легитимации политической власти⁸⁴⁵.

Проблема реконструкции средств легитимации верховной власти в Болгарии в 1185–1186 гг. неоднократно рассматривалась в новейших исследованиях. Среди них наиболее примечательны очерк И. Божилова,

⁸⁴³ Подробнее о сепаратистских тенденциях на Балканах в конце XII — начале XIII в. см.: *Литаврин Г.Г., Наумов Е.П.* Межэтнические связи и межгосударственные отношения на Балканах в VI–XII вв. // Раннефеодальные государства на Балканах (VI–XII вв.). М., 1985. С. 311; *Николов Г.* Вътрешнополитическото развитие на възобновеното Българско царство (края на XII — края на XIII в.): фактори и проблеми // ЗРВИ. Београд, 2009. Т. 36. С. 170–172; *Радић Р.* Обласни господари у Византији... С. 162, 193–205.

⁸⁴⁴ *Божилев И.* Седем етјода по средновековна история... С. 148.

⁸⁴⁵ Подробнее о роли византийского влияния и, в частности, идеи «трансляции империи», см.: *Tǎrkova-Zaitova V.* Restauration de la Bulgarie par les Assenides (Problèmes du pouvoir) // *ÉВ.* 1985. № 3. P. 27–36.

статьи Д.И. Польшанного о почитании святых в политической идеологии Болгарского царства и С.А. Иванова о формах легитимации верховной власти в Болгарии XI–XII вв.

Так, если Д.И. Польшанный обращает внимание, прежде всего, на византийские инструменты легитимации и апелляцию Петра и Асеня к заступничеству св. Димитрия⁸⁴⁶, то С.А. Иванов видит в этом лишь «стилизацию чужого под хорошо известное, свое». Тот факт, что братья прибегли не к помощи Христа или Богородицы, а к «местным святым», по мнению С.А. Иванова, свидетельствует о размежевании с византийским образцом для легитимации. По его мнению, «постоянное ощущение некоторой вторичности по отношению к соседней империи не отменяло у болгар потребности в собственной, местной, легитимации власти»: ей становится преемственность с Первым Болгарским царством⁸⁴⁷.

В свою очередь, И. Божилов усматривает в выступлении Петра и Асеня противопоставление ими самих себя василевсу-узурпатору Исааку II Ангелу и своей законной борьбы за воссоздание Болгарского царства — «тирании» со стороны «ромеев». Применив византийский девиз «тираническими средствами против тирании», братья апеллировали к конкретным «божественным знакам»: солнечному затмению 1185 г. и появлению в Тырново широко почитаемой иконы св. Димитрия Солунского — признакам Божьего гнева на «ромеев» и, напротив, благоволения свыше к болгарам⁸⁴⁸.

С учетом изложенных выше мнений современных исследователей, можно заключить, что легитимация восстания Петра и Асеня была обеспечена самыми разными средствами, ориентированными на разные группы внутри предполагаемой «целевой аудитории». Таким образом, само

⁸⁴⁶ *Polyviannyi D.I. The Cults of Saints in the Political Ideology of the Bulgarian Empire // Fonctions sociales et politiques du culte des saints dans les sociétés de rite grec et latin au Moyen Âge et à l'époque moderne. Approche comparative. Wrocław, 1999. P. 401–416.*

⁸⁴⁷ *Иванов С.А. Общественная мысль в Болгарии в XI–XIII вв. // Власть и общество в литературных текстах Древней Руси и других славянских стран (XII–XIII вв.). М., 2012. С. 100–101; Он же. Формы легитимации верховной власти в Болгарии XI–XII вв. // Славяне и их соседи. Вып. 12. Анфологион: власть, общество, культура в славянском мире в средние века. М., 2008. С. 66–75.*

⁸⁴⁸ *Божилев И., Гюзелев В. История на средновековна България. VII–XIV век (= История на България в три тома. Т. 1). София, 1999. С. 421–429.*

это восстание может быть представлено не как стихийный взрыв недовольства широких народных масс, но как тщательно спланированное предприятие, замысел которого должен был учитывать этноязыковую, социально-имущественную и культурную неоднородность населения в северо-восточной части болгарских земель, а также то обстоятельство, что на протяжении всего «лояльного столетия» бóльшая часть этого населения воспринимала византийскую власть как вполне легитимную⁸⁴⁹.

§ 2. Святость великомученика Димитрия Солунского

Вернемся к событиям 26 октября 1185 г., описанным в «Истории» Никиты Хониата, и тому отрывку из его сочинения, который служит для нас основным источником информации.

Напомним, что византийский автор сообщает буквально следующее: «Желая излечить своих земляков от трусости, братья построили церковь во имя мученика Димитрия, в которой собрали бесноватых из обоих родов (болгар и влахов? — *А.Д.*) с налитыми кровью, косящими глазами, с распущенными волосами и вообще точно изображавших все то, что делают люди, одержимые бесами. Асени внушили им говорить в исступлении, будто Бог благоволил даровать свободу болгарам и влахам, будто соизволил снять с их шеи временное ярмо и будто с этой целью Христов мученик Димитрий оставил Фессалонику, покинул тамошний храм, не захотел более жить с ромеями и перешел к ним, чтобы быть им помощником и сотрудником в их деле»⁸⁵⁰.

Итак, налицо явная апелляция к небесному покровительству, и в связи с этим закономерно возникает вопрос, почему именно св. Димитрий Солунский был избран Петром и Асенем в качестве покровителя их

⁸⁴⁹ *Иванов С.А.* Общественная мысль в Болгарии в XI–XIII вв... С. 99–100; *Он же.* Формы легитимации верховной власти в Болгарии XI–XIII вв... С. 67.

⁸⁵⁰ Цит. по: *Иванов С.А.* Общественная мысль в Болгарии в XI–XIII вв. ... С. 111–112; другой русский перевод: *Никиты Хониата* История... С. 22–23; греческий текст: *Nicetas Choniata. Historia...* P. 371.

предприятия? И был ли их выбор обусловлен какими-то локальными особенностями почитания этого святого, какой-то местной традицией?

Обратимся к истории почитания великомученика Димитрия — как в Византии, так и в славянских землях, от самых истоков этого культа и вплоть до интересующих нас событий, т.е. до конца XII в.

Кульτ св. Димитрия в Византии: от истоков до иконоборчества. В настоящее время св. великомученик Димитрий Солунский (Фессалоникийский), или Мироточивый — один из наиболее почитаемых Православной Церковью святых воинов. День его памяти традиционно отмечается 26 октября (8 ноября по н.ст.). Однако истоки культа и подробности земной жизни св. Димитрия (происхождение, социальное положение и т.д.), обстоятельства гибели и место захоронения его подлинных останков, окутаны неизвестностью.

Церковное предание гласит, что святой был казнен в Фессалонике за верность христианству около 306 г., при императорах Максимиане (имеется в виду Галерий) и Диоклетиане, и был захоронен где-то неподалеку от фессалоникийских терм⁸⁵¹. Тем не менее, некоторые исследователи полагают, что первоначально св. Димитрий почитался не в Фессалонике, но в Сирмии (совр. Сремска Митровица) — административном центре позднееримской префектуры Иллирик, откуда позднее, в связи с нападениями гуннов, культ великомученика и был перенесен в Фессалонику. Среди прочего, сторонники версии о сирмийском происхождении культа ссылаются на т.н. Сирийский мартиролог 411 г., в котором под 9 апреля указана память «в Сирмии Димитрия», и на мартиролог Иеронима Блаженного (ум. 419/420), где к этой же дате приурочена память «в Сирмии Димитрия диакона»⁸⁵². При этом сохранившийся в грузинском переводе иерусалимский лекционарий V–VII вв. относит память св. Димитрия к 13 февраля⁸⁵³, а практика празднования ее

⁸⁵¹ Иванова О.В., Турилов А.А., Лукашевич А.А., Преображенский А.С. Димитрий Солунский // ПЭ. Т. 15. М., 2007. С. 156.

⁸⁵² Там же. С. 157; Kazhdan A., Patterson Ševčenko N. Demetrios of Thessalonike // ODB. Vol. 1. P. 606.

⁸⁵³ Иванова О.В., Турилов А.А., Лукашевич А.А., Преображенский А.С. Димитрий Солунский... С. 174.

под 26 октября впервые засвидетельствована лишь применительно к началу VII в. в тексте первого собрания его «Чудес» (см. ниже)⁸⁵⁴. Добавим, что сам факт достаточно долгого бытования разных дат празднования памяти св. Димитрия стал основой для гипотезы о почитании в ранневизантийское время сразу нескольких разных святых с этим именем⁸⁵⁵.

В целом, вопрос о том, был ли некий сирмийский мученик Димитрий прототипом Димитрия Солунского, или это были разные святые, остается открытым⁸⁵⁶. С уверенностью можно констатировать лишь одно: свою широкую известность культ приобрел именно на фессалоникийской почве. Об этом свидетельствует, прежде всего, факт возведения в Фессалонике отдельного храма в честь св. Димитрия в виде огромной базилики (первоначально трехнефной, позже — пятинефной), которая существовала уже к концу V в.⁸⁵⁷ В свою очередь, внутри этого храма примерно в это же время возникает и знаменитый киворий — шестигранное, обложенное пластинами серебра деревянное сооружение на мраморном подножии, с пирамидальным завершением на столбах и двустворчатой дверью, в верхней части которого находился увенчанный крестом шар с основанием в виде цветка лилии. Дверь кивория открывалась в редких случаях для поклонения святому. Внутри находилось нечто, напоминающее ложе, а также, вероятно, два трона для икон самого св. Димитрия и некоей «госпожи Евтаксии» (букв.

⁸⁵⁴ Чудеса св. Димитрия Солунского // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2. (VII–IX вв.). М., 1995. С. 97.

⁸⁵⁵ См., например: *Бегунов Ю.К.* Греко-славянская традиция почитания Димитрия Солунского и русский духовный стих о нем // *BSI*. 1975. Т. 35 (2). С. 149; *Walter J.* St. Demetrius: The Myroblitos of Thessalonika // *ECR*. 1973. Vol. 5. № 2. P. 159.

⁸⁵⁶ Помимо «сирмийской», существуют и другие версии проникновения культа св. Димитрия в Фессалонику. Так, Д. Вудс из Ирландского национального университета (Корк) выдвинул гипотезу о перенесении культа св. Эметерио-Димитрия из испанского Калагурриса (совр. Калаорра). — *Woods D.* Thessalonica's Patron: Saint Demetrius or Emeterius? // *Harvard Theological Review*. 2000. Vol. 93. P. 221–34 [доступно 25.05.2016: <http://www.ucc.ie/milmart/demorig.html>].

Подробнее об исследованиях, посвященных становлению культа св. Димитрия см.: *Bauer F.A.* Eine Stadt Thessaloniki und ihr Patron Heilige Demetrios. Berlin, 2013. S. 27–39 (с этой работой я познакомилась благодаря указанию А.Ю. Виноградова, которому приношу глубокую благодарность); *Tóth P.* Sirmian Martyrs in Exile. Pannonian Case-Studies and a Re-Evaluation of the St. Demetrius Problem // *BZ*. 2010. Bd. 103/1. S. 145–170.

⁸⁵⁷ *Казарян А.Ю., Саенкова Е.М., Сусленков В.Е.* Димитрия Солунского великомученика базилика в Фессалонике // ПЭ. Т. 15. М., 2007. С. 199–204.

Благочиние), под которой могла иметься в виду Богоматерь⁸⁵⁸. Киворий воспринимался как жилище святого⁸⁵⁹, хотя едва ли там действительно хранились его мощи⁸⁶⁰. Так, Р. Кормак был склонен считать, что киворий использовался исключительно как монументальное хранилище для чтимых икон⁸⁶¹.

Вскоре, в VI — начале VII в. складывается и первоначальное ядро будущего фонда книжных текстов, связанных с почитанием св. Димитрия, куда входят несохранившееся до наших дней его древнейшее «Мученичество», написанное около VI в. неизвестным автором⁸⁶², и первое собрание его «Чудес», составленное Фессалоникийским архиепископом Иоанном (Собрание I)⁸⁶³.

С середины VI в. культ великомученика начинает распространяться из Фессалоники в другие владения Ранней Византии. Так, в частности, базилика, посвященная св. Димитрию, возникает в эпирском Никополе (совр. Превеза)⁸⁶⁴, а позже выходцы с греческого востока империи переносят традицию почитания великомученика в Италию, где его изображения появляются в составе мозаик центрального нефа храма Сант Аполлинаре

⁸⁵⁸ О возможном тождестве «госпожи Евтаксии» и Богоматери см.: *Стерлигова И.А.* Византийский мощевик Димитрия Солунского из Московского Кремля // Дмитриевский собор. К 800-летию памятника. М., 1997. С. 263.

Подробнее о кивории см.: *Pallas D.I.* Le ciborium hexagonal de St.-Démétrios de Thessalonique // Зограф. 1979. Т. 10. Р. 46–58.

⁸⁵⁹ *Грабар А.* Няколко мощехранителници на свети Димитър и маририума на светеца в Солун // *Он же.* Избрани съчинения. София, 1982. С. 136.

⁸⁶⁰ *Казарян А.Ю., Саенкова Е.М., Сусленков В.Е.* Димитрия Солунского великомученика базилика... [доступно 25.05.2016: <http://www.pravenc.ru/text/178245.html>].

Подробнее о трансформации кивория см. также: *Μέντζος Ά.* Το προσκύνημα τοῦ Ἁγίου Δημητρίου Θεσσαλονίκης στὰ βυζαντινά χρόνια. Ἀθήνα, 1994. Σ. 56–67, 140–150.

⁸⁶¹ *Cormack R.* Writing in Gold. Byzantine Society and Its Icons. London, 1985. P. 63.

⁸⁶² *Булагин Д.М.* Мучение Димитрия Солунского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI — первая половина XIV в. Л., 1987. С. 260; *Иванова О.В., Турилов А.А., Лукашевич А.А., Преображенский А.С.* Димитрий Солунский... С. 157.

⁸⁶³ ВHG. Т. 1. Р. 154–156. № 499–516**.; *Lemerle P.* Les plus anciens recueils des miracles de Saint-Démétrius et la penetration des Slaves dans les Balkans. Vol. 1. Paris, 1979. P. 50–165; *Miraculorum s. Demetrii martyris liber I* // PG. Т. 116. Col. 1203–1324.

См. также: Чудеса св. Димитрия Солунского... С. 182; *Иванова О.В., Турилов А.А., Лукашевич А.А., Преображенский А.С.* Димитрий Солунский... С. 160–161.

⁸⁶⁴ *Иванова О.В., Турилов А.А., Лукашевич А.А., Преображенский А.С.* Димитрий Солунский ... С. 165.

Нуово в Равенне (60-е гг. VI в.)⁸⁶⁵ и в росписях храма Санта Мария Антиква в Риме (ок. 649)⁸⁶⁶.

К концу VI — началу VII в. относятся и первые сведения об интересе к культу со стороны византийских императоров. Так, судя по одному из рассказов о чудесах св. Димитрия (в составе Собрания I) уже император Маврикий (582–602) изъявляет желание заполучить мощи мученика для помощи на войне. Однако сверхъестественное вмешательство самого святого остановило раскопки на предполагаемом месте их захоронения, и императору был привезен лишь благоуханный прах с места раскопок⁸⁶⁷.

Интерес императоров к культу св. Димитрия отнюдь не сводился только к желанию иметь свободный доступ к его мощам. Еще одним характерным проявлением этого интереса стало покровительство царствующих особ над самой Фессалоникой, которая и так представляла собой один из важнейших в военно-стратегическом и экономическом плане городов империи, и, особенно, над фессалоникийской базиликой св. Димитрия и ее клиром. Так, достоверно известно, что в 688–689 гг. Юстиниан II (685–695, 705–711) издал специальный указ о передаче базилике доходов от городского соляного промысла (вероятно, ранее он принадлежал императору) — чрезвычайно щедрый дар по меркам того времени⁸⁶⁸.

Между тем, к началу VII в. сам образ св. Димитрия имел уже вполне сложившиеся черты, что, в свою очередь, отразилось как в письменных, так и в изобразительных памятниках. На ранних вотивных мозаиках из фессалоникийской базилики великомученик предстает в образе прекрасного юноши-патриция, в одеждах с тавлионом, молящимся или проявляющим участие к тем, кто ищет его покровительства⁸⁶⁹. Иначе говоря, для верующих

⁸⁶⁵ Там же. С. 179.

⁸⁶⁶ Bauer F.A. Eine Stadt Thessaloniki und ihr Patron... S. 318–320.

⁸⁶⁷ ВHG. Т. 1. P. 154. № 504–504b; Lemerle P. Les plus anciens recueils des miracles de Saint-Démétrius... Vol. 1. P. 87–90; Miraculorum s. Demetrii martyris liber I // PG. Т. 116. Col. 1240–1241.

⁸⁶⁸ Подробнее об этом указе и его текст см.: Указ о царском дарении в пользу храма св. Димитрия в Фессалонике // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2. (VII–IX вв.). М., 1995. С. 213–217.

⁸⁶⁹ Казарян А.Ю., Саенкова Е.М., Сусленков В.Е. Димитрия Солунского великомученика базилика... С. 200–203; Лазарев В.Н. История византийской живописи. М, 1986. Табл. 38–43.

V–VII вв. св. Димитрий — прежде всего духовный помощник, заступник перед Богом в земных скорбях и в ожидании Страшного Суда⁸⁷⁰. Тем не менее, уже с началом VII в. в книжно-письменной традиции, связанной с великомучеником, начинает складываться совсем иной его образ, как нельзя более соответствующий тем обстоятельствам, в которых в это время оказалась сама Фессалоника.

Речь идет о нависшей над городом угрозе со стороны аваро-славянских «варваров»-язычников, столь красочно описанной в древнейших собраниях «Чудес» св. Димитрия — особенно в Собрании II⁸⁷¹. И именно в них св. Димитрий впервые выступает уже не как прекрасный и знатный юноша, но как «тяжеловооруженный воин»⁸⁷², «муж огненный и сияющий, сидящий на белом коне и одетый в белую одежду»⁸⁷³. Согласно «Чудесам», по отношению к своему «родному» городу он оказывает «уже не духовное заступничество, но зримую очам помощь»⁸⁷⁴. Подобную перемену можно наблюдать и в самом именовании св. Димитрия: наряду с относительно нейтральными эпитетами типа «милосердный и сострадательный», «преславный» и т.п., появляется эпитет «победоносец»⁸⁷⁵, который впоследствии становится своего рода его «вторым именем»⁸⁷⁶.

Как таковая, эта «военная» трансформация образа св. Димитрия имела место лишь в русле книжно-письменной традиции и никак не отразилась в византийской иконографии доиконоборческого времени. Однако впоследствии именно эта, воинская ипостась св. Димитрия приобретет особую значимость для византийских императоров, вследствие чего образ юноши-патриция окончательно уступит место образу победоносного воина

Подробнее об этих мозаиках см.: *Бельтинг Х.* Образ и культ. История образа до эпохи искусства. М., 2002. С. 105–109, 118–119; *Cormack R.* Writing in Gold... P. 81, 82, 87–92.

⁸⁷⁰ *Cormack R.* Writing in Gold... P. 66.

⁸⁷¹ ВHG. Т. 1. P. 157–158. № 516z–523; *Lemerle P.* Les plus anciens recueils des miracles de Saint-Démétrius... Vol. 1. P. 168–241; *Miraculorum s. Demetrii martyris liber II auctore anonymo* // PG. Т. 116. Col. 1325–1384.

⁸⁷² Чудеса св. Димитрия Солунского... С. 105.

⁸⁷³ Там же. С. 123.

⁸⁷⁴ Там же. С. 105.

⁸⁷⁵ Там же. С. 182.

⁸⁷⁶ См., например: *Ioannes Scylitzaes.* Synopsis historiarum (= Corpus fontium historiae byzantinae. Vol. 5) / Rec. I. Thurn. Berolini et Novi Eboraci, 1973. P. 345.

(см. ниже). И именно в этом «военизированном» образе св. Димитрий примет под свое покровительство уже не только свой «родной» город, но и всю послеиконоборческую империю⁸⁷⁷.

Кульτ св. Димитрия в Византии: после иконоборчества. Сложившись в Ранней Византии, культ св. Димитрия почти не оставил следов, относящихся к периоду иконоборчества (726–843). Характерно, что в главном письменном памятнике этого времени, «Хронографии» Феофана Исповедника имя «Димитрий» не встречается ни разу⁸⁷⁸.

Тем не менее, в годы краткого возобновления иконопочитания (787–815) и, вероятно, в течение второго периода иконоборчества (815–843) культ св. Димитрия довольно быстро «оживает», о чем свидетельствуют, среди прочего, новое похвальное слово в его честь, составленное между 803 и 809 г. архиепископом Фессалоникийским Иосифом⁸⁷⁹, и прославляющий великомученика богослужебный канон знаменитого гимнографа Феофана⁸⁸⁰. И все же, полномасштабное возрождение культа св. Димитрия происходит только после окончательного восстановления иконопочитания и, особенно, в период правления императоров из Македонской династии (867–1056)⁸⁸¹.

Прежде всего, это выразилось в значительном расширении связанного с культом фонда книжных текстов⁸⁸². Так, три речи собственного сочинения посвятил св. Димитрию сам император Лев VI Мудрый (886–912)⁸⁸³.

⁸⁷⁷ Подробнее о «военизированном» образе великомученика и его «военных» атрибутах см.: *Grotowski P. Arms and Armour of the Warrior Saints. Tradition and Innovation in Byzantine Iconography (843–1261)* (= *The Medieval Mediterranean. Peoples, Economies and Cultures, 400–1500. Vol. 87*). Leiden, 2010. P. 125–179, 183–234, 238–243, 254–265, 277–281, 289–293, 313–318, 329–357; *Walter J. St. Demetrius...* P. 174–175.

О трансформации иконографии святого см. также: *Bauer F.A. Eine Stadt Thessaloniki und ihr Patron...* S. 238–281; *Walter Chr. The Warrior Saints in Byzantine Art and Tradition*. Ashgate; Ann Arbor, 2003. P. 76–80.

⁸⁷⁸ *Kazhdan A.P. Demetrios, Personal Name* // ODB. Vol. 1. P. 604.

⁸⁷⁹ ВHG. Т. 1. P. 160. № 535.

См. также: *Баришић Ф. Чуда Димитрија Солунског као историски извор*. Београд, 1953. С. 19.

⁸⁸⁰ *Миня на октябрь*. М., 1980. С. 657.

См. также: *Иванова О.В., Турилов А.А., Лукашевич А.А., Преображенский А.С. Димитрий Солунский...* С. 176.

⁸⁸¹ *Grotowski P. Arms and Armour of the Warrior Saints...* P. 107–113.

⁸⁸² Подробнее о гимнографии в честь великомученика см.: *Μέντζος Α. Τό προσκύνημα τοῦ Ἁγίου Δημητρίου Θεσσαλονίκης...* Σ. 90–96, 106–112.

⁸⁸³ ВHG. Т. 1. P. 160. № 536–538; [*Λέων ὁ Σοφός, βασιλέυς*]. Λογος ΙΖ // *Leonis VI Sapientis imperatoris byzantini homiliae* (= *Corpus christianorum. Series graeca. Vol. 63*) / Ed. Th. Antonopoulou. Turnhout, 2008. Σ. 243–257; *Idem. Λογος ΙΗ* // *Ibidem*. Σ. 259–261; *Idem. Λογος ΙΘ* // *Ibidem*. Σ. 263–265.

Несколько ранее, на основе несохранившегося текста VI в., возникло т.н. «Мученичество» св. Димитрия I редакции, отразившееся в знаменитой «Библиотеке» патриарха Фотия⁸⁸⁴, а в 876 г. даже переведенное Анастасием Библиотекарем с греческого языка на латынь⁸⁸⁵. Примечательно, что в этой, самой ранней из всех дошедших до нас редакции «Мученичества» все еще отсутствуют какие-либо сведения о происхождении самого св. Димитрия и его земной жизни⁸⁸⁶.

Однако нарастающий интерес византийского общества к предполагаемой «биографии» великомученика становится стимулом для появления новых редакций «Мученичества», авторы которых стремятся восполнить имеющийся недостаток. Так, вероятно, уже в конце IX — начале X в. возникает т.н. «Другое мученичество (*Passio altera*)» св. Димитрия, в котором он оказывается наделен знатным происхождением и успешной карьерой на императорской службе, описываются его проповедническая деятельность, чудеса в заключении (избавление от скорпиона, явление ангела) и дружба с учеником Нестором⁸⁸⁷. Т.н. «Третье мученичество (*Passio tertia*)», составленное Симеоном Метафрастом примерно в 960-е гг., добавило к предполагаемой «биографии» св. Димитрия подробности обретения его нетленных мощей во время строительства базилики в его честь в Фессалонике при епархе Леонтии⁸⁸⁸. Усилился интерес и к посмертным чудесам великомученика. Это привело к возникновению нового, третьего по счету собрания «Чудес» св. Димитрия (Собрание III), согласно которому он

См. также: *Иванова О.В., Турилов А.А., Лукашевич А.А., Преображенский А.С.* Димитрий Солунский... С. 164, 167; *Баришић Ф.* Чуда Димитрија Солунског... С. 20.

Подробнее об отношении Льва VI к культу св. Димитрия см.: *Дагрон Ж.* Император и священник. Этюд о византийском «цезарепапизме». СПб., 2010. С. 257, 265–266; *Macrides R.J.* Subversion and Loyalty in the Cult of Saint Demetrios // BSl. Т. 51 (2). 1990. P. 189–197; *Magdalino P.* Saint Demetrios and Leo VI // BSl. 1990. № 51 (2). P. 198–201.

⁸⁸⁴ BHG. Т. 1. P. 153. № 496b; Photii Myriobiblion sive Bibliotheca // PG. Т. 104. Col. 104–105.

⁸⁸⁵ Anastasii abbatis, Sanctae Romanae Ecclesiae presbyteri et bibliothecarii Passio s. Demetrii martyris // PL. Т. 129. Col. 715–726.

⁸⁸⁶ *Иванова О.В., Турилов А.А., Лукашевич А.А., Преображенский А.С.* Димитрий Солунский... С. 156.

⁸⁸⁷ BHG. Т. 1. P. 153. № 497–497b; S. Demetrii martyris Passio altera auctore anonymo // PG. Т. 116. Col. 1173–1184.

⁸⁸⁸ BHG. Т. 1. P. 153. № 498; Passio tertia s. Demetrii martyris auctore Simeone Metaphrastae // PG. Т. 116. Col. 1185–1202.

творит свои благодеяния уже не только в Фессалонике или Константинополе, но и во Фракии, Каппадокии и даже в Италии⁸⁸⁹.

Еще одной важной чертой почитания св. Димитрия в послеиконоборческой Византии стала окончательная стабилизация даты празднования его памяти под 26 октября, на что указывает уже константинопольский Типикон Великой церкви IX–X вв., а позже Студийско-Алексиевский Типикон 1034 г. и другие памятники⁸⁹⁰.

Не менее красноречив и факт появления в это время в Константинополе первых храмовых зданий, посвященных св. Димитрию. Древнейшее из них, по всей видимости, возводит (или перестраивает) в константинопольском квартале Девтерон уже сам основатель Македонской династии, император Василий I Македонянин (867–886)⁸⁹¹. В правление его сына Льва VI Мудрого возникает особый придел в честь св. Димитрия в дворцовой церкви Богоматери Фаросской. И это тем более примечательно, что сама Фаросская церковь представляла собой совершенно исключительное явление, причем в масштабах не только византийской столицы, но и всей империи, и даже всего христианского мира. Именно здесь хранилось (вплоть до 1204 г.) то не имевшее себе равных собрание христианских священных реликвий, которое на протяжении веков ревностно собирали византийские императоры, и которое, среди прочего, включало в себя такие величайшие святыни как Страстные реликвии Самого Христа⁸⁹².

Наконец, в послеиконоборческий период меняются и господствующие среди верующих представления о месте нахождения мощей св. Димитрия в его главном святилище в Фессалонике. Теперь считалось, что останки великомученика покоятся в особом ковчеге («ларнакс») внутри саркофага

⁸⁸⁹ ВHG. Т. 1. P. 158–159. № 524–531; *Miraculorum s. Demetrii martyris liber III auctore anonymo altero* // PG. Т. 116. Col. 1384–1398.

⁸⁹⁰ *Иванова О.В., Турилов А.А., Лукашевич А.А., Преображенский А.С.* Димитрий Солунский... С. 174–175.

Подробное исследование текстов, связанных с традицией почитания св. Димитрия, см.: *Russell E.* St. Demetrius of Thessalonica. Cult and Devotion in the Middle Ages. Oxford, 2010.

⁸⁹¹ *Иванова О.В., Турилов А.А., Лукашевич А.А., Преображенский А.С.* Димитрий Солунский... С. 166.

⁸⁹² О Фаросской церкви, составе и последующей судьбе хранившихся в ней реликвий подробнее см.: *Лидов А.М.* Церковь Богоматери Фаросской. Императорский храм-реликварий как константинопольский Гроб Господень // *Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. К 2000-летию христианства (памяти О.И. Подобедовой).* М., 2005. С. 79–101.

(«сорос»), который, в свою очередь, находился в мраморном кивории, сменившем прежний серебряный⁸⁹³.

Однако подлинный расцвет культа фессалоникийского великомученика приходится на время правления императоров из династии Комнинов (1081–1185). Именно в этот период культ пользуется наибольшим вниманием со стороны царствующих особ и обретает нарочито официальное, «имперское» звучание. Так, в частности, если до того изображения св. Димитрия могли присутствовать лишь на печатях отдельных должностных лиц и военачальников⁸⁹⁴, то при Алексее I (1081–1118), Иоанне II (1118–1143) и Мануиле I (1143–1180) они появляются и на византийских монетах⁸⁹⁵.

Особая заслуга в «имперской централизации» культа принадлежит Мануилу I Комнину. Именно в его правление в 1143 (или 1149) г. из фессалоникийской базилики св. Димитрия в константинопольский монастырь Пантократора, родовую усыпальницу Комнинов⁸⁹⁶, переносится чтимый чудотворный покров с гробницы великомученика, украшенный его изображением⁸⁹⁷, после чего, по распоряжению самого императора, видный византийский книжник Георгий Скилица составляет в честь великомученика еще один богослужебный канон⁸⁹⁸.

Прямое участие царствующих особ в укреплении культа св. Димитрия свидетельствовало не только об уважительном отношении к мученику с их

⁸⁹³ Иванова О.В., Турилов А.А., Лукашевич А.А., Преображенский А.С. Димитрий Солунский... С. 158.

⁸⁹⁴ См., например, печати Филарета Врахамия 1060-х гг. и позднейшего времени из Эрмитажа (№ М-5515, М-6696 и М-8002). — Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки. Вып. 2. М., 1977. С. 138. № 731, 732, 735.

⁸⁹⁵ Sear D.R. Byzantine Coins and Their Values. London, 1987. № 1904–1905 (Алексей I, номисма), 1908 (Алексей I, ½ милиаресия), 1955 (Иоанн II, ½ тетартерона), 1974 (Мануил I, аспр трахи).

Более того, образ св. Димитрия на монетах Алексея I Комнина становится самым ранним в византийской нумизматике изображением святого воина вообще. — Шандровская В.С. Изображения святых воинов в византийской сфрагистике и нумизматике // Византия и Ближний Восток. СПб., 1994. С. 71.

⁸⁹⁶ О роли монастыря Пантократора в жизни императорской семьи и Константинополя в целом подробнее см.: Cutler A., Talbot A.-M. Pantokrator Monastery in Constantinople // ODB. Vol. 3. P. 1575.

⁸⁹⁷ ΒΗΓ. Τ. 1. Ρ. 159. № 533; Μνήμη τῆς ἀπὸ Θεσσαλονίκης εἰσελεύσεως τοῦ περιώνυμου Δημητρίου, τοῦ πρότερον ἐπικεμένου τῆ μυροβρύτῳ σορῶ // Παπαδόπουλος-Κεραμεύς Α. Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμίτικῆς Σταχυολογίας. Τ. Δ'. Ἐν Πετρούπολει, 1897. Σ. 238–246.

См. также: Иванова О.В., Турилов А.А., Лукашевич А.А., Преображенский А.С. Димитрий Солунский... С. 166; Тъпкова-Займова В. Изображенията на св. Димитър Солунски и писмената димитриевска традиция // ГСУ НЦСВП. 2006. Т. 94 (13). С. 151; Тъпкова-Займова В. Quelques représentations iconographiques de St. Démétrius et l'insurrection des Assénides — première scission dans son culte «œcuménique» // ВВг. 1978. Т. 5. Р. 263–264.

⁸⁹⁸ Иванова О. В., Турилов А. А., Лукашевич А. А., Преображенский А. С. Димитрий Солунский... С. 166, 176.

стороны. Это была еще и своеобразная просьба о покровительстве в расчете на то, что помощь святого и чудотворный потенциал его реликвий укрепят императорскую власть и принесут победу над врагами, как внешними, так и внутренними. В разное время императорская власть искала «руки помощи» со стороны особо чтимых святых и, среди прочего, поддерживала на официальном уровне культ реликвий рук св. Стефана и св. Иоанна Предтечи⁸⁹⁹. Не стал исключением в этом отношении и культ св. Димитрия. Так, уже во второй половине X в. придворный поэт Иоанн Геометр в своих эпиграммах описывает св. Димитрия как «вооруженного» «предводителя Фессалоники»⁹⁰⁰, «воина Премудрости»⁹⁰¹. Обращаются к великомученику с просьбой о помощи или с благодарностью за нее и сами императоры. Василий II Болгаробойца посещает Фессалонику после победы над правителем Болгарии Самуилом, чтобы лично отблагодарить св. Димитрия⁹⁰². Алексей I Комнин перед сражением с сицилийскими норманнами около 1083 г. видит пророческий сон, в котором св. Димитрий предвещает ему триумф над врагом⁹⁰³.

В свою очередь, все это находит свое выражение и в византийской книжности и письменности: в известной хронике Иоанна Скилицы прославленная фессалоникийская базилика св. Димитрия именуется храмом «Победоносца» Димитрия⁹⁰⁴, а сам «святой воин» Димитрий фигурирует в эпосе о Дигенисе Акрите (X в.) как помощник и покровитель главного героя⁹⁰⁵. Однако нагляднее всего новые, «военизированные» грани образа св. Димитрия отражаются в византийской иконографии, в рамках которой его

⁸⁹⁹ О роли реликвий и культа святых в византийской имперской доктрине и церемониальной практике подробнее см.: *Kalavrezou I. Helping Hands for the Empire: Imperial Ceremonies and the Cult of Relics at the Byzantine Court // Byzantine Court Culture from 829 to 1204. Washington, 1997. P. 53–54.*

⁹⁰⁰ *Ἰωάννης ὁ Γεωμέτρης. Εἰς τὸν ἅγιον Δημήτριον (= Numéro 62 — sur Saint Démétrios) // Jean Géomètre. Poèmes en hexamètres et en distiques élégiaques / Edition, traduction et commentaire par Emilie Marlène van Opstall (= The Medieval Mediterranean. Peoples, Economies and Cultures, 400–1500. Vol. 75). Leiden; Boston, 2008. P. 218.*

⁹⁰¹ *Idem. Εἰς τὸν αὐτόν (= Numéro 63 — sur le même) // Ibidem. P. 222.*

⁹⁰² *Ioannes Scylitzaes. Synopsis historiarum... P. 339.*

⁹⁰³ *Anna Comnena. Alexias / Rec. D.R. Reinsch et A. Kambylis (= Corpus fontium historiae byzantinae. Vol. 40/1). Berolini et Novi Eboraci, 2001. P. 155–156.*

⁹⁰⁴ *Ioannes Scylitzaes. Synopsis historiarum... P. 345.*

⁹⁰⁵ *Digenis Akritis. The Grottaferrata and Escorial Versions / Ed. and trans. by E. Jeffreys. Cambridge, 1998. P. 4, 192.*

все чаще представляют не как патриция, но как воина. Примечательно, что именно в таком виде св. Димитрий появляется на одной из миниатюр знаменитой Псалтири Василия II Болгаробойцы, где образ великомученика оказывается включен в число изображений святых воинов, окружающих фигуру самого императора⁹⁰⁶. Этот же новый образ Димитрия-воина начиная с X в. передают и произведения мелкой пластики: резная икона слоновой кости второй половины X в.⁹⁰⁷, стеатитовая икона XI в. из Московского Кремля⁹⁰⁸ и др. Вероятно, эти предметы принадлежали византийским военным средней руки и, следовательно, должны были отражать восприятие святого со стороны относительно широких кругов верующих. О том же, что «военизированный» образ св. Димитрия в это время становится известен и в более высокопоставленной среде, свидетельствует, в частности, резной триптих слоновой кости X–XI вв. с изображением свв. Сорока мучеников Севастийских и других свв. воинов, включая Димитрия, ныне хранящийся в Эрмитаже⁹⁰⁹.

При этом не исчезает полностью и старая, «патрицианская» иконография св. Димитрия. Именно в этой своей ипостаси он выступает на энколпионе из Хальберштадта (ок. 1000)⁹¹⁰, на эмалевой иконе (или детали книжного оклада) первой половины XI в. из Берлина⁹¹¹, на знаменитом Арбавилльском триптихе слоновой кости середины XI в. из Лувра⁹¹², на рельефе XII в. из монастыря Ксиропотам на Афоне⁹¹³ и даже на мозаичной иконе второй половины того же века из афонского монастыря Ксеноф⁹¹⁴. Более того, из эпиграммы византийского книжника Мануила Страворомана известно, что некая икона св. Димитрия в облике юноши-патриция

⁹⁰⁶ Венеция, Biblioteca Marciana, Ms. gr. z 17. fol. IIIr. — *The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era. A.D. 843–1261.* New York, 1997. P. 186; *Cormack R. Writing in Gold...* P. 183.

⁹⁰⁷ Нью-Йорк, Музей Метрополитэн, № 1970.324.3. — *The Glory of Byzantium...* № 81. P. 135.

⁹⁰⁸ Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», № 16387 охр. — *Искусство Византии...* Вып. 2. № 613. С. 112.

⁹⁰⁹ С.-Петербург, Государственный Эрмитаж, № 6299. — Там же. № 592. С. 103.

⁹¹⁰ Сокровищница собора, Halberstadt (16a). — *The Glory of Byzantium...* P. 161. № 108.

⁹¹¹ Берлин, Staatliche Museen zu Berlin Kunstgewerbemuseum (27.21). — *Ibidem.* P. 160–161. № 107.

⁹¹² Париж, Лувр, № OA 3247. — *Ibidem.* P. 133–134. № 80.

⁹¹³ *Treasures of Mount Athos. Thessaloniki, 1997.* P. 276. № 6.8.

⁹¹⁴ *Лазарев В.Н. История византийской живописи...* С. 97. Табл. 323.

принадлежала императору Алексею I Комнину⁹¹⁵. Однако в XII в. этот иконографический тип св. Димитрия уже практически выходит из употребления, и в большинстве случаев: не только на иконах, живописных⁹¹⁶ или резных⁹¹⁷, и печатях военачальников⁹¹⁸, но и на дорогих камнях⁹¹⁹, — великомученик предстает именно в образе воина.

Таким образом, к концу XII в. культ св. Димитрия достигает своего наивысшего расцвета и становится по-настоящему «имперским». Особую роль в распространении культа играет политика императорской власти, которая выпускает монеты с изображениями св. Димитрия, организует перенесение в столицу его чтимых святынь и все чаще связывает с его помощью свои победы и достижения. Повышенное внимание императорской власти к культу ведет к тому, что правители других государств, равняясь на Византию, также прибегают к культу св. Димитрия в интересах укрепления собственной власти. Так, норманнско-сицилийский король Рожер II (1130–1154), стремясь «окружить свою власть корсара ореолом византийского величия и блеска, который помог бы ему санкционировать его непомерно возросшие политические требования», приказывает включить образ св. Димитрия в состав мозаической росписи храма в Чефалу⁹²⁰. Кроме того, в 1140–1148 гг. изображение великомученика появляется и на монетах Сицилийского королевства⁹²¹.

⁹¹⁵ *Walter J. St. Demetrius...* P. 167.

Подробнее о почитании великомученика императором Алексеем I см.: *Bauer F.A. Eine Stadt Thessaloniki und ihr Patron...* S. 284–288.

⁹¹⁶ См., например, известную живописную икону свв. воинов Георгия, Феодора и Димитрия конца XI — начала XII в. из Эрмитажа (Государственный Эрмитаж, № I 183). — *Искусство Византии...* Вып. 2. С. 28. № 471; *The Glory of Byzantium...* P. 122–123. № 69.

⁹¹⁷ См., например, найденную в Херсонесе резную стеатитовую икону свв. воинов Феодора, Георгия и Димитрия XII в. (Херсонесский музей-заповедник, № 84/36 445). — *Искусство Византии...* Вып. 2. С. 114. № 616; *The Glory of Byzantium...* P. 300–301. № 203.

Не менее примечательна и резная (из темного сланца) икона свв. воинов Георгия и Димитрия конца XI — XII в., также происходящая из Херсонеса и в настоящее время хранящаяся в Эрмитаже (Государственный Эрмитаж, № x 103). — *Искусство Византии...* Вып. 2. С. 113. № 615.

⁹¹⁸ См., например, моливдовул Льва Врахамия XII в. (Государственный Эрмитаж, № M-11919). — *Искусство Византии...* Вып. 2. № 840. С. 151.

⁹¹⁹ См., например, камю из Национальной библиотеки Франции (Paris, Bibliothèque Nationale de France, Cabinet des Médailles (Babelon 342)). — *The Glory of Byzantium...* P. 178. № 132.

⁹²⁰ *Лазарев В.Н. История византийской живописи...* С. 95.

⁹²¹ *Morrison C. The Emperor, the Saint, and the City: Coinage and Money in Thessalonike from the Thirteenth to the Fifteenth Century // DOP. 2003. Vol. 57. P. 186–187.*

В этом отношении сопредельные с Византией славянские страны, связанные с ней общей религией и подчас общей политической историей, не составляли исключения⁹²². Культ св. Димитрия проникает туда вместе с христианством и развивается по тем же законам, что и в самой Византии, минуя, однако, «патрицианский» этап. Более того, в конце XII в. сразу в двух православных славянских странах именно культ св. Димитрия оказывается востребован в качестве средства укрепления политической власти (см. ниже).

Культ св. Димитрия у православных славян. Проникновение культа св. Димитрия Солунского в славянские земли неразрывно связано с деятельностью свв. Константина-Кирилла Философа и Мефодия, которые сами были уроженцами Фессалоники и, следовательно, с самого детства должны были быть так или иначе причастны к почитанию великомученика, а также их учеников и ближайших последователей.

Неслучайно поэтому именно св. Димитрий стал небесным покровителем образованной в 869 г. Паннонской (Сирмийской) архиепископии, в столице которой, Сирмии (совр. Сремска Митровица — букв. «Дмитровица»), великомученику была посвящена соборная церковь, и которую вплоть до своей смерти (885) возглавлял сам св. Мефодий. Кроме того, по свидетельству Пространного жития последнего, именно в день памяти св. Димитрия (26 октября) он и закончил свою работу по переводу Библии на славянский язык. Вероятно, в знак благодарности великомученику св. Мефодий вместе с учениками составил в его честь отдельную службу, из которой до нас дошел лишь канон⁹²³.

⁹²² *Obolensky D.* The Cult of St. Demetrius of Thessaloniki in the History of Byzantine-Slav Relations // BSt. 1974. Vol. 15. № 1. P. 3–20.

⁹²³ *Ангелов Б.Ст.* Канон за Димитър Солунски // *Он же.* Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1958. С. 19–23.

См. также: *Калиганов И.И.* Болгарская литература // История литератур западных и южных славян. М., 1997. Т. 1. С. 119; *Темчин С.Ю.* Этапы становления славянской гимнографии (863 г. — около 1097 года). Часть первая // Сл. 2004. № 2. С. 34; *Кожухаров С.* Канон за Димитър Солунски // Кирилometодиевска енциклопедия. Т. 2. София, 1995. С. 215–217; *Мирчева Б.* Един акростих — криптограмма на Константин Преславски в Канон за св. Димитър Солунски // WSJ. 2004. Bd. 50. С. 71–93; *Nichoritis K.* Unknown Stichera to St. Demetrius by St. Methodius // The Legacy of Saints Cyril and Methodius to Kiev and Moscow. Thessaloniki, 1992. P. 79–85.

Отдельное «Похвальное слово» посвятил св. Димитрию и один из ближайших учеников свв. Константина-Кирилла и Мефодия, Климент Охридский (ум. 916)⁹²⁴. Примечательно, что впоследствии его «Наставления о праздниках» и общее «Поучение в честь апостола или мученика» были переделаны в «Поучения» именно в честь св. Димитрия. Причем редактор не просто заменил «имярек» на «св. Димитрий», но и добавил в текст некоторые житийные подробности⁹²⁵. Имя св. Димитрия в числе имен прочих великомучеников фигурирует и в других древнейших памятниках кирилло-мефодиевской традиции: «Молитве против дьявола» 70-х гг. IX в.⁹²⁶ и «Молитве Святой Троице», написанной, вероятно, до 1096 г. в Сазавском монастыре в Чехии⁹²⁷.

Помимо оригинальных славяноязычных сочинений, известны стали в славянских землях и посвященные св. Димитрию переводные греческие памятники: не позднее начала X в. в Болгарии (или еще в Великой Моравии)⁹²⁸ был выполнен перевод дометафрастовского т.н. «Другого Мученичества» (*Passio altera*)⁹²⁹, и, возможно, еще в X в. там же были переведены отдельные повести о чудесах св. Димитрия вместе с вступлением к Собранию I и «Похвальным словом» архиепископа Иоанна⁹³⁰.

Об укоренении культа св. Димитрия в славянских землях свидетельствует и тот факт, что уже в первой половине X в. имя «Димитрий» носил один из болгарских жупанов. Это следует из текста одной из самых

⁹²⁴ Климент Охридски. Похвално слово за Димитър Солунски // *Он же*. Събрани съчинения. Т. 1. София, 1970. С. 234–235.

См. также: Ангелов Б.Ст. Похвално слово за Димитър Солунски // Там же. С. 221–226.

⁹²⁵ См.: Климент Охридски. Поучение за Димитър Солунски (първо) // Там же. Т. 2. София, 1970. С. 793–794; *Он же*. Поучение за Димитър Солунски (второ) // Там же. С. 804–805.

См. также: Ангелов Б.Ст. Поучение за Димитър Солунски (първо) // Там же. С. 788; *Он же*. Поучение за Димитър Солунски (второ) // Там же. С. 795–796.

⁹²⁶ Подробнее см.: Конзал В. Старославянская молитва против дьявола. М., 2002.

⁹²⁷ Подробнее см.: Иванова О.В., Турилов А.А., Лукашевич А.А., Преображенский А.С. Димитрий Солунский... С. 168.

⁹²⁸ Там же. С. 172.

⁹²⁹ Буланин Д.М. Мучение Димитрия Солунского... С. 260; Иванова О.В., Турилов А.А., Лукашевич А.А., Преображенский А.С. Димитрий Солунский... С. 172.

⁹³⁰ Иванова О.В., Турилов А.А., Лукашевич А.А., Преображенский А.С. Димитрий Солунский... С. 172.

ранних славянских кириллических надписей (ок. 943), открытой около села Мирча Вода в Северной Добрудже⁹³¹.

В целом, судя по сохранившимся памятникам, можно заключить, что в IX–X вв. культ св. Димитрия на славянской почве был известен только там, куда проникла и где активно поддерживалась Кирилло-Мефодиевская традиция — т.е. прежде всего во владениях Первого Болгарского царства, а также в Чехии. Что же касается сербских земель, то в них, несмотря на относительную близость к Фессалонике, почитание св. Димитрия применительно к этому времени никаких следов не оставило⁹³². При этом даже в болгарских владениях культ великомученика развивается достаточно вяло, не претерпевая сколько-нибудь существенных изменений вплоть до второй половины XI в.

С началом XI в. церковное и культурное влияние Византии в славянских землях обретает особую силу. Так, еще в 988–989 гг. именно от Византии принимает Крещение Русь, а Болгария с 1018 г. примерно на полтора века переходит под ее прямое правление. В этот период, прежде всего, происходит заметное расширение круга посвященных св. Димитрию славяноязычных церковнобогослужебных текстов. Так, не позднее середины XII в. на Руси осуществляется перевод т.н. «Краткого мученичества» (или «Краткого жития») св. Димитрия⁹³³. Возможно, тогда же был выполнен и перевод краткого изложения «Чудес»⁹³⁴. Наконец, в это же время в славяноязычную богослужебную практику, благодаря переводам, включаются канон авторства Георгия Скилицы, составленный в честь великомученика по распоряжению императора Мануила I Комнина⁹³⁵, и канон авторства Феофана Грапта IX в.⁹³⁶

⁹³¹ Подробнее см.: *Божилев И., Гюзелев В.* История на средновековна България... С. 292; *Гюзелев В.* Добруджанският надпис и събитията в България през 943 г. // ИПр. 1968. № 6. С. 40–48; *Павлов П.* Димитър // *Андреев Й., Лазаров И., Павлов П.* Кой кой е в средновековна България. Исторически справочник. София, 1994. С. 88–89.

⁹³² *Иванова О.В., Турилов А.А., Лукашевич А.А., Преображенский А.С.* Димитрий Солунский... С. 169.

⁹³³ Возможно, перевод все же был осуществлен в Константинополе. — Там же. С. 172.

⁹³⁴ Там же.

⁹³⁵ Миняя на октябрь (26 октября). М., 1980. С. 657–658.

Примечательно, что культ великомученика постепенно проникает и в народные верования: в частности, имя св. Димитрия фигурирует в охотничьем заговоре в приписке болгарского писца в глаголической псалтири XII в.⁹³⁷

Еще одним свидетельством широкого распространения культа на славянской почве в XI–XII вв. становится возникновение большого числа связанных с ним архитектурно-художественных памятников. Так, прежде всего, должны быть упомянуты фресковые образы св. воина Димитрия в составе знаменитых росписей храмов св. Пантелеймона в Нерези (1164)⁹³⁸ и св. Георгия в Курбиново (1191)⁹³⁹ — т.е. непосредственно в пределах бывших владений Первого Болгарского царства, в начале XI в. завоеванных Византией. Изображения великомученика присутствуют и в росписях последней трети XII в. в двух храмах в Кастории, в Южной Македонии: св. Николая Каснициса и св. Бессребреников⁹⁴⁰. Именно XI–XII вв., скорее всего, следует датировать храм и сохранившийся в нем образ св. воина Димитрия (?) в селе Паталеница близ города Пазарджик в современной Болгарии⁹⁴¹. Концом XII — началом XIII в. датируется образ св. воина Димитрия из храма св. Николая в Мелнике⁹⁴². К рубежу XI–XII в. или к последующему времени

См. также: *Иванова О.В., Турилов А.А., Лукашевич А.А., Преображенский А.С.* Димитрий Солунский... С. 176.

⁹³⁶ Подробнее об этом произведении см.: Там же. С. 176; *Майорош Х.* За един не много познат среднобългарски канон за св. Димитър // Българският език и литература на кръстопътя на културите. Международна конференция. Сегед, Унгария, 21–22 май 2007. Т. 2. Szeged, 2009. С. 64.

⁹³⁷ *Иванова О.В., Турилов А.А., Лукашевич А.А., Преображенский А.С.* Димитрий Солунский... С. 169.

⁹³⁸ *Sinkevic I.* The Church of St. Panteleimon at Nerezi. Wiesbaden, 2000. P. 59. Fig. 57 (этой ссылкой я обязана М.Н. Бутырскому и О.В. Овчаровой, которым приношу глубокую благодарность — сама книга И. Синкевич осталась для меня недоступна).

⁹³⁹ *Грозданов Ц., Хадерман-Мисгвиш Л.* Курбиново. Скопје, 1992. С. 49 црт., 65–66, сл. 66.

⁹⁴⁰ Подробнее см.: *Смирнова Э.С.* Храмовая икона Дмитриевского собора. Святость солунской базилики во владимирском храме // Дмитриевский собор. К 800-летию памятника. М., 1997. С. 233; *Иванова О.В., Турилов А.А., Лукашевич А.А., Преображенский А.С.* Димитрий Солунский... С. 182.

⁹⁴¹ Современное село Паталеница сложилось в результате объединения (1955) этого населенного пункта с селом Баткун, известным по средневековым источникам как Баткунион — стратегически важная крепость у подножия Родопских гор. О местном храме св. Димитрия и его росписях, датировка которых по-прежнему остается предметом дискуссии, подробнее см.: *Клисаров Н.* Проучени архитектурно-художествени паметници в България // Обзорна информация на НИПК. 1989. С. 18–19; *Мавродинова Л.* Мястото на стенописите от църквата «Св. Димитър» в с. Паталеница, Пазарджишко, в историята на средновековната балканска живопис // РВг. Т. 23. 1999. № 2. С. 3–29; *Она же.* Стенната живопис в България до края на XIV в. София, 1995. С. 52; *Попов П.* За техниката на стенописите в църквата «Св. Димитър» в село Паталеница // Древнерусское искусство. Балканы. Русь. СПб., 1995. С. 163–181; *Чанева-Дечевска Н.* Църковната архитектура в България през XI–XIV в. София, 1988. С. 92–94.

⁹⁴² София, Археологический музей, № 5903.

могли относиться иконы св. Димитрия (со свв. воинами и одиночная), упомянутые в описи имущества монастыря Богородицы Елеусы в Велюсе близ Струмицы, в Восточной Македонии⁹⁴³.

Что же касается Руси, то уже в 1051 г. великий князь Изяслав Ярославич возводит в Киеве отдельный монастырь в честь великомученика. Позже его сын Святополк-Михаил Изяславич строит поблизости храм во имя Михаила Архангела, из которого происходит широко известный мозаический образ св. воина Димитрия (ок. 1108), в наше время хранящийся в Третьяковской Галерее в Москве⁹⁴⁴. Во второй четверти XII в. храм св. Димитрия был возведен в Довмонтовом городе в Пскове⁹⁴⁵. Также в XII в. возникли и предполагаемые образы св. Димитрия в составе росписей Спасо-Преображенского собора Евфросиньева монастыря в Полоцке, включая росписи кельи прп. Евфросинии Полоцкой (ок. 1104 — 1173 или 1167), расположенной в одной из угловых ячеек на хорах собора⁹⁴⁶. Последний пример особенно примечателен, поскольку неразрывно связан с историей тех драгоценных реликвий, которые сама Евфросиния Полоцкая⁹⁴⁷ получила в дар от императора Мануила I Комнина в 1158–1160 гг., и для хранения которых был изготовлен знаменитый (ныне утраченный) воздвизальный крест-реликварий. С точки зрения нашей работы важно, что среди императорских даров присутствовала и реликвия «крови» св. Димитрия⁹⁴⁸.

См. также: *Нешева В.* Мелник. Богозиданият град. София, 2008. С. 206–212; *Прашков Л.* Новоразкрити стенописи от църквата «Св. Никола» в Мелник (Предварително съобщение) // Търновска книжовна школа. Т. 6. Българската литература и изкуство от Търновския период в историята на православния свят. Велико Търново, 1999. С. 681–693.

⁹⁴³ Описание имущества к уставу монастыря Елеусы (Милостивой) в Велюсе близ Струмицы // *Бельтинг Х.* Образ и культ. История образа до эпохи искусства. М., 2002. С. 581–582.

⁹⁴⁴ Москва, Государственная Третьяковская Галерея, Инв. 25532. — Государственная Третьяковская Галерея. Каталог собрания. Т. 1. Древнерусское искусство X — начала XV в. М., 1995. Кат. № 2. С. 40–42; *Лазарев В.Н.* История византийской живописи... Табл. 288; *Он же.* Михайловские мозаики. М., 1966. С. 25–26. Табл. 63–65.

⁹⁴⁵ *Смирнова Э.С.* Храмовая икона Дмитриевского собора... С. 221–222.

⁹⁴⁶ *Сарабьянов В.Д.* Спасо-Преображенская церковь Евфросиньева монастыря и ее фрески. М., 2007. С. 124–127, 164, 170 (илл.).

⁹⁴⁷ О Евфросинии Полоцкой подробнее см.: *Мельников А.А.* Преподобная Евфросиния Полоцкая. Минск, 1997; *Турилов А.А., Клосс Б.М., Шейкин Г.Н., Басова М.В.* Евфросиния // ПЭ. Т. 17. М., 2008. С. 507–517.

⁹⁴⁸ О составе даров императора Мануила, кресте Евфросинии Полоцкой и его последующей судьбе подробнее см.: *Алексеев Л.В.* Крест Евфросинии Полоцкой 1161 г. в Средневековье и в позднейшие времена (к 830-летию знаменитой реликвии) // РА. 1993. № 2. С. 70–78; *Шевченко Э.В.* Евфросинии Полоцкой преподобной крест // ПЭ. Т. 17. М., 2008. С. 502–504.

К концу XI — началу XII в. изображения св. Димитрия также появляются и на разнообразных предметах, связанных с административной и даже деловой практикой. Так, прежде всего, это — матрицы для печатей⁹⁴⁹ и сами печати византийских военных и должностных лиц в подвластных империи болгарских землях. Например: печати Константина, анфипата патрикия и дуки Болгарии⁹⁵⁰, позже вестарха и проноита «всей Болгарии»⁹⁵¹, а также командующего иноплеменными наемниками на императорской службе Борила⁹⁵². Добавим, что многочисленные стеатитовые иконки, найденные на территории современной Болгарии⁹⁵³, также подтверждают факт широкого почитания св. Димитрия со стороны местных военных на византийской службе⁹⁵⁴, среди которых наверняка присутствовали и лица славянского происхождения.

В свою очередь, на Руси изображения св. Димитрия известны на актовых печатях киевского князя Изяслава Ярославича (1054–1078)⁹⁵⁵, новгородского князя Ярослава Владимировича (1181–1184, 1187–1196, 1197–1199)⁹⁵⁶, а также новгородских посадников Дмитра Завидича (1117–1118)⁹⁵⁷ и Завида Дмитрича (1128)⁹⁵⁸.

⁹⁴⁹ Подробнее см.: *Томев К.* Византийски модели и традиции в приложното изкуство на Второто Българско царство // *Търновска книжовна школа*. Т. 6. Българската литература и изкуство от Търновския период в историята на православния свят. Велико Търново, 1999. С. 614.

⁹⁵⁰ *Мушмов Н.* Монетите и печатите на българските царе. София, 1923. № 253. С. 166.

⁹⁵¹ Там же. № 254.

Возможно, речь идет о Константине Диогене, начальнике гарнизона Фессалоники, назначенном Василием II Болгаробойцей правителем в только что присоединенной к империи Болгарии. — Там же. С. 166.

⁹⁵² С.-Петербург, Государственный Эрмитаж, № М-3009. — *Искусство Византии...* Вып. 2. № 756. С. 140.

⁹⁵³ Например, стеатитовая иконка из с. Черномасница: София, Археологический музей, № 546. — *Ваклинова М.* Паметник на средновековната дребна пластика // *Археология*. 1970. Кн. 2. С. 44–51; *La Bulgarie medievale. Art et civilization*. Paris, 1980. № 229.

⁹⁵⁴ О находках, связанных с культом св. Димитрия, подробнее см.: *Алексиев Й.* Предстоличният Търнов // *Сборник в чест на акад. Димитър Ангелов*. София, 1994. С. 196–200; *Овчаров Н.* Още за култа към св. Димитър през Второто българско царство // *Векове*. 1987 (1). С. 16–18; *Томев К.* Солунски евлогии от България // *Археология*. 2006. Год. 47. Кн. 1–4. С. 210–219; *Ovcharov N.* The Warrior Saints in Old Bulgarian Art. Legends and Reality. Sofia, 2003. С. 28–40.

⁹⁵⁵ С.-Петербург, ОНГЭ, № 5446. — *Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Актовые печати Древней Руси (X–XV вв.). Т. 3. Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М., 1998. № 7-2. С. 113.

См. также: Там же. № 9-2.

⁹⁵⁶ Новгород, НМ, № 33656-61, № 33656-63, № 33656-65. — Там же. № 189-5, 192-10, 192а. С. 138.

⁹⁵⁷ Чернигов, ЧМ, б/№. — Там же. № 124-3. С. 127.

⁹⁵⁸ Новгород, НМ, № 33657-2. — Там же. № 127-2.

К концу XII в. относятся и первые свидетельства о почитании св. Димитрия в сербских землях. Так, великий жупан Стефан Неманя посылает богатые дары храму великомученика в Фессалонике, а на исходе века в местном монастыре св. Димитрия уже существует сербская община, члены которой в 1185 г. участвуют в защите города от сицилийских норманнов⁹⁵⁹.

Итак, к концу XII в. культ св. Димитрия достигает расцвета не только в самой Византии, но и в болгарских и древнерусских землях, а сам великомученик превращается в помощника и заступника не только Фессалоники и ее жителей, но и самих императоров и других носителей военно-политического авторитета в сфере византийского церковно-политического влияния. Таким образом, обращение к этому культу в конце XII в. со стороны мятежных болгар едва ли может считаться простой случайностью. Скорее, наоборот — оно стало естественным следствием того «имперского», престижного и даже политизированного статуса и, следовательно, пропагандистского потенциала, которым сам культ был наделен к этому времени усилиями императоров из династии Комнинов.

Однако для привлечения на свою сторону колеблющихся в выборе соплеменников и земляков Петру и Асеню едва ли было достаточно простой «ссылки» на авторитет святого. Необходимы были еще какие-то наглядные свидетельства личного присутствия среди восставших великомученика, «генетически» связанного со своим городом⁹⁶⁰, а значит, на какое-то время Петру и Асеню было необходимо «превратить» Тырново в своего рода «Новую Фессалонику», или, по крайней мере, использовать сакральный образ Фессалоники в своих целях.

Тырново как «Новая Фессалоника». Фессалоника (слав. Солунь) XI–XII вв. — крупнейший торговый и военный порт, второй по значимости город в империи после самого Константинополя. Однако это еще и

⁹⁵⁹ *Eustazio di Tessalonica. La espugnazione di Tessalonica (= Testi e Monumenti. Testi. Vol. 5) / Ed. S. Kyriakidis. Palermo, 1961. P. 94.*

⁹⁶⁰ Об этой связи между самим святым, его «родным» городом, его базиликой и горожанами подробнее см.: *Tărkova-Zaimova V. Gens et choses de Salonique dans les actes dēmètriens // TO EΛΛΗΝΙΚΟΝ. Studies in Honor of Speros Vryonis, Jr. Vol. I. Hellenic Antiquity and Byzantium. New York, 1993. P. 385–396.*

важнейший паломнический центр, освященный славой св. Димитрия. И интерес к нему обусловлен не только наличием в нем чтимых реликвий великомученика, но и тем, что именно здесь где-то покоятся его мощи, являющие верующим свое главное чудо — мироточение⁹⁶¹.

Самые ранние по времени сведения о мироточении сохранились в житии прп. Фангина (конец X в.)⁹⁶². По мнению ряда исследователей, драгоценное миро истекало из гробницы великомученика⁹⁶³. К XI в. мироточение не только становится зримым подтверждением его святости, но и обеспечивает для верующих один из способов перенести эту святость за пределы Фессалоники в надежде обрести свой личный источник чудотворения⁹⁶⁴. Многочисленные паломники, посещавшие город в XI–XII вв., использовали для этого специальные ампулы с изображениями св. Димитрия, Богоматери и св. Георгия, многие из которых сохранились до сих пор⁹⁶⁵.

В свою очередь, вывезенные из Фессалоники или приобретенные тем или иным способом ампулы с миром св. Димитрия, как и другие его реликвии, помещали в специальные ковчеги-реликварии, некоторые из которых заслуживают отдельного упоминания. Прежде всего, это широко известный серебряный с позолотой реликварий Константина X Дуки (1059–1067), воспроизводящий вид и устройство фессалоникийского кивория-«дома» великомученика и предназначенный для хранения именно его мира⁹⁶⁶. Не

⁹⁶¹ Подробнее о мироточении в базилике и культе св. Димитрия как «мироточца» см.: *Bakirtzis Ch. Pilgrimage to Thessalonike: The Tomb of St. Demetrios // DOP. 2002. Vol. 56. P. 179–185; Walter Chr. The Warrior Saints in Byzantine Art and Tradition... P. 80–84; Μέντζος Α. Το προσκύνημα τοῦ Ἁγίου Δημητρίου Θεσσαλονίκης στὰ βυζαντινά χρόνια... Σ. 120–140.*

⁹⁶² *Иванова О.В., Турилов А.А., Лукашевич А.А., Преображенский А.С. Димитрий Солунский... С. 158.*
См. также: *Howe J.M. Phantinos the Younger // ODB. Vol. 2. P. 1646.*

⁹⁶³ В частности, самым авторитетным сторонником этого мнения выступил А. Мендзос. Подробнее см.: *Μέντζος Α. Το προσκύνημα τοῦ Ἁγίου Δημητρίου Θεσσαλονίκης στὰ βυζαντινά χρόνια... Σ. 120–140.*

⁹⁶⁴ Об отношении к сакральному со стороны паломников в Средневековье подробнее см.: *Weyl Karr A. Icons and the Object of Pilgrimage in Middle Byzantine Constantinople // DOP. 2002. Vol. 56. P. 81–88.*

⁹⁶⁵ *Bauer F.A. Eine Stadt Thessaloniki und ihr Patron Heilige Demetrios... S. 335–393.*

О подобных ампулах, найденных на территории современной Болгарии, подробнее см.: *Топтанов Д. Оловна ампула от крепостта «Красен» край Панагюрище // Приноси към българската археология. София, 1992. С. 240–242; Тотев К. Солунски еволгии от България... С. 210–219.*

⁹⁶⁶ Государственный Историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», № 15303 охр. (инв. МЗ-1148). — Искусство Византии... Вып. 2. С. 85. № 547; *The Glory of Byzantium... P. 77–78. № 36.*

См. также: *Стерлигова И.А. Византийский мощевик Димитрия Солунского... С. 255–272.*

менее примечателен и золотой энколпион XII–XIII вв. фессалоникийского происхождения из Британского музея с надписью, упоминающей кровь и миро святого⁹⁶⁷. Таким образом, в последнем случае имело место сопряжение чудотворного потенциала сразу двух важнейших реликвий великомученика. Последнее обстоятельство, возможно, было связано с представлением о том, что вместе с миром из гробницы истекала и кровь св. Димитрия⁹⁶⁸.

Широкое распространение в XII в. получили также реплики мироточивой храмовой иконы св. Димитрия из фессалоникийской базилики. Так, в частности, подобное изображение имелось в Большом императорском дворце в Константинополе, где его в 1204 г. смог наблюдать Робер де Клари: «С этого изображения стекало масло, да так, что его едва успевали вытирать, как оно начинало снова течь»⁹⁶⁹.

Вероятно, списки с храмовой иконы фессалоникийской базилики св. Димитрия составляли отдельную статью дохода города и изготовлялись на заказ⁹⁷⁰. Не исключено, что, по крайней мере, часть из них была одновременно и реликвариями: часто в них врезались маленькие ампулки с миром — так, как это сделано на византийской мозаичной иконе св. Димитрия XIV в. из Италии⁹⁷¹.

Помимо гроба, мира и других реликвий св. Димитрия, Фессалоника издавна славилась на весь византийский (и не только) мир своей ярмаркой. Она устраивалась в городе каждую осень и традиционно приурочивалась ко дню празднования памяти великомученика⁹⁷². Праздничные мероприятия начинались накануне самого праздника, длились три дня и проводились

⁹⁶⁷ The Glory of Byzantium... P. 167–168. № 116.

⁹⁶⁸ Применительно к концу XII в. это представление было засвидетельствовано Евстафием Солунским. Подробнее см.: *Иванова О.В., Турилов А.А., Лукашевич А.А., Преображенский А.С.* Димитрий Солунский... С. 159.

⁹⁶⁹ *Робер де Клари.* Завоевание Константинополя. М., 1986 [доступно 25.05.2016: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000131/st122.shtml>]; оригинальный текст: *Clari R. de.* La Conquête de Constantinople... P. 174.

⁹⁷⁰ *Смирнова Э.С.* Храмовая икона Дмитриевского собора... С. 239.

⁹⁷¹ Возможно, знаменитая мироточащая «доска гробная», привезенная в 1197 г. великим князем Всеволодом III Большое Гнездо во Владимир-на-Клязьме, выглядела примерно так же. Подробнее см.: Там же. С. 241.

⁹⁷² *Pseudo-Luciano.* Timarione. Testo critico, introduzione, traduzione, commentario e lessico a cura di R. Romano. Napoli, 1974. P. 52.

чрезвычайно торжественно⁹⁷³. Об их масштабах повествует византийский сатирический диалог «Тимарион»: «День св. Димитрия — такой же большой праздник, как Панафиней в Афинах или Панионии в Милете; это — величайшее македонское торжество, и стекается на него народ не только тамошний, македонский, но всяческий и отовсюду: греки из разных областей Эллады, мисийские племена, населяющие землю вплоть до Истра и пределов Скифии, кампанцы, италийцы, иверы, луситанцы, кельты из-за Альп. Коротко говоря, даже побережье Океана посылает молящихся поклониться этому святому — так велика его слава по всей Европе»⁹⁷⁴.

Размах праздничных мероприятий, длительная история взаимодействия между Фессалоникой и славянами, память о «Солунских братьях» Константине-Кирилле Философе и Мефодии и, наконец, широкое распространение культа св. Димитрия — все это формировало определенный образ Фессалоники в сознании славянского населения империи.

Для болгар к XII в. Солунь — не только огромный процветающий город, но и живое воплощение судьбоносных событий болгарской и византийской истории⁹⁷⁵. Это находит свое отражение в болгарских апокрифах, в которых начиная с XII в., наряду с традиционными священными городами: Римом, Иерусалимом и Константинополем⁹⁷⁶, — почти всегда фигурирует и Солунь⁹⁷⁷.

Город св. Димитрия предстает в болгарских апокрифических текстах XI–XII вв. в самых разных ипостасях. Это и неприступная крепость,

⁹⁷³ Подробнее см.: *Papagiannopoulos A.* History of Thessaloniki... P. 81; *Russell E.* St. Demetrius of Thessalonica... P. 83–109.

⁹⁷⁴ Тимарион // Византийский сатирический диалог. Л., 1986. С. 28; греческий текст: *Pseudo-Luciano.* Timarione... P. 53.

⁹⁷⁵ *Каймакамова М.* Византия и историческата култура на българите през XI–XII в. // ИПр. 2003. № 5–6. С. 5.

⁹⁷⁶ Подробнее см.: *Търкова-Заимова В.* Свещени и несвещени царства и градове в пророчествата и в есхатологичната литература // ГСУ НЦСВП. 1987. Т. 1. С. 243–250; *Она же.* Търново между Ерусалим, Рим и Цариград (Идеята за престолен град) // Търновска книжовна школа. Т. 4. София, 1985. С. 249–261.

⁹⁷⁷ Подробнее см.: *Каймакамова М.* Пандехово пророческо сказание от XIII в. и зараждане на идеята «Търново — Нов Цариград — Трети Рим» // «България, земя на блажени...». In memoriam professoris Iordani Andreevi. Международна конференция в памет на проф. д.и.н. Йордан Андреев. Велико Търново, 2009. С. 329–345; *Erdeljan E.* New Jerusalems in the Balkans. Translation of Sacred Space in the Local Context // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств. М., 2009. P. 460–461; *Търкова-Заимова В.* Les legends sur Salonique — ville sainte — et la conversion des bulgares // The Legacy of Saints Cyril and Methodius to Kiev and Moscow. Thessaloniki, 1992. P. 133–141.

осаждаемая силами Антихриста⁹⁷⁸, и место, куда Божий промысел привел св. Константина-Кирилла, чтобы крестить болгар и даровать им собственную письменность⁹⁷⁹, и рубеж царства царя Симеона⁹⁸⁰. Примечательно, что в болгарской редакции «Видения пророка Даниила» из Драголова сборника в качестве столицы будущего легендарного царства царя Михаила вместо Константинополя⁹⁸¹ выступает именно Солунь⁹⁸².

Между тем, в августе 1185 г. Фессалоника подверглась осаде со стороны сицилийских норманнов⁹⁸³. Неумелые действия градоначальника Давида Комнина, «малого в своих достоинствах, великого своей негодностью», нехватка продовольствия, воды и вооружения сделали город практически неспособным дать достойный отпор противнику⁹⁸⁴. Овладев Фессалоникой в день св. Варфоломея⁹⁸⁵, норманны устроили в ней настоящую «Варфоломеевскую ночь». Опустошив город, они не пощадили и его главную святыню — гробницу св. Димитрия, расхитив драгоценности, украшавшие храмовую икону великомученика: золотой венец и другие детали ее драгоценного убранства⁹⁸⁶. По сообщению Никиты Хониата, норманнские воины демонстративно выказывали свое пренебрежение к святыне: набирали чудотворное миро св. Димитрия в кастрюли, жарили на нем рыбу, мазали им обувь, и т.д.⁹⁸⁷

⁹⁷⁸ Сказание за светия пророк Исая за бѣдните години и за царете и за Антихриста, който ше дойде // *Тѣпкова-Заимова В., Милтенова А.* Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България. София, 1996. С. 156.

⁹⁷⁹ Слово от Кирил Философ как покрѣсти българите // *Стара българска литература. Апокрифи.* Т. 1. София, 1982. С. 300.

⁹⁸⁰ Български апокрифен летопис // Там же. С. 296.

⁹⁸¹ *Тѣпкова-Заимова В., Милтенова А.* Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България... С. 134.

⁹⁸² Видение на пророк Даниил за царете и за последните дни, и за края на света // Там же. С. 130.

⁹⁸³ Разгром Фессалоники норманнами подробно описан Никитой Хониатом (*Nicetas Choniata. Historia...* P. 305–306) и Евстафием Солунским (*Eustazio di Tessalonica. La espugnazione di Tessalonica...*).

См. также русский перевод (отрывки) свидетельства Евстафия Солунского: *Евстафий Солунский.* О пленении латинянами города Фессалоники. Сообщение Евстафия, архиепископа Фессалоникийского о последнем, как мы надеемся, завоевании этого города // *Памятники византийской литературы IX–XIV вв.* М., 1969. С. 240–241.

⁹⁸⁴ *Каждан А.П.* Византийский публицист XII в. Евстафий Солунский // ВВ. 1968. Т. 28. С. 65.

⁹⁸⁵ *Annales Ceccanenses* // ЛИБИ. Т. 4. P. 139–140.

⁹⁸⁶ *Eustazio di Tessalonica. La Espugnazione di Tessalonica...* P. 116.

⁹⁸⁷ *Nicetas Choniata. Historia...* P. 305–306.

Разгром Фессалоники норманнами произвел в империи буквально эффект разорвавшейся бомбы. Еще в VII в. митрополит Фессалоникийский Иоанн так выразил отношение своих земляков к родному городу: «Солунь — наш город, хранимый Богом. Он друг Христа, друг мученика Димитрия, непреодолимая духовная преграда, непробиваемая стена против демонов и варваров, спокойное убежище против бурь на века, вечная защита для тел и душ»⁹⁸⁸. На протяжении столетий, исключая разве что 904 г., когда Фессалоника была захвачена арабами⁹⁸⁹, это высказывание казалось полностью оправдывающим себя, отражая представление о нерушимости мистической связи между св. Димитрием и его городом⁹⁹⁰. Еще относительно недавно (1040) великомученик явил свою помощь фессалоникийцам в борьбе с болгарскими повстанцами под предводительством Петра Деяна⁹⁹¹. Теперь же, как и в 904 г.⁹⁹², Фессалоника снова оказалась в руках «варваров», что, в свою очередь, в глазах современников могло представлять как следствие разрыва этой мистической связи. И не было ли причиной тому перенесение в Константинополь в 1143 (или 1149) г. императором Мануилом I чудотворного покровы с гробницы великомученика (см. выше), символизировавшего его присутствие в Фессалонике? Отсутствие в городе этой безусловно чтимой реликвии и сам факт его позорной сдачи норманнам, не говоря уже о разграблении ими базилики св. Димитрия, фактически лишали Фессалонику ее идентичности (как в случае с захваченным «варварами» Римом) и давали возможность создать «Новую Фессалонику» при наличии соответствующих инструментов.

Рассказ Никиты Хониата об интересующих нас событиях в Тырново (см. выше) не оставляет сомнений в том, что их участники были уверены в личном присутствии среди них великомученика Димитрия. А значит,

⁹⁸⁸ Цит. по: *Тъпкова-Заимова В., Паскалева К.* Между Солун и Тырново. Още за култа и иконографията на свети Димитър // ГСУ НЦСВП. Т. 95 (14). София, 2010. С. 250.

⁹⁸⁹ *Ioannes Cameniatas.* De expugnatione Thessalonicae / Ed. G. Böhlig. Berolini 1973.

⁹⁹⁰ См.: *Тъпкова-Заимова В., Паскалева К.* Между Солун и Тырново... С. 251.

⁹⁹¹ *Ioannes Scylitzaes.* Synopsis historiarum... P. 413.

⁹⁹² См.: *Тъпкова-Заимова В., Паскалева К.* Между Солун и Тырново... С. 251.

допустимо предположение, что организаторы Тырновского восстания имели в своем распоряжении некий сакральный объект, служивший наглядным и убедительным знаком такого присутствия. Исходя из имеющихся археологических данных, свидетельствующих о том, что к моменту восстания в «молитвенном доме во имя всехвального мученика Димитрия» не было ни фресковых росписей, ни каких-либо иных украшений⁹⁹³, именно этот сакральный объект, по-видимому, находился в центре внимания собравшихся в храме болгар и служил главным элементом совершаемого ими действия.

В свете того, что мы знаем о византийской церковной практике, допустимо предположить, что таким сакральным объектом могла выступать или некая реликвия великомученика, или его чудотворная икона. К сожалению, сообщение Хониата не дает возможности представить, как выглядел этот сакральный объект, тем более что в сознании византийцев реликвии и иконы были тесно связаны между собой и зачастую воспринимались как реалии одного порядка⁹⁹⁴. Однако в нашем распоряжении имеется другой источник, способный дать более или менее конкретные сведения об этом предполагаемом объекте. Это эпиграмма-экфрасис выдающегося византийского церковного деятеля, православного патриарха Антиохии Феодора Вальсамона (между 1130 и 1140 — после 1195), поводом для появления которой послужил первый поход Исаака II против восставших болгар, предпринятый в 1186 г. Одержав победу над болгарскими войсками, император Исаак с триумфом вошел в Тырново, где было заключено некое соглашение с восставшими (см. выше), и где, судя по заглавию эпиграммы, «в покоях отступника Славопетра» он и «нашел св. Димитрия»⁹⁹⁵.

⁹⁹³ *Николова Я.* Църквата «Св. Димитър» и встанието от 1185 г. // *Културата на средновековния Тырново*. София, 1985. С. 9–16; *Николова Я., Робов М.* Храмът на първите Асеневици. Църквата «Св. Димитър» във Велико Тырново. Велико Тырново, 2005. С. 9–13.

⁹⁹⁴ Подробнее об этом см.: *Шалина И.А.* Реликвии в восточнохристианской иконографии. М., 2005. С. 13–33.

⁹⁹⁵ *Θεόδωρος Βαλσαμῶν.* Εἰς ἄγιον Δημήτριον εὐρεθέντα παρὰ τοῦ βασιλέως εἰς τὴν οἰκίαν τοῦ ἀποστάτου Σθλαβοπέτρον // *Дуйчев И.* Проучвания върху българското Средновековие. София, 1945. С. 48–49.

Описание Вальсамона позволяет сделать вывод о том, что речь идет, скорее всего, о некоем фигуративном изображении великомученика — по всей видимости, иконе⁹⁹⁶. Вероятно, это был либо храмовый образ из базилики в Фессалонике, либо один из его чтимых списков⁹⁹⁷, переживший норманнский погром или предусмотрительно вывезенный (в Тырново?) еще до него самими Асеневицами или их сподвижниками⁹⁹⁸. Дальнейшая судьба этой иконы неизвестна: возможно, ее возвратили на прежнее место в Фессалонику, или, скорее, в составе императорского кортежа торжественно доставили в Константинополь⁹⁹⁹.

Неожиданное, почти чудесное появление образа св. Димитрия в руках мятежных болгар осенью 1185 г. должно было вызвать широкий резонанс в столичных кругах. Согласно представлениям средневекового христианина, любое перемещение подобной святыни могло произойти лишь с «санкции» самого представленного на ней святого, но никак не по желанию того или иного из земных людей. Святой мог просто воспрепятствовать перенесению своей реликвии, как некогда поступил, согласно «Чудесам», и сам великомученик Димитрий, «отказавшись», несмотря на все старания императора Маврикия, покинуть Фессалонику (см. выше). Однако он же в середине XII в. «позволил» императору Мануилу I Комнину перенести свой

⁹⁹⁶ В византийской практике словом «икона» (εἰκών, т.е. «образ») называли священные изображения разного рода независимо от размера и техники их изготовления: и собственно иконы на деревянных досках, и монументальные образы, выполненные в технике фрески или мозаики, и шитые образы. — *Бельтинг Х.* Образ и культ... С. 66; *Cormack R.* Writing in Gold... P. 10–11.

⁹⁹⁷ Сознание средневекового христианина не разделяло иконы на «оригиналы» и «списки», т.е. список с той или иной прославленной иконы не воспринимался как «вторичный» и пользовался таким же почитанием, как и она сама. — *Лукин П.Е.* Письмена и Православие: Историко-филологическое исследование «Сказания о письменах» Константина Философа Костенецкого. М., 2001. С. 237–238.

⁹⁹⁸ О появлении этой иконы в Тырново см.: *Гюзелев В.* Чудотворна икона на св. Димитър Солунски в Тырново през 1185–1186 г. // Любен Прашков реставратор и изкуствовед. София, 2006. С. 38; *Дуйчев И.* Проучвания върху българското средновековие... С. 48; *Николов Г.* Българите и византийската империя... С. 600.

В. Тъпкова-Заимова считает, что речь идет не о самом фессалоникийском чудотворном образе св. Димитрия — еще до падения Фессалоники он был перенесен в Константинополь — а о новом, богато украшенном: *Тъпкова-Заимова В.* Изображенията на св. Димитър Солунски... С. 151.

К. Паскалева полагает, что появившийся в Тырново образ св. Димитрия представлял собой богато вышитый покров, вывезенный в Тырново еще до падения Фессалоники: *Паскалева К.* Какво е открил Исаак II Ангел в Тырново (една хипотеза) // *Studia Balcanica.* Т. 25. Византия — Балканите — Европа. София, 2006. С. 634–647.

Э.С. Смирнова видит в тырновском образе именно икону в драгоценном окладе: *Смирнова Э.С.* Храмовая икона Дмитриевского собора... С. 239–240.

⁹⁹⁹ *Дуйчев И.* Въстанието на Асеневици... С. 51.

чудотворный покров в столичный монастырь Пантократора в «обмен» на роскошно украшенное императорское покрывало¹⁰⁰⁰. В свою очередь, «отказ» святыни перемещаться куда-либо трактовался как дурной знак: так, по сообщению Евстафия Солунского, в 1185 г. после очередной вторичной процессии фессалоникийская икона Богородицы Одигитрии «отказалась» возвращаться на свое место в храм св. Софии, и это, по мнению современников, стало предзнаменованием грядущей катастрофы¹⁰⁰¹.

Таким образом, предполагаемое возвращение иконы св. Димитрия из Тырново в Константинополь в 1186 г. могло восприниматься не только как выражение превосходства победителей-византийцев над побежденными болгарами, но и как явный знак благоволения великомученика к императору и его народу. Повышенное внимание к обретенной святыне, торжественный слог эпиграммы и сам факт того, что ее составителем выступил не кто иной, как Феодор Вальсамон, служат дополнительным подтверждением того, что образ был известен, узнаваем и ассоциировался с самим св. Димитрием.

Допустимо предположить, что по замыслу предводителей Тырновского восстания интересующий нас образ великомученика должен был выглядеть максимально идентичным своему исходному первообразу в Фессалонике. Вероятно, последний обладал драгоценным окладом, что было не только данью уважения к святому — в византийско-славянском мире XII в. украшения служили неотъемлемой составляющей иконного образа¹⁰⁰². После похищения норманнами драгоценностей из базилики в Фессалонике (в числе которых — золотой венец, снятый с образа св. Димитрия) ее иконы должны были частично утратить свою идентичность. Значит, вне зависимости от того, как и когда образ св. Димитрия, или его список, попал в Тырново, он должен был иметь какое-то драгоценное убранство — изначальное или воссозданное болгарами. Оно же, в свою очередь, как раз и могло бы

¹⁰⁰⁰ Иванова О.В., Турилов А.А., Лукашевич А.А., Преображенский А.С. Димитрий Солунский... С. 166.

¹⁰⁰¹ См.: Лидов А.М. Чудотворное действие с Одигитрией Константинопольской // *Он же*. Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М., 2009. С. 53–54.

¹⁰⁰² Подробнее см.: Стерлигова И.А. Древнерусские украшенные иконы XII–XIII вв. Опыт реконструкции // ВВ. 1999. Т. 58. С. 178–185.

позволить идентифицировать новообретенный образ как именно ту чудотворную икону, которая ассоциировалась в сознании верующих с фессалоникийским святилищем св. Димитрия, и посредством которой сам великомученик мог выразить свое покровительственное отношение к восставшим. К сожалению, эпиграмма Феодора Вальсамона не позволяет сделать окончательный вывод о том, как выглядел возвращенный византийцами образ: хвалебные эпитеты могли относиться как к внешнему облику самой иконы, так и к достоинствам великомученика. Возможно, что и сама эпиграмма предназначалась для некоего нового драгоценного оклада, созданного по приказанию Исаака II Ангела¹⁰⁰³.

Однако знаком личного присутствия св. Димитрия среди восставших болгар в Тырново мог быть не только его иконный образ, описанный в эпиграмме Феодора Вальсамона. Согласно гипотезе Д.И. Польшанного, помимо иконы болгарские мятежники могли располагать еще и какой-то мироточащей реликвией великомученика — также фессалоникийского происхождения. Это позволяет предполагать послание патриарха Константинопольского Каллиста (1350–1353, 1355–1363), направленное в 1361 г. тырновскому монашеству, где высказываются упреки в том, что болгары самостоятельно приготавливают миро на мощах св. Димитрия¹⁰⁰⁴, не имея на то достаточных прав¹⁰⁰⁵. К сожалению, мы не располагаем ни одним источником, современным событиям 1185–1186 гг., который сообщал бы о

¹⁰⁰³ Дуйчев И. Въстанието на Асеневици... С. 51.

О предполагаемом внешнем виде иконы см. также: Тъпкова-Заимова В., Паскалева К. Между Солун и Тырново... С. 251.

¹⁰⁰⁴ Подробнее см.: *Polyviannyi D.I. The Cults of Saints in the Political Ideology of the Bulgarian Empire...* P. 404–405.

В. Тъпкова-Заимова считает, что речь в данном случае идет не о мире, освященном от мощей св. Димитрия, которых у болгар, по ее мнению, не имелось, а о традиционном мире, получаемом из Фессалоники от «святого Димитрия-мироточца». — Тъпкова-Заимова В. Между Охрид и Тырново (Оформяне на църковната и културна политика в Тырновска България) // Тырновска книжовна школа. Т. 6. Българската литература и изкуство от Тырновския период в историята на православния свят. Велико Тырново, 1999. С. 346 (бележки).

¹⁰⁰⁵ Послание на цариградския патриарх Калист до Тырновското монашество (1361). Увещание, наставление и защита на светейшия и вселенски патриарх господин Калист и на божествения и Свети синод при него, отправено към честнейшите монаси и останалите свещеници, които се намират в Тырновската страна, относно Светото кръщение // Гюзелев В. Извори за средновековната история на България (VII–XV в.) (в австрийските ръкописни сборки и архиви). Т. 1. Български, други славянски и византийски извори. София, 1994. С. 179 (греческий текст), 183–184 (болгарский перевод).

том, что это были за «мощи». В соответствии с реалиями того времени «мощами» могли называть и какую-либо контактную реликвию с гроба великомученика, и частицу его одежды¹⁰⁰⁶, или то, что на средневековых ампулах св. Димитрия обозначалось как «кровь и миро»¹⁰⁰⁷. В целом, представляется вполне допустимым, что подобная реликвия могла попасть в Тырново при тех же обстоятельствах, что и описанный Феодором Вальсамоном иконный образ. Хотя нельзя полностью исключить и того, что это произошло все же значительно позже — например, после разгрома Константинополя крестоносцами (1204), когда хранившиеся здесь многочисленные реликвии были проданы или вывезены за пределы византийской столицы.

Итак, достоверное присутствие среди восставших в Тырново двух важнейших составляющих культа св. Димитрия: храмового здания и чудотворной иконы (хотя бы в виде списка), — вкупе с возможным наличием здесь же какой-то его мироточащей реликвии, позволяет предполагать, что в совокупности они образовывали единый комплекс — центр некоего особого богослужебного ритуала.

Между тем, судя по сообщениям авторов XIV–XV вв., Константина Арменопула и Симеона Солунского, подобный ритуал действительно существовал в «родном» городе св. Димитрия, Фессалонике, где в ходе ежегодного трехдневного празднества в честь великомученика устраивалась торжественная процессия с его реликвиями, следовавшая через весь город. Причем, согласно традиции, все это сопрягалось не только с почитанием иконы св. Димитрия в образе воина, но и с Богородичным культом и неким местным образом Богоматери, считавшейся, наряду с великомучеником,

¹⁰⁰⁶ Слово «мощи» (греч. λείψανα от λείπω — «оставляю», как и соответствующее ему латинское reliquiae, от relinquo) означает не только телесные останки, но и все то, что осталось после святых, все, что соприкасалось со святым во время его земной жизни. Подробнее см.: *Бакалова Е.* Реликвии у истоков культа святых // *Востоочнохристианские реликвии.* М., 2003. С. 21; *Живов В.М.* Святость. Краткий словарь агниографических терминов. М., 1994. С. 46–77; *Kazhdan A.P., Taft R.F.* Relics // ODB. Vol. 3. P. 1779–1780.

¹⁰⁰⁷ Речь идет о т.н. λύθρον — земле, впитавшей, по легенде, кровь великомученика. Подробнее см.: *Tomev K.* Реликварий св. Димитрия из региона Велико Тырново // *АДСВ.* 2009. Вып. 39. С. 316; *Idem.* Thessalonican Eulogia Found in Bulgaria (Lead Ampules, Enkolpia and Icons from the 12th–15th Centuries). Велико Тырново, 2011. P. 33–35.

покровительницей города¹⁰⁰⁸. Процессия начиналась в храме Богоматери Катафиги (где, как считалось, некогда находилось убежище, в котором скрывался великомученик¹⁰⁰⁹). Затем она делала остановку у храма Богоматери Ахиропитос и завершалась в базилике св. Димитрия¹⁰¹⁰. По преданию, этот маршрут воспроизводил путь, которым стражники вели арестованного во время проповеди св. Димитрия к императору-язычнику¹⁰¹¹. Кроме того, Симеон Солунский, бывший фессалоникийским митрополитом в 1416/1417–1429 гг.¹⁰¹², уточняет, что впереди всей процессии несли сосуд с миром, накрытый тканым покровом с изображением св. Димитрия в рост, и что в определенные моменты этот сосуд ставили рядом с иконой великомученика¹⁰¹³. Процессия заканчивалась всеобщим бдением, а наутро начинались народные гуляния, и тогда же, по-видимому, открывалась знаменитая фессалоникийская ярмарка (см. выше).

К сожалению, мы не располагаем никакими данными о том, устраивалась ли подобная процессия где-либо еще, и совершалась ли она в самой Фессалонике в более раннее время. Тем не менее, допустимо предположить, что ежегодная процессия с реликвиями св. Димитрия, приуроченная к празднованию его памяти, бытовала там и в XII в., а значит, могла быть, в свою очередь, воспроизведена в Тырново 26 октября 1185 г. Такое предположение тем более вероятно, что фессалоникийская церковная кафедра отличалась исключительной, даже по общевизантийским меркам, приверженностью древним богослужебным традициям, что, в частности, нашло зримое выражение в сохранении здесь вплоть до начала XV в. древнейшей практики городского соборного богослужения, к тому времени утраченной даже в самом Константинополе¹⁰¹⁴.

¹⁰⁰⁸ Pallas D.I. *Le ciborium hexagonal...* P. 46–52; Russell E. *St. Demetrius of Thessalonica...* P. 97–100.

¹⁰⁰⁹ Pallas D.I. *Le ciborium hexagonal...* P. 49–50.

¹⁰¹⁰ Подробнее см.: Bauer F.A. *Eine Stadt Thessaloniki und ihr Patron...* S. 399–408.

¹⁰¹¹ Papagiannopoulos A. *History of Thessaloniki...* P. 81.

¹⁰¹² Подробнее о нем см.: Dennis G.T. *The Late Byzantine Metropolitans of Thessalonike // DOP. 2004. Vol. 57. P. 260–262.*

¹⁰¹³ Pallas D.I. *Le ciborium hexagonal...* P. 52.

¹⁰¹⁴ Тафт Р. *Византийский церковный обряд.* СПб., 2000. С. 38–39, 51, 94, 98.

Итак, строительство братьями Петром и Асенем храмового здания в честь св. Димитрия и помещение в него чудотворной иконы (и, возможно, некоей мироточивой реликвии) великомученика едва ли можно считать простым набором совпадающих по времени действий. Скорее, речь идет о целенаправленном воспроизведении в Тырново сакрального пространства фессалоникийской базилики и ее ритуалов. Очевидно, что практику трансляции чудотворного потенциала реликвий и сакральных мест болгары переняли от византийцев, и в XI–XII вв., по крайней мере, представители болгарской «новой знати» были хорошо с ней знакомы и даже сами принимали в ней активное участие.

Зарождение этой практики можно отнести еще к IV в., когда перенесение реликвии Честного Креста в новую столицу империи Византий-Константинополь превратило этот город не только в «Новый Рим», но и во «второй Иерусалим»¹⁰¹⁵. В дальнейшем, деятельность по воспроизведению святых мест вместе с их сакральным потенциалом заняла одно из первостепенных мест в религиозно-политической практике средневековой христианской Европы. Не были исключением, в этом отношении, и святые места, связанные с подвигами новозаветных святых и мучеников, включая и прославленное святилище св. Димитрия в Фессалонике, святость которого византийские императоры, начиная по крайней мере с IX в., стремились воспроизвести в Константинополе, перенося туда те или иные из фессалоникийских реликвий великомученика.

Так, в храме св. Димитрия, построенном в константинопольском квартале Девтерон, очевидно, для хранения каких-то реликвий великомученика, был помещен серебряный киворий, подобный существовавшему в фессалоникийской базилике, а в дворцовой Фаросской церкви Богоматери был даже устроен отдельный придел в честь великомученика (см. выше). Примечательно, что уже при Алексее Комнине в

¹⁰¹⁵ *Лидов А.М.* Реликвии Константинополя // Реликвии в Византии и Древней Руси. Письменные источники. М., 2006. С. 168; *Guran P.* The Constantinople — New Jerusalem at the Crossing of Sacred Space and Political Theology // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств. М., 2009. С. 35–55.

этом приделе находилась чудотворная мироточащая икона¹⁰¹⁶ и частица одежды святого¹⁰¹⁷. Не лишне еще раз упомянуть и о перенесении при Мануиле I в константинопольский монастырь Пантократора драгоценного покрывала с фессалоникийского «гроба» великомученика (см. выше).

Все вместе, это и приводит к тому, что апелляция к помощи со стороны св. Димитрия и подражание благочестивому императору Мануилу¹⁰¹⁸ к концу XII в. становятся средствами укрепления и даже легитимации политической власти. В свете интересующей нас проблематики особенно показательными в этом отношении представляются действия русского князя Всеволода (в крещении Димитрия) Большое Гнездо (1176–1212)¹⁰¹⁹, который в конце XII в.¹⁰²⁰ возводит во Владимире-на-Клязьме в честь св. Димитрия знаменитый собор, сохранившийся до наших дней, и помещает туда некую «гробную мироточащую доску»¹⁰²¹ и «сорочку»¹⁰²² великомученика¹⁰²³. Стремясь, по всей видимости, воссоздать в интерьере новопостроенного храма сакральное пространство фессалоникийской базилики, Всеволод равным образом ориентировался и на пример Константинополя, подражая императору Мануилу¹⁰²⁴. Не исключено, что именно от него князю Всеволоду досталась «сорочка» святого, которая, вероятно, попала во Владимир даже раньше, чем «гробная доска»¹⁰²⁵.

¹⁰¹⁶ *Clari R. de. La Conquête de Constantinople...* P. 172–175.

¹⁰¹⁷ *Масиель-Санчес Л.К.* Описание святынь Константинополя в латинской рукописи XII в. // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 440.

¹⁰¹⁸ Подробнее о религиозно-политической деятельности Мануила см.: *Bauer F.A. Eine Stadt Thessaloniki und ihr Patron...* S. 296–305; *Magdalino P. The Byzantine Holy Man in the Twelfth Century // The Byzantine Saint.* New York, 2001. P. 62–66.

¹⁰¹⁹ О нем см.: *Горский А.А., Кузьмин А.В.* Всеволод (Димитрий) Юрьевич // ПЭ. Т. 9. М., 2005. С. 552–556.

¹⁰²⁰ *Тимофеева Т.П.* К уточнению даты Дмитриевского собора // Дмитриевский собор. К 800-летию памятника. М., 1997. С. 39; *Тимофеева Т.П., Маштафаров А.В., Пивоварова Н.П.* Димитрия Солунского великомученика собор во Владимире // ПЭ. Т. 15. М., 2007. С. 208.

¹⁰²¹ ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 414.

Э.С. Смирнова считает, что «доской гробной» летописец назвал икону св. Димитрия. — *Смирнова Э.С.* Храмовая икона Дмитриевского собора... С. 237.

¹⁰²² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 436–437.

¹⁰²³ *Тимофеева Т.П., Маштафаров А.В., Пивоварова Н.П.* Димитрия Солунского великомученика собор во Владимире... С. 208.

¹⁰²⁴ Подробнее о культе св. Димитрия при Всеволоде III см.: *Taxiarchos A.-E.H.* Солун и свет словена (= *Ταχιάρος Α.Α.Ν.* Η Θεσσαλονίκη και ο κόσμος των Σλάβων. Θεσσαλονίκη, 2013). Ниш, 2014. С. 94–108; *Bauer F.A.* Stadt Thessaloniki und ihr Patron... S. 302–305; *White M.* Military Saints in Byzantium and Rus (900–1200). Cambridge, 2004. P. 506–513.

¹⁰²⁵ *Тимофеева Т.П., Маштафаров А.В., Пивоварова Н.П.* Димитрия Солунского великомученика собор во Владимире... С. 208.

Параллель между религиозно-политическими «проектами» Всеволода Большое Гнездо и первых Асеневцев очевидна. Мы наблюдаем строительство специального храма в честь св. Димитрия, помещение туда чтимого иконного образа святого и его реликвий, в совокупности призванных воссоздать сакральное пространство фессалоникийской базилики. Это воссоздание осуществляется, с одной стороны, под влиянием славы самой Фессалоники, в XII в. представлявшей собой крупнейший паломнический центр. С другой стороны, свою роль во всем этом играло и обаяние личности императора Мануила Комнина, при котором культ св. Димитрия окончательно закрепляет за собой специфически императорский статус (см. выше). Другое дело, что осуществление этих «проектов» было обусловлено все же существенно разными обстоятельствами: если Всеволод Большое Гнездо лишь стремился повысить свой авторитет и престиж, добиваясь статуса великого князя и будучи при этом абсолютно законным правителем, то братьям Петру и Асеню еще только предстояло доказать легитимность своей власти.

§ 3. Историческая память о Первом Болгарском царстве

Проблема «культурной» и «исторической» памяти применительно к средневековой истории Болгарии в последние годы все чаще становится предметом исследования¹⁰²⁶. В данной работе мы будем следовать подходу Д.И. Польшанного, согласно которому историческая память — это «культурный контекст, который формируют коннотации основных понятий, устойчиво характеризующих данное лицо в средневековой исторической

И.А. Стерлигова считает, что эта святыня могла перейти Всеволоду от его матери, принцессы из рода Комнинов: *Стерлигова И.А.* Византийский мощевик Димитрия Солунского... С. 266.

¹⁰²⁶ См., например: *Польшанний Д.И.* Царь Петр в исторической памяти Болгарского Средневековья // Средневековията българин и «другите». Сборник в чест на 60-годишнината на проф. д.и.н. Петър Ангелов. София, 2013. С. 137–145; *Вачкова В.* Белите полета в българската културна памет. София, 2010; *Каймакамова М.* Власт и история в средновековна България (VII–XIV век). София, 2011; *Dall'Aglio F.* Qualche considerazione sulla fondazione del «Secondo regno Bulgaro» // RS. 2011. № 9 (55). P. 55–64.

книжности»¹⁰²⁷. Какова же была роль исторической памяти в утверждении независимой от Византии болгарской государственности?

Согласно повествованию Никиты Хониата, один из предводителей восстания, Феодор, возложил себе на голову золотой венец, надел красные сандалии и принял имя Петра¹⁰²⁸. Смена имени зафиксирована и в «Синодике царя Борила» 1211 г.: «Царю Иоанну Асеню Белгуну, который освободил болгарский род от греческого рабства — вечная память. Феодору, названному Петром, его брату и царю... вечная память»¹⁰²⁹. Таким образом, смена имени старшим из первых Асеновцев может быть признана несомненным историческим фактом, обусловленным, по-видимому, целым рядом серьезных причин. Примечательно, что подобная смена имени засвидетельствована источниками применительно к предводителям и других антивизантийских восстаний в болгарских землях: так, имя Петра принял на себя Делян (или Долян), возглавивший восстание 1040–1041 гг., равно как и призванный в 1072 г. восставшими болгарями сербский (зетский) княжич Константин Бодин¹⁰³⁰. Смысл этих «переименований» не вызывает сомнений: имя «Петр» должно было отсылать настоящих и возможных участников данного восстания к полуполюгендарной к тому моменту личности болгарского царя Петра I (927–967/968) и времени его правления.

Второй сын от второго брака болгарского царя Симеона, Петр получил права на престол в ходе напряженной борьбы и занял его после смерти своего отца в 927 г. по инициативе и при регентстве своего дяди Георгия Сурсулула. Важным моментом в биографии молодого царя становится брак с внучкой правящего императора Романа I Лакапина (920–944) Марией. После свадьбы супруга Петра получает имя Ирины (букв. «мир») в знак заключения

¹⁰²⁷ *Полывянный Д.И.* Царь Петр в исторической памяти Болгарского Средневековья... С. 138.

¹⁰²⁸ *Nicetas Choniata.* Historia... P. 371.

¹⁰²⁹ *Божилев И., Тотоманова А., Билярски И.* Борилов Синодик. Издание и перевод. София, 2010. С. 150. 202а.

¹⁰³⁰ *Ioannes Scylitzaes.* Synopsis historiarum... P. 409, *Michel Psellos.* Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance (976–1077) / Texte établi et traduit par E. Renauld. Vol. 1–2. Paris, 1926–1928. P. 76; *Τσολακη Ε.Θ.* Ἡ Συνέχεια τῆς Χρονογραφίας τοῦ Ἰωάννου Σκυλίτη (Ioannes Scylitzes Continuatus). Θεσσαλονίκη, 1968. Σ. 163–164.

Подробнее см.: *Билярски И.* Покровители на Царството. Св. цар Петър и св. Параскева-Петка. София, 2004. С. 34.

полномасштабного мирного договора между Византией и Болгарией и становится соправительницей своего мужа, чей царский титул был официально признан со стороны Константинополя. Вплоть до 963 г., когда умерла Мария-Ирина, Болгария считалась одним из важнейших союзников Византии, хотя в самом Константинополе «царственность» Петра не считалась равноценной императорской¹⁰³¹. Тем не менее, еще при жизни Петр пользовался большим авторитетом. Византийские авторы писали о нем как о «господине царе Болгарии»¹⁰³², «муже боголюбивом и благочестивом»¹⁰³³. Патриарх Константинопольский Феофилакт (933–956) называл его власть «богонаправляемой», а самого Петра — «христороубцем, вестителем благочестия, учителем православия, исправителем и гонителем еретических учений»¹⁰³⁴. Статус болгарского государства как «царства», начиная со времени правления Петра, подтверждает и знаменитая миниатюра мадридской рукописи хроники Иоанна Скилицы, посвященная триумфу Иоанна Цимисхия в 971 г.¹⁰³⁵

Историческая память о Петре как единственном легитимном царе Первого Болгарского царства сохранялась после византийского завоевания как в собственно болгарской, так и в византийской среде. Вторая грамота Василия II Болгаробойцы Охридской архиепископии (1020) утверждала власть ее архиепископа над относящимися к ее юрисдикции епархиями через ссылку не только на время царя Самуила, но и на царствование Петра как последнего признанного Византией в этом качестве болгарского правителя¹⁰³⁶. Что же касается именно болгарской исторической памяти периода византийского владычества, то она знает царя Петра как прежде всего праведника и святого, канонизированного еще в X в.¹⁰³⁷ Именно в этой

¹⁰³¹ Подробнее о правлении царя Петра I см.: *Божилев И., Гюзелев В.* История на средновековна България... С. 271–307.

¹⁰³² *Constantinus Porphyroginitus.* De ceremoniis aulae byzantinae // ГИБИ. Т. 5. София, 1964. Р. 223.

¹⁰³³ *Leon Diacon.* Historia // Ibidem. Р. 248.

¹⁰³⁴ *Theophylactus Constantinopoli patriarchus.* Epistola Petro bulgarorum regi // Ibidem. Р. 185, 189.

¹⁰³⁵ *Божков А.* Миниатюри от Мадридския ръкопис на Йоан Скилица. София, 1972. С. 113.

¹⁰³⁶ *Иванов Й.* Български старини из Македония... С. 556.

¹⁰³⁷ *Чешимеджиев Д.* Няколко бележки за култа към цар Петър I (927–965) // Християнската традиция и царската институция в българската култура. Шумен, 2003. С. 23.

ипостаси царь Петр фигурирует в «Болгарской апокрифической летописи»: «И родил [Симеон] святого Петра, царя болгарского, мужа святого и праведного отнюдь... Принял царство Болгарское сын его царь Петр, и был [он] царем болгар, а еще и греков. И царствовал в земле Болгарской 12 лет, не имея ни греха, ни жены, и было благословенно царствование его. Ибо тогда, в дни и годы святого Петра царя болгарского было изобилие всего, сиречь пшеницы и масла, меда, молока и вина, и все дарами Божьими грелось и кипело, и не было оскудения ни в чем, но были сытость и изобилие во всем, пока изволил Господь»¹⁰³⁸.

В этом же памятнике впервые отразилась и связь между почитанием праведного царя Петра и св. царя Константина (императора Константина Великого), рождение которого, согласно памятнику, происходит именно при жизни Петра: «И тогда во времена св. Петра, царя болгарского, оказалась в земле Болгарской одна женщина, вдовица, молодая и мудрая, и очень праведная, именем Елена... Елена бежала в Визу, город ромейских эллинов, понеже была беременна, и там родила царя Константина. И явился тому ангел Господень и благовестил ему о Честном Кресте на востоке. И любили друг друга царь Петр и царь Константин»¹⁰³⁹.

Это указание болгарской «Апокрифической летописи» далеко не случайно: как известно, император Константин — единственный канонизированный император-святой, а царь Петр — единственный болгарский святой-царь, о полноценном развитии культа которого можно говорить с полной уверенностью¹⁰⁴⁰. Если С.А. Иванов склонен искать в провозглашении некоей особенной связи между царем Петром и Константином Великим свидетельство превосходства в болгарской среде христианского экуменизма над этнополитическими симпатиями, то, по

¹⁰³⁸ Цит. по: *Полывянный Д.И.* Царь Петр в исторической памяти Болгарского Средневековья... С. 143.

Текст см.: *Български апокрифен летопис // Търкова-Заимова В., Милтенова А.* Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България. София, 1996. С. 196.

¹⁰³⁹ Там же. С. 196.

¹⁰⁴⁰ Подробнее об уподоблении царя Петра Константину Великому см.: *Бадаланова-Покровская Ф., Плюханова М.* Средневековая символика власти в Slavia Orthodoxa // ГСУ ФСФ. Литературознание. 1993 (1996). Кн. 2. Т. 86. С. 105–106.

мнению болгарских исследователей И. Билярского и Д. Чешмеджиева, благодаря этой связи, в болгарской книжной традиции (и, по-видимому, в сознании болгар) царь Петр выступает не только как первый легитимный правитель, признанный Византией, но как прежде всего «новый Константин», «обновитель царства», необходимость чего остро почувствовалась именно после вхождения болгарских земель в состав империи. Отсюда и происходит использование предводителями антивизантийских восстаний имени царя Петра и его «политического культа» в интересах легитимации своих действий в глазах болгарского населения, сохранившего некий общий мифологизированный образ праведного царя Петра в своей исторической памяти¹⁰⁴¹.

Этой связью с Константином Великим объясняются и «римские следы» в почитании царя Петра: согласно «Апокрифической летописи», пока Константин пребывал в поисках Честного Креста, «пришли какие-то насильники как исполины и погубили Болгарскую землю по морю, и Петр, царь болгарский, муж праведный, оставил царство и бежал на запад в Рим и там окончил свою жизнь»¹⁰⁴². В апокрифическом «Толковании Данииловом» утверждается, что болгарские регалии власти лежат в Риме, скрытые во гробе (Петра?) в «церкви Петровой»¹⁰⁴³.

Не менее прочная символическая связь прослеживается и между почитанием св. царя Петра и культом св. Иоанна Рильского: она обнаруживается уже в т.н. Народном житии (ок. 1183) этого прославленного подвижника, где впервые отразилась легенда о заочной встрече царя и отшельника, и где Петр именуется не только «святым царем», но и «братом» св. Иоанна¹⁰⁴⁴. Мотив встречи св. Иоанна Рильского и св. царя Петра,

¹⁰⁴¹ Подробнее см.: *Билярски И.* Покровители на Царството... С. 25–42; *Чешмеджиев Д.* Българската държавна традиция в апокрифите: цар Петър в Българския апокрифен летопис от XI–XII в. // *Българско Средновековие: общество, власт, история. Сборник в чест на проф., д-р Милияна Каймакамова.* София, 2013. С. 262–271; *Он же.* Няколко бележки за култа към цар Петър... С. 23–37.

¹⁰⁴² *Тъпкова-Заимова В., Милтенова А.* Историко-апокалиптичната книжнина... С. 197.

¹⁰⁴³ Там же. С. 125.

¹⁰⁴⁴ *Народно житие на Иван Рилски* // *Стара българска литература. Т. 4. Житиеписни творби.* София, 1986. С. 127–130.

включая обретение мощей подвижника и перенесение их в Средец (совр. София), фиксируется и в более поздних проложных житиях, что позволяет говорить о сопряженности обоих культов в народном сознании на протяжении весьма долгого времени¹⁰⁴⁵. Несмотря на то, что нам ничего не известно о роли культа св. Иоанна Рильского непосредственно во время восстания Петра и Асеня, нельзя не принять во внимание тот факт, что незадолго до него, в 1183 г., во время венгерско-византийской войны, в качестве военного трофея мощи святого были перенесены в Венгрию и помещены в соборный храм города Эстергом. Утрата святыни такой величины, несомненно, должна была вызвать широкий резонанс среди болгарского населения. Не является ли «игра именами» братьев Феодора и Асеня-Белгуна — Петра и Ивана — апелляцией к этой связи между праведным царем Петром и его «братом» Иоанном Рильским¹⁰⁴⁶? И не могла ли эта связь служить дополнительным акцентом, направленным против византийского правления, напоминая о позорной утрате империей именно *болгарской* (выделено мной — *А.Д.*), а не только общехристианской святыни.

Использование имени Петра предводителями крупнейших болгарских антивизантийских восстаний дало болгарской исследовательнице М. Каймакамовой основание вести речь о существовании некоей «традиционной идеологии болгарских освободительных восстаний», в которой имя болгарского святого царя «исполняло своеобразную роль “*tex perpetuum*” и использовалось как основной исторический аргумент воцарения Феодора-Петра на болгарском престоле»¹⁰⁴⁷. Несколько иной точки зрения придерживается Д.И. Польшиванный, согласно которому, «историческая память о болгарском царе Петре не была цельной и непрерывной, она

Подробнее о самом памятнике и посвященных ему исследованиях см.: *Чешимеджиев Д., Турилов А.А., Орецкая И.А.* Иоанн Рильский // ПЭ. Т. 24. М., 2010. С. 585–598 [доступно 25.05.2016: <http://www.pravenc.ru/text/471475.html>]; *Панайотов В.* За «Народното» житие на св. Иван Рилски // Преславска книжовна школа. Т. 4. Шумен, 1999. С. 75–99.

¹⁰⁴⁵ Подробнее см.: *Добрев И.* Св. Иван Рилски. Linz, 2007. С. 224–330.

¹⁰⁴⁶ Именно на этом основании И. Лазаров и выдвигает гипотезу о том, что имя Ивана младший брат Асень-Белгун принял лишь во время восстания: *Лазаров И.* Политическа идеология на Второто българско царство (XII–XIII в.) (Генезис). Велико Търново, 2003. С. 88, 95.

¹⁰⁴⁷ *Каймакамова М.* Власт и история в средновековна България... С. 223.

складывалась из нескольких устойчивых тенденций (обоснование легитимности Болгарского царства, праведность и благочестие при жизни, посмертная святость <...>), которые актуализировались в определенные эпохи в зависимости от их общественно-политических особенностей»¹⁰⁴⁸.

Использование имени Петра фактически означало возвращение к концепции «дублирования империи», к уподоблению Тырново древнему Преславу и самому Царьграду-Константинополю¹⁰⁴⁹, а также выражало недвусмысленные претензии на земли, некогда входившие в состав Первого Болгарского царства, включая Преслав. Связь между царем Петром и Преславом, по-видимому, воспринималась в Средневековье как не менее прочная, чем между св. Димитрием и Фессалоникой: так, в сербской (дуклянской) исторической традиции сохранились сведения о кончине «императора болгар по имени Петр, который сидел в городе Великом Преславе»¹⁰⁵⁰. В общей службе св. Петру и св. Клименту Римскому Преслав также фигурирует как прежде всего город Петра («утверждение граду твоему Преславу»). Примечательно, что после того, как власть Петра и Асеня установилась во всей Северо-Восточной Болгарии, именно Преслав переходит под управление старшего брата, Петра, на правах «Петровой земли» и упоминается у Георгия Акрополита как «Петрова хора»¹⁰⁵¹.

В целом, как представляется, рассмотренный выше инструмент легитимации был обращен предводителями Тырновского восстания 1185–1186 гг. к тем группам и слоям болгарского населения, у которых сохранялась историческая (в бóльшей степени книжная) память о существовании прежнего, почти легендарного государства, некогда равного по своему могуществу с Византией, а также память о территориально-политическом единстве в его рамках юго-западных и северо-восточных

¹⁰⁴⁸ *Полывянный Д.И.* Царь Петр в исторической памяти Болгарского Средневековья... С. 145.

¹⁰⁴⁹ *Бакалов Г.* Средневековният български владетел (титулатура и инсигнии). София, 1985. С. 150–151; *Биларски И.* Покровители на Царството... С. 13–14, 19.

¹⁰⁵⁰ *Annales anonymi presbyteri de Dioclea* // ЛИБИ. Т. 3. София, 1965. Р. 172.

¹⁰⁵¹ *Georgius Acropolita.* Opera... Р. 20.

См. также русский перевод: *Георгий Акрополит.* История... С. 56.

болгарских земель и о благочестивом царе Петре. «Новый Петр» должен был выступить как «обновитель» Болгарии, как «новый Константин», при заступничестве святого Димитрия и, отчасти, св. Иоанна Рильского, чья связь с праведным царем Петром тем или иным образом осознавалась в народном сознании. Вероятно, к таким категориям болгарского населения принадлежали представители низшего духовенства и лица среднего достатка, знакомые с образом св. царя Петра по устным рассказам и апокрифическим сочинениям.

§ 4. Элементы народной религиозности

Итак, провозглашая Тырновское восстание, его предводители Феодор-Петр и Асень-Белгун апеллировали прежде всего к культу св. Димитрия Солунского и к исторической памяти о Первом Болгарском царстве и его праведном царе Петре.

Однако наш главный информатор об этих событиях, Никита Хониат, приступая к рассказу о постигшей византийцев «Илиаде бедствий», начинает его с описания неких прорицателей, «из обоих родов (болгар и влахов? — *А.Д.*) с налитыми кровью, косящими глазами, с распущенными волосами и вообще точно изображавших все то, что делают люди, одержимые бесами». Повествование Хониата дает понять, что последующие решительные действия восставших болгар (согласно Хониату, «весь народ вооружился поголовно») объяснялись не только их уверенностью в заступничестве св. Димитрия, но и впечатлением от того устрашающего действия, которое было разыграно этими «бесноватыми»: сначала они взывали к народу «в исступлении», затем, «дав себе небольшой отдых и вдруг еще более преисполнившись [*Пифонова*] духа», возбуждали народ, «провозглашая вдохновенным голосом, что не время теперь сидеть, что наступила решительная минута идти на ромеев»¹⁰⁵². Иначе говоря, оказывают

¹⁰⁵² Цит. по: *Иванов С.А.* Общественная мысль в Болгарии в XI–XIII вв. ... С. 111–112; греческий текст: *Nicetas Choniata. Historia...* P. 371.

воздействие на собравшийся народ не только слова и демонстрация неких фессалоникийских святынь великомученика Димитрия, но и само поведение «бесноватых», их экзальтация и одержимость «Пифоновым духом». Не означает ли это, что перед нами еще один инструмент легитимации Тырновского восстания, эксплуатирующий то, что можно было бы квалифицировать как «народная религиозность»?

Примечательно, что в позитивистской историографии пассажу из «Истории» Хониата с описанием воздействия «бесноватых» на собравшееся в Тырново население, по большей части, не придавалось практически никакого значения. Так, К. Иречек прямо назвал рассказ Хониата «извращенной легендой»¹⁰⁵³, а Ф.И. Успенский констатировал, что «ничего больше нельзя видеть в картине, в которой Н. Акоминат (Хониат) рисует общее одушевление болгар, возбуждаемых к войне с греками пророчествами и воззваниями бесноватых с налитыми кровью и дикими глазами, как весьма простой факт действительно очень сильного волнения в Болгарии, произведенного частью беглецами из южной Македонии, частью проповедями в церквях терновских»¹⁰⁵⁴. Исследователи позднейшего времени, обращаясь к рассказу Хониата о восстании в Тырново, нередко предпочитали его точному воспроизведению более или менее вольный пересказ, в котором сюжет с «бесноватыми» просто выпадал как избыточная подробность¹⁰⁵⁵, а призывы к восстанию приписывались непосредственно самим братьям Петру и Асеню¹⁰⁵⁶. И все же, в большинстве случаев исследователи не смогли обойти вниманием вопрос о тырновских «бесноватых», решая его в зависимости от отношения к самой «Истории» Хониата — критически или, напротив, с полным доверием ко всему, сообщаемому ее автором.

¹⁰⁵³ Иречек К. История болгар. Одесса, 1878. С. 301.

¹⁰⁵⁴ Успенский Ф.И. Образование Второго болгарского царства... С. 222.

¹⁰⁵⁵ См., например: *Angold M.* The Byzantine Empire (1025–1204): a Political History. New York, 1984. P. 273; *Guilland R.* Byzance et les Balkans, sous le regne d'Isaac II Ange (1185–1195) // Actes du XII congrès international d'études byzantines. T. 2. Beograd, 1964. P. 128; *Stephenson P.* Byzantium's Balkan Frontiers. A Political Study of the Northern Balkans, 900–1204. Cambridge, 2004. P. 290; *Tăpkova-Zaimova V.* Quelques représentations iconographiques de Saint Demetrius... P. 262; *Wolff R.L.* The Second Bulgarian Empire // *Speculum*. 1949. Vol. XXIV. P. 183.

¹⁰⁵⁶ См., например: *Палаузов Сп.* Избрани трудове. Т. 1. София, 1974. С. 209; *Цанкова-Петкова Г.* България при Асеневици. София, 1978. С. 28.

«Бесноватые» — «оценочное суждение»? Стремление представить рассказ Хониата как своего рода обобщающее «оценочное суждение», иронически-язвительную реакцию на восстание болгар против «законной» византийской власти, характерно прежде всего для болгарской историографии первой половины XX в., когда исследователи искали исторические параллели между укреплением собственного национального государства и событиями далекого Средневековья.

Несомненное влияние на болгарскую медиевистику в это время оказывало также и «национально-возрожденческое» представление о событиях 1185–1186 гг., воплотившееся прежде всего в «Истории славяноболгарской» (1762) Паисия Хилендарского. Характерно, что в изложении Паисия, в целом, оказалась сохранена общая временная последовательность событий, представленная Хониатом, но само изложение при этом было наделено новыми, дополнительными подробностями. Так, согласно Паисию, в день восстания болгарский народ, «как один», собрался в Тырново к храму св. Димитрия и, радостно приветствуя начало освобождения от «греческого ига», стал «громогласно кричать»: «Да здравствует Асень! Многая лета болгарскому царю Асеню! Многая лета Иоанну, блаженнейшему патриарху Тырновскому и всей Болгарии! Многая лета!»¹⁰⁵⁷

Несмотря на то, что Паисий Хилендарский был знаком с содержанием «Истории» Хониата лишь опосредованно (через Мавро Орбини)¹⁰⁵⁸, и многое в его сочинении могло быть плодом личных домыслов, утверждение о всеобщем воодушевлении болгарского населения при начале восстания надолго утвердилось в болгарской историографии, включая таких ее корифеев как П. Ников и П. Мутафчиев. Разумеется, в своих работах,

¹⁰⁵⁷ Паисий Хилендарски. Славяноболгарска история. София, 1963. С. 49.

В.Г. Васильевский, обнаружив приведенный отрывок в одной из работ Г. Раковского, предположил, что все это представляет собой остатки некоего народного предания о начале восстания (*Васильевский В.Г.* Образование Второго Болгарского царства, Федора Успенского. Одесса, 1879 // ЖМНП. 1879. Ч. 204. С. 179–180). Сам Г. Раковский ссылался на некий «народный памятник Царственник» (*Раковски Г.С.* Няколко речи о Асеню първому, великому царю болгарскому и сыну му Асеню Второму. Белград, 1860. С. 7).

¹⁰⁵⁸ Арнаудов М. Паисий Хилендарски. Личност, дело, епоха. София, 1972. С. 80–97; Диневков П. Паисий Хилендарски и неговата «История славеноболгарская» // Паисий Хилендарски. Славяноболгарска история. София, 1963. С. 17–18.

посвященных истории Второго Болгарского царства, они «переводили» изложение в категории, более понятные для современной им читательской аудитории. Из зловещей полубезумной толпы «бесноватые» превращались в движущую силу освободительного движения, своего рода «народных будителей». По сути, болгарские ученые приходили к тому же выводу, что и В.В. Макушев в 1872 г., превративший «бесноватых» Хониата в «приверженных главарей Асенева»¹⁰⁵⁹. Согласно П. Никову, действие с «бесноватыми» было напрямую связано с «религиозной основой движения» для привлечения недовольного византийским владычеством населения¹⁰⁶⁰. Именно в этих целях предводители восстания внедрили в массу населения «боговдохновенных агитаторов, которые проповедовали, что начатое дело угодно Богу, одобряется и подкрепляется Им»¹⁰⁶¹. Сходного мнения придерживался и П. Мутафчиев, по версии которого, чтобы привлечь... простой народ и вдохнуть в него веру в успех», Петр и Асень «использовали и его суеверие»¹⁰⁶². Перефразируя сведения Хониата об участии в восстании «бесноватых», ученый писал о неких «предварительно подготовленных соучастниках заговора», которые «подняли клич о бунте против ненавистой византийской власти и увлекли весь собравшийся в Тырново народ»¹⁰⁶³. Наконец, свое видение событий представил и И. Дуйчев, который, соглашаясь в принципе с версией о народном «воодушевлении», признавал за этим «воодушевлением», по меньшей мере, религиозную окраску, поскольку «в эпоху религиозности, отличающей Средневековье, каждое политическое и социальное движение неизбежно принимало религиозную окраску»¹⁰⁶⁴. Этот религиозный компонент И. Дуйчев связывал с убеждением в «присутствии» среди восставших св. Димитрия — в «лице» того иконного изображения, о

¹⁰⁵⁹ Макушев В.В. Болгария в конце XII и первой половине XIII в. // ВУИ. 1872. № 3. С. 2.

¹⁰⁶⁰ Ников П. Второ българско царство (1186–1396). София, 1937. С. 26.

¹⁰⁶¹ Там же. С. 27.

¹⁰⁶² Мутафчиев П. История на българския народ (681–1323). Т. 1/2. София, 1943 (репринт: София, 1986). С. 257.

¹⁰⁶³ Там же. С. 258.

¹⁰⁶⁴ Дуйчев И. Проучвания върху средновековната българска история и култура... С. 54.

котором шла речь выше¹⁰⁶⁵. В целом, образ «бесноватых» в работах И. Дуйчева неоднозначен: употребление этого слова в «Истории» Хониата трактуется ученым в контексте «презрительного определения» византийским автором всех восставших как «бесноватых»¹⁰⁶⁶, но в то же время и как наиболее радикальных сторонников восстания, «горячих голов», которые, будучи «охвачены божественной яростью», но ни в коем случае не падучей болезнью, сумели своими речами «патриотически-религиозного характера» поднять народ на борьбу против ромеев¹⁰⁶⁷.

В послевоенный период многие исследователи, рассматривая восстание Петра и Асеня через призму марксистской методологии, фактически, по-прежнему следовали версии о народном «воодушевлении», отказываясь понимать рассказ Хониата буквально. Так, в работе Б. Примова «бесноватые» Хониата трансформировались в «сознательных и разумных борцов», воодушевленных своим «великим делом», которые «ввергали себя в великую опасность неравной освободительной борьбы»¹⁰⁶⁸. «Сознательность» зачинщиков восстания подчеркивал и М. Андреев. По его мнению, «рассказ Никиты Хониата пропитан ненавистью к болгарскому народу», но при правильном толковании дает «яркую картину обстановки, в которой произошло восстание». Очевидно, что «безумцам, объатым бесом, нельзя внушить произнести длинную и подробно аргументированную речь». В свою очередь, то, что эта речь «полностью осмыслена, целенаправленна, ... не подтверждает, а напротив, опровергает утверждение, что ее произнесли безумцы». Не отрицая, что при освящении храма св. Димитрия, организованном предводителями восстания, могли действительно присутствовать какие-то «убогие, искалеченные и больные, и даже безумные», как это происходило в Средневековье, исследователь

¹⁰⁶⁵ *Он же*. Проучвания върху българското средновековие. София, 1945. С. 44–51.

¹⁰⁶⁶ Примечательно, что И. Дуйчев решительно не соглашался с переводом греческого «генос» как «род, народ», переводя его как «пол», что, по его мнению, в очередной раз подтверждает, что восстание было абсолютно всеобщим. — *Дуйчев И.* Проучвания върху средновековната българска история и култура... С. 54.

¹⁰⁶⁷ *Он же*. Проучвания върху българското средновековие... С. 46; *Он же*. Проучвания върху средновековната българска история и култура... С. 54–55.

¹⁰⁶⁸ *Примов Б.* Създаването на Втората българска държава и участието на власите // Българо-румънски връзки и отношения през вековете. Изследвания. Т. 1 (XII–XIX в.). София, 1965. С. 30.

подчеркивал, что не они проводили «агитацию за восстание». Согласно М. Андрееву, рассказ Хониата — это отражение «страшного недовольства народа, его ярости, которая привела к тому, что люди с налитыми кровью глазами и распущенными волосами призывали к бунту и восстанию»¹⁰⁶⁹. Апелляция же к св. Димитрию, по убеждению ученого, была рассчитана на внимание со стороны «суеверных народных масс»¹⁰⁷⁰. Почти полностью исключал наличие какой-либо сверхъестественной составляющей в восстания Петра и Асеня и П. Петров, согласно которому, «как бы хронисты ни старались придать мистическую окраску событиям в Тырново», в том числе и характеризуя восставших как «бесноватых», «они все же не могут скрыть их открыто выраженного политического характера»¹⁰⁷¹. Употребление же Хониатом термина «бесноватые» ученый объяснял «нескрываемой злобой» автора-византийца, называющего «беснованием» «восторг тырновского населения» от идеи, что Бог даровал болгарам свободу¹⁰⁷², «взрыв неопишуемой народной радости и желание довести до конца борьбу против поработителей»¹⁰⁷³.

В более или менее модифицированном виде подобное понимание рассказа Хониата о событиях в Тырново в 1185–1186 гг. разделяли и многие другие ученые, включая как представителей «старой» школы: в лице, прежде всего, Г.Г. Литаврина и Й. Андреева, — так и исследователей более молодых поколений.

Так, Г.Г. Литаврин, первоначально усматривая в «бесноватых», описанных Хониатом, «специально подобранных “юродивых”», которых Петр и Асень заставили провозглашать политическую свободу¹⁰⁷⁴, в дальнейшем представлял их как «сподвижников братьев, болгарских священнослужителей», которые «страстно пропагандировали идею о том, что

¹⁰⁶⁹ Андреев М. Българската държава през Средновековието. София, 1974. С. 99.

¹⁰⁷⁰ Там же. С. 100.

¹⁰⁷¹ Петров П. Възстановяване на българската държава... С. 101–102.

¹⁰⁷² Он же. Тырново в политическата история на България (1185–1393) // История на Велико Тырново. Т. 1. София, 1986. С. 90.

¹⁰⁷³ Петров П. Възстановяване на българската държава... С. 101.

¹⁰⁷⁴ Литаврин Г.Г. Болгария и Византия... С. 435, 443.

«св. Димитрий Солунский перешел на сторону болгар, покинув Фессалонику», и «находится теперь, олицетворяемый иконой..., в Болгарии»¹⁰⁷⁵. В целом, в интерпретации Г.Г. Литаврина, «бесноватые» Хониата — это некое общее наименование для «собрания сторонников немедленного восстания, созванного Петром и Асенем», которое отражает не только реакцию на события со стороны самого Хониата, но и «пропагандистскую деятельность руководителей движения и собрания их сторонников»¹⁰⁷⁶.

К похожему выводу приходил и Й. Андреев. По его мнению, для Хониата «помешанными и оборванцами» были все, кто восставал против византийской власти. Рассматривая обстоятельства восстания, представленные византийским автором, Й. Андреев указывал, что «знаменательное событие сопровождалось огромным энтузиазмом и имело неотразимое воздействие на болгар», а «прорвавшаяся народная энергия привела ко всевозможным, может быть, и неумеренным эмоциям, но их ни в коем случае нельзя понимать так превратно, как их представляют византийские хронисты»¹⁰⁷⁷.

В свою очередь, в последние годы о «восторженном множестве народа», «религиозном энтузиазме и вере мессианского толка», «организованном недовольстве», «охваченной энтузиазмом толпе» писали И. Божилов, В. Гюзелев, Г. Николов¹⁰⁷⁸.

Новое объяснение событиям в Тырново дает П. Павлов, предлагая видеть в них акт своего рода «психологической войны», развернутой Петром и Асенем не только против византийцев, но и против собственных соплеменников. По мнению исследователя, именно провозглашенный во

¹⁰⁷⁵ Литаврин Г.Г. Становление Второго Болгарского царства... С. 367.

Выдвигая эту версию Г.Г. Литаврин, по-видимому, опирался на слова В.Г. Васильевского о «православном духовенстве», которое «успокаивало религиозную совесть» владарей и болгар во время восстания. — Васильевский В.Г. Образование... С. 181.

¹⁰⁷⁶ Литаврин Г.Г. Становление Второго Болгарского царства... С. 367.

¹⁰⁷⁷ Андреев Й. История на Второто Българско царство. Велико Търново, 1996. С. 26–27.

¹⁰⁷⁸ См., соответственно: Божилов И., Гюзелев В. История на средновековна България... С. 427; Гюзелев В. Чудотворна икона на св. Димитър Солунски в Търново... С. 38; Николов Г. Българите и Византийската империя... С. 609.

время восстания принцип «убивать решительно всех пленных без исключения» вызвал негативную реакцию Хониата и был воспринят им как проявление «безумия» и «беснования», так как противоречил не только христианской морали, но и принятым в ту эпоху правилам ведения войны и практической целесообразности. Кроме того, по замечанию П. Павлова, расправа с пленным противником — известный в «психологии восстания» элемент, и именно он применяется в моменты, когда массы испытывают колебания и неуверенность в собственных силах: отсюда и экзальтация населения, воодушевленного призывами своих предводителей¹⁰⁷⁹.

Таким образом, несмотря на ряд существенных различий в трактовке рассказа «Истории» Хониата о событиях в Тырново в 1185–1186 гг., исследователи этого условно выделяемого направления сходятся между собой в главном. «Бесноватые», в их понимании, суть непосредственные участники восстания, возмущенные и негодующие против византийской власти и одновременно воодушевленные перспективой будущей независимости от империи, действия которых сам Хониат представляет в виде злобно-насмешливой карикатуры, подменяя ею величественную картину борьбы за народное освобождение.

«Бесноватые» — безумные, шаманы, нестинары? Между тем, некоторые исследователи все же пытались увидеть в рассказе Хониата отражение не просто реальных, но совершенно конкретных событий, пусть и переданных Хониатом в столь специфической форме.

Так, В. Златарский полагал, что в тексте описаны подлинные бесноватые — «разные эпилептики и полупомешанные из обоих народов, которые в Средние века считались Божьими людьми, то есть такими, через которых говорит Божество»¹⁰⁸⁰. В связи с возможностью такого понимания рассказа Хониата, необходимо упомянуть парафразу его «Истории», составленную в XIV в., где некие люди, «объятые бесами», не только

¹⁰⁷⁹ Павлов П. Методите на психологическа война във въстанието на Петър и Асен // БИБ. 2000. № 2. С. 3–4.

¹⁰⁸⁰ Златарски В. История на българската държава... Т. 2. С. 431.

призывают болгарское население к восстанию, но и «побивают себя железом»¹⁰⁸¹. Если автор этой парафразы не имел в виду флагеллантов, для которых также были характерны экзальтированные состояния¹⁰⁸², то, по всей вероятности, перед нами отражение предельно буквального понимания рассказа Хониата, возможность которого вполне подтверждается тем, что мы знаем о средневековой практике обращения с бесноватыми.

В свое время Л.П. Карсавин очень ёмко сформулировал взаимосвязь явлений «святость — болезнь» в Средневековье: «Святые исцеляют болезни. Около их могил тянутся вереницы калек и больных. Увечные и жаждущие исцеления ходят от реликвии к реликвии, от могилы к могиле в надежде на помощь, призывают всех известных им святых, пока, наконец, не найдут святого — целителя их болезни»¹⁰⁸³. Его слова в полной мере иллюстрируют практику лечения душевнобольных, считавшихся одержимыми бесами, посредством оставления их на ночь в храме и, в тяжелых случаях, приковывания железными цепями к колоннам или балкам¹⁰⁸⁴. Подобная практика была распространена и в Болгарии, о чем свидетельствуют многочисленные храмовые росписи с изображениями бесноватых, связанных веревками или скованных цепями¹⁰⁸⁵. Наличие около храма св. Наума на Охридском озере некоей «лечебницы» для содержания беснующихся зафиксировал еще В.И. Григорович во время своего путешествия по «Европейской Турции»¹⁰⁸⁶. В некоторых болгарских селах этот обычай частично сохраняется и по сей день. Так, в храме св. Димитрия села Тешово Гоце-Делчевского района, построенном на месте одноименного средневекового храма, практикуется обычай оставлять в ночь с 25 на 26 октября (то есть накануне дня церковного празднования памяти св. Димитрия) больных для исцеления «лечебной силой церкви». Внутри храма

¹⁰⁸¹ *Nicetas Choniata. Historia* // ГИБИ. Т. 11. София, 1983. Р. 26.

¹⁰⁸² *Ле Гофф Ж., Трюон Н.* История тела в средние века. М., 2008. С. 54.

¹⁰⁸³ *Карсавин Л.П.* Основы средневековой религиозности в XII–XIII вв. СПб., 1997 (= *Карсавин Л.П.* Основы средневековой религиозности в XII–XIII вв. Петроград, 1915). С. 99.

¹⁰⁸⁴ *Вълчинова Г.* Светецът и трактовката на лудостта в традиционната култура // БЕ. 2005. № 2. С. 9–10; *Мутафов С.* Медицината в българската иконопис. София, 1992. С. 91.

¹⁰⁸⁵ *Мутафов С.* Медицината... С. 90.

¹⁰⁸⁶ *Григорович В.И.* Очерк ученого путешествия по Европейской Турции. М., 1877. С. 128–130.

сохранились специальные железные кольца, к которым приковывали душевнобольных, свидетельствующие о том, что этот способ «лечения» применялся в свое время достаточно активно и часто¹⁰⁸⁷.

Могли ли настоящие бесноватые принимать участие в восстании Петра и Асеня? Судя по оговорке Хониата: «как демонами одержимые ведут себя», — речь идет не о действительном безумии, а о симуляции, копировании безумия, что больше напоминает юродство. Однако, согласно С.А. Иванову, подробно рассмотревшему рассказ Хониата в своей монографии по истории христианского юродства, «хотя симуляция безумия здесь налицо и осуществляется в христианском храме, она не может быть названа юродством в традиционном смысле слова, поскольку преследовала сугубо политические цели; кроме того, окружающие явно воспринимали этих пророков не как презренных маргиналов, а как страшноватых медиумов»¹⁰⁸⁸. По утверждению исследователя, действо «страшноватых медиумов» в данном случае — не что иное, как проявление остатков протоболгарского шаманизма, который продолжал бытовать, в том или ином виде, в средневековых болгарских землях, включая и их северо-восток¹⁰⁸⁹.

Помимо С.А. Иванова, подобной точки зрения на интересующие нас события придерживаются и болгарские фольклористы А. Калоянов и Т. Моллов¹⁰⁹⁰. По их мнению, в рассказе Хониата речь вообще идет не о «влахах» как этнической группе, наряду с болгарями участвующей в восстании, но о «волхвах»¹⁰⁹¹, под которыми имеются в виду «болгарские пророки шаманского типа»¹⁰⁹². Согласно А. Калоянову, именно шаманы

¹⁰⁸⁷ *Димитров В.* Ритуал за изцеление, изпълняван в храма «Св. Димитър» в село Тешово, Гоцеделчевско // От Честния пояс на Богородица до коланчето за рожба. Изследвания по изкуствознание и културна антропология в чест на проф. Елка Бакалова. София, 2010. С. 84–87.

¹⁰⁸⁸ *Иванов С.А.* Блаженные похабы. Культурная история юродства. М., 2005. С. 236.

¹⁰⁸⁹ *Иванов С.А.* Формы легитимации верховной власти в Болгарии в XII–XIII в. ... С. 68–69.

¹⁰⁹⁰ *Калоянов А.* Българското шаманство. София, 1995; *Моллов Т.* Българският миторитуален контекст при оформяне на култа към св. Димитър в Търновград // Електронно списание LiterNet, 07.03.2001. № 3 (16) [доступно 25.05.2016: <http://litenet.bg/publish/tmollov/svdimityr.htm>]; *Он же.* Народнохристиянски календарни съответствия в Търновското въстание от 1185 година // ИИ. Т. 15. София, 1988. С. 81–83.

¹⁰⁹¹ *Калоянов А.* Българското шаманство... С. 113; *Он же.* Влаха-власи във фолклора и в топонимията с оглед на стб. влѣх-влѣси/влѣхв-влѣсви и влѣхва-влѣхви в диалектите // Дни на науката '96. Велико Търново, 1996. С. 61–68; *Моллов Т.* Българският миторитуален контекст...

¹⁰⁹² *Моллов Т.* Българският миторитуален контекст...

подтолкнули Петра и Асеня к выступлению против византийской власти, а красочное описание Хониатом внешнего вида «бесноватых» и всех их действий соответствует шаманской практике, зафиксированной в переписке крестителя Болгарии, хана Бориса-Михаила (852–889) с Римским папой Николаем I (858–867) и в изображениях шаманов из Плиски¹⁰⁹³. По мнению Т. Моллова, речь идет о неосознанном повторении элементов сохранившегося в народной памяти «христианизированного» шаманского комплекса¹⁰⁹⁴.

Тем не менее, сохранившиеся источники, сколько-нибудь современные событиям в Тырново в 1185–1186 гг., не позволяют однозначно утверждать, что шаманизм в каком бы то ни было виде практиковался в северо-восточной Болгарии в конце XII в. Сомнительным представляется и сохранение в этих землях в то время, после более чем полуторавекового пребывания в составе христианской Византии, какого-либо протоболгарского языческого элемента.

Столь же маловероятной выглядит и версия, предложенная в свое время Дж. Файном, согласно которому в Тырновском восстании участвовали некие собственно «влашские шаманы»¹⁰⁹⁵. Несомненно, что большая часть местного населения, значительную долю в котором составляли вlahи, была христианизирована достаточно слабо¹⁰⁹⁶. Однако скудость источниковой базы, отрывочность сведений о балканских вlahах в ту эпоху, не позволяет утверждать ничего конкретного относительно бытования во влашской среде шаманизма¹⁰⁹⁷.

Однако, помимо «клинически-медицинского» и «шаманского», в научной литературе известен и еще один возможный вариант идентификации «бесноватых» из рассказа Хониата о событиях в Тырново в 1185–1186 гг.,

¹⁰⁹³ *Калянов А.* Българското шаманство... С. 42, 112.

¹⁰⁹⁴ *Моллов Т.* Народнохристиянски календарни съответствия... С. 82.

¹⁰⁹⁵ *Fine J.V.A.* The Late Medieval Balkans. A Critical Survey from the Late Twelfth Century to the Ottoman Conquest. Ann Arbor, 1987. P. 13.

¹⁰⁹⁶ См., например: *Советы и рассказы Кекавмена.* Сочинение византийского полководца XI века. М., 1972. С. 269; *Литаврин Г.Г.* Вlahи византийских источников X–XIII вв. // *Он же.* Византия и славяне. СПб, 1999. С. 164.

¹⁰⁹⁷ *Winniffrith T.J.* The Vlachs: The History of a Balkan People. New York, 1987. P. 110–122.

Г.Г. Литаврин предполагал, что на верования вlahов большое влияние оказали богомилы. — *Литаврин Г.Г.* Вlahи византийских источников... С. 164.

Кроме того, шаманизм — религиозная практика, характерная прежде всего для азиатских народов. — *Eliade M.* Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy (trans. from French by Willard R. Trask). London, 1989.

помещающий их в контекст болгарской народной культуры. Основывается этот вариант на одном из фрагментов «Обзорной хроники» Феодора Скутариота (вторая половина XIII в.), где автор, пересказывая сведения Хониата о «бесноватых», называет их «лжепророками» и уточняет, что «этих людей еще именуют астенариями» (Ἀσθενάρια)¹⁰⁹⁸. Опираясь на выводы греческого ученого Н. Вееса, другой греческий исследователь, Ф. Малингудис, предположил, что «бесноватыми» Хониата, они же «астенарии» Скутариота, были на самом деле не кто иные, как «анастенарии», или «нестинары», а значит, их состояние «исступления», с «налитыми кровью и изворачивающимися глазами», «распущенными волосами», можно объяснить особенностями экстатической практики, сопровождающей нестинарский обряд хождения по раскаленным углям¹⁰⁹⁹.

Как известно, нестинарство представляет собой уникальный комплекс религиозно-календарных обрядов, практикующийся на юго-востоке Болгарии в нескольких причерноморских селах Странджи, а также в некоторых других местах, и неоднократно описанный этнологами¹¹⁰⁰. Могли ли нестинары участвовать в интересующих нас событиях Тырновского восстания под предводительством Петра и Асеня?

Самые ранние описания образа жизни нестинаров и их обрядности относятся лишь к середине XIX — началу XX в. и практически повторяют

¹⁰⁹⁸ Avonόμου Σύνοψις χρονική // *Σαθα Κ.Ν.* Bibliotheca graeca medii aevi. Vol. 7. Paris, 1894. Σ. 372.

¹⁰⁹⁹ *Malingoudis Ph.* Die Nachrichten des Niketas Choniates über die Entstehung des Zweiten Bulgarischen Staates // *Byzantina*. Т. 10. Thessaloniki, 1980. S. 110–112.

¹¹⁰⁰ Подробнее о нестинарстве см.: *Узенева Е.С.* Нестинарство // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. М., 2004. Т. 3. С. 392–394; *Арnaudов М.* Очерки по българския фолклор. София, 1934. С. 546–566, 616–688; *Вакарелски Х.* Етнография на България. Трето издание. София, 2007. С. 480–482; *Георгиева И.* Нестинарството в България // *Етнография*. Втори международен конгрес по българистика. Доклади. 10. София, 1987. С. 37–51; *Она же.* Нестинари // *Георгиева И., Делев П., Живкова Н., Колев П., Ламбев Г., Попов Д. Орачев А., Русинов В., Станимиров С., Черкезова М.* Странджа. Древност и съвремие. Кн. 1. София, 1990. С. 276–278; *Радойнова Д.* Феномените на Странджа. София, 1999; *Фол В., Нейкова Р.* Огън и музика. София, 2000; *Шаранков Е.* Огнеходство. Историко-географски, битово-мирогледен и психо-физиологичен поглед върху нестинарство и не-нестинарство. София, 2001.

Об освещении тематики нестинарства в греческой историографии, а также обзор дискуссии относительно возможного участия нестинаров в Тырновском восстании см.: *Мавроффридис Г.* Нестинарството в гръцката етнографска книжнина // *Thracia*. Т. 10. София, 1993. С. 155–168.

Подробный перечень западных работ, посвященных нестинарству, см. в статьях А.М. Лидова: *Лидов А.М.* Иконы в огне. Византийская иеротопия обряда Анастенарии // *Иеротопия огня и света в культуре византийского мира*. М., 2013. С. 349; *Она же.* Огонь Анастенарии. Иеротопия византийского обряда танцев с иконами // *Огонь и свет в сакральном пространстве. Материалы международного симпозиума*. М., 2011. С. 127–133.

друг друга. Одно из наиболее подробных описаний оставил П. Ангелов, наблюдавший нестинарское действо в одном из сел Странджи в 1903 г. По его воспоминаниям, знаменитый танец на раскаленных углях предварялся «прелюдией», сопровождавшейся оглушительными звуками волынки, боем барабанов и вращением вокруг огня иконы св. царя Константина, к празднованию церковной памяти которого и был приурочен обряд. Как только нестинары чувствовали присутствие в себе высшей силы, «девушки-нестинарки начинали рвать на себе волосы, биться головами друг о друга, как попало», и так продолжалось до тех пор, пока в экстатическое состояние не впадало еще больше людей. Остальные должны были стоять с опущенными головами, устремив взгляд в одну точку, и кричать в такт «кю-кю», после чего начиналось основное действо — танец¹¹⁰¹. О характерных криках, издаваемых нестинарами, писали, опираясь на свои личные воспоминания, и П. Славейков и М. Арnaudов¹¹⁰². По наблюдениям исследователей начала XX в. и позднейшего времени, в нестинарской среде издавна существовало представление о том, что во время танца нестинару открываются двери в будущее, и он обладает способностями предсказывать, что произойдет¹¹⁰³.

На первый взгляд, некоторые составляющие нестинарской обрядности, а именно: распущенные волосы, пронзительные крики, симуляция безумия и призывы-пророчества, — действительно совпадают с описанием Хониата. Но велика ли вероятность того, что подобное действо произошло не в день церковной памяти св. царя Константина (21 мая), согласно устоявшейся традиции, а поздней осенью 1185 г., будучи приурочено к празднованию дня св. Димитрия (26 октября)? Наблюдения середины XX в. показали, что в среде нестинаров сохранились следы почитания св. Димитрия: это, прежде всего, регулярные процессии в «Димитров» месяц, т.е. в октябре, в понедельник или четверг, и обязанность нестинаров в тот же «Димитров»

¹¹⁰¹ *Силянов Хр.* Спомени от Странджа. Бележки по Преображенското въстание в Одринско — 1903 г. София, 1934. С. 300.

¹¹⁰² *Арnaudов М.* Български народни празници. Велико Търново, 1996. С. 101, 106.

¹¹⁰³ *Георгиева И.* Нестинарството в България... С. 38; *Маринов Д.* Народна вяра и религиозни народни обичаи. Второ фототипно издание от 1981 г. София, 1994. С. 631.

месяц следить за лампадой в деревенской часовне¹¹⁰⁴, обычай «курбана» (заклания барана) на день св. Димитрия, пошив нестинарского «одеяния» на его икону и последующее ее «облачение» для празднования¹¹⁰⁵, и даже пророчества от имени св. Димитрия¹¹⁰⁶. Однако, даже допуская, что примерно в том же виде, в каком они существовали в конце XIX — первой половине XX в., обряды нестинаров практиковались и в Средневековье¹¹⁰⁷, мы все же не располагаем ни одним источником, свидетельствующим о существовании нестинарства на северо-востоке болгарских земель, в окрестностях Тырново. Сомнительным представляется и само перенесение главного майского действия нестинаров, приуроченного исключительно к празднованию дня св. Константина и не повторяющегося в другие праздники, на позднюю осень. Кроме того, едва ли возможно, чтобы Хониат, сознательно воспроизводя внешний вид «бесноватых» и их «демоничность», пропустил бы такую красочную деталь (способную прекрасно вписаться в «демоническую» картину восстания на правах «адского пламени» или «геенны огненной») как пламя костра и танец на раскаленных углях.

Как же в таком случае понимать сообщение Феодора Скутариота? Как известно, сам он не был современником описанных им событий, хотя и мог пользоваться иными источниками, до нас не дошедшими. Тем не менее, дальнейшее изложение событий в его «Хронике» почти полностью построено на «Истории» Хониата. Это позволяет предположить, что сведения об «астенариях» Скутариот почерпнул из какого-то личного опыта общения с нестинарами Фракии, просто перенеся его на «беснование», описанное Хониатом.

«Бесноватые» — служители иконы св. Димитрия? Итак, даже принимая рассказ Хониата как буквальное описание некоего конкретного действия и пытаясь найти его объяснение в культурных особенностях и

¹¹⁰⁴ Ангелова Р. Игра по огън. Нестинарство (народен обичай в България). София, 1955. С. 28–29, 33.

¹¹⁰⁵ Георгиева И. Нестинарството в Крим // БЕ. 2003. № 2–3. С. 17, 20.

¹¹⁰⁶ Арnaudов М. Очерки по българския фолклор.... С. 632.

¹¹⁰⁷ Георгиева И. Нестинарството в Странджа // Културно-историческо наследство на Странджа–Сакар. София, 1987 [доступно 25.05.2016: http://www.promacedonia.org/ss/ss_7.html].

народно-религиозных практиках населения северо-восточной части болгарских земель, исследователи явно обходят вниманием важнейшую составляющую легитимации Тырновского восстания — культ св. Димитрия, «выступившего» на стороне восставших в лице своего иконного изображения (см. выше).

Между тем, ритуалы с иконами, как известно, были одной из важнейших составляющих византийского благочестия и имели определенные «стандарты» и образцовые формы организации, известные как в столице, так и на окраинах империи¹¹⁰⁸. Воздействие этих ритуалов на верующих было чрезвычайно сильно, тем более что последние сами активно включались в их совершение, обращаясь к иконам с молитвами и иным образом выражая перед ними свое благоговение. Все это вполне могли использовать в своих интересах и предводители Тырновского восстания, Петр и Асень.

Примечательно, что ритуальные действия с чтимыми иконами едва ли не в обязательном порядке предполагали участие в них неких постоянных групп лиц — будь то мирянские братства, организованные вокруг почитаемых святынь, братия монастырей или клир храмов, в которых эти святыни хранились¹¹⁰⁹. Так, величайшей известностью не только в Византии, но и во всем христианском мире пользовалось «вторичное чудо», связанное с константинопольским монастырем Одигон и образом Богоматери Одигитрии¹¹¹⁰. Согласно Стефану Новгородцу (XIV в.), «чюдно велми зрети» при этом действия определенной группы людей: образ Богоматери «единому

¹¹⁰⁸ См., например: *Паттерсон-Шевченко Н.* Служители святой иконы // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / Редактор-составитель А.М. Лидов. М., 1996. С. 133–144.

Подробнее о народно-религиозных практиках Средневековья и их изучении см.: *Барабанов Н.Д.* Иеротопия и проблема «народной религиозности» в Византии (некоторые соображения к развитию концепции) // Власть, общество и церковь в Византии. Армавир, 2007. С. 231–238; *Он же.* Проблема народной религиозности в современной историографии: уроки медиевистики // Вестник ВолГУ. 2005. Серия 4. Вып. 10. С. 154–159.

¹¹⁰⁹ См., например: *Паттерсон-Шевченко Н.* Служители святой иконы... С. 136–137; *Nesbitt J., Wiita J.* A Confraternity of the Comnenian Era // *BZ.* 1975. Bd. 68. Heft 2. P. 360–384; *Cutler A., Bartusis M. C.* Confraternity // *ODB.* Vol. 1. P. 494.

¹¹¹⁰ Подробнее см.: *Барабанов Н.Д.* Культ иконы Одигитрии в Константинополе в аспекте византийского народного благочестия // Море и берега. К 60-летию С.П. Карпова от коллег и учеников. М., 2009. С. 256–257; *Лидов А.М.* Чудотворное действо с Одигитрией Константинопольской // *Он же.* Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М., 2009. С. 39–69; *Шалина И.А.* Реликвии в восточнохристианской иконографии... С. 243–274; *Janin R.* La géographie ecclésiastique de l'Empire Byzantin. T. III. Les églises et les monastères. Paris, 1969. P. 199–207.

человеку вставят на плеча вьстайно, а он руже распростре, аки распят, такоже и очи ему запроврежет. Видети грозно: по буювищу мычет его семо и овамо, вельми силно поверьтывает им, а он не помнит ся куда его икона носит. Потом други похватить, и тои такоже, таж трети и четверты подхватывают, а они поют с к[ан]онархи пение велико, а народ зовет: Господи, помилуй! с плачем»¹¹¹¹. Новые подробности «чуда» добавляет испанец Перо Тафур (начало XV в.): по его словам, ритуал совершался членами некоего братства, облаченными в красные одеяния, и «люди эти из одного рода, другие не могут исполнять эту службу; они движутся с большой процессией, и люди в том одеянии подходят по одному к иконе, и кто ей нравится, тому она позволяет взять себя легко, словно бы весила она одну унцию, и кладут ее на плечо, и с песнопениями выходят из церкви и направляются к большой площади, и там тот, кто несет ее, ходит с ней от одного конца до другого, и обходит [так площадь] пятьдесят раз, и кажется, что икона поднимает его над землей, причем он теряет сознание и бледнеет, не отрывая глаз от нее; затем он садится, подходит другой, берет ее, кладет себе на плечо, и делает то же самое, так что таким образом четыре или пять человек носят ее в течение того дня»¹¹¹².

Собравшийся на площади народ не был простым наблюдателем «чуда», но также принимал активное участие в действе: испанец Руи Гонсалес де Клавихо (начало XV в.) отмечает, что когда икону выносят и ставят посреди площади, «весь народ начинает молиться перед ней с плачем и стенаниями»¹¹¹³. По заключению Н.Д. Барабанова, «экстатическое состояние носильщика свидетельствовало о реальном присутствии в образе чудотворной силы», так что «выход иконы... с организацией последующего зрелища являлся мощным средством воздействия на паству»¹¹¹⁴.

¹¹¹¹ От странника Стефанова Новгородца // *Majeska G.P. Russian Travelers to Constantinople in the XIVth and XVth Centuries* (= *Dumbarton Oaks Studies*. Vol. 19). Washington, 1984. P. 37.

¹¹¹² *Перо Тафур*. Реликвии Константинополя // *Реликвии в Византии и Древней Руси*. Письменные источники. М., 2006. С. 245–246.

¹¹¹³ *Руи Гонсалес де Клавихо*. Реликвии Константинополя в начале XV в. // Там же. С. 241.

¹¹¹⁴ *Барабанов Н.Д.* Культ иконы Одигитрии в Константинополе... С. 256–257.

Вернемся к тырновским «бесноватым», столь красочно описанным Никитой Хониатом в рассказе о начале восстания под предводительством Петра и Асеня. Не были ли и они участниками некоего братства, организованного мятежными Асенецами для обеспечения публичного почитания того иконного изображения св. Димитрия, которое было предъявлено ими в качестве зримого доказательства присутствия великомученика на их стороне и позже описано в эпиграмме Феодора Вальсамона?

В целом, все вышеизложенное позволяет предположить, что в ходе провозглашения Тырновского восстания, приуроченного ко дню св. Димитрия, имела место реализация предварительно разработанного целостного религиозно-политического «сценария», сосредоточенного вокруг этого изображения. Внезапное для местного населения его появление в Тырново (возможно, вкупе еще с какой-то мироточивой реликвией св. Димитрия) и воспроизведение подобающего ему ритуала силами местного клира, монашества или братства должны были убедить даже наиболее стойких противников конфликта с империей в наличии у первых Асенецев «божественной санкции» на восстание. Все это не могло не вызвать возмущение и негодование в Константинополе, включая соответствующую реакцию рафинированной столичной верхушки. И не ставил ли перед собой Никита Хониат задачу намеренной «демонизации» дерзких «варваров»¹¹¹⁵, осмелившихся использовать византийский религиозно-политический «инструментарий» в антивизантийских целях — против императора Исаака II Ангела?

¹¹¹⁵ Подробнее об изображении первых правителей Второго Болгарского царства в сочинениях византийских авторов см.: *Ангелов П.* България и българите в представите на византийците. София, 1999. С. 227–241.

Глава 4

Второе Болгарское царство между Византией, Венгрией, крестоносцами и папской курией

После похода Исаака II Ангела весной 1187 (или 1188) г., закончившегося пленением жены Ивана Асеня и младшего брата Петра и Асеня, Калояна (см. выше), в отношениях между Болгарией и Византией наступает временная передышка. Пользуясь ею, оба противника присматриваются к возникшей на горизонте «третьей силе» — в лице императора Священной Римской империи Фридриха I Барбароссы, следующего через Балканы на восток во главе третьего крестового похода.

§ 1. Третий крестовый поход

Обеспокоенный появлением крестоносцев на территории Византии, и без того объята мятежами и междоусобицами, Исаак II выражает полное согласие на просьбы о поддержке со стороны императора Фридриха, а на деле, подозревая в нем неприятеля, всячески ему препятствует, устраивая отрядам «латинян» организованные засады¹¹¹⁶.

Отношения между сторонами усугубило и явное неприятие чужаков со стороны местных жителей, неполучение крестоносцами обещанного продовольствия по пути их следования и взаимные «уколы» во время официальных встреч и визитов: демонстративное презрение ромейской элиты к невежеству западных «варваров» и подтрунивание латинян над чересчур, на их взгляд, мелочным и чопорным византийским церемониалом¹¹¹⁷.

Между тем, к 1189 г. положение империи на Балканах становится все более и более неустойчивым. К этому моменту, по свидетельству западных хронистов, сопровождавших Фридриха Барбароссу, под контролем

¹¹¹⁶ *Nicetas Choniata. Historia / Rec. I. A. van Dieten (= Corpus fontium historiae byzantinae. Vol. 11/1). Berolini et Novi Eboraci, 1975. P. 401–404.*

¹¹¹⁷ *Ibidem. P. 410–411.*

«Калопетра Влаха и его брата Асеня» находились уже «большая часть Болгарии и от Дуная точно до того места, где он вливается в море», а также часть Фракии¹¹¹⁸. В свою очередь, в Рашке, Хуме, Северной Македонии, Зете и Южной Далмации хозяйничали сербские владетели: братья Стефан Неманя, Красимир и Мирослав.

Воспользовавшись разногласиями между «двумя Римами» — Ромейской державой Исаака II Ангела и Священной Римской империей Фридриха Барбароссы — правители сербских и болгарских образований заключают между собой антивизантийский союз¹¹¹⁹. Узнав о приближении крестоносного войска, сербские жупаны во главе с великим жупаном Стефаном Неманей устраивают ему прием, диаметрально противоположный тому, что был оказан со стороны византийцев: сербы «радостно выехали встретить крестоносцев и с большой торжественностью и блестящим великолепием приветствовали, как и подобало, больше всего прибытие императора. С радушием они отдавали ему почести, оказывали любезные услуги, щедро раздавали отдельным князьям волов, овец, вино, зерно и ячмень и организовали для всех ярмарку»¹¹²⁰. Помимо этого, «они обещали императору всяческое содействие против любого племени и в наибольшей степени против константинопольского императора. Они добровольно предлагали ему помощь, как со своей стороны, так и со стороны Калопетра и брата его Асеня»¹¹²¹.

Последнее обстоятельство подтверждает и автор «Истории похода Фридриха I», согласно которому «Калопетр направил официальное приветствие господину императору посредством письма и послов, отдал ему должное уважение, обещал ему надежную помощь против неприятеля»¹¹²². Что же касается сербских жупанов, выступивших в роли «радушных хозяев»,

¹¹¹⁸ *Historia de expeditione Friderici imperatoris* // ЛИБИ. Т. 3. София, 1965. P. 257; *Historia peregrinorum* // *Ibidem*. P. 227.

¹¹¹⁹ *Historia de expeditione Friderici imperatoris*... P. 257.

¹¹²⁰ *Historia peregrinorum*... P. 227.

¹¹²¹ *Ibidem*. P. 227.

¹¹²² *Historia de expeditione Friderici imperatoris*... P. 257.

то «из привязанности к Римской империи, которой они очень желали подчиниться посредством феодальной клятвы», они просили город Ниш, захваченный Стефаном Неманей и ставший к 1188 г. столицей его владений, а также прилегающие к нему земли, желая получить их «из рук» императора, т.е. изъявляя согласие на вассалитет¹¹²³. Мотивируя свое решение «нежеланием завоевывать христианские земли»¹¹²⁴, император Фридрих отклонил подобное предложение.

Тот факт, что все эти действия сербские жупаны предприняли при «заочном» участии правителей возродившегося Болгарского царства, свидетельствует о том, что готовность стать вассалами Священной Римской империи обнаруживали в этот момент не только сами сербы, но и мятежные болгары. А значит, речь идет о первой попытке братьев Петра и Асеня легитимировать свою власть на международном уровне, разрывая все и всякие отношения с Византией, и обращаясь к покровительству со стороны Священной Римской империи и лично Фридриха Барбароссы как потенциального сюзерена.

Стал ли инцидент в Нише известен византийской стороне, достоверно неизвестно, однако едва ли можно считать случайностью то, что после 1189 г. отношения между Византией и Священной Римской империей перерастают в открытые военные действия, и в этой обстановке болгарские предводители вновь пытаются предложить свою помощь и вассальную верность Фридриху Барбароссе. На этот раз условия были выдвинуты гораздо более конкретные, нежели просто «надежная помощь»: «Калопетр... называвший себя императором, добивался, чтобы римский император возложил на него корону Греческого королевства (*diadema regni Grecie*), настойчиво уверяя, что примерно к началу весны он пошлет ему сорок тысяч влахов и половцев, вооруженных луками и стрелами для войны против Константинополя»¹¹²⁵.

¹¹²³ *Historia peregrinorum...* P. 227–228.

¹¹²⁴ *Ibidem*.

¹¹²⁵ *Historia de expeditione Friderici imperatoris...* P. 279; ср.: *Historia peregrinorum...* P. 241–242.

В свою очередь, ответ императора Священной Римской империи на это новое болгарское предложение оказался более уклончив (и даже «благосклонен», если верить «Истории похода Фридриха»), чем в первый раз. Однако в это же самое время и византийская сторона выразила готовность к диалогу, и император Фридрих предпочел мир с ромеями рискованному альянсу с болгарами. Вместе с крестоносным войском Фридрих Барбаросса вскоре покидает Балканы, а Исаак II Ангел возобновляет подготовку к реваншу над болгарскими мятежниками¹¹²⁶.

§ 2. Болгарский триумф 1190 г. и византийские трофеи

После урегулирования отношений с крестоносцами в 1190 г. и победы Исаака II над сербами в битве на реке Морава, оформленной новым двусторонним договором, по которому великий жупан Стефан Неманя вновь признал верховенство империи, Исаак II Ангел выступает в новый поход против Болгарии.

Объясняя действия императора, Никита Хониат замечает, что «влахи с половцами постоянно нападали на подвластную ромеям землю, грабя и опустошая ее»¹¹²⁷. Однако очевидно, что речь шла не о борьбе с локальными явлениями в виде грабительских нападений, а прежде всего о попытке Византии повторить свой первоначальный успех 1186 г. в отношении болгарских мятежников. Однако новые реалии, которые застает Исаак II в болгарских землях, показывают, что благоприятный момент для реванша был к этому времени уже упущен: за три года, истекшие после Ловечского перемирия, болгары сумели возвести в Тырново мощные укрепления, превратив свою столицу в неприступную твердыню¹¹²⁸. Именно там, не желая дать императору шанс на победу в полевом сражении, и находит убежище Иван I Асень со своими сподвижниками.

¹¹²⁶ Ibidem.

¹¹²⁷ *Nicetas Choniata. Historia...* P. 428.

¹¹²⁸ Ibidem. P. 428–429.

Неизбежность долгой осады и угроза половецкого нападения с севера вынудили Исаака II Ангела отложить штурм Тырново и начать отступление в южном направлении, через Балканские горы¹¹²⁹. Георгий Акрополит объясняет действия византийцев военной хитростью, к которой прибегли болгары: «Кто-то из болгар под видом перебежчика прибыл к императору и сообщил ему [о готовящемся] нападении скифов (половцев — *А.Д.*), и тот, уstraшенный [этим] сообщением, снялся с места, хотя этот городок (Тырново — *А.Д.*) уже на следующий день собирался сдаться. Он ушел не по той дороге, по которой пришел, а обманутый болгаринoм, решил пойти самым кратчайшим путем»¹¹³⁰. В результате, следуя через Тревненский проход (в окрестностях современного города Трявна), армия императора угодила в тщательно подготовленную ловушку.

Описывая это сражение, современник событий Никита Хониат неоднократно акцентирует внимание на вопиющем, с точки зрения военной практики предшествующего времени, факте поголовного истребления пленных: «В ужасной суматохе, когда каждый заботился только о своем личном спасении, неприятели резали всех, кого настигали и кто попадался в руки, как убойный скот, запертый в хлеве»¹¹³¹. Георгий Акрополит добавляет, что «множество ромеев пало, а те совсем немногие, что спаслись вместе с императором, оказались без доспехов»¹¹³². В рядах избиваемого византийского войска быстро распространяются слухи о гибели самого императора, тогда как сам он, не дожидаясь окончательного исхода сражения, бежит в Берое (совр. Стара Загора)¹¹³³, откуда, рассеяв слухи о своей гибели, возвращается в столицу¹¹³⁴.

¹¹²⁹ Ibidem. P. 429.

¹¹³⁰ *Georgius Acropolita. Opera / Rec. A. Heisenberg. Ed. anni 1903 (= Bibliotheca scriptorum graecorum et romanorum Teubneriana. Vol. 1). Stutgardiae, 1978. P. 19; русский перевод: Георгий Акрополит. История. СПб., 2005 (переиздание: СПб., 2013). С. 55.*

¹¹³¹ *Nicetas Choniata. Historia... P. 430–431; русский перевод: Никиты Хониата История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. 2. (= Византийские историки, переведенные с греческого при С.-Петербургской Духовной академии. Т. 7). СПб., 1862. С. 101.*

¹¹³² *Georgius Acropolita. Opera... P. 19; русский перевод: Георгий Акрополит. История... С. 55.*

¹¹³³ Подробнее о сражении в Тревненском проходе см.: *Андреев Й.* Третий поход на император Исаак II Ангел в България през 1190 година // ВИС. 1985. № 5. С. 26–41; *Янков В.* Още веднъж за похода на

Несмотря на обилие подробностей в описании самой битвы, Никита Хониат показательно умалчивает о трофеях, доставшихся победившим в ней «варварам», упоминая лишь о шлеме с головы императора Исаака, а в дальнейшем вскользь говоря о неких «роскошных богатствах и всех видах оружия из ромейской добычи»¹¹³⁵. Менее осторожен в подаче информации Георгий Акрополит, по словам которого болгары заполучили доспехи ромеев, все снаряжение византийского войска, а также вещи самого императора: «им достались высокие шапки императора, фиалы знатных мужей, множество денег»¹¹³⁶.

Однако главным трофеем болгар, с точки зрения Акрополита, становится драгоценный императорский крест, найденный в реке, куда «он был брошен кем-то из священников»¹¹³⁷. Описание этого креста позволяет предполагать, что он представлял собой одну из «жемчужин» императорского собрания священных реликвий: «крест был сделан из золота, заключал посередине вырезанный в форме креста [кусочек] священного Древа, на котором был распят владыка Христос, а, кроме того, имел множество маленьких ларцов, в которых хранились мощи прославленных мучеников, молоко Богоматери, кусочек ее пояса и многое другое, относящееся к святым вещам»¹¹³⁸.

Примечательно, что подобный случай уже имел место в 1186 г., когда во время внезапного нападения на византийский лагерь Петру и Асеню достались «златотканые одежды» кесаря Иоанна Кантакузина, в которые они облачились, демонстрируя захваченные трофеи своим войскам. Триумфальное шествие братьев в кесарских парадных одеждах (что для увенчанного царскими отличиями Петра в данном случае означало

император Исак II Ангел и разгромът на византийските войски в 1190 г. // Проблеми и предизвикателства на археологическите и културно-историческите проучвания. Т. 1. Пловдив, 2008. С. 270–278.

¹¹³⁴ *Nicetas Choniata*. *Historia*... P. 431.

¹¹³⁵ *Ibidem*. P. 434.

¹¹³⁶ *Georgius Acropolita*. *Opera*... P. 19–20; русский перевод: *Георгий Акрополит*. *История*... С. 55.

¹¹³⁷ *Ibidem*. P. 19–20; Там же. С. 55.

¹¹³⁸ *Ibidem*. P. 19–20; Там же. С. 55–56.

См. также: Ἀνονύμου Σύνοψις χρονική // *Σαθα Κ.Ν.* *Bibliotheca graeca medii aevi*. Vol. 7. Paris, 1894. Σ. 404–405.

существенное понижение статуса) было предназначено прежде всего для союзников-половцев, которые в первый раз лицезрели братьев как поистине царственных особ¹¹³⁹. Однако этот использованный братьями ход годился исключительно для «варваров»-половцев, не слишком хорошо знакомых с византийской ранговой системой и потому склонных воспринимать роскошное облачение болгарских вождей как знак их наивысшего достоинства. Напротив, трофеи 1190 г. должны были произвести впечатление прежде всего на болгар и самих византийцев, существенно укрепив авторитет и престиж власти Петра и Асеня.

Антивизантийское движение, охватившее северо-восток болгарских земель, постепенно распространяясь на юг, во Фракию, и в направлении черноморского побережья, должно было встречать определенную поддержку со стороны местного населения (во всяком случае, болгарского), однако эта поддержка все еще не была повсеместным явлением. Колебания населения между противоборствующими сторонами фиксируют в своих сочинениях и византийские авторы. Так, Георгий Акрополит упоминает некоего местного жителя «из болгар», который «под видом перебежчика» сообщает императору о «[готовящемся] нападении скифов» и приводит византийское войско «самым кратчайшим путем» на верную смерть в Тревненском проходе¹¹⁴⁰. В свою очередь, Никита Хониат описывает случай с неким воином из отряда севастократора Дуки по имени Литовой (очевидно, славянского происхождения), который напротив, будучи по всей видимости также местным жителем, благополучно выводит севастократора и самого императора Исаака из болгарской засады¹¹⁴¹.

Итак, сам факт того, что византийская сторона дважды подряд выказала доверие к выходцам из местных «варваров», свидетельствует о том, что лояльность населения по отношению к византийской власти, зачастую

¹¹³⁹ *Nicetas Choniata. Historia...* P. 376.

Подробнее об этом эпизоде см.: *Павлов П. Методите на психологическа война във въстанието на Петър и Асен // БИБ. 2000. № 2. С. 5.*

¹¹⁴⁰ *Georgius Acropolita. Opera...* P. 19; русский перевод: *Георгий Акрополит. История...* С. 55.

¹¹⁴¹ *Nicetas Choniata. Historia...* P. 430.

обеспеченная щедрой платой, не была редкостью и, скорее, даже представлялась самим византийцам как норма. По-видимому, даже в 1190 г., т.е. спустя целых пять лет после провозглашения нового Болгарского царства, авторитет Петра и Асеня как его правителей все еще не был абсолютно непререкаем для их соплеменников и соотечественников. Осада императором Исааком II столицы первых Асеневацев Тырново и утверждение Георгия Акрополита, что «этот городок на следующий день собирался сдаться», и лишь «военная хитрость» мятежных болгар помешала планам императора¹¹⁴², также косвенно свидетельствуют об этом. Не идет ли речь о некоем скрытом конфликте между какой-то «провизантийской» группировкой среди восставших, готовой вновь, как и в 1186 г., «повиниться» перед императором, и самими Асеневацами и их ближайшим окружением? И не мог ли этот возможный конфликт подогреваться явной неудачей Петра и Асеня в попытке внешней легитимации их власти во время переговоров с Фридрихом Барбароссой в 1189 г.?

Неопределенность статуса нового государства и положения вставших на его сторону представителей местной знати, отныне лишившихся возможности пользоваться византийским «социальным лифтом», а также слухи о приближении хорошо снаряженных нового императорского войска и флота, готового перерезать путь через Дунай половецким отрядам как «ударной силе» Асеневацев¹¹⁴³, могли породить новые сомнения в правильности сделанного в 1185 г. выбора. Прецедент подобного рода уже имел место, когда после первого похода Исаака II против мятежных болгар (см. выше) «многие», перешедшие ранее на сторону мятежников, получили прощение и восстановили свое подданство императору¹¹⁴⁴.

В этой обстановке военный триумф болгар над императорским войском, позорное бегство самого императора с поля битвы, а главное —

¹¹⁴² *Georgius Acropolita. Opera...* P. 19.

¹¹⁴³ Подробнее см.: *Marinow K. Działania floty cesarza bizantyńskich oraz okrętów ich sprzymierzeńców w wojnach z Bułgarią (XII–XIV w.)* // PNH. 2007. R. VI. № 1–2. S. 120–123.

¹¹⁴⁴ *Nicetas Choniata. Historia...* P. 390.

добытые у византийцев сокровища, должны были стать новыми инструментами легитимации власти Петра и Асеня, причем убедительными как для простых обывателей, так и для болгарской знати и даже для потенциальных союзников из числа собственно византийской аристократии.

Помимо значительных денежных сумм, драгоценных чаш-«фиалов» и доспехов, доставшихся победителям в Тревненской битве, особую ценность в их глазах должны были представлять «высокие шапки», или т.н. пирамидальные короны — реплики Тернового Венца Христа, символизирующие богоизбранность правителя, призванного быть образом Спасителя на земле. Переход короны в руки нового владельца, как и в случае любой христианской святыни, мог рассматриваться как проявление Божьей воли, по которой вместе с самой святыней и ее чудотворным потенциалом покровительство со стороны высших сил переносилось на другое лицо. Таким образом, с переходом пирамидальных корон в руки Петра и Асеня утверждение о том, что «Бог благоволил даровать свободу болгарам и влахам», получало более чем наглядное и убедительное подтверждение, а статус нового Болгарского царства как «богохранимого» — материальное выражение.

Этот статус подкреплялся и значимостью главного трофея болгар — драгоценного императорского креста, созданного, по преданию, при императоре Константине Великом¹¹⁴⁵. Помимо зримого выражения символической связи с первым императором-христианином, этот крест должен был напоминать и о крещении самих болгар во второй половине IX в., когда, согласно легенде, князь Борис-Михаил сокрушал крестом непокорных язычников, не желавших принимать новую веру¹¹⁴⁶. Константинов крест изображался на монетах болгарских царей-Асеневцев и

¹¹⁴⁵ Ανωνύμου Σύνοψις χρονική... Σ. 404–405.

¹¹⁴⁶ Лазаров И. Политическа идеология на Второто българско царство (XII–XIII в.). Генезис. Велико Търново, 2003. С. 24–27.

во второй половине XIII в., пока не был возвращен в Константинополь в ходе очередного болгаро-византийского конфликта в конце 1270-х гг.¹¹⁴⁷

Более того, эта сторона болгарского триумфа 1190 г., ознаменованная переходом в руки болгар императорского креста, получила официальное выражение в придворном церемониале Второго Болгарского царства, засвидетельствованное в «Хронике» Феодора Скутариота. Здесь прямо указывается, что зимой 1259–1260 гг. посланный в Тырново никейским (позже византийским) императором Михаилом VIII Палеологом (1259–1282) великий доместик Георгий Акрополит оказался свидетелем организованного там великолепного празднования Крещения Господня, во время которого для участия в крестном ходе, по традиции, триумфально были вынесены «царские знаки», добытые из обоза императора Исаака II¹¹⁴⁸. Вероятно, этот праздник был также связан и с почитанием св. Иоанна Рильского, чей культ, в свою очередь, имел тесную связь с культом св. Иоанна Крестителя¹¹⁴⁹. К сожалению, имеющиеся источники не сообщают, к какому именно времени относится установление ритуала, увиденного в Тырново Георгием Акрополитом, но допустимо предположить, что Петр и Асень и в самом деле не преминули воспользоваться трофейными византийскими святынями как знаками небесного покровительства над Болгарским царством и его правителями.

§ 3. Святость преподобного Иоанна Рильского

Военный триумф болгар над империей в 1190 г. способствовал быстрому продвижению болгарских сил во Фракию и Македонию.

Уже в 1191 (или 1192) г. болгары появляются на побережье Черного моря, овладев Варной и Анхиалом (совр. Поморие). Затем, пока Исаак II Ангел пытался организовать ответные действия, болгарское наступление

¹¹⁴⁷ *Полывянный Д.И.* Культурное своеобразие средневековой Болгарии в контексте византийско-славянской общности IX–XV веков. Иваново, 2000. С. 134.

¹¹⁴⁸ Ἀνοῦβου Σύνοψις χρονικῆ... Σ. 547–548.

¹¹⁴⁹ *Полывянный Д.И.* Культурное своеобразие средневековой Болгарии... С. 134.

резко меняет направление и обращается на запад, где вскоре болгары овладевают городами Средец, Ниш и Стоб (совр. село Стоб близ Кюстендила). Стремясь отстоять последнюю византийскую твердыню во Фракии, Филиппополь (совр. Пловдив), император направляет туда в качестве стратига молодого и энергичного военачальника, своего двоюродного брата Константина¹¹⁵⁰. Однако честолюбивый императорский родственник не только не спасает положение, но и активно включается в дворцовые интриги, готовя мятеж против Исаака II, что вскоре приводит к разоблачению самого Константина и его ослеплению¹¹⁵¹. Воспользовавшись благоприятной обстановкой, Асень предпринимает новый поход и, минуя Средец и Филиппополь, доходит до Адрианополя (совр. Эдирне), а затем в сражении у Аркадиополя (совр. Люлебургас) наносит сокрушительное поражение византийскому войску во главе с «цветом» имперского военного командования в лице Алексея Гида и Василия Ватаци, что в очередной раз демонстрирует военное превосходство болгар¹¹⁵².

Поражение у Аркадиополя становится последней каплей, переполнившей чашу терпения Исаака II, и он обращается за помощью к своему тестю, венгерскому королю, договорившись с ним о совместных действиях против болгар весной 1195 г.¹¹⁵³ Однако пока император занимается подготовкой к предстоящей кампании, его брат Алексей организует против него заговор, лишает его власти, подвергнув при этом ослеплению, и сам восходит на престол под именем Алексея III (1195–1203). Занятый укреплением собственной власти, новый император отказывается от военных планов своего брата и пытается заключить мир с Петром и Асением, направив к ним посольство. Однако, по словам Никиты Хонитата, «он совсем не преуспел в отношении мира и договора, так как эти люди дали надменные

¹¹⁵⁰ *Nicetas Choniata. Historia...* P. 435.

¹¹⁵¹ *Ibidem.* P. 435–436.

¹¹⁵² *Ibidem.* P. 436–437.

¹¹⁵³ *Ibidem.* P. 446–447.

ответы и предложили для заключения мира такие условия, которые, конечно, были неприемлемы и бесчестны для ромеев»¹¹⁵⁴.

Расплывчатая формулировка Хониата не позволяет сделать сколько-нибудь определенный вывод относительно того, в чем именно состояла «бесчестность» предложенных болгарами условий мира. Возможно, выдвигая максимальные требования, Петр и Асень учитывали кризисное состояние, в котором находилась империя, и неустойчивость положения самого нового императора, что и позволяло им рассчитывать на уступки с его стороны. Однако не лишена оснований и версия, высказанная И. Божиловым, по мнению которого, заключение мира с империей в 1195 г. не отвечало интересам болгар, а потому, ставя перед византийцами заведомо «неприемлемые» условия, Петр и Асень сознательно заводили переговоры в тупик, готовя почву для столь необходимого им возобновления военных действий¹¹⁵⁵.

На то, что братья не собирались останавливаться на достигнутом, но, наоборот, стремились к дальнейшему расширению подвластной им территории, может указывать и их обращение к новому инструменту легитимации, способному привлечь на их сторону новые группы болгарского населения — покровительству знаменитого подвижника Иоанна Рильского, чьи мощи Асень повелевает перенести в Тырново из захваченного им, вслед за Браничево и Белградом, Средца.

Култ св. Иоанна Рильского. К концу XII в. почитание в болгарских землях легендарного монаха-отшельника, чудотворца и основателя Рильского монастыря св. Иоанна Рильского (ум. 946) насчитывало уже около двух веков. Современник болгарского царя Петра, Иоанн Рильский прославился прежде всего как целитель, в обитель которого стремились толпы страждущих и просто паломников¹¹⁵⁶. По приказу царя Петра, спустя некоторое время после

¹¹⁵⁴ Ibidem. P. 465.

¹¹⁵⁵ Божилов И., Гюзелев В. История на средновековна България. VII–XIV век (= История на България в 3 т. Т. 1). София, 1999. С. 434–435.

¹¹⁵⁶ Подробнее см.: Иванова К., Чешмеджиев Д., Турилов А.А. Иоанн Рильский // ПЭ. Т. 24. М., 2010 [доступно 25.05.2016: <http://www.pravenc.ru/text/471475.html>].

кончины самого Иоанна его мощи были перенесены в Средец¹¹⁵⁷, где, согласно преданию, их положили в некоей «епископской церкви», потом перенесли в деревянную церковь св. апостола Луки, а затем в специально построенную каменную церковь во имя самого преподобного¹¹⁵⁸. Возможно, именно инициатива царя Петра по перенесению мощей св. Иоанна Рильского в Средец и была тем импульсом, благодаря которому их образы в дальнейшем оказались тесно связаны между собой в русле болгарской церковной и народной традиции¹¹⁵⁹.

В свете интересующей нас проблематики представляется важным, что первые дошедшие до нашего времени жития преподобного относятся именно к 1180-м гг. Древнейшее анонимное славянское, или «Народное», житие принято датировать временем до 1183 г. и связывать с местной западноболгарской традицией, о чем свидетельствует отчетливо прослеживающееся в нем влияние фольклора, апокрифической и даже богомильской книжности¹¹⁶⁰. Создание греческого жития византийским автором Георгием Скилицей, датируемое периодом с 1166 по 1183 г., принято связывать с чудесным исцелением императора Мануила I и самого Георгия Скилицы от мощей преподобного в Средец¹¹⁶¹.

Как известно, в 1183 г. во время очередной византийско-венгерской войны Средец оказался в руках венгров, которые торжественно перенесли мощи св. Иоанна Рильского в Венгрию, поместив их в соборный храм города Эстергом. Согласно позднейшей агиографической традиции, пребывание мощей в Венгрии было отмечено чудом, произошедшим с венгерским

¹¹⁵⁷ Проложно житие на Иван Рилски от Норовия Пролог // Българската литература и книжнина през XIII век. София, 1987. С. 50.

¹¹⁵⁸ Проложно житие на Иван Рилски от Софийски Пролог // Там же. С. 51.

Подробнее см.: *Добрев И.* Св. Иван Рилски. Linz, 2007. С. 355–380.

¹¹⁵⁹ *Полывянный Д.И.* Царь Петр в исторической памяти болгарского Средневековья // Средновековният българин и «другите». Сборник в чест на 60-годишнината на проф. д.и.н. Петър Ангелов. София, 2013. С. 144; *Фекелджиев И.* Народни легенди за Иван Рилски. София, 1979. С. 55–56.

¹¹⁶⁰ Подробнее см.: *Иванова К., Чешмеджиев Д., Турилов А.А.* Иоанн Рильский...

¹¹⁶¹ Подробнее см.: *Добрев И.* Св. Иван Рилски... С. 14–32, 185–212; *Златарски В.* Георги Скилица и написаното от него Житие на св. Иван Рилски // *Он же.* Избрани произведения. Т. 2. София, 1984. С. 240–266.

архиепископом, который онемел (по другой версии, ослеп¹¹⁶²) в наказание за неверие в их чудотворную силу. Под впечатлением от этого события король Бела III поспешил вернуть мощи на родину, и «с большой честью», что и произошло в 1186 или 1187 г., когда они, будучи помещены в специальный ковчег, украшенный золотом и серебром, были вновь перенесены в Средец¹¹⁶³.

Как представляется, «возвращение» Рильского подвижника в Средец, успевший к тому времени снова вернуться под власть империи, могло рассматриваться как символическое указание на тот провозглашенный в свое время Василием II Болгаробойцей «болгаро-византийский синтез» (см. выше), в рамках которого местный болгарский святой обретал статус имперского¹¹⁶⁴.

Перенесение мощей св. Иоанна Рильского в Тырново. Однако уже в 1195 г. Средец оказывается в руках выдвинувшегося к тому времени на первый план Асеня, который предпринимает торжественное перенесение мощей св. Иоанна в свою столицу, Тырново.

Согласно позднему пространному житию, составленному во второй половине XIV в. патриархом Евфимием Тырновским, «услышав о преславных и бесчисленных чудесах преподобного, он (Иван Асень — *А.Д.*) сразу же отправился к его честной церкви, с благоговением припал к преподобным мощам святого, веря, что нашел тут какое-то очень ценное сокровище. Он преисполнился большой радости и духовного веселия и принял благое решение: перенести для большей чести и утверждения своего царства мощи преподобного отца в свой преславный город Тырново»¹¹⁶⁵.

Более ёмко пишет о событии составитель первого проложного жития преподобного, согласно которому царь (Иван Асень — *А.Д.*) повелел

¹¹⁶² Проложно житие на Иван Рилски от Драгановия Минея // Българската литература и книжнина през XIII век. София, 1987. С. 49.

¹¹⁶³ Проложно житие на Иван Рилски от Норовия Пролог... С. 51–52.

¹¹⁶⁴ Неслучайно и Д.И. Польшанский рассматривает перенесение мощей св. Иоанна Рильского в Средец именно «в контексте мер, принимавшихся византийским императором для замирения болгар». — *Польшанский Д.И.* Культурное своеобразие средневековой Болгарии... С. 132–133.

¹¹⁶⁵ Житие на св. Ивана Рилски от патриарх Евтимия Тырновски // *Иванов Й.* Български старини из Македония. София, 1931 (переиздание: София, 1970). С. 382.

архиепископу Василию и всему клиру «взять всеславный ковчег и с великими почестями перенести его... в царский град Тырново»¹¹⁶⁶. Вообще, согласно болгарской агиографической традиции, «благочестивый царь» сделал все необходимые приготовления и затем передал дело в руки архиепископа Василия. Из Средца вместе с мощами святого в Тырново отправился пышный кортеж во главе с самим архиепископом, церковным причтом, игуменом и монахами (вероятно, речь идет о братии не собственно Рильского монастыря, но монастыря во имя преподобного в самом Средце¹¹⁶⁷), сопровождаемый отрядом в 300 воинов. Сам же Асень поспешил в Тырново, чтобы руководить там постройкой церкви в честь святого «в славном граде Трапезице»¹¹⁶⁸. Согласно автору первого проложного жития Рильского святого, когда этот кортеж оказался в непосредственной близости от столицы, царь вышел навстречу «со всеми болярами, властелой и множеством людей, радуясь телесно и веселясь духом». Между 1 сентября 1194 и 31 августа 1195 г. мощи святого «с честью» были помещены в специально построенный для них новый храм¹¹⁶⁹, который в наше время принято отождествлять с т.н. церковью № 8, открытой на одном из тырновских холмов — Трапезице.

Археологические раскопки показали, что первоначально, около 1195 г., для хранения перенесенной святыни был построен небольшой южный храм, позже возникли новая церковь с двумя апсидами, южная галерея, мощехранительница в восточной части, после чего комплекс постепенно разрастался до середины XIII в. в направлении к западу и юго-западу и затем просуществовал в таком виде вплоть до уничтожившего его землетрясения конца XIV или первых десятилетий второй половины XV в.¹¹⁷⁰

¹¹⁶⁶ Проложно житие на Иван Рилски от Софийски Пролог... С. 52.

¹¹⁶⁷ Дуйчев И. Рилският светец и неговата обител. София, 1947 [доступно 25.05.2016: <http://www.promacedonia.org/id/index.html>].

¹¹⁶⁸ Житие на св. Ивана Рилски от патриарх Евтимия Тырновски... С. 382; Проложно житие на Иван Рилски от Софийски Пролог... С. 52.

¹¹⁶⁹ Проложно житие на Иван Рилски от Норовия Пролог... С. 50.

¹¹⁷⁰ Алексиев Й. Велико Тырново. Крепостта Трапезица. Манастир «Св. Йоан Рилски» // Археологически открития и разкопки през 2008 г. София, 2009. С. 603–607; *Он же*. Разкопки на манастира «Св. Йоан Рилски» на Трапезица (сектор Югозападен) // Археологически открития и разкопки през 2007 г. София, 2008. С. 675–681; Дочев К. Трапезица, Югозападен сектор // Археологически открития и разкопки през 2009 г. София, 2010. С. 504–506.

Несмотря на то, что перенесение мощей св. Иоанна Рильского в Тырново, несомненно, было частью политики Асеновцев по сосредоточению в нем реликвий и превращению его в «священный город», этот акт также связывал воедино компоненты исторической памяти, служившей одним из инструментов легитимации самого Тырновского восстания 1185–1186 гг. (см. выше). Именно об этом свидетельствуют эпитеты, употребленные автором второго проложного жития преподобного при описании интересующих нас событий: «И прибыл царь Иван Асень в Средец, нашел св. Ивана, великого пустынника, и, пожелав соперничать с древними царями, то есть царем Константином Великим и царем Петром, взял всечестное и преподобное тело отца Иоанна и перенес его в град Тырново. Оно было положено в созданный для него монастырь на Трапезице, где и по сей день оно лежит и всегда совершает чудеса для тех, кто с верой приходит к его ковчегу»¹¹⁷¹.

Обретение мощей св. Иоанна Рильского вместе с почитанием Константинова креста создавало сложный образ, своего рода «смысловую икону», которая становилась еще одним инструментом легитимации возрожденного первыми Асеновцами Болгарского царства и включала в себя компоненты исторической памяти и общехристианские ценности, наложившиеся на конкретные жизненные реалии. Иначе говоря, здесь находили отражение как почитание специфически болгарских угодников: в лице праведного царя Петра и св. Иоанна Рильского, — так и общехристианских святых: св. Константина Великого и Иоанна Крестителя¹¹⁷². В этом контексте получение болгарами императорского креста (см. выше) как бы повторяло обретение Константином Великим Креста Господня, а перенесение мощей св. Иоанна Рильского из Средца в Тырново уподоблялось перенесению имперской столицы из Рима в Константинополь и могло означать своего рода сакральное «развенчание»

¹¹⁷¹ Иванов Й. Български старини из Македония... С. 365.

¹¹⁷² Иванова К., Чешмеджиев Д., Турилов А.А. Иоанн Рильский...; Польшванний Д.И. Царь Петр в исторической памяти болгарского Средневековья... С. 143–144; Лазаров И. Политическа идеология на Второто българско царство... С. 88–91; Фекелджиев И. Народни легенди за Иван Рилски... С. 46–47.

бывшего византийского центра (Средец) в пользу новой болгарской столицы (Тырново)¹¹⁷³.

§ 4. «Римская легенда»

Опыт своих братьев Феодора-Петра и Асеня активно использует новый царь Болгарии, взошедший на престол в 1197 г. — Калоян (1197–1207). Заручившись поддержкой половцев, а также, по-видимому, стабилизировав отношения с болгарской знатью, Калоян начинает новый раунд борьбы с Византией¹¹⁷⁴.

В то время как болгаро-византийская война приносит Калояну победу и долгожданный мирный договор, заключенный с империей в 1202 г. на выгодных для болгарской стороны условиях¹¹⁷⁵, развернувшееся в 1201–1202 гг. противоборство с Венгрией оказывается для Болгарии не столь успешным. В 1201 г. молодой венгерский король Имре I (1196–1204), подчинив Сербию, овладевает находившимися прежде под властью Болгарского царства Белградом, Браничево и Нишем и провозглашает себя королем Болгарии¹¹⁷⁶.

В этой обстановке Калоян вынужден прибегнуть не только к силе оружия, но и апеллировать, как к своего рода международному арбитру, к Римской курии, развернувшей, по инициативе папы Иннокентия III (1198–1216), с конца XII в. настоящую кампанию по привлечению в лоно католической церкви как можно большего числа европейских стран, включая молодые государства на Балканах¹¹⁷⁷.

¹¹⁷³ *Польвянный Д.И.* Культурное своеобразие средневековой Болгарии... С. 134.

¹¹⁷⁴ Подробнее о первых годах правления царя Калояна см.: *Польвянный Д.И.* Калоян // ПЭ. Т. 29. М., 2012. С. 582; *Божилев И.* Цар Калоян // ВИС. 1982. № 5. С. 131–135; *Божилев И., Гюзелев В.* История на средновековна България... С. 441–443; *Игнатов В.* Цар Калоян. София, 2007. С. 31–36.

¹¹⁷⁵ Подробнее о заключенном мире см.: *Божилев И., Гюзелев В.* История на средновековна България... С. 443.

¹¹⁷⁶ Подробнее о болгаро-венгерских отношениях в этот период см.: *Димитров Х.* Българо-унгарски отношения през Средновековието. София, 1998. С. 110–126.

¹¹⁷⁷ Подробнее о политике Римской курии в отношении славянских стран, особенно на Балканах, при Иннокентии III см.: *Ткаченко А.А., Ломакин Н.А., Буганов Р.Б., Попов И.Н.* Иннокентий III // ПЭ. Т. 23. М., 2010. С. 44–55; *Флоря Б.Н.* У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.). СПб, 2004. С. 40–84; *Гюзелев В.* Папството и българите през Средновековието (IX–XV в.). Пловдив, 2009. С. 54–59, 138–142; *Moore J.C.* Pope Innocent III (1160/61–1216) (= The Medieval Mediterranean. Peoples, Economies and Cultures, 400–1500. Vol. 47). Leiden; Boston, 2003. P. 112–129.

Переписка между Калояном и Иннокентием III.

Переписка между царем Калояном и папой Иннокентием III, как и события, на фоне которых она развивалась, хорошо изучена в научной литературе¹¹⁷⁸. Ограничимся поэтому освещением только наиболее важных, в свете интересующей нас проблематики, фактов.

Итак, непосредственным поводом для установления контакта между Болгарским царством и папской курией становится послание папы Иннокентия III от 1199 г., в котором он побуждает «благородного мужа Иоанниция»¹¹⁷⁹ войти в лоно католической церкви. Надеясь на скорое завершение болгаро-византийской войны, Калоян первоначально медлит с ответом, однако в 1202 г. затянувшееся противостояние с Венгрией и угроза очередного крестоносного похода через балканские земли побуждают болгарского царя откликнуться на обращение папы¹¹⁸⁰. Завязавшаяся между ними таким образом переписка вскоре принимает характер своеобразной «интеллектуальной битвы»¹¹⁸¹, в которой каждая из сторон в стремлении во что бы то ни стало добиться своих целей прибегла ко всем риторико-дипломатическим ухищрениям, на какие только была способна.

В первом же письме к Иннокентию III Калоян, именуя себя «императором болгар и влахов», заявляет о своем «римском» происхождении «от знатного рода» и прямо излагает, чего добивается: «В качестве любимого сына мы хотим от матери нашей, Римской церкви, царскую корону и достоинство, какое имели наши древние цари. Как мы находим записанным в

¹¹⁷⁸ См., например, некоторые работы последних лет: *Ангелов П.* Средновековната българска дипломация. София, 2004. С. 140–143, 159–163, 175–177; *Божилев И., Гюзелев В.* История на средновековна България... С. 443–448; *Гюзелев В.* Папството и българите през Средновековието... С. 138–141; *Dall'Aglio F.* Innocenzo III e i Balcani: fede e politica nei Regesta pontifici. Napoli, 2003. P. 52–115; *Prinzling G.* Das Papsttum und der orthodox geprägte Südosten Europas 1180–1216 // *Das Papsttum in der Welt des 12. Jahrhunderts / Herausgegeben von E.-D. Hehl, I. Heike Ringel und H. Seibert (= Mittelalter-Forschungen / Herausgegeben von B. Schneidmüller und St. Weinfurter. Bd. 6).* Stuttgart, 2002. S. 166–174.

¹¹⁷⁹ Innocentii III papae et Caloiannus regis // ЛИБИ. Т. 3. София, 1965. P. 308.

¹¹⁸⁰ Подробнее см.: *Бакалов Г.* Титлата на цар Калоян // *Одринската битка от 1205 година.* София, 2005. С. 54–58.

¹¹⁸¹ Именно это выражение употребил в свое время И. Божилев: *Божилев И.* Цар Калоян... С. 136.

наших книгах, одним из них был Петр, другим Самуил, и другие, что царствовали перед ними»¹¹⁸².

Итак, Калоян акцентирует внимание адресата на преемственности царства как такового и института царской власти в Болгарии. На основании этого обстоятельства, а также упоминания Калояном реально правивших в свое время болгарских царей болгарская исследовательница М. Каймакамова выдвинула гипотезу о том, что утверждения Калояна не были ни общим местом, ни своего рода дипломатическим блефом, но основывались на неких действительно существовавших царских летописях, имевшихся в библиотеке Калояна и содержащих в себе имена прежних носителей царской власти в Болгарии¹¹⁸³.

В то же время, обращаясь к теме преемственности своей державы по отношению к Первому Болгарскому царству, Калоян апеллирует и к своего рода исторической справедливости: желая царской короны, он фактически хочет восстановить прежнее положение, имевшее место до перехода Болгарии под византийскую власть, когда ее правители владели такой короной, якобы полученной ими от Рима. Этими же соображениями можно объяснить и присутствие термина «влахи» в титулатуре Калояна: оно вполне может быть обусловлено не какой-либо исключительной ролью влахов в возобновлении независимой болгарской государственности, и не гипотетическим влашским происхождением самого Калояна, но его естественным желанием заручиться, хотя бы и фиктивным, историческим аргументом в диалоге с папским престолом¹¹⁸⁴.

Ответные послания Иннокентия III показывают, что историческая аргументация Калояна не осталась незамеченной с его стороны. Однако, намекая, что куда более серьезным основанием для получения короны станут родственные, кровные узы между болгарским царем и его «предшественниками», папа как бы оговаривается, называя Симеона, Петра и

¹¹⁸² Innocentii III papae et Caloiannus regis... P. 310.

¹¹⁸³ Каймакамова М. Власт и история в Средновековна България (VII–XIV в.) София, 2011. С. 226.

¹¹⁸⁴ Ангелов П. Средновековната българска дипломатия... С. 159–162.

Самуила «прародителями» Калояна¹¹⁸⁵. Приняв «оговорку» Иннокентия III как должное, Калоян в следующих своих посланиях к папе неоднократно подчеркивает свою родственную связь с царями Первого Болгарского царства: отныне Симеон, Петр и Самуил фигурируют как именно «прародители» самого Калояна и «всех остальных царей болгар»¹¹⁸⁶. Именно этот «родственный» аргумент сам Иннокентий III и использует в ходе разрешения территориального спора между Болгарией и Венгрией, разъясняя в послании к венгерскому королю, что Калоян обладает не только историческими, но и, по сути, юридическими основаниями («по отцовскому праву») восстановить свою власть над землями, которые когда-то принадлежали болгарам¹¹⁸⁷.

Так же определенно о происхождении Калояна высказывается в дальнейшем в своих письмах Иннокентию III и Тырновский архиепископ Василий: «И сам он [Калоян], и все его царство — наследники, происходящие от римской крови»¹¹⁸⁸.

Легитимность власти болгарского царя перед Римской курией обосновывается и с помощью аргументов собственно религиозного свойства: подчеркивая, что его власть дарована Самим Богом («так как Господу нашему Иисусу Христу было угодно поставить меня господином и императором всей Болгарии»¹¹⁸⁹), Калоян явно подкрепляет свои претензии в разрешении споров с соседями принципом «общей веры»¹¹⁹⁰.

Таким образом, преемственность с Первым Болгарским царством в переписке между Калояном и Римским папой устанавливается сразу по нескольким линиям: преемства исторической традиции, родственных связей со старой династией и религиозных аргументов, — а значит, более чем

¹¹⁸⁵ Innocentii III papae et Caloiannus regis... P. 312.

¹¹⁸⁶ Ibidem. P. 338.

¹¹⁸⁷ Ibidem. P. 346–347.

¹¹⁸⁸ Ibidem. P. 314.

¹¹⁸⁹ Ibidem. P. 334.

¹¹⁹⁰ Ibidem. P. 338–339.

обоснованными становятся и претензии Калояна на царскую корону, необходимую для легитимации его царства.

Заинтересованный в возможно более быстром разрешении вопроса, болгарский царь пытается откровенно манипулировать амбициями папы, сообщая ему о предложениях со стороны византийского императора Алексея III Ангела и Константинопольского патриарха Иоанна Каматира (1198–1206), посетившего Болгарию в начале июня 1203 г.: «Приезжай к нам, мы коронуем тебя императором и дадим тебе патриарха, потому что нельзя империи без патриарха»¹¹⁹¹.

Тырновская уния. В январе 1204 г. Калоян издает хрисовул, в котором передает свои владения под юрисдикцию «священного и апостолического Римского престола»¹¹⁹², тем самым сигнализируя папе о том, что все необходимые для коронации приготовления сделаны.

В свою очередь, 15 октября того же года в Тырново в качестве папского легата прибывает кардинал Лев, чтобы уже 7 ноября посвятить архиепископа Василия в дотеле незнакомый самим болгарам сан примаса, а на следующий день, 8 ноября, торжественно возложить на Калояна королевскую корону¹¹⁹³. Хотя ни то, ни другое явно не отвечало ожиданиям Калояна, что понимал и сам Иннокентий III, обе стороны сочли за лучшее принять все это как допустимый компромисс, по умолчанию выдавая достигнутое за желаемое: Калоян трактовал свой титул как «императорский», прежний Тырновский архиепископ, а отныне «смиранный примас болгар и влахов» Василий стал именовать себя «патриархом», сам же Иннокентий III закрыл на эту болгарскую интерпретацию полученных от него титулов глаза, словно бы так и должно было быть¹¹⁹⁴.

Таким образом, к исходу XII в. Калоян переключает свое главное внимание со средств легитимации, обращенных прежде всего к населению

¹¹⁹¹ Ibidem. P. 339.

¹¹⁹² Ibidem. P. 334–335.

¹¹⁹³ Ibidem. P. 359–360.

¹¹⁹⁴ Гагова К. Императорската титла на Калоян // Българските земи през Средновековието (VII–XVIII в.). Международна конференция в чест на 70-годишнината на проф. Александър Кузев. Варна, 2002. С. 49–58.

болгарских земель, уже перешедшему или способному перейти в обозримом будущем под власть возродившейся Болгарии, на легитимацию внешнюю, призванную обеспечить за самим Калояном и его царством официальное признание уже на международной арене. Соображения военно-стратегической выгоды в продолжающемся противостоянии с Византией, территориальный спор с Венгрией, появление на Балканах крестоносцев четвертого крестового похода и затем утверждение их на руинах поверженной ими империи (1204), — все это побуждает Калояна вступить в изощренную риторико-дипломатическую игру с папской курией. Достигнутое в результате этой игры признание со стороны папы королевского титула за Калояном позволило ему не только представить этот акт в качестве подтверждения своего царского достоинства, но и парировать притязания вождей крестоносцев, рассматривавших Болгарию как неотъемлемую часть перешедшего к ним византийского территориально-политического «наследства»¹¹⁹⁵. И потому именно с этим актом, как представляется, и следует связывать завершение процесса становления Второго Болгарского царства.

¹¹⁹⁵ *Clari R., de. La Conquête de Constantinople / Publication, traduction, presentation et notes par J. Dufournet. Paris, 2004. P. 200–203; русский перевод: Робер де Клару. Завоевание Константинополя. М., 1986 [доступно 25.05.2016: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000131/st122.shtml>].*

См. также: *Ville-Hardouin G., de. Conquête de Constantinople, avec la continuation de Henri de Valenciennes / Texte original, accompagné d'une traduction, par M. Natalis de Wailly. Paris, 1882. P. 164; русский перевод: Жоффруа де Виллардуэн. Завоевание Константинополя. М., 1993. С. 71.*

Заключение

Итак, становление Второго Болгарского царства представляло собой долгий и сложный, многоплановый процесс, одним из важнейших аспектов которого стали усилия первых болгарских царей: Петра, Асеня и Калояна, — по легитимации сначала самого своего выступления против византийского имперского центра, а затем и своей власти в качестве правителей возродившегося болгарского государства.

Начальную стадию этого процесса, безусловно, ознаменовало собой Тырновское восстание 1185–1186 гг., со всей очевидностью поставившее под вопрос сохранение византийской власти над болгарскими землями. Вместе с тем, в легитимационной практике его предводителей, Феодора-Петра и Асеня-Белгуна, как и в самом его характере, может быть обнаружена определенная двойственность, обусловленная не только текущей (на тот момент) военно-политической ситуацией, но и реалиями, сложившимися в болгарских землях в период византийского владычества.

С одной стороны, Тырновское восстание несомненно проходило под лозунгами восстановления самостоятельной болгарской государственности, возвращения к историческим традициям Первого Болгарского царства (через принятие старшим из братьев, Феодором, имени легендарного царя Петра) и его территориальным границам (включая попытку вернуть столичный статус древней болгарской столице, Преславу). С другой стороны, нельзя отрицать и того, что после полутора с лишним веков византийского правления население болгарских земель воспринимало имперскую власть как легитимную и активно участвовало не только в хозяйственно-экономической, но и в общественно-политической, церковной и культурной жизни империи, будучи уверенно в единстве судеб Болгарского и Ромейского («Греческого») царств. А значит, с этой точки зрения Тырновское восстание никак нельзя считать борьбой против иноземного владычества и следствием пробуждения

«народного духа». Более того, с позиции имперских властей это восстание вообще не могло рассматриваться иначе как мятеж, проявление «областного сепаратизма», типичного для ряда других отдаленных византийских владений конца XII в. В какой-то степени, Тырновские события 1185–1186 гг. были одновременно и освободительным восстанием, и сепаратистским мятежом — подобно тому, как и поколения болгар, выросшие в условиях византийского правления, включая самих братьев Петра, Асеня и Калояна, были одновременно и болгарскими, и византийскими.

Подобная двойственность наблюдается и в легитимационной практике первых Асенецев. Действительно, соотношение «болгарского» и «византийского» у разных групп населения болгарских земель под византийской властью варьировалось в зависимости от их социально-имущественного положения и рода занятий. Именно поэтому, чтобы привлечь на свою сторону как можно более широкие круги этого населения, предводители Тырновского восстания и использовали самые разные средства того, что можно назвать внутренней легитимацией. В качестве главных, из этих средств выделяются следующие:

- обращение к исторической традиции Первого Болгарского царства, включая память о праведном царе Петре;

- обращение к святости и покровительству св. Димитрия Солунского, в день памяти которого (26 октября), по всей видимости, и было провозглашено само восстание;

- обращение к элементам народной религиозности, возможно, также связанным каким-то образом с культом св. Димитрия.

Первое средство предназначалось, по-видимому, для представителей местного славяноязычного духовенства и людей среднего достатка, знакомых с апокрифическими сказаниями о Болгарском царстве и царе Петре. Именно эта среда могла быть самой благодатной почвой для разного рода «освободительных» идей, чему, в свою очередь, должны были способствовать

такие факторы как налоговая политика империи и бытовые, повседневные разногласия с грекоязычным чиновничеством и духовенством.

Однако основным инструментом, использованным Петром и Асенем в интересах легитимации своего выступления, была апелляция к «божественной санкции», подкрепленная «чудесным» перемещением в Тырново некоего иконного изображения св. Димитрия. В этом отношении ключевую роль сыграл тот факт, что к концу XII в. культ великомученика пользовался широкой популярностью как в Константинополе, так и в болгарских землях, и прочно ассоциировался в сознании подданных империи с победами в военных действиях и с императорской властью. Как византийские подданные, Петр и Асень не могли не быть в той или иной мере знакомы с соответствующими имперскими церковно-политическими ритуалами, что и обусловило создание братьями в Тырново целостного архитектурно-художественного комплекса, основанного на реликвиях св. Димитрия и воспроизводящего сакральное пространство его святилища в Фессалонике. Демонстрация иконного изображения великомученика, неотделимого в глазах верующих от его прославленного чудотворного образа из фессалоникийской базилики, и последующие торжественные мероприятия, связанные с празднованием дня св. Димитрия, должны были убедить колеблющихся (включая прежде всего самих болгар, а также, вероятно, и проживавших в Тырново и его окрестностях «исконных» ромеев), в наличии на стороне восставших помощи свыше. Дополнительным подтверждением этого могло служить и произошедшее незадолго до того разграбление сицилийскими норманнами «родного» города св. Димитрия, Фессалоники, «непредотвращенное» и «неотмщенное» великомучеником. Несомненно, что в данных обстоятельствах наиболее византийзированная часть населения болгарских земель должна была быть более или менее дезориентирована, так что «чудесное» появление в Тырново св. Димитрия в лице его иконного изображения и апелляция к знаменитому византийскому

принципу «Божья воля побеждает» и в самом деле должны были сыграть свою роль.

В свою очередь, то, что именно культ св. Димитрия Солунского явился основным средством легитимации Тырновского восстания 1185–1186 гг., представляется неизбежным следствием трансформации самосознания значительной части болгарского населения в условиях длительного пребывания болгарских земель в составе Византийской империи. Наиболее тесно связанные с империей и ее институтами группы этого населения должны были ощущать себя не столько болгарами, сколько «ромеями». От позиции именно этих, наиболее византизированных и в имущественном плане наиболее состоятельных групп, и ни в коем случае не социальных низов, и зависел исход замышляемого восстания. Следовательно, для привлечения этих групп на сторону восстания Петру и Асеню надлежало воспользоваться специфически византийскими, но никак не болгарскими рычагами воздействия. И братья нашли эти рычаги, прямо заимствовав их из религиозно-политической практики самой Византии, оперировавшей в подобных целях культами наиболее почитаемых христианских святых.

Вместе с тем, загадкой остается описанное Никитой Хониатом действие «бесноватых», собранных братьями в построенном ими храме во имя св. Димитрия и возвестивших о «переходе» великомученика на сторону восставших. Будучи представлено византийским историком в нарочито зловеще-презрительном тоне, это действие, возможно, имело отношение к сфере народной религиозности и потому может рассматриваться как еще один использованный Петром и Асенем инструмент легитимации их выступления, обращенный к низам местного общества. Так или иначе, последующий успех Тырновского восстания свидетельствует о том, что обращение первых Асеновцев к этим «бесноватым» не прошло даром и сыграло свою, пусть и не поддающуюся точной оценке, роль в укреплении авторитета и престижа новой болгарской власти.

В дальнейшем, укрепив свое положение в «освобожденных районах» с привлечением рассмотренных выше средств внутренней легитимации, Петр и Асень переключают свое внимание на легитимацию внешнюю — на международной арене. Однако предпринятая ими попытка добиться такого признания со стороны императора Священной Римской империи Фридриха I Барбароссы оканчивается неудачей. Более того, настроенная на реванш Византия открывает новую военную кампанию против Болгарии, одновременно пытаясь апеллировать к тем же механизмам легитимации, что и мятежники-болгары, осуществив с этой целью перенесение из Венгрии обратно на родину мощей широко почитаемого среди болгарского населения св. Иоанна Рильского. Своеобразным ответом со стороны первых Асенеvцев на этот ход имперских властей становится манипулирование императорскими реликвиями, оказавшимися в руках Петра и Асеня в результате военного триумфа 1190 г., а затем и предпринятое царем Асенеv в 1195 г. перенесение мощей Рильского подвижника в Тырново.

Наконец, спустя несколько лет, мастерски использовав в своих интересах новые перемены в военно-политической ситуации на Балканах, пусть даже и складывавшиеся первоначально не в пользу самой Болгарии, третий из Асенеvцев, Калоян, достигает подлинного «прорыва» и в деле внешней легитимации возродившегося Болгарского царства, вступив в риторико-дипломатический поединок с Римским папой Иннокентием III. Увенчавшая этот поединок в ноябре 1204 г. королевская коронация папским легатом самого Калояна, выданная им за «возвращение» ему царского достоинства его «предков», легитимизировала государство Асенеvцев на международной арене и тем самым завершила процесс становления Второго Болгарского царства.

Источники и литература

Источники

1. *Анна Комнина*. Алексиада. СПб., 1996.
2. *Бароний Ц.* Деяния церковные и гражданские от Р.Х. до XIII столетия. М., 1719.
3. *Георгий Акрополит*. История. СПб., 2005 (переиздание: СПб., 2013).
4. Документ № 380. Щербаков — Сталину. Программа журнала «Славяне». 21.04.1942 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1338. Л. 2–3 [доступно 25.05.2016: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1016019>].
5. *Евстафий Солунский*. О пленении латинянами города Фессалоники. Сообщение Евстафия, архиепископа Фессалоникийского о последнем, как мы надеемся, завоевании этого города // Памятники византийской литературы IX–XIV вв. М., 1969. С. 238–242.
6. *Жоффруа де Виллардуэн*. Завоевание Константинополя. М., 1993.
7. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М., 1997 (= ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Повесть Временных лет. Издание второе. Л., 1926).
8. Летопись великого логофета Георгия Акрополита (= Византийские историки, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской Духовной академии. Т. 8). СПб., 1863 (переиздание: *Иоанн Киннам*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. *Георгий Акрополит*. Летопись великого логофета Георгия Акрополита. Рязань, 2003. С. 235–413).
9. Минея. Т. 2. Октябрь. М., 1980.
10. *Михаил Пселл*. Хронография. М., 1978.

11. Молитва на дьявола. И на нечистыя духы. К всем святым. Как подобаесть творити. И имя свое нареци // *Конзал В.* Старославянская молитва против дьявола. М., 2002. С. 107–111.
12. *Никиты Хониата* История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. 1–2 (= Византийские историки, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской Духовной академии. Т. 4–5). СПб., 1860–1862 (переиздание: *Никита Хониат.* История со времени царствования Иоанна Комнина. Т. 1–2. Рязань, 2003).
13. Описание имущества к уставу монастыря Елеусы (Милостивой) в Велюсе близ Струмицы // *Бельтинг Х.* Образ и культ. История образа до эпохи искусства. М., 2002. С. 581–582.
14. *Орбини М.* Книга историография початия имене, славы и расширения народа славянского. СПб., 1722.
15. От Странника Стефанова Новгородца // *Majeska G.P.* Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries (= *Dumbarton Oaks Studies.* Vol. 19). Washington, 1984. P. 28–47.
16. *Перо Тафур.* Реликвии Константинополя // *Реликвии в Византии и Древней Руси.* Письменные источники. М., 2006. С. 244–246.
17. *Попруженко М.Г.* Синодик царя Борила (= *Български старини.* Кн. 8). София, 1928.
18. *Робер де Клари.* Завоевание Константинополя. М., 1986.
19. *Розен В.Р.* Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883 [доступно 25.05.2016: <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Yahya/text2.phtml?id=1997>].
20. *Руи Гонсалес де Клавихо.* Реликвии Константинополя в начале XV в. // *Реликвии в Византии и Древней Руси.* Письменные источники. М., 2006. С. 244–246.
21. Тимарион // *Византийский сатирический диалог.* Л., 1986. С. 24–71.

22. Указ о царском дарении в пользу храма св. Димитрия в Фессалонике // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2. (VII–IX вв.). М., 1995. С. 213–217.
23. Чудеса св. Димитрия Солунского // Там же. С. 91–211.
24. *Абу Абдаллах Мохамед ибн Мохамед Ал-Идриси*. Книга за развлечения на копнеещия да преброди страните // *Недков Б.* България и съседните ѝ земи през XII век според Идриси. София, 1960. С. 32–107.
25. *Божилев И., Тотоманова А., Билярски И.* Борилев Синодик. Издание и превод. София, 2010.
26. Български апокрифен летопис // *Стара българска литература*. Т. 1. Апокрифи. София, 1982. С. 294–299.
27. Видение на пророк Даниил за царете и за последните дни, и за края на света // *Тъпкова-Заимова В., Милтенова А.* Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България. София, 1996. С. 128–134.
28. Грамоти на Василия II за правата на Охридската архиепископия // *Иванов Й.* Български старини из Македония. София, 1931 (переиздание: София, 1970). С. 547–562.
29. *Димитър Хоматиан*. Послание до Корфуския митрополит Василий Педиадит за положението на българските епископи и ръкоположените от тях духовници, както и дали е позволено едно и също лице да се ожени за две втори братовчедки. — *Ников П.* Принос към историческото изворознание на България и към историята на българската църква // *СпБАН*. 1921. Т. 10. С. 43–51 [доступно 25.05.2016: <http://ald-bg.narod.ru/biblioteka/DimHom1.htm>].
30. *Он же*. Синодален акт на Охридската архиепископия от времето на Димитър Хоматиан във връзка с поставените в диоцеза ѝ по времето на цар Калоян български епископи. — *Ников П.* Принос към историческото изворознание на България и към историята на

- българската църква // Там же. С. 51–59 [доступно 25.05.2016: <http://ald-bg.narod.ru/biblioteka/DimHom2.htm>].
31. Добавки на епископ Михаил Деволски от 1118 г. към «Исторически свод» на Йоан Скилица (XI в.) // *Гюзелев В.* Извори за средновековната история на България (VII–XV в.) в австрийските ръкописни сбирки и архиви. София, 1994. Т. 1. С. 45–57.
 32. Житие на св. Ивана Рилски от патриарх Евтимия Търновски // *Иванов Й.* Български старини из Македония. София, 1970. С. 369–383.
 33. *Златарски В.* Георги Скилица и написаното от него Житие на св. Иван Рилски // *Он же.* Избрани произведения. Т. 2. София, 1984. С. 240–266.
 34. Истинно наставление на свети Методий, епископ Патарски, за царете и за последните дни и години // *Търкова-Заимова В., Милтенова А.* Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България. София, 1996. С. 167–173.
 35. История на България от Блазиус Клайнер, съставена в 1761 г. Архив в три част на преславната провинция България. София, 1977.
 36. Канон на Димитър Солунски // *Ангелов Б.Ст.* Из старата българска, руска и сръбска литература. Кн. 1. София, 1958. С. 19–23.
 37. *Климент Охридски.* Похвално слово за Димитър Солунски // *Он же.* Събрани съчинения. Т. 1. София, 1970. С. 234–235.
 38. *Он же.* Поучение за Димитър Солунски (първо) // Там же. Т. 2. С. 793–794.
 39. *Он же.* Поучение за Димитър Солунски (второ) // Там же. С. 804–805.
 40. Народно житие на Иван Рилски // *Стара българска литература: Т. 4.* Житиеписни творби. София, 1986 [доступно 25.05.2016: http://slovo-aso.cl.bas.bg/hagiology/Txt_pdf/IvRil_Narbg.pdf].
 41. *Паусий Хилендарски.* Славянобългарска история. София, 1963.
 42. Писмо на архиепископ Василия до папа Иннокентия III от ноемврий 1204 г. // *Дуйчев И.* Из старата българска книжнина. София, 1944. Т. 2. С. 25–26.

43. Помен за успението на св. Иван Рилски // *Иванов Й.* Български старини из Македония. София, 1970. С. 368.
44. Послание на цариградския патриарх Калист до Търновското монашество (1361). Увещание, наставление и защита на светеяния и вселенски патриарх господин Калист и на божественя и Свети синод при него, отправено към честнейшите монаси и останалите свещеници, които се намират в Търновската страна, относно Светото кръщение // *Гюзелев В.* Извори за средновековната история на България (VII–XV в.) в австрийските ръкописни сбирки и архиви. Т. 1. София, 1994. С. 177–184.
45. Проложно житие на Иван Рилски от Драгановия Миней // *Стара българска литература.* Т. 4. Житиеписни творби. София, 1986. С. 130–131.
46. Проложно житие на Иван Рилски от Норовия пролог // Там же. С. 131–132.
47. Проложно житие на Иван Рилски от Софийски пролог // *Българската литература и книжнина през XIII век.* София, 1987. С. 50–53.
48. Проложно житие на Иван Рилски от Стишния пролог // *Стара българска литература.* Т. 4. Житиеписни творби. София, 1986. С. 132–135.
49. Протокол «А» № 200 на заседанието на Политбюро на ЦК на БКП от 21 май 1968 г. // *Протоколи на Политбюро и на ЦК на БКП (1944–1989)* [доступно 25.05.2016: <http://politburo.archives.bg/en/2013-04-24-11-12-48/dokumenti/1960-1969/1286---200--21--1968-->].
50. Сказание за светия пророк Исая за бъдните години и за царете и за Антихриста, който ще дойде // *Тъпкова-Заимова В., Милтенова А.* Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България. София, 1996. С. 155–158.
51. Слово от Кирил Философ как покръсти българите // *Стара българска литература.* Т. 1. Апокрифи. София, 1982. С. 300.

52. Служба на св. Ивана Рилски на 18 август // *Иванов Й.* Български старини из Македония. София, 1970. С. 345–358.
53. Служба на св. Ивана Рилски на 19 октомврий // Там же. С. 359–367.
54. *Теодор Валсамон.* Към свети Димитрия, намерен от царя в жилището на въстанника Славопетра // *Дуйчев И.* Проучвания върху българско Средновековие. София, 1945. С. 49–50.
55. Anastasii abbatis, Sanctae Romanae Ecclesiae presbyteri et bibliothecarii Passio s. Demetrii martyris // PL. T. 129. Col. 715–726.
56. *Anna Comnene.* Alexias / Rec. D.R. Reinsch et A. Kambylis (= Corpus fontium historiae byzantinae. Vol. 40/1). Berolini et Novi Eboraci, 2001.
57. Annales anonymi presbyteri de Dioclea // ЛИБИ. Т. 3. София, 1965. Р. 170–179.
58. Annales Ceccanenses // Ibidem. Т. 4. София, 1981. Р. 139–140.
59. *Baronio C.* Annales Ecclesiastici a Christo nato ad annum 1198, 12 vol. Roma, 1588–1607.
60. *Constantinus Porphyroginitus.* De ceremoniis aulae byzantinae // ГИБИ. Т. 5. София, 1964. Р. 220–229.
61. *Galvez F.J.* Blasii Kleiner Archivium tripartitum inclytae provinciae Bulgariae. Madrid, 1997.
62. *Georgius Acropolita.* Historia // ГИБИ. Т. 8. София, 1972. Р. 150–213.
63. *Idem.* Opera / Rec. A. Heisenberg. Ed. anni 1903 (= Bibliotheca scriptorum graecorum et romanorum Teubneriana. Vol. 1). Stutgardiae, 1978.
64. *Georgius Monachus Continuatus.* Chronicon // ГИБИ. Т. 6. София, 1965. Р. 133–158.
65. *Gregorius Antiochus.* Opuscula // Ibidem. Т. 7. София, 1968. Р. 264–272.
66. Historia de expeditione Friderici imperatoris // ЛИБИ. Т. 3. София, 1965. Р. 245–291.
67. Historia peregrinorum // Ibidem. Р. 221–244.
68. *Innocentius PP. III.* Epistolae ad Bulgariae historiam spectantes / Rec. et exp. Iv. Duičev (= Преписката на папа Инокентия III с българите. Увод,

- текст и бележки от Ив. Дуйчев) // ГСУ ИФ. Т. 37 (3). София, 1942. Р. 3–116.
69. Innocentii III papae et Caloianus regis // ЛИБИ. Т. 3. София, 1965. Р. 308–378.
70. *Ioannes Cameniates*. De expugnatione Thessalonicae / Ed. G. Böhlig. Berolini, 1973.
71. *Ioannes Scylitzaes*. Synopsis historiarum (= Corpus fontium historiae byzantinae. Vol. 5) / Rec. I. Thurn. Berolini et Novi Eboraci, 1973.
72. *Leon Diacon*. Historia // ГИБИ. Т. 5. София, 1964. Р. 246–276.
73. *Michael Attaleiata*. Historia // Ibidem. Т. 6. София, 1965. Р. 160–197.
74. *Michael Choniata*. Panegyricus Isaacio Angelo dictus // Ibidem. Т. 11. София, 1983. Р. 118–121.
75. Miraculorum s. Demetrii martyris liber I // PG. Т. 116. Col. 1203–1324.
76. Miraculorum s. Demetrii martyris liber II auctore anonymo // Ibidem. Col. 1325–1384.
77. Miraculorum s. Demetrii martyris liber III auctore anonymo altero // Ibidem. Col. 1384–1398.
78. *Nicetas Choniata*. Historia / Rec. I.A. van Dieten (= Corpus fontium historiae byzantinae. Vol. 11/1). Berolini et Novi Eboraci, 1975.
79. *Idem*. Historia // ГИБИ. Т. 11. София, 1983. Р. 8–93.
80. *Idem*. Orationes et epistulae / Rec. I.A. van Dieten (= Series Berolinensis. Vol. III). Berolini et Novi Eboraci. 1972.
81. *Odo de Deogilo*. Liber de via Sancti Sepulchri // ЛИБИ. Т. 3. София, 1965. Р. 118–128.
82. Passio tertia s. Demetrii martyris auctore Simeoni Metaphrastae // PG. Т. 116. Col. 1185–1202.
83. Photii Myriobiblion sive Bibliotheca // Ibidem. Т. 104. Col. 9–356.
84. S. Demetrii martyris Passio altera auctore anonymo // Ibidem. Т. 116. Col. 1173–1184.
85. Sigillia Basilii // ГИБИ. Т. 6. София, 1965. Р. 40–47.

86. *Theodorus Scutariotes*. Compendium chronicum // Ibidem. T. 8. София, 1972. P. 214–303.
87. *Theophylactus Constantinopoli patriarchus*. Epistola Petro Bulgarorum regi // Ibidem. T. 5. София, 1964. P. 184–189.
88. *Akropolites G*. The History. Oxford, 2007.
89. *Clari R., de*. La Conquête de Constantinople / Publication, traduction, présentation et notes par J. Dufournet. Paris, 2004.
90. Digenis Akritis. The Grottaferrata and Escorial Versions / Ed. and trans. by E. Jeffreys. Cambridge, 1998.
91. *Eustazio di Tessalonica*. La espugnazione di Tessalonica (= Testi e Monumenti. Testi. Vol. 5) / Ed. S. Kyriakidis. Palermo, 1961.
92. *Lemerle P*. Les plus anciens recueils des miracles de Saint-Démétrius et la pénétration des Slaves dans les Balkans. Vol. 1–2. Paris, 1979–1981.
93. *Michel Psellos*. Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance (976–1077) / Texte établi et traduit par E. Renauld. Vol. 1–2. Paris, 1926–1928.
94. O City of Byzantium. Annals of Niketas Choniates. Detroit, 1984.
95. *Orbini M*. Il regno de gli Slavi, hoggi corrottamente detti schiavoni. Pesaro, 1601.
96. *Pseudo-Luciano*. Timarione / Testo critico, introduzione, traduzione, commentario e lessico a cura di R. Romano. Napoli, 1974.
97. *Ville-Hardouin G., de*. Conquête de Constantinople, avec la continuation de Henri de Valenciennes / Texte original, accompagné d'une traduction, par M. Natalis de Wailly. Paris, 1882.
98. Ἀνωνύμου Σύνοψις χρονική // *Σαθα Κ.Ν.* Bibliotheca graeca medii aevi. Vol. 7. Paris, 1894. Σ. 3–556.
99. *Θεόδωρος Βαλσαμῶν*. Εἰς ἅγιον Δημήτριον εὐρεθέντα παρὰ τοῦ βασιλέως εἰς τὴν οἰκίαν τοῦ ἀποστάτου Σθλαβοπέτρου // *Дуичев И.* Проучвания върху българското Средновековие. София, 1945. С. 48–49.
100. *Ἰωάννης ὁ Γεωμέτρης*. Εἰς τὸν ἅγιον Δημήτριον (= Numéro 62 — sur Saint Démétrios) // *Jean Géomètre*. Poèmes en hexamètres et en distiques

- élégiaques / Edition, traduction et commentaire par Emilie Marlène van Opstall (= The Medieval Mediterranean. Peoples, Economies and Cultures, 400–1500. Vol. 75). Leiden; Boston, 2008. P. 218.
101. *Idem.* Εἰς τὸν αὐτόν (= Numéro 63 — sur le même) // *Ibidem.* P. 222.
102. [Δέων ὁ Σοφός, βασιλεύς]. Λογος ΙΖ' // Leonis VI Sapientis imperatoris byzantini homiliae (= Corpus christianorum. Series graeca. Vol. 63) / Ed. Th. Antonopoulou. Turnhout, 2008. Σ. 243–257.
103. *Idem.* Λογος ΙΗ' // *Ibidem.* Σ. 259–261.
104. *Idem.* Λογος ΙΘ' // *Ibidem.* Σ. 263–265.
105. Μνήμη τῆς ἀπὸ Θεσσαλονίκης εἰσελεύσεως τοῦ περιωνύμου Δημητρίου, τοῦ πρότερον ἐπικειμένου τῇ μυροβρύτῳ σορῶ // Παπαδόπουλος-Κεραμεύς Α. Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας. Τ. Δ'. Ἐν Πετρούπολει, 1897. Σ. 238–246.
106. Τσολακῆ Ε.Θ. Ἡ Συνέχεια τῆς Χρονογραφίας τοῦ Ἰωάννου Σκυλίτση (Ioannes Scylitzes Continuatus). Θεσσαλονίκη, 1968.

Литература

1. *Аксенова Е.П.* Институт славяноведения и балканистики РАН за 50 лет (1947–1997). Краткий исторический очерк // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996. С. 33–62.
2. *Она же.* Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М., 2000.
3. *Алексеев Л.В.* Крест Евфросинии Полоцкой 1161 г. в Средневековье и в позднейшие времена (к 830-летию знаменитой реликвии) // РА. 1993. № 2. С. 70–78.
4. *Бадаланова-Покровская Ф., Плюханова М.* Средневековая символика власти в Slavia Orthodoxa // ГСУ ФСФ. Литературознание. Кн. 2. Т. 86. 1993 (1996). С. 103–108.
5. *Бакалова Е.* Реликвии у истоков культа святых // Восточнохристианские реликвии. М., 2003. С. 19–39.

6. *Барабанов Н.Д.* Иеротопия и проблема «народной религиозности» в Византии (некоторые соображения к развитию концепции) // *Власть, общество и церковь в Византии*. Армавир, 2007. С. 231–238.
7. *Он же.* Культ иконы Одигитрии в Константинополе в аспекте византийского народного благочестия // *Море и берега*. К 60-летию С.П. Карпова от коллег и учеников. М., 2009. С. 241–258.
8. *Он же.* Проблема народной религиозности в современной историографии: уроки медиевистики // *Вестник ВолГУ*. 2005. Серия 4. Вып. 10. С. 154–159.
9. *Бегунов Ю.К.* Греко-славянская традиция почитания Димитрия Солунского и русский духовный стих о нем // *BSI*. 1975. 35 (2). С. 149–152.
10. *Безобразов П.В.* История южных славян. М., 1889.
11. *Бельтинг Х.* Образ и культ. История образа до эпохи искусства. М., 2002.
12. *Бибиков М.В.* К вопросу об иноземцах в византийской государственной элите // *Элита и этнос Средневековья*. М., 1995. С. 135–148.
13. *Бойцов М.А.* Величие и смирение. Очерки политического символизма в Средневековой Европе. М., 2009.
14. *Он же.* Что такое потестарная имагология? // *Власть и образ: очерки потестарной имагологии*. СПб., 2010. С. 5–37.
15. *Буланин Д.М.* Мучение Димитрия Солунского // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. XI — первая половина XIV в. Л., 1987. С. 260–264.
16. *Васильев А.А.* Византия и крестоносцы. Эпоха Комнинов (1081–1185) и Ангелов (1185–1204). Петербург, 1923.
17. *Он же.* История Византийской империи. Т. 2. От крестовых походов до падения Константинополя. СПб., 1998 [доступно 25.05.2016: <http://gumilevica.kulichki.net/VAA/vaa214.htm#vaa214para09>].

18. *Васильевский В.Г.* Византия и печенеги // Труды В.Г. Васильевского. Т. 1. СПб., 1908. С. 1–175.
19. *Он же.* Образование Второго болгарского царства, Федора Успенского. Одесса, 1879 // ЖМНП. 1879. Ч. 204. С. 144–348.
20. *Венелин Ю.И.* Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты, собранные и объясненные на иждивении императорской Российской академии Юрием Венелиным. СПб., 1840.
21. *Он же.* Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. Т. 1. М., 1829.
22. *Он же.* Критические исследования об истории болгар. С прихода болгар на Фракийский полуостров до 968 года, или покорения Болгарии великим князем русским Святославом. М., 1849.
23. *Герцберг Г.Ф.* История Византии. М., 1896.
24. *Голубинский Е.Е.* Краткий очерк истории православных церквей: болгарской, сербской и румынской или молдо-валашской. М., 1871.
25. *Горский А.А., Кузьмин А.В.* Всеволод (Димитрий) Юрьевич // ПЭ. Т. 9. М., 2005. С. 552–557.
26. *Горянов Б.Т.* Борьба болгарского народа против византийского ига // История Болгарии. Т. 1. М., 1954. С. 107–122.
27. Государственная Третьяковская Галерея. Каталог собрания. Т. 1. Древнерусское искусство X — начала XV в. М., 1995.
28. *Готье Ю.В.* История южных славян. М., 1916.
29. *Григорович В.И.* Очерк ученого путешествия по Европейской Турции. М., 1877.
30. *Грушевой А.Г.* К переизданию цикла общих работ А.А. Васильева по истории Византии // *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 1. Время от крестовых походов до 1081 г. СПб., 1998 [доступно 25.05.2016: <http://gumilevica.kulichki.net/VAA/vaa101.htm>].
31. *Дагрон Ж.* Император и священник. Эюд о византийском «цезарепапизме». СПб., 2010.

32. *Державин Н.С.* История Болгарии. Т. 2. Болгария времени первого и второго царств (679–1393). М.; Л., 1946.
33. *Дибиров А.-Н.З.* Теория политической легитимности. Курс лекций. М., 2007.
34. *Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. М., 2006 [доступно 25.05.2016: <http://www.efremova.info/word/stanovlenie.html#.U95csPk0GcE>].
35. *Жаворонков П.И.* Культура Никейской империи // Культура Византии. Т. 3 (XIII — 1 половина XV в.). М., 1991. С. 63–67.
36. *Он же.* Личность и творчество Георгия Акрополита // *Георгий Акрополит.* История. М., 2005. С. 14–44.
37. *Живов В.М.* Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М., 1994. С. 46–77.
38. *Иванов С.А.* Блаженные похабы. Культурная история юродства. М., 2005.
39. *Он же.* «Болгарская апокрифическая летопись» как памятник этнического самосознания болгар // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 70–77.
40. *Он же.* К проблеме этнополитического самосознания болгар в эпоху византийского господства // Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1988. С. 22–27.
41. *Он же.* Общественная мысль в Болгарии в XI–XIII вв. // Власть и общество в литературных текстах Древней Руси и других славянских стран (XII–XIII вв.). М., 2012. С. 95–123.
42. *Он же.* Формы легитимации верховной власти в Болгарии XI–XII вв. // Славяне и их соседи. Вып. 12. Анфологион: власть, общество, культура в славянском мире в средние века. М., 2008. С. 66–75.

43. *Иванова К., Чешимеджиев Д., Турилов А.А.* Иоанн Рильский // ПЭ. Т. 24. М., 2010. С. 585–598 [доступно 25.05.2016: <http://www.pravenc.ru/text/471475.html>].
44. *Иванова О.В.* О путях интеграции иноплеменников в Византийской империи в VII–X вв. (преимущественно на примере славян) // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб., 1999. С. 48–80.
45. *Иванова О.В., Турилов А.А., Лукашевич А.А., Преображенский А.С.* Димитрий Солунский // ПЭ. Т. 15. М., 2007. С. 155–195.
46. *Илчевски Ст.* Давид // ПЭ. Т. 13. М., 2006. С. 561.
47. *Ильинский Г.А.* Лекции по истории южнославянских литератур, читанные в Харьковском университете в 1907/8 учебном году. Харьков, 1908.
48. *Инков А.А.* Древняя Русь и кочевники южнорусских степей в X–XIII вв. М., 2007.
49. *Иречек К.* История болгар. Одесса, 1878.
50. Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки. Вып. 2. М., 1977.
51. *Каждан А.П.* Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван, 1975.
52. *Он же.* Византийский публицист XII в. Евстафий Солунский // ВВ. Т. 28. С. 60–84.
53. *Он же.* Два дня из жизни Константинополя. СПб., 2002.
54. *Он же.* Никита Хониат и его время. М., 2005.
55. *Он же.* Освобождение Болгарии из-под византийского ига // ВИ. 1973. № 11. С. 124–134.
56. *Каждан А.П., Литаврин Г.Г.* Очерки истории Византии и южных славян. СПб., 1998.

57. *Казарян А.Ю., Саенкова Е.М., Сусленков В.Е.* Димитрия Солунского великомученика базилика в Фессалонике // ПЭ. Т. 15. М., 2007 [доступно 25.05.2016: <http://www.pravenc.ru/text/178245.html>].
58. *Калайдович К.Ф.* Иоанн ексарх болгарский. М., 1824.
59. *Калиганов И.И.* Болгарская литература // История литератур западных и южных славян. М., 1997. Т. 1. С. 111–187.
60. *Карсавин Л.П.* Основы средневековой религиозности в XII–XIII вв. СПб., 1997 (= *Карсавин Л.П.* Основы средневековой религиозности в XII–XIII вв. Петроград, 1915).
61. *Князький И.О.* Византия и кочевники южнорусских степей. СПб., 2003.
62. *Конзал В.* Старославянская молитва против дьявола. М., 2002.
63. *Лавров П.А.* История южных славян. Лекции, читанные в Московском университете в 1895/6 году. М., 1906.
64. *Лазарев В.Н.* История византийской живописи. М., 1986.
65. *Он же.* Михайловские мозаики. М., 1966.
66. *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в XIX в. М., 2005.
67. *Она же.* История славяноведения в России в конце XIX — первой трети XX в. М., 2012.
68. *Ле Гофф Ж., Трюон Н.* История тела в средние века. М., 2008.
69. *Лидов А.М.* Иконы в огне. Византийская иеротопия обряда Анастасии // Иеротопия огня и света в культуре византийского мира. М., 2013. С. 332–349.
70. *Он же.* Огонь Анастасии. Иеротопия византийского обряда танцев с иконами // Огонь и свет в сакральном пространстве. Материалы международного симпозиума. М., 2011. С. 127–133.
71. *Он же.* Реликвии Константинополя // Реликвии в Византии и Древней Руси. Письменные источники. М., 2006. С. 168–173.
72. *Он же.* Церковь Богоматери Фаросской. Императорский храм-реликварий как константинопольский Гроб Господень // Византийский

- мир: искусство Константинополя и национальные традиции. К 2000-летию христианства (памяти О.И. Подобедовой). М., 2005. С. 79–101.
73. *Он же*. Чудотворное действо с Одигитрией Константинопольской // *Он же*. Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М., 2009. С. 39–69.
74. *Литаврин Г.Г.* Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960.
75. *Он же*. Болгарские земли под византийским владычеством (1018–1186) // Краткая история Болгарии. С древнейших времен до наших дней. М., 1987. С. 101–119.
76. *Он же*. Борьба болгарского народа против византийского ига (XI–XII вв.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1954.
77. *Он же*. Византийское государство в VII–XII вв. // Раннефеодальные государства на Балканах (VI–XII вв.). М., 1985. С. 99–131.
78. *Он же*. Византийское общество и государство в X–XI вв. Проблемы истории одного столетия: 976–1081 гг. М., 1977.
79. *Он же*. Два этюда о восстании Петра и Асеня // *ЭВ*. 1985. № 4. С. 12–24 (= *Он же*. Византия и славяне. СПб., 1999. С. 348–362).
80. *Он же*. Налоговая политика Византии в Болгарии в 1018–1185 гг. // *ВВ*. 1956. Т. 10. С. 81–110.
81. *Он же*. Народы Балканского полуострова в составе Византийской империи в XI–XII вв. // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 170–185.
82. *Он же*. Новое исследование о восстании в Паристрионе и образовании Второго Болгарского царства // *ВВ*. 1980. Т. 41. С. 92–112.
83. *Он же*. Особенности развития самосознания болгарской народности со второй четверти X до конца XIV в. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 36–70.

84. *Он же.* Становление Второго Болгарского царства и его международное значение в XIII столетии // *ЕВ.* 1985. № 4. С. 17–26 (= *Он же.* Византия и славяне. СПб., 1999. С. 363–374).
85. *Он же.* Стремительный подъем Второго Болгарского царства // *Краткая история Болгарии. С древнейших времен до наших дней.* М., 1987. С. 120–136.
86. *Он же.* Феофилакт Болгарский между Охридом и Константинополем // *Florilegium: К 60-летию Б. Н. Флори.* М., 2000. С. 179–186.
87. *Он же.* Эволюция этнического самосознания болгарской знати в эпоху византийского господства // *Элита и этнос Средневековья.* М., 1995. С. 170–177.
88. *Он же.* Этнические и политические симпатии населения пограничных областей между Византией и Болгарией в первой половине XIV столетия // *Славянский мир между Римом и Константинополем. Славяне и их соседи.* Вып. 11. М., 2004. С. 163–170.
89. *Он же.* Этническое самосознание населения пограничной зоны между Византией и Болгарией в X–XIV вв. // *Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе.* Москва, 1988. С. 64–79.
90. *Литаврин Г.Г., Наумов Е.П.* Межэтнические связи и межгосударственные отношения на Балканах в VI–XII вв. // *Раннефеодальные государства на Балканах (VI–XII вв.).* М., 1985. С. 285–313.
91. *Литаврин Г.Г., Флоря Б.Н.* Изучение истории средних веков // *Институт славяноведения и балканистики. 50 лет.* М., 1996. С. 63–79.
92. *Лукин П.Е.* Письмена и Православие: Историко-филологическое исследование «Сказания о письменах» Константина Философа Костенецкого. М., 2001.
93. *Любарский Я.Н.* Византийские историки и писатели. СПб., 2012.
94. *Макушев В.В.* Болгария в конце XII и первой половине XIII в. // *ВУИ.* 1872. № 3. С. 1–66.

95. *Масиель-Санчес Л.К.* Описание святынь Константинополя в латинской рукописи XII в. // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 436–439.
96. *Мельников А.А.* Преподобная Евфросиния Полоцкая. Минск, 1997.
97. *Мургулия М.П., Шушарин В.П.* Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII–XIII вв. М., 1998.
98. *Натан Ж.* История экономического развития Болгарии. М., 1961.
99. *Наумов Е.П.* К вопросу о значении термина «Влахия» в хронике так называемого Ансберта // Этническая история восточных романцев. Древность и средние века. М., 1979. С. 197–202.
100. *Никитин С.А.* Начало 11 — конец 12 в. Болгария под властью Византии и борьба болгарского народа против византийского господства // Советская историческая энциклопедия. Т. 2. М., 1962. С. 526–527.
101. *Норвич Дж.* Расцвет и закат Сицилийского королевства. Нормандцы в Сицилии (1130–1194). М., 2005.
102. *Оболенский Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998.
103. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка / Отв. ред. Н. Шведова. М., 2007 [доступно 25.05.2016: <http://www.ozhegov.com/words/34342.shtml>].
104. *Палаузов С.Н.* Век болгарского царя Симеона. СПб., 1852.
105. *Он же.* Синодик царя Борила: Рукопись XIV века // Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. 1855. Кн. 21. Отд. 1. С. 1–22.
106. *Паттерсон-Шевченко Н.* Служители святой иконы // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 133–144.
107. *Пичета В.И.* Драма болгарского народа. Борьба за национальное объединение Болгарии (= Мир и война. Библиотека общедоступных очерков, посвященных войне 1914 г. Вып. 3). М., 1914–1915.

108. *Он же*. Исторический очерк славянства // Славянская библиотека. № 1. М., 1914.
109. *Погодин А.Л.* История Болгарии. СПб., 1910.
110. *Полывянный Д.И.* Калоян // ПЭ. Т. 29. М., 2012. С. 582–584.
111. *Он же*. К изучению средневекового болгарского историописания // Българско Средновековие: общество, власт, история. Сборник в чест на проф., д-р Милияна Каймакамова. София, 2013. С. 252–261.
112. *Он же*. Культурное своеобразие средневековой Болгарии в контексте византийско-славянской общности IX–XV веков. Иваново, 2000.
113. *Он же*. Царь Петр в исторической памяти Болгарского Средневековья // Средновековният българин и «другите». Сборник в чест на 60-годишнината на проф. д.и.н. Петър Ангелов. София, 2013. С. 137–145.
114. *Полывянный Д.И., Темелски Х. Дуйчев* // ПЭ. Т. 16. М., 2008. С. 325–326.
115. *Попов И.Н., Чичуров И.С.* Византиноведение // Там же. Т. 8. М., 2004. С. 388–401.
116. *Раич Й.* История разных славенских народов, наипаче болгар, хорватов и сербов, из тьмы забвения изъятая и во свет исторически произведенная Иоанном Раичем, архимандритом во Свято-Архангельском монастыре Ковиле. Ч. 1. Вена, 1794. Кн. 2. О народе болгарском.
117. *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004.
118. *Сарабьянов В.Д.* Спасо-Преображенская церковь Евфросиньева монастыря и ее фрески. М., 2007.
119. *Свердлов М.Б.* Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997.
120. *Смирнова Э.С.* Храмовая икона Дмитриевского собора. Святость солунской базилики во владимирском храме // Дмитриевский собор. К 800-летию памятника. М., 1997. С. 220–253.

121. *Стерлигова И.А.* Византийский мощевик Димитрия Солунского из Московского Кремля и его судьба в Древней Руси // Там же. С. 255–273.
122. *Она же.* Древнерусские украшенные иконы XII–XIII вв. Опыт реконструкции // ВВ. 1999. Т. 58. С. 178–185.
123. *Сухарев А.Я., Крутских В.Е., Сухарева А.Я. и др.* Большой юридический словарь. М., 2003 [доступно 25.05.2016: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/15830>].
124. *Сюзюмов М.Я.* Внутренняя политика Андроника Комнина и разгром пригородов Константинополя в 1187 г. // ВВ. Т. 12. С. 58–74.
125. *Тафт Р.* Византийский церковный обряд. СПб., 2000.
126. *Темчин С.Ю.* Этапы становления славянской гимнографии (863 г. — около 1097 года). Часть 1 // Сл. 2004. № 2. С. 18–55.
127. *Тимофеева Т.П., Маштафаров А.В., Пивоварова Н.П.* Димитрия Солунского великомученика собор во Владимире // ПЭ. Т. 15. М., 2007. С. 207–218.
128. *Ткаченко А.А., Ломакин Н.А., Буганов Р.Б., Попов И.Н.* Иннокентий III // Там же. Т. 23. М., 2010. С. 44–55.
129. *Тотев К.* Реликварий св. Димитрия из региона Велико Тырново // АДСВ. 2009. Вып. 39. С. 314–326.
130. *Турилов А.А.* После Климента и Наума (славянская письменность на территории Охридской архиепископии в X — первой половине XIII в.) // *Флоря Б.Н., Турилов А.А., Иванов С.А.* Судьбы Кирилло-Мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб., 2000. С. 82–162.
131. *Турилов А.А., Клосс Б.М., Шейкин Г.Н., Басова М.В.* Евфросиния // ПЭ. Т. 17. М., 2008. С. 507–517.
132. *Тыпкова-Заимова В.* Тюркские кочевники, византийская администрация и местное население на Нижнем Дунае (XI–XII вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 67–73.

133. *Узенева Е.С.* Нестинарство // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 2004. Т. 3. С. 392–394.
134. *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. Первая половина. Л., 1927.
135. *Он же.* История Византийской империи. Т. 3. М.; Л., 1948.
136. *Он же.* Образование Второго Болгарского Царства. Одесса, 1879.
137. *Он же.* О древностях города Тырнова // ИРАИК. Т. 7. Вып. 1. София, 1901. С. 1–24.
138. *Федоровских А.А.* Политическая власть в современной России: проблемы легитимации власти и разделения властей // Вопросы политологии и социологии. 2013. № 1 (4) [доступно 25.05.2016: <http://politsocio.uapa.ru/ru/issue/2013/01/05/>].
139. *Флоря Б.Н.* У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.). СПб., 2004.
140. *Хвостова К.В.* Византийская цивилизация как историческая парадигма. СПб., 2009.
141. *Цанкова-Петкова Г.* Социальный состав населения болгарских земель в период византийского господства // ВВ. 1963. Т. 23. С. 3–22.
142. *Чвырь Н.В.* В поисках своего прошлого: исторические представления болгар-католиков XVIII в. // Сл. 2007. № 5. С. 74–86.
143. *Чешмеджиев Д., Турилов А.А., Орецкая И.А.* Иоанн Рыльский // ПЭ. Т. 24. М., 2010. С. 585–598 [доступно 25.05.2016: <http://www.pravenc.ru/text/471475.html>].
144. *Чиркович С.* История сербов. М., 2009.
145. *Шалина И.А.* Реликвии в восточнохристианской иконографии. М., 2005.
146. *Шандровская В.С.* Изображения святых воинов в византийской сфрагистике и нумизматике // Византия и Ближний Восток. СПб., 1994. С. 70–89.

147. *Шевченко Э.В.* Евфросинии Полоцкой преподобной крест // ПЭ. Т. 17. М., 2008. С. 502–504.
148. *Шукуров Р.М.* Конфессия, этничность и византийская идентичность // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. М., 2008. С. 243–262.
149. *Щепкин В.Н.* История южных славян. М., 1913.
150. *Юзбашян К.Н.* Внешнеполитическое и внутреннее положение Византии в конце XII в. Четвертый крестовый поход и захват Константинополя // История Византии. В 3-х т. Т. 2. М., 1967. С. 331–346.
151. *Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Актовые печати Древней Руси (X–XV вв.). Т. 3. Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М., 1998.
152. *Ястребов Н.В., Лавров П.А.* История болгарского народа. Петроград, 1916.
153. *Яцимирский А.И.* История южных славян. Курс лекций, читанных в императорском Варшавском университете в 1913/1914 г. Т. 1. История Болгарии. Варшава, 1913.
154. *Он же.* История южных славян. Курс лекций, читанных в императорском Варшавском университете в 1914/1915 г. Варшава, 1915.
155. *Алексиев Й.* Велико Търново. Крепостта Трапезица. Манастир «Св. Йоан Рилски» // Археологически открития и разкопки през 2008 г. София, 2009. С. 603–607.
156. *Он же.* Предстоличният Търнов // Сборник в чест на акад. Димитър Ангелов. София, 1994. С. 196–200.
157. *Он же.* Разкопки на манастира «Св. Йоан Рилски» на Трапезица (сектор Югозападен) // Археологически открития и разкопки през 2007 г. София, 2008. С. 675–681.
158. *Ангелов Б.Ст.* Канон на Димитър Солунски // *Он же.* Из старата българска, руска и сръбска литература. Кн. 1. София, 1958. С. 23–35.

159. *Он же.* Похвално слово за Димитър Солунски // *Климент Охридски.* Събрани съчинения. София, 1970. Т. 1. С. 221–226.
160. *Он же.* Поучение за Димитър Солунски (първо) // Там же. Т. 2. С. 788.
161. *Он же.* Поучение за Димитър Солунски (второ) // Там же. С. 795–796.
162. *Ангелов Д.* Византия. Възход и залез на една империя. София, 1991.
163. *Он же.* Военно-административно и църковно устройство // История на България в 14 т. Т. 3. Втора българска държава. София, 1982. С. 23–28.
164. *Он же.* Въстанието начело с Асеновци // Там же. С. 117–125.
165. *Он же.* Из средновековното ни минало. Държава, народност, култура. София, 1990. С. 147–152
166. *Он же.* История на Византия. Ч. 1. (395–1204 г.). София, 1949–1950.
167. *Он же.* Образование и книжнина // История на България в 14 т. Т. 3. Втора българска държава. София, 1982. С. 92–105.
168. *Он же.* Образуване на българската народност. Второ преработено и допълнено издание. София, 1981. С. 343–350.
169. *Ангелов П.* България и българите в представите на византийците. София, 1999.
170. *Он же.* Средновековната българска дипломация. София, 2004.
171. *Ангелова Р.* Игра по огън. Нестинарство (народен обичай в България). София, 1955.
172. *Андреев Й.* Иван Асен I // *Андреев Й., Лазаров И., Павлов П.* Кой кой е в средновековна България. Исторически справочник. София, 1994. С. 134–139.
173. *Он же.* История на Второто Българско царство. Велико Търново, 1996.
174. *Он же.* Третият поход на император Исаак II Ангел в България през 1190 година // ВИС. 1985. № 5. С. 26–41.
175. *Андреев М.* Българската държава през Средновековието. София, 1974.
176. *Андрејић Ж.* Кумани на Балкану и њихова асимилација у Средњем веку // ИРИМ — ВТ. 2009–2010. № 24–25. С. 8–11.
177. *Антолјак С.* Средновековна Македонија. Т. 1. Скопје, 1985.

178. *Арnaudов М.* Български народни празници. Велико Търново, 1996.
179. *Он же.* Очерки по българския фолклор. София, 1934.
180. *Он же.* Паисий Хилендарски. Личност, дело, епоха (второ допълнено издание). София, 1972.
181. *Атанасов Г.* Инсигниите на средновековните български владетели. Корони, скиптри, сфери, оръжия, костюми, накити. Плевен, 1999.
182. *Бакалов Г.* Средновековният български владетел (титулатура и инсигнии). София, 1985.
183. *Он же.* Титлата на цар Калоян // Одринската битка от 1205 година. София, 2005. С. 53–62.
184. *Баришић Ф.* Чуда Димитрија Солунског као историски извор. Београд, 1953.
185. *Беров Л.* Икономическото развитие на България през вековете. София, 1974.
186. *Билярски И.* Избраният народ и обетованата земя (географски черти на религиозната идентичност) // Старобългарска литература. Кн. 41–42. Юбилеен сборник в чест на 60-годишнината на К. Станчев и А. Наумов. София, 2009. С. 121–132.
187. *Он же.* Покровители на Царството. Св. цар Петър и св. Параскева-Петка. София, 2004.
188. *Божилев И.* Българите във Византийската империя. София, 1995.
189. *Он же.* Седем етюда по средновековна история. София, 1995.
190. *Он же.* Фамилията на Асеневци. Генеалогия и просопография. София, 1985.
191. *Он же.* Цар Калоян // ВИС. 1982. № 5. С. 131–147.
192. *Божилев И., Гюзелев В.* История на средновековна България. VII–XIV век (= История на България в три тома. Т. 1). София, 1999.
193. *Божков А.* Миниатюри от Мадридския ръкопис на Йоан Скилица. София, 1972.

194. *Борисов Б.Д.* Демографските промени през XI–XII век в днешните български земи // Тангра. Сборник в чест на 70-годишнината на акад. Васил Гюзелев. София, 2006. С. 391–408.
195. *Вакарелски Х.* Етнография на България. Трето издание. София, 2007.
196. *Ваклинова М.* Паметник на средновековната дребна пластика // Археология. 1970. Кн. 2. С. 44–51.
197. *Вачкова В.* Белите полета в българската културна памет. София, 2010.
198. *Вълчинова Г.* Светецът и трактовката на лудостта в традиционната култура // БЕ. 2005. № 2. С. 5–17.
199. *Гагова К.* Императорската титла на Калоян // Българските земи през Средновековието (VII–XVIII в.). Международна конференция в чест на 70-годишнината на проф. Александър Кузев. Варна, 2002. С. 49–58.
200. *Гандев Хр.* Кратка българска история. София, 1947.
201. *Георгиева И.* Нестинари // *Георгиева И., Делев П., Живкова Н., Колев П., Ламбев Г., Попов Д., Орачев А., Русинов В., Станимиров С., Черкезова М.* Странджа. Древност и съвремие. Кн. 1. София, 1990. С. 276–278.
202. *Она же.* Нестинарството в България // Етнография. Втори международен конгрес по българистика. Доклади. 10. София, 1987. С. 37–51.
203. *Она же.* Нестинарството в Крим // БЕ. 2003. № 2–3. С. 9–29.
204. *Она же.* Нестинарството в Странджа // Културно-историческо наследство на Странджа — Сакар. София, 1987 [доступно 25.05.2016: http://www.promacedonia.org/ss/ss_7.html].
205. *Георгиева Ц., Генчев Н.* История на средновековна България. XV–XIX век (= История на България в три тома. Т. 2). София, 1999.
206. *Грабар А.* Няколко мощехранителници на свети Димитър и мартириума на светеца в Солун // *Он же.* Избрани съчинения. София, 1982. С. 132–157.

207. *Грозданов Ц., Хадерман-Мисгвиш Л.* Курбиново. Скопје, 1992. С. 49 црт., 65-66, сл. 66.
208. *Гюзелев В.* Апология на Средновековието. София, 2004.
209. *Он же.* Бележки върху историята на българските земи и българите половин столетие преди въстанието на Асеновци (1186–1188) // Проф. д.и.н. Станчо Ваклинов и средновековната българска култура. Велико Търново, 2005. С. 33–44.
210. *Он же.* Добруджанският надпис и събитията в България през 943 г. // ИПр. 1968. Год. 24. № 6. С. 40–48.
211. *Он же.* Папството и българите през Средновековието (IX–XV в.). Пловдив, 2009.
212. *Он же.* Чудотворна икона на св. Димитър Солунски в Търново през 1185–1186 г. // Любен Прашков — реставратор и изкуствовед. Материали от научната конференция, посветена на 70-годишнината на проф. доктор Любен Прашков, проведена във ВТУ «Св. Кирил и Методий», 14–15 декември 2001 г. София, 2006. С. 36–39.
213. *Данчева-Василева А.* Възобновяване и укрепване на българската държава (1186–1197 г.) // ИПр. 1985. № 9–10. С. 37–53.
214. *Димитров В.* Ритуал за изцеление, изпълняван в храма «Св. Димитър» в село Тешово, Гоцеделчевско // От Честния пояс на Богородица до коланчето за рожба. Изследвания по изкуствознание и културна антропология в чест на проф. Елка Бакалова. София, 2010. С. 84–87.
215. *Димитров Х.* Българо-унгарски отношения през Средновековието. София, 1998.
216. *Он же.* Василий II // *Божилков И., Билярски И., Димитров Х., Илиев И.* Византийските василевси. София, 1997. С. 263–270.
217. *Диневков П.* Паисий Хилендарски и неговата «История славеноболгарская» // *Паисий Хилендарски.* Славянобългарска история. София, 1963. С. 7–18.
218. *Добрев И.* Св. Иван Рилски. Linz, 2007.

219. *Дочев К.* Трапезица, Югозападен сектор // Археологически открития и разкопки през 2009 г. София, 2010. С. 504–506.
220. *Дринов М.* Исторически преглед на Българската църква от самото ѝ начало и до днес. Виена, 1869.
221. *Дуйчев И.* Проучвания върху българското Средновековие. София, 1945.
222. *Он же.* Проучвания върху средновековната българска история и култура. София, 1981.
223. *Он же.* Рилският светец и неговата обител. София, 1947 [доступно 25.05.2016: <http://www.promacedonia.org/id/index.html>].
224. *Он же.* Търново като политически и духовен център през късното средновековие // Археология. 1966. № 3. С. 1–8.
225. *Жекова Ж.* Събитията от 1186 г. според данните от колективните монетни находки от България // ИРИМ — ВТ. 2007. № 22. С. 219–226.
226. *Златарски В.* История на българската държава през Средните векове. Т. 1. Първо българско царство. Ч. 2. От славянизацията на държавата до падането на Първото царство (852–1018). София, 1927.
227. *Он же.* История на българската държава през Средните векове. Т. 2. България под византийско владичество (1018–1187). София, 1934.
228. *Он же.* История на българската държава през Средните векове. Т. 3. Второ българско царство. България при Асеневци (1187–1280). София, 1940.
229. *Он же.* Потеклото на Петър и Асен, водачите на въстанието в 1185 г. // СпБАН. 1933. Кн. 45. С. 7–48.
230. *Игнатов В.* Цар Калоян. София, 2007.
231. *Илиев И.* Исаак II Ангел (1185–1195) // *Божилков И., Билярски И., Димитров Х., Илиев И.* Византийските василевси. София, 1997. С. 336–345.
232. *Он же.* Охридският архиепископ Димитър Хоматиан и българите. София, 2010.

233. *Илиева Л.* Българските земи под византийска власт в края на XI — XII век. Автореферат. София, 2007.
234. *Она же.* Градското стопанство в земите между Дунав и Стара Планина през периода на византийското владичество в българските земи (XI–XII в.) // Тангра. Сборник в чест на 70-годишнината на акад. Васил Гюзелев. София, 2006. С. 560–577.
235. *Она же.* Икономическо развитие на югозападните български земи от края на XI — началото на XII век // Средновековният българин и «другите». София, 2013. С. 187–195.
236. *Она же.* Пространното житие на Климент Охридски и проблемът за българо-византийския културен синтез // Византия в собствените ѝ очи и в очите на другите. София, 2007.
237. *Йотов Й.* Българските земи и нашествията на късните номади в края на XI — XII в. Автореферат. София, 2015.
238. *Каймакамова М.* Византия и историческата култура на българите през XI–XII в. // ИПр. 2003. № 5–6. С. 3–19.
239. *Она же.* Власт и история в Средновековна България (VII–XIV в.) София, 2011.
240. *Она же.* Значението на «Български апокрифен летопис» (XI в.) като извор за ранносредновековната българска култура // SAUS. 2010. № 5. С. 593–612.
241. *Она же.* Пандехово пророческо сказание от XIII в. и зараждане на идеята «Търново — Нов Цариград — Трети Рим» // «България, земя на блажени...». In memoriam professoris Iordani Andreevi. Международна конференция в памет на проф. д.и.н. Йордан Андреев. Велико Търново, 2009. С. 320–355.
242. *Калоянов А.* Българското шаманство. София, 1995.
243. *Он же.* Влах-власи във фолклора и в топонимията с оглед на стб. влъх-влъси/влъхв-влъсви и влъхва-влъхви в диалектите // Дни на науката '96. Велико Търново, 1996. С. 61–68.

244. *Клисаров Н.* Проучени архитектурно-художествени паметници в България // Обзорна информация на НИПК. 1989. С. 18–19.
245. *Койчева Е.* Българите върху етническата карта на Балканите през XI–XII век според латинските извори // Щрихи към балканското средновековие. Изследвания в памет на проф. Николай Кочев (= *Studia balcanica*, 27). София, 2009. С. 151–166.
246. *Она же.* Българските принцеси във византийския двор през XI–XII век // Българско средновековие: общество, власт, история. Сборник в чест на проф. д-р Милияна Каймакамова. София, 2013. С. 284–303.
247. *Коматина П.* Појам «Бугарске» у XI и XII веку и територија Охридске архиепископије // Византијски свет на Балкану. Београд, 2012. С. 41–55.
248. *Комсалова Р.* Социално-икономически проблеми на средновековна България в българската медиевистика след втората световна война. Пловдив, 2000.
249. Кратка история на България. София, 1958.
250. *Крсмановић Б.* О односу управне и црквене организације на подручју Охридске архиепископије // Византијски свет на Балкану. Београд, 2012. С. 17–39.
251. *Лазаров И.* Политическа идеология на Второто Българско царство. В. Търново, 2003.
252. *Лешка М.* Борис I-Михаил, владетелят на България в творчеството на Теофилакт, архиепископ Охридски // Българско средновековие: общество, власт, история. София, 2012. С. 229–237.
253. *Лишев С.* Българският средновековен град. Обществено-икономически облик. София, 1970.
254. *Он же.* Стопански живот // История на България в 14 т. Т. 3. Втора българска държава. София, 1982. С. 54–63.

255. *Мавроудинова Л.* Мястото на стенописите от църквата «Св. Димитър» в с. Паталеница, Пазарджишко, в историята на средновековната балканска живопис // *РВг.* 1999. Кн. 23. № 2. С. 3–29.
256. *Она же.* Стенната живопис в България до края на XIV в. София, 1995.
257. *Маврофридис Г.* Нестинарството в гръцката етнографска книжнина // *Thracia.* Т. 10. София, 1993. С. 155–168.
258. *Майорош Х.* За един не много познат среднобългарски канон за св. Димитър // *Българският език и литература на кръстопътя на културите.* Международна конференция. Сегед, Унгария, 21–22 май 2007. Т. 2. Szeged, 2009. С. 63–67.
259. *Маринов Д.* Народна вяра и религиозни народни обичаи. Второ фототипно издание от 1981 г. София, 1994.
260. *Матанов Х.* Средновековните Балкани. Исторически очерци. София, 2002.
261. *Миланова А.* Градът във византийска България: приемственост и промяна // *Средновековен урбанизъм: памет — сакралност — традиции* (= *Medievalia Christiana.* Vol. 2). София, 2007. С. 7–29.
262. *Она же.* Динамика на селото в България под византийска власт (XI–XII век): между разорението и просперитета // *ГСУ НЦСВП.* 2011. Т. 97 (16). С. 67–78.
263. *Мирчева Б.* Един акростих — криптограма на Константин Преславски в Канон за св. Димитър Солунски // *WSJ.* 2004. Bd. 50. С. 71–93.
264. *Митев Й.* Кратка история на българския народ. София, 1951.
265. *Моллов Т.* Българският миторитуален контекст при оформяне на култа към св. Димитър в Търновград // *Електронно списание LiterNet,* 07.03.2001. № 3 (16) [доступно 25.05.2016: <http://litenet.bg/publish/tmollov/svdimityr.htm>].
266. *Он же.* Народнохристиянски календарни съответствия в Търновското въстание от 1185 година // *ИИ.* Т. 15. София, 1988. С. 81–83.
267. *Мутафов С.* Медицината в българската иконопис. София, 1992.

268. *Мутафчиев П.* Етнографски промени по Долни Дунав през XII в. // *Он же.* Добруджа. Сборник от студии. Т. 4. София, 1947. С. 92–107.
269. *Он же.* История на българския народ. Т. 2. Второ българско царство. София, 1943.
270. *Он же.* Произходът на Асеновци // *Он же.* Избрани произведения. Т. 2. София, 1973. С. 150–191.
271. *Мушимов Н.* Монетите и печатите на българските царе. София, 1923.
272. *Нешева В.* Мелник. Богозиданият град. София, 2008.
273. *Ников П.* Второ Българско царство (1186–1396). София, 1937.
274. *Николаев Вс.* Потеклото на Асеновци и етническият характер на основаната от тях държава. София, 1944.
275. *Николов Г.* Българите и Византийската империя (август — ноември 1185 г.) // *Тангра.* Сборник в чест на 70-годишнината на акад. Васил Гюзелев. София, 2006. С. 597–617.
276. *Он же.* Вътрешнополитическото развитие на възобновеното Българско царство (края на XII — края на XIII в.): фактори и проблеми // *ЗРВИ.* 2009. Т. 36. С. 167–177.
277. *Он же.* Самостоятелни и полусамостоятелни владения във възобновеното Българско царство (края на XII — средата на XIII в.). София, 2011.
278. *Он же.* Централизъм и регионализъм в ранносредновековна България. София, 2005.
279. *Николова Б.* Устройство и управление на Българската православна църква (IX–XIV век). София, 1997.
280. *Николова Я.* Църквата «Св. Димитър» и въстанието от 1185 г. // *Културата на средновековния Търнов.* София, 1985. С. 9–16.
281. *Николова Я., Робов М.* Храмът на първите Асеновци. Църквата «Св. Димитър» във Велико Търново. Велико Търново, 2005.
282. *Овчаров Н.* Още за култа към св. Димитър през Второто българско царство // *Векове.* 1987. № 1. С. 16–18.

283. *Павлов Пл. Димитър // Андреев Й., Лазаров И., Павлов П.* Кой кой е в средновековна България. Исторически справочник. София, 1994. С. 88–89.
284. *Он же.* Древнеруските бродници в българската история (XII–XIII в.) // Българо-украински връзки през вековете София, 1983. С. 119–137.
285. *Он же.* За ролята на куманите в българската военна история (1186–1241) // ВИС. 1990. Год. 59. № 6. С. 14–23.
286. *Он же.* За руското присъствие на Долни Дунав и българо-руските връзки през XI–XII в. // Добруджа. Сб. 3. 1986. С. 11–20.
287. *Он же.* Методите на психологическа война във въстанието на Петър и Асен // БИБ. 2000. № 2. С. 2–8.
288. *Он же.* Средновековна България и куманите. Военнополитически отношения (1186–1241 г.) // ТВУ ИФ. Т. 27. Кн. 3. 1989. Велико Търново, 1992. С. 9–61.
289. *Палаузов С.* Уния в царуването на Йоана I Асеня // *Он же.* Избрани трудове. Т. 1. София, 1974. С. 207–215.
290. *Панайотов В.* За «Народното» житие на св. Иван Рилски // Преславска книжовна школа. Т. 4. Шумен, 1999. С. 75–99.
291. *Паскалева К.* Какво е открил Исаак II Ангел в Търново (една хипотеза) // *Studia Balcanica.* Т. 25. Византия — Балканите — Европа. София, 2006. С. 634–647.
292. *Петкова И.* Българите и архиепископ Теофилакт Охридски // Средновековният българин и «другите». Сборник в чест на 60-годишнината на проф. д.и.н Петър Ангелов. София, 2013. С. 167–173.
293. *Она же.* Някои моменти от развитието на взаимоотношенията на Византия и българските земи през XI–XII век // Средновековните Балкани: политика, религия, култура. София, 1999. С. 89–94.
294. *Петров П.* Българските историци за социално-икономическите отношения и класовите борби през Средновековието // Проблеми на

- българската историография след втората световна война. София, 1973. С. 175–191.
295. *Он же*. Възстановяване на българската държава: 1185–1197. София, 1985.
296. *Пириватрић С.* Самуилова държава. Обим и характер (= Посебна издања Византолошког института САНУ. № 21). Београд 1997.
297. *Писарев А.* Оловна ампула от хълма «Царевец» във Велико Търново // Археология. 1976. Кн. 1. С. 46–50.
298. *Попов П.* За техниката на стенописите в черквата «Св. Димитър» в село Паталеница // Древнерусское искусство. Балканы. Русь. СПб., 1995. С. 163–181.
299. *Прашков Л.* Новоразкрити стенописи от църквата «Св. Никола» в Мелник (Предварително съобщение) // Търновска книжовна школа. Т. 6. Българската литература и изкуство от Търновския период в историята на православния свят. Велико Търново, 1999. С. 681–693.
300. *Примов Б.* Утвърждаване и териториално разширение на Втората българска държава в края на XII и началото на XIII в. // История на България в 14 т. Т. 3. Втора българска държава. София, 1982. С. 125–162.
301. *Радић Р.* Обласни господари у Византији крајем XII и у првим деценијама XIII века // ЗРВИ. Београд, 1986. Т. 24–25. С. 159–283.
302. *Радойнова Д.* Феномените на Странджа. София, 1999.
303. *Раковски Г.С.* Неколко речи о Асеню първому, великому царю българскому и сыну му Асеню второму. Белград, 1860.
304. *Силянов Хр.* Спомени от Странджа. Бележки по Преображенското въстание в Одринско — 1903 г. София, 1934.
305. *Снегаров И.* История на Охридската архиепископия (от основаването ѝ до завладяването на Балканския полуостров от турците. Т. 1. София, 1924.

306. *Станев К.* Миграцията от Тракия към Северна България в края на XII — началото на XIII век и нейните последици // Средновековният българин и «другите». София, 2013. С. 208–226.
307. *Степанов Цв.* Apocalyptica Bulgariae Medii Aevi (един йеротопен фрагмент) // Българско Средновековие: общество, власт, история. Сборник в чест на проф. д-р М. Каймакамова. София, 2013. С. 272–283.
308. *Събев Т.* Самостояйна народностна църква в средновековна България. София, 1987.
309. *Тахиаос А.-Е.Н.* Солун и свет словена (= *Ταχιάος Α.Α.Ν. Η Θεσσαλονίκη και ο κόσμος των Σλάβων*. Θεσσαλονίκη, 2013). Ниш, 2014.
310. *Тивчев П.* Българските земи в системата на византийския феодализъм // История на България в 14 т. Т. 3. Втора българска държава. София, 1982. С. 34–54.
311. *Он же.* За участието на българи във византийската войска през периода на византийското иго (1018–1185) // ИПр. 1963. № 1. С. 79–93.
312. *Он же.* Нашествия, етнически промени, въстания // История на България в 14 т. Т. 3. Втора българска държава. София, 1982. С. 63–75.
313. *Топтанов Д.* Оловна ампула от крепостта «Красен» край Панагюрище // Приноси към българската археология. София, 1992. С. 240–242.
314. *Тотев К.* Византийски модели и традиции в приложното изкуство на Второто Българско царство // Търновска книжовна школа. Т. 6. Българската литература и изкуство от Търновския период в историята на православния свят. Велико Търново, 1999. С. 601–619.
315. *Он же.* Солунски евлогии от България // Археология. 2006. Год. 47. Кн. 1–4. С. 210–219.
316. *Трајановски А.* История на Македонија. Скопје, 2008.
317. *Трпкоски-Трпку В.Ј.* Власите на Балканот. Скопје, 1986.
318. *Тъпкова-Заимова В.* Изображенията на св. Димитър Солунски и писмената димитриевска традиция // ГСУ НЦСВП. 2006. Т. 94 (13). С. 149–159.

319. *Она же.* Култът на свети Димитър Солунски и някои въпроси, свързани с византийското културно влияние в балканските и славянските страни // Проблеми на балканската история и култура. София, 1979. С. 6–17.
320. *Она же.* Между Охрид и Търново (Оформяне на църковната и културна политика в Търновска България) // Търновска книжовна школа. Т. 6. Българската литература и изкуство от Търновския период в историята на православния свят. Велико Търново, 1999. С. 337–346.
321. *Она же.* Свещени и несвещени царства и градове в пророчествата и в есхатологичната литература // ГСУ НЦСВП. 1987. Т. 1. С. 243–250.
322. *Она же.* Търново между Ерусалим, Рим и Цариград (Идеята за престолен град) // Търновска книжовна школа. Т. 4. Културно развитие на Българската държава (краят на XII — XIV в.) София, 1985. С. 249–262.
323. *Тъпкова-Заимова В., Милтенова А.* Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България. София, 1996.
324. *Тъпкова-Заимова В., Паскалева К.* Между Солун и Търново. Още за култа и иконографията на свети Димитър // ГСУ НЦСВП. Т. 95 (14). София, 2010. С. 249–263.
325. *Фекелджиев И.* Народни легенди за Иван Рилски. София, 1979.
326. *Фол В., Нейкова Р.* Огън и музика. София, 2000.
327. *Христов Хр.* Паисий Хилендарски. София, 1972.
328. *Цанкова-Петкова Г.* България при Асеневци. София, 1978.
329. *Цухлев Д.* История на Българската църква. Т. 1. София, 1911.
330. *Чанева-Дечевска Н.* Църковната архитектура в България през XI–XIV в. София, 1988.
331. *Чешмеджиев Д.* Българската държавна традиция в апокрифите: цар Петър в Българския апокрифен летопис от XI–XII в. // Българско Средновековие: общество, власт, история. Сборник в чест на проф. д-р М. Каймакамова. София, 2013. С. 262–271.

332. *Он же*. Няколко бележки за култа към цар Петър I (927–965) // Християнската традиция и царската институция в българската култура. Шумен, 2003. С. 23–37.
333. *Шаранков Е*. Огнеходство. Историко-географски, битово-мирогледен и психо-физиологичен поглед върху нестинарство и не-нестинарство. София, 2001.
334. *Шрайнер П*. Многообразие и съперничество. София, 2004.
335. *Янков В*. Още веднъж за похода на император Исак II Ангел и разгромът на византийските войски в 1190 г. // Проблеми и предизвикателства на археологическите и културно-историческите проучвания. Т. 1. Пловдив, 2008. С. 270–278.
336. *Marinow K*. Działania floty cesarzy bizantyńskich oraz okrętów ich sprzymierzeńców w wojnach z Bułgarią (XII–XIV w.) // PNH. 2007. R. VI. № 1–2. S. 119–141.
337. *Idem*. Inny Konstantynopol. Tyrnowo jako stołeczny ośrodek późnośredniowiecznej Bułgarii // AUL. Folia Historica. 2011. T. 87. S. 343–371.
338. *Angold M*. Belle Époque or Crisis? (1025–1118) // The Cambridge History of the Byzantine Empire. Cambridge, 2008. P. 583–626.
339. *Idem*. The Byzantine Empire (1025–1204). A Political History. New York, 1984.
340. *Bakirtzis Ch*. Pilgrimage to Thessalonike: The Tomb of St. Demetrios // DOP. 2002. Vol. 56. P. 175–192.
341. *Bauer F.A*. Eine Stadt Thessaloniki und ihr Patron Heilige Demetrios. Berlin, 2013.
342. BHG. T. 1. Bruxelles, 1957.
343. *Božilov I*. L'administration Byzantine en Bulgarie (1018–1186): le cas de Paristrion-Paradounavon (Paradounavis) // Byzantio kai Bulgarioi (1018–1185). Athena, 2008. P. 91–97.

344. *Idem.* Les Bulgares dans l'Empire Byzantin // ГСУ ИФ. Т. 69. София, 1980. P. 145–192.
345. *Brand Ch.M.* Byzantium Confronts the West, 1180–1204. Cambridge (Mass.), 1968.
346. *Brand Ch.M., Kazhdan A.P.* Asen I // ODB. Vol. 1. P. 204.
347. *Brand Ch.M., Kazhdan A.P.* Kalojan // Ibidem. Vol. 2. P. 1095–1096.
348. *Brand Ch.M., Kazhdan A.P.* Peter of Bulgaria // Ibidem. Vol. 3. P. 1639–1640.
349. *Browning R.* Bulgaria // Ibidem. Vol. 1. P. 332–334.
350. *Idem.* Unpublished Correspondence between Michael Italicus, Archbishop of Philippopolis, and Theodore Prodromos // BBg. 1962. № 1. P. 279–297.
351. La Bulgarie médiévale. Art et civilization. Paris, 1980.
352. *Charanis P.* Observations on the Demography of the Byzantine Empire // XIIIth International Congress of Byzantine Studies. Main Papers. London, 1966 (= Studies on the Demography of the Byzantine Empire. Variorum Reprints. London, 1972). P. 1–19.
353. *Cormack R.* Writing in Gold. Byzantine Society and Its Icons. London, 1985.
354. *Cutler A., Bartusis M.C.* Confraternity // ODB. Vol. 1. P. 494.
355. *Cutler A., Talbot A.-M.* Pantokrator Monastery in Constantinople // Ibidem. Vol. 3. P. 1575.
356. *Dall'Aglio F.* Innocenzo III e i Balcani: fede e politica nei Regesta pontifici. Napoli, 2003.
357. *Idem.* The Interaction between Nomadic and Sedentary Peoples on the Lower Danube: the Cumans and the «Second Bulgarian Empire» // The Steppe Lands and the World beyond Them. Studies in Honor of Victor Spinei on His 70th Birthday / Ed. by Florin Curta and Bogdan-Petru Maleon. Iași, 2013. P. 299–312.

358. *Idem*. The Military Alliance between the Cumans and Bulgaria from the Establishment of the Second Bulgarian Kingdom to the Mongol Invasion // АЕМА. 2008/2009. №16. P. 29–54.
359. *Idem*. Qualche considerazione sulla fondazione del «Secondo regno Bulgaro» // RS. 2011. № 9 (55). P. 55–64.
360. *Idem*. Shifting Capitals and Shifting Identities: Pliska, Preslav, Tărnovo and the Self-Perception of a Medieval Nation // BM. 2011. № 2. P. 587–601.
361. *Daskalov R.* Feud over the Middle Ages: Bulgarian-Romanian Historiographical Debates // Entangled Histories of the Balkans. Vol. 3. Leiden, 2015. P. 274–354.
362. *Delikari A.* Die Situation in Nord-West Makedonien Während der Regierung des Basileios II., die Sogennante Kirche des Zaren Samuel und die Gründung des Erzbistums von Ochrid // Европейският Югоизток през втората половина на X — началото на XI век. История и култура. София, 2015. С. 236–243.
363. *Dennis G.T.* The Late Byzantine Metropolitans of Thessalonike // DOP. 2004. Vol. 57. P. 255–264.
364. *Du Cange Ch.D.* Historia Byzantina duplici commentario illustrate. Lutetia Parisiorum, 1680.
365. *Eliade M.* Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy (trans. from French by Willard R. Trask). London, 1989.
366. *Erdeljan E.* New Jerusalems in the Balkans. Translation of Sacred Space in the Local Context // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств. М., 2009. P. 458–471.
367. *Fine J.V.A.* The Early Medieval Balkans. A Critical Survey from the Sixth to the Late Twelfth Century. Ann Arbor, 1983.
368. *Idem*. The Late Medieval Balkans. A Critical Survey from the Late Twelfth Century to the Ottoman Conquest. Ann Arbor, 1987.
369. The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era. A.D. 843–1261. New York, 1997.

370. *Gregory T.E.* A History of Byzantium. Oxford, 2005.
371. *Grotowski P.* Arms and Armour of the Warrior Saints. Tradition and Innovation in Byzantine Iconography (843–1261) (= The Medieval Mediterranean. Peoples, Economies and Cultures, 400–1500. Vol. 87). Leiden, 2010.
372. *Guilland R.* Byzance et les Balkans, sous le Regne d'Isaac II Ange (1185–1195) // Actes du XII Congrès International d'Études byzantines. T. 2. Beograd, 1964. P. 125–137.
373. *Guran P.* The Constantinople — New Jerusalem at the Crossing of Sacred Space and Political Theology // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств. М., 2009. С. 35–55.
374. *Hertzberg G.F.* Geschichte der Byzantiner und des Osmanischen Reiches bis gegen Ende des sechszehnten Jahrhunderts. Berlin, 1883.
375. *Höfler K.R., von.* Abhandlungen aus dem Gebiete der slavischen Geschichte. Bd. 1. Die Walachen als Begründer des zweiten bulgarischen Reiches der Asaniden, 1186–1257. Wien, 1879.
376. *Howe J.M.* Phantinos the Younger // ODB. Vol. 2. P. 1646.
377. *Iorga N.* Byzance après Byzance. Bucarest, 1935.
378. *Idem.* Histoire des roumains et de la romanité orientale. Vol. 3. Paris, 1937.
379. *Janin R.* La géographie ecclésiastique de l'Empire Byzantin. T. 3. Les églises et les monastères. Paris, 1969.
380. *Kalavrezou I.* Helping Hands for the Empire: Imperial Ceremonies and the Cult of Relics at the Byzantine Court // Byzantine Court Culture from 829 to 1204. Washington, 1997. P. 53–78.
381. *Kazhdan A.* Aaronios // ODB. Vol. 1. P. 1–2.
382. *Idem.* Angelos // Ibidem. P. 97–98.
383. *Idem.* Demetrios, Personal Name // Ibidem. P. 604.
384. *Idem.* Skoutariotes, Theodore // Ibidem. Vol. 3. P. 1912–1913.
385. *Kazhdan A., Patterson Ševčenko N.* Demetrios of Thessalonike // Ibidem. Vol. 1. P. 605–606.

386. *Kazhdan A.P., Taft R.F.* Relics // *Ibidem*. Vol. 3. P. 1779–1780.
387. *Lemerle P.* Cinq études sur le XI siècle Byzantin. Paris, 1977.
388. *Macrides R.J.* Subversion and Loyalty in the Cult of Saint Demetrios // *BSI*. 1990. № 51 (2). P. 189–197.
389. *Magdalino P.* The Byzantine Holy Man in the Twelfth Century // *The Byzantine Saint*. New York, 2001. P. 51–66.
390. *Idem.* The Empire of Comnenoi (1118–1204) // *The Cambridge History of the Byzantine Empire*. Cambridge, 2008. P. 627–663.
391. *Idem.* Saint Demetrios and Leo VI // *BSI*. 1990. № 51 (2). P. 198–201.
392. *Majeska G.P.* Russian Travelers to Constantinople in the XIVth and XVth Centuries (= *Dumbarton Oaks Studies*. Vol. 19). Washington, 1984.
393. *Maksimović L., Krsmanović B.* The Byzantine Administration in the Northern Balkans and Tsar Samuil // *Европейският Югоизток през втората половина на X — началото на XI век. История и култура*. София, 2015. P. 191–197.
394. *Malingoudis Ph.* Die Nachrichten des Niketas Choniates über die Entstehung des Zweiten Bulgarischen Staates // *Byzantina*. T. 10. Thessaloniki, 1980. S. 49–148.
395. *Mavrommatis L.* La formation du Deuxieme Royaume Bulgare vue par les intellectuels byzantins // *ÉB*. 1985. № 4. P. 30–38.
396. *Moore J.C.* Pope Innocent III (1160/61–1216) (= *The Medieval Mediterranean. Peoples, Economies and Cultures, 400–1500*. Vol. 47). Leiden; Boston, 2003.
397. *Morrison C.* The Emperor, the Saint, and the City: Coinage and Money in Thessalonike from the Thirteenth to the Fifteenth Century // *DOP*. 2003. Vol. 57. P. 173–203.
398. *Nasturel P.* Banescu (Nicolas). Un problème d'histoire médiévale. Création et caractère du second empire bulgare (1185). Institut romain d'études byzantines. Nouvelle série: 2. Bucarest, 1943. Petit in-8 de 93 p. // *REB*. 1946. Vol. 4. № 4. P. 280–281.

399. *Nesbitt J., Wiita J.* A Confraternity of the Comnenian Era // BZ. 1975. Bd. 68. Heft 2. P. 360–384.
400. *Nichoritis K.* Unknown Stichera to St. Demetrius by St. Methodius // The Legacy of Saints Cyril and Methodius to Kiev and Moscow. Thessaloniki, 1992. P. 79–85.
401. *Obolensky D.* The Cult of St. Demetrius of Thessaloniki in the History of Byzantine-Slav Relations // BSt. 1974. Vol. 15. № 1. P. 3–20.
402. *Ostrogorsky G.* History of the Byzantine State. New Brunswick (New Jersey), 1957.
403. *Ovcharov N.* The Warrior Saints in Old Bulgarian Art. Legends and Reality. Sofia, 2003.
404. *Page G.* Being Byzantine. Greek Identity before the Ottomans. Cambridge, 2008.
405. *Pallas D.I.* Le ciborium hexagonal de St.-Démétrios de Thessalonique // Зограф. 1979. Т. 10. P. 44–58.
406. *Papagiannopoulos A.* History of Thessaloniki. Thessaloniki, 1982.
407. *Petrovski B.* Central-Southern Europe under the Restored Byzantine Administration after the Fall of Samuel State // Европейският Югоизток през втората половина на X — началото на XI век. История и култура. София, 2015. С. 266–275.
408. *Polyviannyi D.I.* The Cults of Saints in the Political Ideology of the Bulgarian Empire // Fonctions Sociales et Politiques du Culte des Saints dans les Sociétés de rite Grec et Latin au Moyen Âge et à l'époque Moderne. Approche comparative. Wrocław, 1999. P. 401–416.
409. *Prinzing G.* The Autocephalous Byzantine Ecclesiastical Province of Bulgaria/Ohrid. How Independent Were Its Archbishops? // ВМ. 2012. Vol. 3. P. 355–383.
410. *Idem.* Demetrios-Kirche und Aseniden-Aufstand. Zur chronologischen Präzisierung der Frühphase des Aseniden-Aufstandes // ЗРВИ. Београд, 1999–2000. Т. 38. S. 257–265.

411. *Idem.* Das Papsttum und der orthodox geprägte Südosten Europas 1180–1216 // Das Papsttum in der Welt des 12. Jahrhunderts / Herausgegeben von E.-D. Hehl, I. Heike Ringel und H. Seibert (= Mittelalter-Forschungen / Herausgegeben von B. Schneidmüller und St. Weinfurter. Bd. 6). Stuttgart, 2002. S. 137–184.
412. *Ritter M.* Die Vlacho-Bulgarische Rebellion und die Versuche ihrer Niederschlagung durch Kaiser Isaakios II. (1185–1195) // BSl. 2013. № 71 (1–2). S. 162–210.
413. *Russell E.* St. Demetrius of Thessalonica. Cult and Devotion in the Middle Ages. Oxford, 2010.
414. *Sear D.R.* Byzantine Coins and Their Values. London, 1987.
415. *Simpson A.* Before and after 1204: The Versions of Niketas Choniates's Historia // DOP. 2007. Vol. 60. P. 189–221.
416. *Eadem.* Niketas Choniates. A Historiographical Study. Oxford, 2013.
417. *Simpson A., Efthymiadis S., Magdalino P., Kaldellis A. et al.* Niketas Choniates: a Historian and a Writer. Sofia, 2010.
418. *Scholz C.* Probleme bei der Erforschung der Integration Bulgariens in das Byzantinische Reich, 1018–1186 // Zwischen Polis, Provinz und Peripherie. Wiesbaden, 2005. P. 337–347.
419. *Stephenson P.* Byzantium's Balkan Frontier. A Political Study on the Northern Balkans (900–1204). Cambridge, 2004.
420. *Idem.* The Legend of Basil the Bulgar-Slayer. Cambridge, 2003.
421. *Tăpkova-Zaimova V.* L'archevêché autocéphale d'Ochrid: ses relations avec le patriarcat de Constantinople et les autres Églises dans les Balkans // BF. № 29. Amsterdam, 2007. P. 419–436.
422. *Eadem.* Le culte de Saint Démétrius à Byzance et aux Balkans (Problèmes d'histoire et de culture) // Das Christentum in Bulgarien und auf der übrigen Balkan halbinsel in der spätantike und im früher Mittelalter (= Miscellanea Bulgarica. 5). Wien, 1987. P. 139–146.

423. *Eadem.* Les enkomia en l'honneur de Saint Démétrius dans la littérature byzantine et slave // Културни и литературни отношения между българи и гърци от средата на XV до средата на XIX век. София, 1984. P. 71–77.
424. *Eadem.* Gens et choses de Salonique dans les actes dèmètriens // ΤΟ ΕΛΛΗΝΙΚΟΝ. Studies in Honor of Speros Vryonis, Jr. Vol. 1. Hellenic Antiquity and Byzantium. New York, 1993. P. 385–396.
425. *Eadem.* La population du Bas-Danube et le pouvoir byzantine (XIe — XIIe s.) // XV congrès des études byzantines. Athènes, 1976. Actes IV (Histoire). Communications. Athènes, 1980. P. 331–339.
426. *Eadem.* Quelques représentations iconographiques de St. Démétrius et l'insurrection des Assénides — première scission dans son culte «œcuménique» // BBg. 1978. T. 5. P. 261–267.
427. *Eadem.* Réstauration de la Bulgarie par les Assénides (Problèmes du pouvoir) // ЁВ. 1985. № 3. P. 27–36.
428. *Totev K.* Thessalonican Eulogia Found in Bulgaria (Lead Ampules, Enkolpia and Icons from the 12th–15th centuries). Велико Търново, 2011.
429. *Tóth P.* Sirmian Martyrs in Exile. Pannonian Case-Studies and a Re-Evaluation of the St. Demetrius Problem // BZ. 2010. Bd. 103/1. S. 145–170.
430. Treasures of Mount Athos. Thessaloniki, 1997.
431. *Vásáry I.* Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans (1185–1365). Cambridge, 2005.
432. *Vasiliev A.A.* History of the Byzantine Empire. Vol. 2. Madison, 1929.
433. *Idem.* History of the Byzantine Empire, 324–1453. Madison, 1952.
434. *Vlachos T.* Aufstände und Verschwörungen während der Kaiserzeit Isaakios' II Angelos (1185–1195) // Byzantina. T. 6. Thessaloniki, 1974. S. 157–167.
435. *Walter Chr.* The Warrior Saints in Byzantine Art and Tradition. Ashgate; Ann Arbor, 2003.
436. *Walter J.* St. Demetrius: The Myroblitos of Thessalonika // ECR. 1973. Vol. 5. № 2. P. 157–178.

437. *Weyl Karr A.* Icons and the Object of Pilgrimage in Middle Byzantine Constantinople // DOP. 2002. Vol. 56. P. 75–92.
438. *White M.* Military Saints in Byzantium and Rus (900–1200). Cambridge, 2004.
439. *Winnifrith T.J.* The Vlachs: the History of a Balkan People. New York, 1987.
440. *Wolff R.L.* The Second Bulgarian Empire // Speculum. 1949. Vol. 24. P. 35–206.
441. *Woods D.* Thessalonica's Patron: Saint Demetrius or Emeterius? // HTR. 2000. № 93. P. 221—234 [доступно 25.05.2016: <http://www.ucc.ie/milmart/demorig.html>].
442. *Xénopol A.D.* Une énigme historique; les Roumains au Moyen-Âge, par A. D. Xénopol. Paris, 1885.
443. *Μέντζος Α.* Τό προσκύνημα τοῦ Ἁγίου Δημητρίου Θεσσαλονίκης στά βυζαντινά χρόνια. Ἀθήναι, 1994.

Сокращения

- АДСВ. — Античная древность и Средние века. Екатеринбург.
- ВВ. — Византийский временник. Санкт-Петербург, Москва.
- ВИ. — Вопросы истории. Москва.
- ВолГУ. — Волгоградский государственный университет.
- ВУИ. — Варшавские университетские известия. Варшава.
- ЖМНП. — Журнал министерства народного просвещения.
Санкт-Петербург.
- ИРАИК. — Известия Русского археологического института в
Константинополе. Одесса; София.
- М. — Москва.
- ПЭ. — Православная энциклопедия. Москва.
- РА. — Российская археология. Москва.
- РГАСПИ. — Российский государственный архив социально-политической

- истории. Москва.
- Сл. — Славяноведение. Москва.
- СПб. — Санкт-Петербург.
- ХИУ. — Харьковский императорский университет.
- БЕ. — Българска етнология. София.
- БИБ. — Българска историческа библиотека. София.
- ВИС. — Военно-исторически сборник. София.
- ВТУ. — Великотърновски университет.
- ГИБИ. — Гръцки извори за българската история. София.
- ГСУ ИФ. — Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски». Исторически факултет. София.
- ГСУ ФСФ. — Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски». Факултет по славянски филологии. София.
- ГСУ НЦСВП. — Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски». Център за славяно-византийски проучвания «Иван Дуйчев». София.
- ЗРВИ. — Сборник радова Византолошког института. Београд.
- ИБИД. — Известия на Българското историческо дружество в София. София.
- ИИ. — Интердисциплинарни изследвания. София.
- ИИБИ. — Известия на Института за българска история. София.
- ИПр. — Исторически преглед. София.
- ИРИМ — ВТ. — Известия на Регионален исторически музей — Велико Търново. Велико Търново.
- ЛИБИ. — Латински извори за българската история. София.
- МПр. — Македонски преглед. София.
- НИПК. — Националният институт за паметниците на културата. София.
- САНУ. — Српска академија наука и уметности. Београд.
- СпБАН. — Списание на Българската академия на науките. София.
- СУ. — Софийски университет «Св. Климент Охридски».

- ТВУ ИФ. — Трудове на Великотърновския университет «Св. св. Кирил и Методий». Исторически факултет. Велико Търново.
- АЕМА. — Archivum Eurasiae Medii Aevi. Wiesbaden.
- AUL. — Acta Universitatis Lodziensis. Łódź.
- BBg. — Byzantinobulgarica. Sofia.
- BF. — Byzantinische Forschungen. Amsterdam.
- BHG. — Bibliotheca hagiographica graeca. 3-ème edition / Ed. F. Halkin. Bruxelles.
- BM. — Bulgaria medievalis. Sofia.
- BSl. — Byzantinoslavica. Praha.
- BSt. — Byzantine Studies. Oxford.
- BZ. — Byzantinische Zeitschrift. München.
- DOP. — Dumbarton Oaks Papers. Washington (DC).
- ÉB. — Études balkaniques. Sofia.
- ECR. — Eastern Churches Review. Oxford.
- HTR. — Harvard Theological Review. Cambridge.
- MÉFR. — Mélanges de l'École française de Rome. Roma.
- ODB. — Oxford Dictionary of Byzantium. Prepared at Dumbarton Oaks / Ed. by A.P. Kazhdan et al. New York; Oxford, 1991.
- PBg. — Palaeobulgarica/Старобългаристика. Sofia.
- PG. — Patrologiae cursus completus. Series graeca / Ed. J.-P. Migne. Paris.
- PL. — Patrologiae cursus completus. Series latina / Ed. J.-P. Migne. Paris.
- PNH. — Przegląd nauk historycznych. Łódź.
- REB. — Revue des Études Byzantines. Paris.
- RS. — Ricerche slavistiche. Roma.
- SAUS. — Studia Archaeologica Universitatis Serdicensis. Sofia.
- WSJ. — Wiener Slavistisches Jahrbuch. Wien.

Приложения

Приложение 1

Θεόδωρος Βαλσαμῶν.
*Εἰς ἅγιον Δημήτριον εὐρεθέντα
 παρὰ τοῦ βασιλέως εἰς τὴν οἰκίαν
 τοῦ ἀποστάτου Σθλαβοπέτρου*

Μαρτυρικὰ στέμματα καὶ νίκης γέρα
 καὶ δοξοποιούς τῶν ἀθλητῶν μανδύας
 ἢ τὰ Χερουβίμ καὶ Σεραφίμ ὑφάνοι
 ἢ παντοποιὸς ἀποχαλκεύσοι λόγος.
 οὗτος γὰρ ἀκίβδηλον ἐστὶ χρυσίον,
 ἄργυρος ἀγνὸς κατὰ τὴν ψαλμωδίαν
 ἀνθρωπίνη δὲ πλουτοφανῆς παλάμη
 ἀδυνατεῖ σκάμματα μετρεῖν μαρτύρων
 καὶ χρυσοδιφᾶν ἀνταμοιβᾶς ἀξίας.
 ὄθεν σε, Δημήτριε, μαρτύρων κλέος,
 Θετταλικὴ πάγχρυσε φωτολυχνία
 καὶ κοσμικὴ πάμπλουτε θαυματουργία,
 οὐρανοβασίλειον ἀυχοῦντα κράτος,
 ἀδυνατῶ στέμμασι μαρτύρων στέφειν
 φθαρτῆς γὰρ εἰμὶ καὶ γεηρᾶς οὐσίας,
 κᾶν Ἀγγελικὸν σεμνύνη με σαρκίον
 καὶ σύντροφος τρέφει με τοῦ γένους κνίδη,
 κᾶν βασιλικὴν ἐνδέδουμαι πορφύραν.
 κάντεῦθεν εἰς πλοῦν δεύτερον τὸ τοῦ λόγου
 τὴν εὐχαριστήριον ὀλκάδα τρέπων,
 φωτὶ σε μικρῶ τὸν γίγαντα λαμπρύνω

εὐρώνσε καὶ γὰρ ἐν σκότει κεκρυμμένον
 ἀποστατικῆς λιθοκαρδίου τύχης,
 ὡς ἐξ ἀκανθῶν εὐθαλέστατον ρόδον,
 ὡς ἐκ λίθου λάμποντα λυχνίτην λίθον,
 ὡς ἐκ πέτρας πότιμον ἀνθρώποις ὕδωρ,
 ζητῶ σε καὶ ποθῶ σε, τὸν μαργαρίτην.
 οὔτω δὲ πλουτήσας σε προστάτην μέγαν
 ἐν ταῖς κατ' ἐχθρῶν συμπλοκοστρατηγίας,
 οὐκ ἰδιοῦμαι τὴν χάριν ὑπὸ φθόνου
 οὐδ' ἐν μεδίμνω συγκαλύπτω σε σκότους,
 ἀλλ' εἰς κεφαλὴν γωνίας τίθημί σε.
 πάση δὲ φυλῇ παραμετρῶν τὴν χάριν
 στηλογραφῶ σε, τὴν πόλιν τῶν θαυμάτων,
 εἰς τὰς νοητὰς τοῦ παραδείσου πύλας
 καὶ κοσμοποιῶ τὸν λύχνον τῆς ἐσπέρας
 εἰς οὐρανοκρότητον αὐτολυχνίαν.
 αὐτοκράτωρ γέγραφε πιστός σοι τάδε,
 ἄναξ Ἰσαάκιος Αὐσονοκράτωρ,
 ἐξ Ἀγγελικῆς ὀσφύος κατηγμένος¹¹⁹⁶.

Феодор Вальсамон.
Κ святому Димитрию,
найденному царем в покоях отступника Славонетра

Μученические венцы и победные почести
 и приносящие славу мантии борческие —
 или пусть соткут херувимы и серафимы,

¹¹⁹⁶ Греческий текст воспроизводится по изданию: *Дуйчев И.* Проучвания върху българското Средновековие. София, 1945. С. 48–49.

или всетворящее пусть выкует Слово.

Ибо Оно неподдельное есть золото,
чистое серебро, согласно псалмам¹¹⁹⁷.

Человеческая же, лишь кажущаяся богатой, длань
бессильна измерить поприща мучеников
и отыскать в злате достойные воздаяния.

Потому тебя, о Димитрий, слава мучеников,
Фессалийское всезлатое светило
и вселенское богатейшее чудотворение,
утверждающего силу Небесного Царствия,
бессилен я увенчать венцами мучеников.

Ибо тленен я, и сущность моя земная,
пусть даже ангельская возвеличивает меня плоть,
и питает меня крапива, спутница рода человеческого,
пусть даже облачен я в царскую порфиру.

И потому, на иной путь, согласно поговорке,
благодарственный корабль обращая¹¹⁹⁸,
светом скудным тебя, великана, освещаю.

Ибо найдя тебя скрытым во тьме
мятежнической судьбы бессердечной,
как цветущую между шипов розу¹¹⁹⁹,
как ярчайший между камнями лихрид-камень,
как живительный для людей меж скал источник,
ищу я тебя и жажду тебя, жемчужину.

Так обогатившись тобой как великим защитником
в схватках с врагами,
не присваиваю я радость, проявляя жадность,

¹¹⁹⁷ Пс. 11, 7.

¹¹⁹⁸ Автор буквально воспроизводит античную поговорку, употребляемую, в частности, Аристотелем: «Обращая корабль ко второму плаванию».

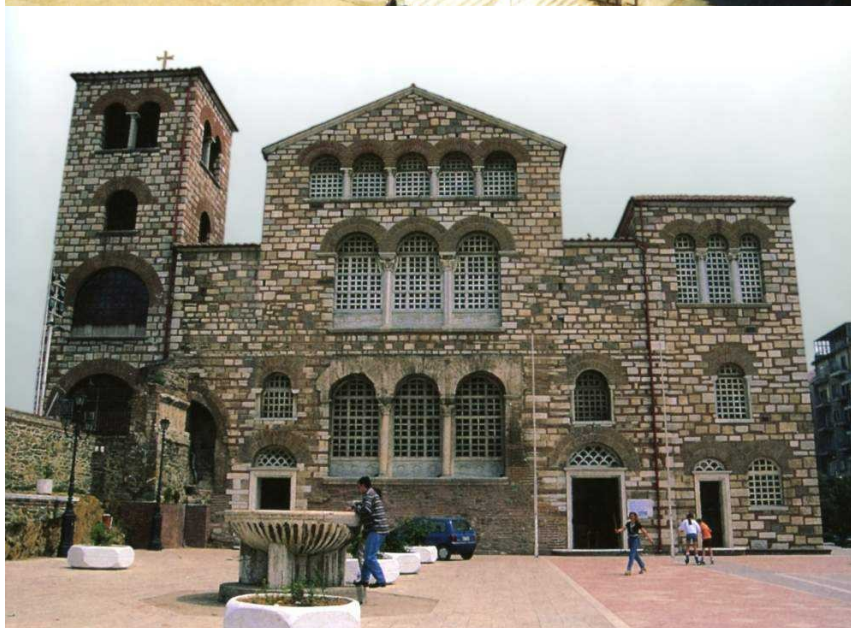
¹¹⁹⁹ Имеется в виду растение аканф, или «медвежья лапа», отличающееся колючими листьями.

и не скрываю тебя под спудом¹²⁰⁰ тьмы,
но ставлю тебя во главу угла¹²⁰¹,
делясь радостью со всяким племенем,
начертываю тебя на камне, крепость чудесная,
на умопостигаемых вратах рая
и претворяю свет вечерний
в небесах сотворенный, горящий собственным огнем, светильник.
Написал это верный тебе самодержец,
повелитель Исаак, правитель Авзонов,
от Ангелова чресла происходящий¹²⁰².

¹²⁰⁰ Мф. 5, 15.

¹²⁰¹ Мф, 21:42

¹²⁰² Перевод мой (А.Д.). Неоценимую помощь при работе над ним мне оказал Л.В. Луховицкий, которому я приношу самую искреннюю благодарность.

Иллюстрации

1–2. Храм св. Димитрия. V в. Салоники, Греция
([Бутырский М.Н.] Византийское искусство. Электронное издание (CD-ROM).
М.: DirectMEDIA, 2006)

3. Св. Димитрий. Мозаика. VII в. Храм св. Димитрия. Салоники, Греция
([Бутырский М.Н.] Византийское искусство. Электронное издание (CD-ROM).
М.: DirectMEDIA, 2006)

4. Св. Димитрий с префектом и неизвестным диаконом. Мозаика.
670-е — 680-е гг. Храм св. Димитрия. Салоники, Греция
([Бутырский М.Н.] Византийское искусство. Электронное издание (CD-ROM).
М.: DirectMEDIA, 2006)

5. Арбаวิลล์ский триптих. Слоновая кость. Середина XI в. Лувр, Париж
 ([Бутырский М.Н.] Византийское искусство. Электронное издание (CD-ROM).
 М.: DirectMEDIA, 2006)

6. Реликварий св. Димитрия. 1059–1067 гг. Московский Кремль
(Православная энциклопедия. Т. 15. М., 2007 [доступно 25.05.2016:
<http://www.pravenc.ru/text/178231.html>])

7. Свв. Георгий, Феодор и Димитрий. Конец XI — начало XII в.
Государственный Эрмитаж, С.-Петербург
(Сайт интернет-сообщества Государственного Эрмитажа [доступно 25.05.2016:
<http://hermitage-spb.livejournal.com/3668.html?thread=6484>]

8. Св. Димитрий. Мозаика Михайловского Златоверхого монастыря. Киев.
Ок. 1108 г. Государственная Третьяковская галерея, Москва
(«Христианство в искусстве: иконы, фрески, мозаики» [доступно 25.05.2016:
http://www.icon-art.info/masterpiece.php?lng=ru&mst_id=657]

**9. Свв. Георгий, Димитрий и Феодор Тирон.
Фреска. 1164 г. Монастырь св. Пантелеймона. Нерези, Македония
(фото М.Н. Бутырского)***

* Приношу благодарность М.Н. Бутырскому за предоставленную возможность воспользоваться этой фотографией.

10–12. Храм св. Димитрия. XI–XII вв. Паталеница, Болгария
(фото А.С. Добычиной)

13. Св. Димитрий (?). Фреска. Конец XII в. Храм св. Димитрия.
Паталеница, Болгария
(фото А. С. Добычиной)

14. Собор св. Димитрия. Ок. 1194 г. Владимир-на-Клязьме, Россия
(фото А.С. Добычиной)

15. Св. Димитрий. Икона на «доске гробной», перенесенной в 1197 г. из Фессалоники во Владимир-на-Клязьме (в 1700 г. полностью переписана иконописцем Кириллом Улановым). Успенский собор Московского Кремля
(Православная энциклопедия. Т. 15. М., 2007 [доступно 25.05.2016: <http://www.pravenc.ru/text/178253.html>])